

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»
КАФЕДРА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Научный сборник
Основан в 2008 году

ВЫПУСК 2

МИНСК
РИВШ
2009

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4
И87

Рекомендовано
Ученым советом Государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 3 от 17 ноября 2009 г.)

Редакционная коллегия:

- А.В. Мартынюк* – кандидат исторических наук, отв. редактор (Минск)
Г.Я. Голенченко – доктор исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
О.А. Яновский – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
Ю.Н. Бохан – доктор исторических наук (Минск)
М. Вайерс – доктор исторических наук (Бонн)
З. Вайтковяк – доктор исторических наук (Познань)
В.А. Воронин – кандидат исторических наук (Минск)
Л.В. Левшун – кандидат филологических наук (Минск)
П.О. Лойко – кандидат исторических наук (Минск)
А.А. Любая – кандидат исторических наук (Минск)
А.В. Любый – кандидат исторических наук (Минск)
И.А. Марзалюк – доктор исторических наук (Могилев)
Н.В. Николаев – доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
А. Рахуба – доктор исторических наук (Варшава)
В.А. Теплова – кандидат исторических наук (Минск)
В.А. Федосик – доктор исторических наук (Минск)
А.И. Филюшкин – доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
А.Л. Хорошкевич – доктор исторических наук (Москва)

Рецензенты:

- доктор исторических наук, профессор *В. С. Кошелев*;
доктор исторических наук, профессор *Н. С. Сташкевич*

Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории
И87 Восточной Европы : науч. сб. Вып. 2. – Минск : РИВШ, 2009. – 328 с.
ISBN 978-985-500-334-3.

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-985-500-334-3

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Мартынюк.</i> Предисловие.....	6
СТАТЬИ.....	9
<i>Осипян А. Л.</i> Описание Комании Гетума из Корикоса как источник по истории степей Восточной Европы.....	9
<i>Мартынюк А. В.</i> Герб Литвы: взгляд из Европы XIV века.....	23
<i>Дзярновіч А. І.</i> Аб ово: што з'явілася спачатку – вялікі князь літоўскі ці Вялікае княства Літоўскае?	30
<i>Темушев В. Н.</i> Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в.	44
<i>Цішчанка В. В.</i> Аспекты адміністрацыйна-маёмаснай і судовай практыкі вялікіх князёў у Вялікім княстве Літоўскім (канец XV – першая трэць XVI ст.)	123
<i>Ермак В. Ю.</i> Землевладение российских помещиков в Полоцком повете в 1563–1571 гг. по данным писцовых книг	136
<i>Варонін В. А.</i> Праваслаўныя цэрквы і манастыры горада Полацка (да 1582 г.)	152
<i>Якубай В. У.</i> Міжканфесіянальныя канфлікты ў Полацкім ваяводстве (1550–1618 гг.)	175
<i>Цімашэнка Л. У.</i> Князь Васіль-Канстанцін Астрожскі і брацкі рух у Кіеўскай мітраполіі (апошняя трэць XVI – пачатак XVII ст.)	186
<i>Сліж Н. У.</i> Кананічнае права па рэгуляванню сямейна-шлюбных дачынненняў пратэстантаў ВКЛ (XVI–XVII стст.)	201

<i>Любая А.А.</i> Антычнасць у сістэме гістарычных і ідэалагічных уяўленняў Вялікага княства Літоўскага (сярэдзіна XV – першая палова XVI ст.)	212
<i>Бортнік І.А.</i> Сацыяльна-палітычныя ідэі ў ананімным творы «Размова Паляка з Літвінам»	224
<i>Глінскі Я.С.</i> Канструяванне вобразу мінулага ў творах Мацея Стрыйкоўскага.....	244
<i>Левшун Л.В.</i> «Житие преподобной Евфросинии Полоцкой» как исторический источник: факты, образы, интерпретации	252
СООБЩЕНИЯ	267
<i>Груша А.І.</i> Невядомы арыгінал граматы Васіля Нарымонтавіча канца XIV ст.	269
ИСТОЧНИКИ	273
<i>Баранкова Г.С.</i> «Повесть о беспечном царе и его мудром советнике» Кирилла Туровского в русской рукописной традиции	275
РЕЦЕНЗИИ	299
<i>Дзярновіч А.І.</i> Слабасць у моцы: Рэч Паспалітая і Расія перад абліччам новай эпохі (<i>Камінскі А. С.</i> Рэспубліка супраць Аўтакратыі: Рэч Паспалітая і Расія ў 1686–1697 гадах / пер. з англ. А. Мартынаў. – Мінск : Логвінаў, 2009. – 350 с.)	301
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	307
Культура і гісторыя Вялікага княства Літоўскага ў Акадэміі мастацтваў (<i>Любы А. У.</i>)	309

Другая міжнародная навуковая канферэнцыя «Вярхоўная ўлада, эліта і грамадства ў Расіі XIV – першай палове XIX стагоддзя. Расійская манархія ў кантэксце еўрапейскіх і азіяцкіх манархій і імперый» і праблематыка Вялікага княства Літоўскага (<i>Любы А.У.</i>)	311
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	313
РЕЗЮМЕ.....	315
SUMMARY	321
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	326

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй выпуск научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы*» продолжает традиции, заложенные в первом выпуске. Цель настоящего издания – объединить усилия ученых-историков Беларуси, России, Украины и других стран, чьи научные интересы лежат в сфере изучения восточноевропейского Средневековья. Для исследователей из вышеназванных стран данная проблематика обладает особой актуальностью, так как именно в этот период закладывались основы культурно-исторического своеобразия современных восточнославянских народов.

Современная ситуация в области исторических исследований на постсоветском пространстве характеризуется институциональными трансформациями, сложностью научных коммуникаций, изолированностью национальных исторических школ. Эта ситуация делает оправданным выпуск специализированного периодического издания, посвященного истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (до конца XVI века). В представленном вниманию читателей научном сборнике затрагивается самый широкий круг вопросов: роль восточноевропейского региона в системе международных отношений, тенденции политического и социально-экономического развития, этноконфессиональная и культурная проблематика, вопросы источниковедения и историографии. Чрезвычайно важным представляется расширение географических рамок исследования: мы надеемся, что связи восточнославянского мира с Западной Европой, Скандинавией, Византией, странами Востока найдут свое отражение на страницах следующих выпусков сборника.

Редакционная коллегия сборника «*Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы*» приглашает к сотрудничеству исследователей, работающих над изучением данной проблематики.

А. В. Мартынюк

СТАТЬИ

Осиян А. Л.

ОПИСАНИЕ КОМАНИИ ГЕТУМА ИЗ КОРИКОСА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Во второй половине XVIII века завершился процесс включения степей Восточной Европы в состав Российской империи. Постепенно начиналось исследование прошлого этого региона. Безусловно, большое внимание историки уделяли Золотой Орде, сыгравшей важную роль в истории народов региона, особенно в истории России. Возникло немало стереотипов, изображавших это огромное государственное образование преимущественно в черных красках. К сожалению, даже объективно настроенные историки, из-за нехватки источников, не всегда имели возможность более или менее полно реконструировать ход событий в XIII–XIV вв. Преимущественно использовались русские летописи и сочинения некоторых западно-европейских миссионеров и послов. Большим шагом вперед стала публикация В.Г. Тизенгаузеном арабских и персидских источников (1884, 1941). Постепенно публикуются документы из итальянских и ватиканских архивов, прежде всего материалы генуэзских и венецианских колоний в Северном Причерноморье и Приазовье, и католических миссий на землях Золотой Орды. Все же в целом история степей Восточной Европы в XIII–XIV вв. до сих пор остается регионом в незначительной степени обеспеченным источниками. Более того, многие из них, уже введенные в оборот на Западе, все еще недоступны восточноевропейским исследователям. Поэтому каждая новая публикация существенно обогащает наши знания о прошлом этого интересного региона.

Уже в 1240-х годах в орбиту огромной Монгольской империи попало небольшое Армянское Киликийское королевство, расположенное на восточном побережье Средиземного моря между владениями сельджуков в Малой Азии и Сирией, пребывавшей под властью султанов Египта. Последние в наибольшей степени угрожали существованию Киликии, поэтому ее правители поспешили в 1243 г. признать сюзеренитет великого хана Гуюка (официально: 1246–1248), затем его преемника Менгу (1251–1259), а с конца 1250-х годов ильхана Хулагу (1256–1265), и старались использовать

их военную мощь для борьбы с Египтом [9, с. 25; 10, с. 175]. Египетские султаны, в свою очередь, заключили союз с ханами Золотой Орды против ильханов (монгольских правителей Персии, Ирака и соседних земель), принуждая последних вести войну на два фронта. Поэтому для укрепления антиегипетской коалиции киликийские армяне способствовали подключению католической Европы к союзу с ильханами¹, которая после утраты Акры (1291 г.) – своего последнего оплота на Востоке (*Outremer*) – вынашивала планы нового крестового похода для освобождения Святой Земли [13].

Свой проект совместного крестового похода католиков (латинян/франков), ближневосточных христиан (армян, грузин, ливанских маронитов) и монголов Персии предложили киликийские армяне. Автором проекта был армянский аристократ Гетум из Корикоса (*Haytonus dominus de Corcus*). Гетум принадлежал к королевской династии. Так, король Гетум I (1226–1270) был его дядей, Левон II (1270–1289) – двоюродным братом, а Гетум II (1289–1307) – двоюродным племянником. Владения семьи Гетума располагались на западе Киликии. Его резиденцией был неприступный замок Корикос, расположенный на берегу Средиземного моря и на соседнем островке. Родился Гетум около 1245 г., а в 1305 г., очевидно, вследствие многочисленных интриг и заговоров, сотрясавших в то время киликийскую правящую династию, он вынужден был покинуть родину и перебраться на Кипр (правители которого приходились ему родственниками), где дал монашеский обет в префектурном монастыре Св. Марии. Сразу же после этого он отплыл в Европу и в конце 1306 г. прибыл к папе Клименту V (1305–1314) в Пуатье (Франция), где и пребывал, по крайней мере, до февраля 1308 г. Точная цель его поездки неизвестна. Вероятно, что одновременно с переговорами относительно возможного крестового похода, он выполнял и тайное поручение короля Кипра. В 1307 г. Гетум продиктовал свое сочинение «Цветник историй стран Востока» («*Fleurs des histories de la terre d'Orient*») на старофранцузском языке писарю Николя Фалько (*Nicolas Falcon*). Позже, в августе того же года, Фалько, по требованию папы, перевел «Цветник историй» на латинский язык («*Flos Historiarum Terre Orientis*»). В мае 1308 г. Гетум был

¹ Данная проблема подробно рассмотрена нами в публикации: Осипян, А. Л. Роль Киликийской Армении в латино-монгольских отношениях и проект совместного крестового похода (1247–1307 гг.) / А. Л. Осипян // Средние века. – 2007. – Вып. 68. – № 1. – С. 129–153; № 3. – С. 27–53.

уже на Кипре, а через шесть дней – в Армении. Дата его смерти неизвестна [11, с. XXII–XXIII; 9, с. 29].

Трактат Гетума подразделяется на четыре книги. В первой размещено описание Азии, которую он делит на 14 царств/королевств/областей (*roiaume*), во второй приведена краткая история Ближнего Востока (от Рождества Христова до первой половины XIII в.), в третьей изложена история монгольских завоеваний (от Чингис-хана до 1305 г.), наконец, в четвертой рассказывается о Египте, власти мамлюкских султанов, сильных и слабых сторонах их государства, здесь также изложен детально разработанный план крестового похода латинян, при поддержке восточных христиан и монголов, против Египта.

Пятую главу первой книги – «Королевство Комания» («*Duroiaume de Comaine*») – Гетум посвятил Золотой Орде [12, с. 124–125]. Эта страна занимала особое место в проекте армянского аристократа, поскольку была главным союзником враждебного Египта и могла помешать осуществлению крестового похода, напав на государство монгольских ильханов Персии с севера. Комания имела еще одно стратегическое значение. Уже с 1240-х годов египетские купцы прибывали в Крым и тут покупали (преимущественно у итальянцев) рабов – молодых куманов (половцев/кыпчаков), а также черкесов (зиков). В Египте их обращали в ислам и обучали военному делу. Из этих рабов – мамлюков – формировались элитные подразделения войска, составлявшие, в частности, и личную охрану султанов [12, с. 226–227]. В 1259 г. мамлюки захватили власть в Египте и правили страной до 1517 г. Свои ряды они пополняли покупкой мальчиков-рабов в Северном Причерноморье. Гетум отмечает, что правивший в то время султан Мелек Насер также является куманом по происхождению («*Celui soldan, <...> est només Melec Naser, e est Cumain de nacion*») [12, с. 222]. То есть, Комания была источником формирования наиболее боеспособных подразделений султанского войска, угрожавшего Киликии с юга. Таким образом, среди прочих 14 областей Азии Комании принадлежало одно из наиболее важных мест в проекте Гетума, поэтому, вероятно, и информацию об этой стране он собирал довольно тщательно.

Гетум описывает Команию по стандартной схеме, присущей всей первой книге его сочинения: природно-климатические условия; население и его образ жизни; с какими землями та или иная область граничит с четырех сторон света; специфические особенности, при-

сущие только этой стране. Гетум отмечает, что Комания является одной из обширнейших стран мира, однако слабо заселена из-за жары летом и сильных морозов зимой. Это равнина, лишенная леса, а ее население – кочевники. Комания граничит с Хорезмом, Русью, Черным и Азовским морями. Величайшая в мире река *Этил* (Волга) зимой замерзает так, что по ней, как по суше, переходят люди и животные. Народы, живущие в горах *Кокуас* (Кавказ) не признают власть золотоордынского хана. Тут расположено величайшее в мире озеро – Каспийское море. В горах Кавказа и на островах Каспийского моря водится немало хищных птиц. В море много рыбы, а на равнине – быков. Столица страны – город Сарай. Таким образом, весьма кратко, Гетум сообщает о наиболее характерных чертах этой страны.

Для сравнения, описывая страну *Kamai* (Китай), Гетум обращает внимание читателей на узкие глаза и редкие бороды его жителей, развитую письменность, мастерство и изобретательность в различных ремеслах и ведении войны, политеистические и анимистические верования, бумажные деньги и т.п. Как видим, в описании Китая более всего внимания уделено его жителям и их научно-техническим достижениям, тогда как в описании Комании превалирует информация о природно-климатических условиях страны, в частности о животном и растительном мире, и почти ничего не сказано о ее населении. Чем это можно объяснить? Во-первых, вероятно тем, что население Комании и, скажем, Китая действительно существенно отличалось по уровню развития и кочевникам Золотой Орды нечем был особо удивить мир. Во-вторых, образ жизни кочевников уже был хорошо известен как армянам, так и европейцам, ведь за 60 лет до написания трактата уже немало европейских послов и миссионеров успели посетить монголов, а многочисленные миссии католической церкви проповедовали среди кочевников. Поэтому основное внимание Гетум обратил на природные богатства страны и особенности климата, поскольку он действительно был весьма суровым с точки зрения жителя Средиземноморья. Если кочевников Гетум упоминает в короткой фразе, то хищных птиц дважды – на Кавказе и на островах Каспийского моря (вероятно подразумевая острова дельты Волги, через которые проходили пути сезонной миграции птиц). Это можно объяснить тем увлечением соколиной охотой, которое в ту эпоху стало распространяться среди европейцев, и было недешевым развлечением титулованной знати. Популярность соко-

линой охоты в Золотой Орде зафиксировал и Гильом Рубрук (посол короля Франции к великому хану в 1253–1255 гг.): «Между [ставкой] Бату и Сараем в течение 15 дней мы не нашли никого из людей, кроме одного из сыновей Бату, который двигался вперед с соколами, и его сокольников, бывших в большом количестве» [1, с. 181]. Вероятно, подробную информацию о ловчих птицах Гетум получил от европейских торговцев, покупавших птиц в Золотой Орде.

Из каких источников черпал Гетум информацию о Комании? Вероятно, их было несколько. Во-первых, это дядя Гетума король Гетум I (1226–1270), в 1253–1255 гг. совершивший поездку через Железные Ворота (Дербент), прикаспийские степи и ставку Бату на Волге ко двору великого хана Мангу в Монголии. Вернувшись из этой поездки в 1255 г., Гетум I рассказал об увиденном в пути армянскому летописцу Киракосу Гандзакеци [3, с. 225]. Об этой поездке упоминает и еще один летописец – Григор Акнерци [5, с. 325–327]. Безусловно, король также обсуждал результаты поездки со своими родственниками, из которых трое – его брат коннетабль Смбат Спарапет, племянник Гетум из Корикоса и внук Гетум II – упомянули о ней в своих исторических сочинениях. Кроме того, еще до поездки Гетума I в ставку Бату побывали армянские священники, вероятно с целью разведать ситуацию и подготовить визит короля. Этих священников видел там 1 августа 1253 г. Гильом Рубрук [1, с. 223, 225]. Армянские священники оставались в Орде и далее и занимались миссионерской деятельностью [15, с. 91–92]. Безусловно, они поддерживали связь с родиной и сообщали о результатах своей работы. В 1255 г., возвращаясь из Монголии, Рубрук приехал в Киликию, а именно, вначале заехал в Корикос, откуда отправил свои вещи кораблем на Кипр, а потом посетил столицу королевства – город Сис, где общался с отцом короля Гетума I и его братьями [1, с. 187–188]. Гетуму из Корикоса было тогда около 10 лет. Из Крыма, через степи Комани и Бату-хану и далее в Китай путешествовали в 1255–1256 гг. венецианские купцы Николо и Маттео Поло. Свое второе путешествие в Китай (уже с молодым Марко Поло) они начали около 1271 г. в киликийском портовом городе Аяс (Лаяс, Лаяццо), а армянский король снарядил для них галеру [4, с. 197].

С конца XIII в. Киликийская Армения оставалась единственным христианским государством на Ближнем Востоке и поэтому служила своеобразным форпостом для католических миссий в их деятельности среди народов Востока. Доминиканцы и францисканцы

также старались способствовать унии армян с Римом. Правители Киликии, надеясь на помощь католиков в борьбе с враждебным мусульманским окружением, положительно относились (или только делали вид) к идее унии. В частности, в орден францисканцев вступил король Гетум II [15, с. 202]. Оба монашеских ордена имели разветвленную сеть своих миссий на Востоке, в частности и на землях Золотой Орды [15, с. 90]. Безусловно, что между миссионерами происходил обмен информацией, часть которой поступала и ко двору королей Киликии.

Из всех упомянутых потенциальных источников поступления информации, судя по результатам анализа текста Гетума, наибольшее влияние на него оказал Гильом Рубрук. Известно, что он не поехал во Францию, а остался в Святой Земле, направив королю Людовику IX подробный отчет. Неизвестно, была ли армянами сделана копия с этого отчета, или Гетум воспользовался устным рассказом Рубрука (возможно записанным в 1255 г.). Однако по крайней мере в двух местах можно заметить вероятное влияние Рубрука на текст Гетума про Команию. Во-первых, Гетум пишет: «А с другой стороны реки, на юг и на запад, живет несколько наций из народов, кои не принадлежат к королевству Комания и не подчиняются королю Комании, а живут вокруг горы Кокуас, которая весьма велика и высока». Рубрук сообщает, что власть татар не признают жители *Зикии* (Черкессии или Адыгеи) [1, с. 89], аланы (осетины) и лесги (лезгины) [1, с. 181]. Насколько нам известно, к началу XIV века эта информация уже устарела. Во-вторых, Гетум сообщает, что «Каспийское море не имеет выхода к иным морям, ни к Греческому морю, ни к морю-океану, то есть, подобно озеру, но из-за величины называется морем, ибо оно является наибольшим в мире озером». В античности и в средние века ученые мужи считали, что Каспийское море на севере соединяется с океаном и является его заливом. Первым это мнение опроверг именно Рубрук, который прямо указал на ошибку средневекового авторитета Исидора Севильского (VI в.) [1, с. 115]. Наконец, с некоторым преувеличением, Гетум отметил, что «река [Волга] покрывается льдом каждый год; а иногда крепко замерзает на весь год, таким образом, что люди и животные переходят ее как бы по суше». Об этом упоминал и Рубрук: «Бывает, что река замерзает совершенно, и тогда они переправляются через нее» [1, с. 180]. Хотя, подобную информацию Гетум мог получить и из другого источника.

На наш взгляд, важнейшим источником информации о Комании для Гетума были сообщения итальянских и армянских купцов. На это указывает несколько особенностей текста описания Комании. Так, указывая, с какими странами граничит Комания, Гетум пишет: «Эта страна Комания на востоке граничит с королевством Хорезм, и в этой части есть большая пустыня; на западе граничит с Великим морем и морем Таны; на севере граничит с королевством Русия, а на юге простирается до величайшей реки, какую только можно найти на свете, название которой Этил». Однако, если представить, что информатор (или сам автор) находится (представляет себя) в центре Комании (Золотой Орды), а именно в городе Сарай, то эти координаты не совпадают с указанными, они существенно смещены (условно говоря, на 45 градусов). Так, Хорезм расположен не к востоку, а к юго-востоку от Сарая, а на Русь из Сарая следует ехать на северо-запад, а не на север. С другой стороны, Черное и Азовское моря действительно расположены к западу от Сарая. Как можно объяснить эти несовпадения?

Конечно, можно было бы ограничиться заявлением, что в те времена познания в области географии были незначительными, тем более Гетум никогда не бывал в Комании, поэтому очень плохо представлял ее расположение в пространстве, и вообще на столе у него не было глобуса или карты. На наш взгляд, указанные расхождения объясняются перспективой информаторов, для которых условной точкой наблюдения был Крым (*Газария* или *Таврика*), поскольку именно здесь начинались поездки итальянских и армянских купцов на восток, и со второй половины XIII века располагались их колонии в городах *Солдайя* (Судак), *Кафа* (Феодосия) и некоторых других. В этом случае Русь действительно будет к северу от Крыма, а Хорезм – в восточном направлении. Если же возвращаться из Сарая или Хорезма в Крым, то Черное и Азовское моря будут для путешественника к западу.

Вообще, средневековый человек, не отягощенный путеводителями и картами, довольно хорошо ориентировался по сторонам света. Так, армянский летописец Киракос Гандзакецци, сообщая о поездке правителя Грузии князя Авага к великому хану в Монголию, отмечал: «отправили Авага к своему царю, которого называли ханом, в далекое путешествие на *северо-восток...*» [3, с. 167]. Рассказывая о возвращении короля Гетума I из Монголии через огромные пространства Азии, Киракос, отмечает (ясное дело, на основании рас-

сказа самого короля), что на определенном этапе тот «повернул с запада на север» [3, с. 224]. Ориентироваться по сторонам света во время путешествия приходилось прежде всего тогда, когда не было иных ориентиров, то есть в открытом море или в степи. Вот, например, что пишет Рубрук о своем путешествии через степи Северного Приазовья: «мы направлялись к востоку, не видя ничего, кроме неба и земли» [1, с. 106–107]. Вероятно, что наиболее развитой ориентация по сторонам света была у моряков и кочевников. Киракос Гандзакец, сообщая о походе Мангу-хана на Южный Китай (*Манци, Мачин, Нангиас*) в 1258–1259 гг., писал (со слов самих монголов, от которых получил информацию), что тот «направился в далекую страну на юго-востоке» [3, 228]. Карты, составленные европейцами в XIV в., особенно так называемые «портуланы», то есть морские карты, просто поражают точностью воспроизводства контуров береговой линии Средиземного, Черного и Азовского морей и их соответствием сторонам света.

Уже Плано Карпини, посол папы римского Иннокентия IV к монголам, отмечал в 1247 г., что тогда в Киеве находилось немало западноевропейских купцов, которые прибыли в этот город из Константинополя через землю татар (то есть степи). Он называет имена некоторых из них: «Михаил Генуэзский, а также и Бартоломео, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николо Пизанский...» [2, с. 84]. То есть четверо итальянцев и еще один купец из крестоносной Акры в Святой Земле. Рубрук также указывает на то, что купцы из средиземноморских стран через Крым направляются на Русь в *северном* направлении: «город, именуемый Солдаия, ... и туда пристают все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в *северные* страны, так и едущие обратно из *Руссии и северных стран* и желающие переправиться в Турцию» [1, с. 89].

Сам Рубрук путешествовал через Крым, степи Приазовья, переправился через Дон, до ставки Бату на Волге, далее через степи в Монголию. Последующие путешественники, как купцы, так и миссионеры, с небольшими изменениями пользовались этим же маршрутом. Так, Франческо Балдуччи Пеголотти, сотрудник компании Барди из Флоренции, между 1335 и 1343 гг. составил своеобразный путеводитель для купцов, пожелавших ехать в Среднюю Азию или Китай. Хотя сам Пеголотти никогда лично не совершал подобного путешествия, но путь этот был хорошо известен и он пользовался информацией, полученной от других купцов. Наилучшим маршрутом

Пеголотти считал такой: из Крыма морем плыть до города Таны (в устье Дона), далее на возу до Джинтархана (*Sittarkent, Summerkent*), по Волге плыть до Сарая, далее по этой же реке и морю до Сарайчика (в устье реки Яик), и на верблюдах в Ургенч (прежняя столица Хорезма) [7, с. 146–147]. Фактически по этому маршруту путешествовал испанский монах-францисканец Паскаль из Виттории. Он выучил в Сарае куманский (половецкий) язык и «сев на какой-то корабль с несколькими армянами, я отплыл оттуда по реке, называемой Тигрис [Волга], а потом вдоль берега моря, именуемого Ватук [Бакук, то есть Каспийское], и за двадцать дней пути я прибыл в Сарайчик. От этого места я ехал на возу, запряженном верблюдами, и на 50 день достиг Ургенча, являющегося городом на границе империи татар и персов [улус Джагатая]» [14, с. 81–85]. Как пишет Паскаль, далее из Ургенча он путешествовал в компании мусульман, то есть до Ургенча он ехал вместе с армянами. Таким образом, этот путь на восток был хорошо известен и армянским купцам.

Армянские купцы жили в Крыму в Кафе, Судаке и Солхате (современный город Старый Крым). Они поддерживали торговые связи не только с Сараем и Средней Азией, но также и со Средиземноморьем, в частности и с Киликией. В одном из немногих источников, сохранившихся с конца XIII в., упоминается крымский армянин, происходивший из киликийского города Аяс. Это договор, заключенный в Кафе 24 июня 1290 г. Сириец Иоанн признает свой долг в сумме 1800 аспров «армянину Христофору/Христофану, жителю Кафы или Солхата, из Аяса» («*Christofano erminio, habitatori de Caffa, sive de Sorchati de Laizo*») [6, с. 220]. Этот Христофан жил в Кафе или Солхате (возможно имел недвижимую и торговые дела в обоих соседних городах), но происходил из Аяса (по-итальянски Лаяццо, по-французски Лаяс). Он одолжил деньги сирийцу Иоанну (Сирией тогда называли все Восточное Средиземноморье), которые тот обещал вернуть через полтора года. Вероятно, именно столько занимало путешествие из Кафы в Сирию, ведение там торговых дел и возвращение в Кафу. Это не уникальный случай. 18 июля 1289 г. в Кафе был заключен договор между армянином Киракосом из Газарии (*Chilacos de Cazarese*) и Рафаэлем Эмбриако, планировавшим плыть в город Арзуф в Сирии [8, с. 244]. Таким образом, армяне из Крыма могли поддерживать связь с Киликией, наконец, могли и сами туда путешествовать по торговым делам, ведь, по свидетельству Марко Поло, Аяс тогда был крупнейшим центром торговли с

Востоком [4, с. 203]. Безусловно, что в Киликию плавали и генуэзские купцы, бывавшие в Крыму, а может и в Сараях. Значение Киликии для их деятельности было так велико, что в 1288 г. они заключили специальный договор с королем Левоном II, даровавшим им различные привилегии, в частности и право основать факторию в его владениях [9, с. 28]. Так, через армянских и итальянских купцов, информация о Комании могла достигать Киликии.

Какими были географические рамки Комании Гетума? В 1253 г. Рубрук так определил ее пределы: «И все время как мы оставили упомянутую выше область Газарию, мы ехали на восток, имея с юга море, а к северу большую степь, которая в некоторых местах продолжается на 30 дневных переходов и в которой нет никакого леса, никакой горы и ни одного камня, а трава отличная. В ней прежде пасли свои стада команы, именуемые капчат; немцы же называют их валанами, а область – Валанией. Исидор же называет страну от реки Танаида [Дона] до Меотидских болот [Азовского моря] и Данубии [Дуная] Аланией, и эта страна тянется в длину от Данубии до Танаида, который служит границей Азии и Европы, на двухмесячный путь быстрой езды, как ездят татары. Она вся заселена была команам капчат, равно как и дальше, от Танаида до Этилии; между этими реками существует 10 больших дневных переходов. К северу от этой области лежит Руссия, имеющая повсюду леса» [1, с. 106]. То есть, согласно Рубруку, Комания – это степи от Дуная до Волги. В 1375 г. картограф Абрам Креско с острова Мальорка (Балеарские острова современной Испании), по заказу французского короля изготовил карту мира, известную как Каталонский атлас. Эта карта была составлена как с учетом средневековых карт, новейших португальцев и той информации, которую европейцы накопили за сто лет своего исследования Азии (1250–1350 гг.). На Каталонском атласе надпись «Комания» (*Comania*) размещена в Северном Приазовье, то есть между Днепром и Доном [16]. К северу от этой надписи, то есть в лесостепной зоне, помещена надпись «Алания». Таким образом, за период с 1253 по 1375 гг. размеры «Комании» (в представлении европейцев) существенно сузились. Последующие картографы для обозначения степей Восточной Европы преимущественно использовали уже термин «Татария». Что касается Гетума, то он, вероятно, в 1307 г. говорил о Комании известной его информаторам, то есть от Перекопского перешейка Крыма до заволжских степей, поскольку именно по этим землям путешествовали из Крыма на восток купцы и миссионеры.

Список литературы

1. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М., 1997.
2. Джованни дель Плано Карпини. История монгалов // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М., 1997.
3. Киракос Гандзакец. История Армении. – М., 1976.
4. Книга Марко Поло // Джованни дель Плано Карпини. История монгалов / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М., 1997.
5. Akanc, G. History of the Nation of the Archers / G. Akanc // Harvard Journal of Asiatic Studies. – 1949. – Vol. 12. – No. 3/4. – P. 269–399.
6. Balard, M. Gênes et l'Outre-Mer / M. Balard. – Vol. 1: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto. 1289–1290. – Paris : La Haye. – 1973.
7. Pegolotti, F. Notices of the Land Route to Cathay and of Asiatic Trade in the First Half of the Fourteenth Century / F. Pegolotti // Cathay and the Way Thither. Being Collection of Medieval Notices of China / Edited by H.Yule; rev. edn. by H.Cordier. – London : Hakluyt Society, 1914. – Vol.3. – P. 137–171.
8. Brătianu, G.I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290) / G.I. Brătianu. – Bucarest, 1927.
9. Boase, T.S.R. The History of the Kingdom / T.S.R. Boase // The Cilician Kingdom of Armenia / Edited by T.S.R. Boase. – New York, 1978.
10. Boyle, J.A. The Journey of Hetum I, King of Little Armenia, to the Court of the Great Khan Möngke / J.A. Boyle // Central Asiatic Journal. – 1964. – Vol.9. – P. 175–189.
11. Burger, G. Hetoum's Text / G. Burger // Hetoum. A Lytell Cronycle. Richard Pynson's Translation (c 1520) of *La Fleur des histories de la terre d'Orient (1307)* / Edited by Glenn Burger. – Toronto, 1988.
12. Hayton. La flor des estoires de la terre d'Orient // Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens. – T. 2: Documents latins et français relatifs a l'Arménie. – Paris, 1906.
13. Leopold, A. How to Recover the Holy Land. The Crusade Proposals of the Late Thirteenth and Early Fourteenth Centuries / A. Leopold. – Aldershot, 2000.
14. Letter of Pascal from Vittoria // Cathay and the Way Thither. Being Collection of Medieval Notices of China / Edited by H.Yule; rev. edn. by H.Cordier. – London : Hakluyt Society, 1914. – Vol.3. – P. 81–88.
15. Richard, J. La papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe–XVe siècles) / J. Richard. – Rome, 1998.
16. Каталонский атлас. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.henry-davis.com/MAPS/LMwebpages/235B.html>. – Дата доступа: 16.08.2009.

Приложение**Текст и перевод главы «Королевство Комания»****Du roiaume de Comaine**

Comaine est un des plus grans roiaumes qui soit eu monde. Cele terre est malement habitée por la grant destemperance de celui païs, car aucunes contrées i sunt si froides que homes ne bestes n'i poent vivre por la grant froidure. E autres contrées i a qui sunt si chlaudes en esté que nul n'i puet durer por le (grant) chaut, e por les moches qui là sunt. Cele terre est toute plaine, mais nul arbre n'i croît de que l'om face merain ne buche, for que en aucuns leus (lieux certains), où il ont aucuns arbres plantez por faire jardins. Grant partie de cele gent habitent en tentes; de fumier de bestes font feu. Ceste terre de Comaine marche devers orient au roiaume de Corasme, e en partie à un grant desert; devers occident marche à la mer Major e à la mer de Taine (Reme); devers septentrion marche au roiaume de Rousie, e devers midi s'estent jusques au plus grant flum que l'om sache eu monde qui est apelez Etil. Celui flum glace chascun an; e aucune foiz dure tot l'an glaciez, en tele maniere que homes e bestes i passent dessus ausi come par terre; e au rivage de celui flum croissent aucuns arboissiaus. E de l'autre part du flum, devers midi e devers occident, habitent plusours nacions de gent qui ne se content du roiaume de Comaine, mès il sunt obeissantz au roy de Comaine, e sunt entour la montaigne de Coquas (Cocas), qui molt est grant e haute. Ostours e autres oiseaus de proie, qui naissent en cele montaigne, sunt toz blans. Cele montaigne de Coquas siet entre les II mers, c'est la mer Major qui li est devers occident, e la mer Caspis qui li est devers orient. Ceste mer Caspis ne chiet entre les autres mers, ne devers la mer de Grece, ne devers la mer Oceane, ains est come un lac grandor est apellé mer, car c'est le plus grant lac du monde. Il s'estent de la montaigne de Coquas jusques au chief du regne de Perse, a depart toute la terre d'Asie en II parties. E cele partie qui est devers orient est apellée Asie la Profunde (Parfonde), e cele qui est devers occident est apellée Asie la Majour. Les aigues de cele mer sont douces, e ont grant habundance de poissons. En cele contrée se truevent bufles sauvages, e autres bestes assez; en cele mer sont isles où font leur nis maint oiseaus, e nomeement falcons, pelerins, esmareillons e autres oiseaus qui ne sont trovés for que en celes isles. La maistre cité du roiaume de Comaine est apellée Sarra (Sorca, Sarta), laquele fu anciennement molt bone cité, mès les Tartars l'ont presque toute gastée.

Королевство Комания [1]

Комания является одним из самых больших королевств, кои есть на свете. Эта земля плохо заселена из-за большой резкости [климата] в этой стране, ибо в некоторых ее частях бывает так холодно, что ни люди, ни животные не могут жить из-за чрезвычайного холода. А в иных ее частях летом такая жара, что никто не может там выдержать из-за (сильной) жары

и мух, кои там бывают. Эта земля целиком является равниной, однако там не растет ни одного дерева, от которого могла бы быть польза, ни куст, за исключением нескольких мест, где выращивают некоторые деревья, чтобы развести сады. Большая часть этого народа живет в шатрах; топливом для огня служат кизяки животных. Эта страна Комания на востоке граничит с королевством Хорезм, и в этой части есть большая пустыня; на западе граничит с Великим морем [2] и морем Таны [3]; на севере граничит с королевством Русия, а на юге простирается до величайшей реки, какую только можно найти на свете, название которой Этил [4]. Эта река покрывается льдом каждый год; а иногда крепко замерзает на весь год, таким образом, что люди и животные переходят ее как бы по суше; а по берегам этой реки растет немного маленьких деревьев. А с другой стороны реки, на юг и на запад, живет несколько наций из народов, кои не принадлежат к королевству Комания и не подчиняются королю Комании, а живут вокруг горы Кокуас [5], которая весьма велика и высока. Ястребы [6] и иные хищные птицы, кои рождаются на этой горе, все белого цвета. Эта гора Кокуас расположена между двумя морями, это Великое море на западе, и Каспийское море на востоке. Это Каспийское море не имеет выхода к иным морям, ни к Греческому морю [7], ни к морю-океану, то есть, подобно озеру, но из-за величины называется морем, ибо оно является наибольшим в мире озером. Оно простирается от горы Кокуас до середины королевства Персия, и делит всю область Азии на две части. И та часть, которая расположена к востоку, называется Внутренняя (Глубинная) Азия, а та, которая лежит на запад, называется Великая Азия. Вода в этом море сладкая [8], и имеется великое изобилие рыбы. В этой стране есть стада диких быков и иных животных немало; на этом море есть острова, где устраивает свои гнезда немало птиц – и те, что называются соколы, пилигримы, сапсаны [9] и иные птицы, коих нигде больше нет, только на этих островах. Главный город королевства Комания, именуемый Сарра, бывший в давние времена весьма красивым городом, теперь, однако, совсем почти испорченный татарами [10].

(Перевод автора)

Примечания

1. До нашего времени сохранилось 15 рукописных копий на старофранцузском и 31 копия на латинском языке. В некоторых рукописях название этой главы имеет такой вид – «*Comanie*», «*Comanie et des merveilles d'icelle*», «*Comanie et de ses merveilles*» («Комания и ее чудеса»).

2. *Великим морем (la mer Major)* итальянцы в XIII–XV вв. называли Черное море (*mare Maiore*).

3. *Море Таны (la mer de Taine, лат. mare de Tana)* – Азовское море. Называлось так от итальянского торгового поселения Тана (также известно

как Азак/Азов), в свою очередь получившего это наименование от античного названия реки Дон – Танаис. Другое средневековое его название – «*море Реме*» (возможно, от арабского «море Рума», то есть «Византийское море»).

4. *Этил* или *Итиль* – название Волги, распространенное у тюркских народов. Также известна в средневековых источниках как Тигрис.

5. *Кокуас* – Кавказ. Аланы (осетины), лесги (лезгины) и некоторые другие народы Кавказа не признавали власть золотоордынских ханов до конца XIII в.

6. В тексте *ostours* (иные варианты – *ostoirs*, *cousters*). Автор выражает признательность С.Н. Писареву за помощь в идентификации птиц, упомянутых в тексте источника.

7. *Греческое море* (*la mer de Grece*) – Средиземное море.

8. «*Вода в этом море сладкая*», то есть пресная. Поскольку с севера в Каспийское море впадает такая большая река как Волга, то вода в этой части моря не такая соленая. Это еще одно указание на то, что информаторы Гетума знали именно северное побережье Каспийского моря.

9. В тексте *esmareillons*.

10. Столицей Золотой Орды был город Сарай. Сначала был возведен Сарай-Бату, позже Сарай-Берке или Ени-Сарай (Новый Сарай). Оба города были основаны в нижнем течении Волги на берегу ее рукава Ахтубы на небольшом расстоянии друг от друга. О каком Сарае идет речь в тексте Гетума сказать трудно. На первый взгляд странными кажутся его слова, что «Сарра, бывший в давние времена весьма красивым городом, теперь, однако, совсем почти испорченный татарами». Новый Сарай был разрушен войсками Тамерлана только в 1395 г. Вероятно, это утверждение Гетума является результатом некоторой путаницы. Дело в том, что еще до возведения обоих Сараев, на острове между Волгой и Ахтубой в домонгольское время существовал богатый торговый город Саксин, известный европейским путешественникам под названиями Суммеркент и Джинтархан. Рубрук сообщает, что «при среднем рукаве находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но, когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним восемь лет. А жили в нем аланы и сарацины» [1, с. 180]. Как отмечал Пеголотти, от Джинтархана до Сарая один день плаванья по реке. Таким образом, после захвата Саксина (Суммеркена/Джинтархана) и возведения неподалеку от него новой столицы, значение города существенно уменьшилось (как и его население), что и дало повод информаторам Гетума утверждать, что теперь этот город испорчен татарами. Сам Гетум, а скорее всего Николай Фалько, которому он надиктовал свой трактат, не точно понял эту информацию и перенес ее на город Сарай.

ГЕРБ ЛИТВЫ: ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ XIV ВЕКА

Процесс «вхождения» Восточной Европы в сферу внимания Европы Западной имел долгую и непростую историю. Особенно интенсивным этот процесс был в XIII и XIV вв., когда в поле зрения европейских географов и картографов попадают сначала побережья Балтийского и Черного морей, а затем и более удаленные регионы [подробнее см.: 1]. Основой постепенного накопления информации о восточноевропейском регионе была прагматика дипломатических, военных и торговых контактов. Однако «открытие» Восточной Европы имело и свою региональную специфику. Следует назвать активную миссионерскую деятельность Святого престола и католических правителей Польши и Венгрии, направленную на язычников и «схизматиков», крестовые походы и так называемые *Preussenreisen* европейской знати в Прибалтику, освоение торговых путей через Золотую Орду в страну *Catayo* (Китай) и др. С течением времени на Латинский Запад проникали разнообразные сведения о восточноевропейском регионе, его географических особенностях, политических и этноконфессиональных реалиях и т.д., а сама Восточная Европа постепенно занимала все более прочное место на «ментальной карте» Средневековья.

В первых описаниях Восточной Европы исторические реалии причудливо переплетались с литературными и фольклорными мотивами. Для средневековых географических трактатов трудно провести грань между прагматической систематизацией сведений и художественным вымыслом, служившим целям развлечения читателей, и нередко их авторы без колебаний использовали свою фантазию там, где им не хватало реальной информации. При этом интересующих нас текстов, относящихся к периоду XIII–XIV вв., сохранилось так мало, что каждый из них представляет безусловную ценность, и даже за вымышленными сюжетами современный исследователь видит их историческую основу – отражение существующей картины мира, влияние литературных мотивов, особенности ментальных стереотипов их создателей и т.д. Одному из таких сюжетов – первой попытке изображения герба Великого княжества Литовского в европейской геральдике – и посвящена данная статья.

Отечественные исследователи до сих пор не обратили должного внимания на малоизвестный испанский географический трактат XIV в. «*El Libro del conocimiento de todos los reynos e tierras e señorios que son por el mundo*» («Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире», далее – «Книга знаний»), сохранившийся в рукописях второй половины XV в. Трактат дает широкий обзор всего известного тогда мира, значительное внимание уделяется при этом и Восточной Европе. Автор трактата, построенного в виде рассказа о путешествиях, сделанного от первого лица¹, неоднократно «пересекает» этот регион в разных направлениях – и оставляет описания владений «*императора татар Uxbeto*», «*города Litefama*», «*великой провинции Roxia*», «*большого города Nogarado*», северных пустынь, где день и ночь длятся по шесть месяцев и т.д. Даже такое беглое ознакомление с данными «Книги знаний» показывает значение этого источника для изучения исторической географии Восточной Европы в Средние века. Еще одной особенностью трактата является наличие гербов описываемых земель, в некоторых случаях эта геральдическая информация носит уникальный характер. В целом трактат содержит значительный массив информации географического, политического, этноконфессионального и геральдического характера, которая еще требует своей интерпретации. Существуют испанское [2] и английское [3] издания «Книги знаний», в 1999 г. вышло в свет факсимильное издание трактата по рукописи, хранящейся в Баварской государственной библиотеке (Bayerische Staatsbibliothek, Cod. hisp. 150; все изображения ниже даются по данному изданию) [4]. Сведения «Книги знаний», относящиеся к Чехии, Польше и Литве были проанализированы в обстоятельной статье польского исследователя А. Гейштора, выводы которого, однако, нуждаются в уточнении [5].

Следует отметить, что «Книга знаний» находится в тесной связи с крупнейшим картографическим памятником XIV века – Каталонским атласом 1375 г. [факсимильное издание: 6]. Стал ли трактат основой для создания атласа, либо же, наоборот, атлас послужил источником информации для «Книги знаний» – данный вопрос продолжает оставаться предметом научной дискуссии. До недавнего времени исследователи, обращавшиеся к изучению «Книги знаний», обычно решали этот вопрос в пользу первого предполо-

¹ Разумеется, это отнюдь не означает, что автор или авторы действительно совершали эти путешествия; скорее можно говорить о компиляции сведений различного происхождения.

жения, а сам трактат датировали временем до 1375 г. (даты создания Каталонского атласа). Однако авторы факсимильного издания предложили иную датировку (конец XIV в.), основанную на наличии в тексте некоторых политических реалий этого времени. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, отметим, что более предпочтительной является традиционная датировка «Книги знаний»: трактат в целом отражает исторические реалии первой половины XIV в. (приведем лишь один пример, имеющий отношение к истории восточноевропейского региона: в трактате правителем Золотой Орды назван хан Узбек (1313–1341), на Каталонском атласе в этом качестве выступает уже его сын Джанибек (1342–1357)), наличие же отдельных реалий более позднего времени можно объяснить дополнениями, которые были внесены в текст при последующих переработках рукописи. В рамках данной работы имеет значение то обстоятельство, что Каталонский атлас может быть привлечен для уточнения многих сведений «Книги знаний».

Исследователя, занимающегося изучением истории Великого княжества Литовского, привлекает внимание «*gorod Litefama*» (на Каталонском атласе с характерным добавлением: *Litefama pagana* – «языческая»²). Само название «города»², его место в описании восточноевропейского региона и расположение на Каталонском атласе не оставляют сомнения, что речь идет о Литве (точнее – о Великом княжестве Литовском). Перед нами, таким образом, одно из самых ранних свидетельств о включении Литвы в европейскую картографическую традицию.

² Следует отметить, что текст «Книги знаний» очень нечеток в описании реалий данного региона. Так, *Litefama* упоминается сначала как *gorod* (так она обозначена и на Каталонском атласе), затем о ней говорится как об *очень многолюдной стране со своим королем*, а завершающий пассаж позволяет отнести к ней все описание *провинций между Германией и большим морем*. Складывается впечатление, что регион Польши, Литвы и Прибалтики воспринимался автором в своеобразном *нерасчленном единстве*, что привело к смешению многих географических и политических реалий. В чем причина такого подхода? Возможно, это было связано не только с нечеткостью представлений автора об актуальной политической ситуации в данном регионе, но и с язычеством правителей ВКЛ, которые, таким образом, не входили в «христианскую семью народов» и не имели, в глазах европейского наблюдателя, соответствующего статуса – права на свое «королевство». *Litefama*, таким образом, изначально находилась на ментальной карте Средневековья в тени соседних христианских государств – достаточно вспомнить, что в XIII–XIV вв. свои права на Литву заявляли короли Чехии, Польши, правители Тевтонского ордена. Подробный анализ информации «Книги знаний» о Литве, Руси и Восточной Европе в целом выходит за рамки данной статьи и будет предпринят нами в отдельном исследовании.

Особую уникальность этому сообщению придает тот факт, что рассказ о городе и провинции *Litefama* сопровождается изображением ее герба – это, по-видимому, первая в европейской традиции попытка дать изображение герба Великого княжества Литовского. Следует отметить, что изображения герба *Litefama* нет на портоланах XIV в. (Ангелино Дульчерта 1339 г., братьев Франческо и Марко Пицигани 1367 г., упомянутом выше Каталонском атласе 1375 г. и др.) – перед нами, таким образом, новация автора трактата. Вероятно, это объясняется тем, что «Книга знаний» создавалась не только как географическое описание земель, но и как своеобразный геральдический справочник, которые были так популярны в Европе в XIV–XV вв. Автор трактата показывает хорошее знакомство с гербами европейских государств, включая и ближайших соседей Латинского Запада (вполне историчны, например, изображения гербов Византийской и Трапезундской империй). Иную картину можно наблюдать при обращении к «королевствам, землям и владениям», лежащим в Азии и Африке. Здесь, без сомнения, многие изображения гербов обязаны своим происхождением фантазии автора трактата. Целесообразно обратить внимание на ближайших соседей Великого княжества Литовского, чтобы представить себе тот геральдический «конвой», в котором находится изображение герба «города *Litefama*».

Рисунок 1

Значительный интерес представляет изображение герба «императора татар *Uxbeto*» (рисунок 1). Сам «император» легко идентифицируется как хан Золотой Орды Узбек, герб – как гребенчатая тамга (*tarak tamga*) Джучидов, хорошо известная по нумизматическим и картографическим материалам [подробнее см.: 7]. В данном случае автор трактата демонстрирует хорошую информированность о золотоордынских реалиях. Не приходится сомневаться, что соответствующая информация поступила к нему от итальянских и испанских торговцев, которым, судя по сохранившимся дорожникам и картам-портоланам, были хорошо знакомы побережье Черного моря и владения ханов Золотой Орды, через которые проходил торговый путь в страну *Catayo* (Китай).

Не так проста ситуация с гербом «*королевства Леон, которое немцы называют Lumbres*» (рисунок 2). Очевидно, что речь идет о Львове/Лемберге, само же «королевство» следует понимать шире – как земли бывшего Галицко-Волынского княжества. Изображенный герб – красный «якорный» крест на белом поле – может быть сопоставлен с историческим гербом Волыни (белым крестом на красном фоне), который встречается в источниках с начала XV в.

Однако, в этом случае следует сохранять известную осторожность, тем более, что рукописи «Книги знаний» дают тут разные варианты (например, красный крест на зеленом фоне в некоторых рукописях и на Каталонском атласе). Следует отметить, что тем же гербом маркируется в «Книге знаний» и «*королевство Polonia*». Таким образом, автор трактата подчеркивает определенную связь между этими двумя владениями, что отвечает и историческим реалиям середины – второй половины XIV века, времени активной экспансии Польского королевства в направлении земель бывшего Галицко-Волынского княжества (Львов был присоединен к Польше королем Казимиром Великим в 1349 г.). Можно сделать вывод, что у автора трактата не было надежной информации о гербах данных восточноевропейских «королевств и владений», однако он имел некоторое представление о современных ему политических реалиях в этом регионе и попытался отразить их с помощью своего геральдического «инструментария». Данные примеры наглядно демонстрируют особенности информации «Книги знаний» о Восточной Европе: этот регион находился на своеобразном «краю горизонта» западноевропейского наблюдателя, и трудно решить, где автор трактата опирался на доступную ему информацию, а где был вынужден прибегать к собственной фантазии или ученой компиляции.

Обращение к собственному гербу «*провинции Литefama*» может сначала вызвать некоторое недоумение, поскольку в качестве такового использована черная шестиконечная звезда на белом поле (рисунок 3). В современной культуре этот символ («звезда Давида», «печать Соломона») прочно ассо-

Рисунок 2

Рисунок 3

цируется с еврейской традицией. Однако для Средневековья такой жесткой привязки еще не существовало, и шестиконечная звезда могла использоваться в совершенно разных культурных контекстах. Интересно, что наличие такого контекста можно выявить как раз на примере «Книги знаний». Ключом к пониманию использования этого символа применительно к Литве является упоминание «христиан схизматиков» непосредственно перед описанием «*goroda Litefama*». По крайней мере еще в двух случаях автор трактата использует шестиконечную звезду для маркирования регионов с православным населением: при описании «*goroda Satalia*» (совр. Анталья) и «*королевства Semiso*» (совр. Самсун) в Малой Азии (в тексте в обоих случаях речь идет о «греческих христианах»; см. также соответствующие изображения на Каталонском атласе) [3, с. 19, 57]. Таким образом, можно реконструировать определенную логику автора «Книги знаний»: шестиконечную звезду он ассоциировал с «греческими схизматиками» и использовал в качестве геральдического символа применительно к тем регионам с православным населением, где у него не было конкретной геральдической информации (в отличие от упомянутых выше Византийской и Трапезундской империй, государственная символика которых была ему хорошо известна). Таким образом, «*провинция Litefama*» была известна автору трактата как регион с преобладающим православным населением. Учитывая дополнительную информацию, предоставленную Каталонским атласом (*Litefama pagana* – «языческая Литва»), можно сделать вывод, что в Испании во второй половине XIV века достаточно адекватно представляли себе исторические и этноконфессиональные реалии Великого княжества накануне Крестового похода 1385 г. и католического крещения Литвы.

«Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире» – весьма сложный и многоплановый источник. Не всегда его информация может быть адекватно интерпретирована (касается это и восточноевропейского региона). Несмотря на это, он открывает уникальную возможность для реконструкции всего комплекса представлений об исторической географии Восточной Европы, который сложился в Западной Европе в конце XIV века, предоставляет в распоряжение исследователя новую историческую информацию. Изображение герба Литвы в «Книге знаний» носит ученый характер и не основано на собственной геральдической традиции Великого княжества Литовского, сложившейся в конце XIV

– начале XV в. и отразившейся, например, в таком известном памятнике европейской геральдики как *Codex Bergshammar*. Тем не менее, представляется, что первая попытка изображения герба ВКЛ заслуживает внимания – особенно в год, когда отмечается тысячелетие упоминания Литвы в письменных источниках.

Список литературы

1. Мартынюк, А.В. Восточная Европа в европейской картографии XIII–XIV вв. / А.В. Мартынюк // Вялікае княства Літоўскае ў гісторыі і культуры Беларусі. – Мінск : БДАМ, 2009. – С. 5–9.
2. De la Espada, M.J. El Libro del conocimiento de todos los regnos e tierras e señoríos que son por el mundo / M.J. de la Espada // Boletín de la Sociedad Geográfica de Madrid. – Tomo II. – Madrid, 1877.
3. Markhan, C. Book of the Knowledge of all the Kingdoms, Lands, and Lordships that are in the World / C. Markhan. – London, 1912. – 84 p.
4. Lacarra, M.J., Lacarra Ducau, M.C., Montaner Frutos, A. Libro del conocimiento de todos los regnos et tierras e señoríos que son por el mundo, et de las señales et armas que han. Ed. facsimilar del manuscrito Z (Múnich, Bayerische Staatsbibliothek, Cod. hisp. 150). – Zaragoza, 1999. – 280 p.
5. Gieysztor, A. Polska w “El libro del Conocimiento” z połowy XIV wieku / A. Gieysztor // Przegląd historyczny. – Tom LVI. – Warszawa, 1965. – S. 397–411.
6. Freiesleben, H.-Ch. Der Katalanische Weltatlas von Jahre 1375 / H.-Ch. Freiesleben. – Stuttgart, 1977. – 35 S., 12 Farbtafeln.
7. Мартынюк А.В. Каталонский атлас 1375 г. как источник по истории Золотой Орды и других монгольских государств XIV века / А.В. Мартынюк // Труды международной научной конференции «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV веков». – М., 2008. – С. 79–83.

АВ ОВО: ШТО З'ЯВІЛАСЯ СПАЧАТКУ – ВЯЛІКІ КНЯЗЬ ЛІТОЎСКІ ЦІ ВЯЛІКАЕ КНЯСТВА ЛІТОЎСКАЕ?¹

Тытулатура манарха мае, несумненна, сімвалічнае значэнне. Гэта свайго роду публічная маніфестацыя статусу і, у пэўным сэнсе, знешнепалітычнай і культурнай арыентацыі.

У Вялікім княстве Літоўскае (ВКЛ) праблема паходжання тытула манарха не з'яўляецца такой простаю, як падаецца, бо ўсталяванне гэтага тытула мела сваю тэмпаральнасць і зменлівасць. Пры аналізе фактычнага матэрыялу звесткі аб тытулатуры можна падзяліць на тры катэгорыі: 1) тытул, які фігуруе ў дакументах канцылярыі манарха, гэта значыць у дакументах, якія зыходзяць ад імя манарха; 2) тытул, які выкарыстоўваецца ў замежных пасланнях да манарха ВКЛ; 3) тытул у пазнейшых крыніцах. Перапляценне гэтых катэгорый стварае часам стракаты малюнак. І тут важна не памыліцца ў ацэнцы розных рэаліяў.

Калі Літва была каралеўствам

Міндоўг быў “першым і апошнім літоўскім каралём”, як у другой палове XVIII ст. яго называлі ў *Silva rerum* – сямейных дзённіках шляхецкіх сядзіб [27, s. 835, illustr.]. Першую ж прыгадку Міндоўга мы знойдзем ў *Галіцка-Вальнскім летапісе* ў пераліку “князёў літоўскіх”: “Бяху же имена литовских князей: се старшии, Живиньбуд, Довьят, Довьспрунк, брат его Миндог, брат Довьялов Виликаиль” [4, с. 84]. Безумоўна, тут адлюстравана руская (у сэнсе – усходнеславянская) тытулатура.

Ужо пасля хросту паводле лацінскага абраду (у канцы 1250 г. або пачатку 1251 г.) Міндоўг у 1253 г. каранаварўся на караля. Менавіта як “*Dei gracia rex Letthowie (Lettowie/Littowie)*” імянуецца Міндоўг у дакументах, якія зыходзілі з яго канцылярыі на працягу 1253–1261 гг. [12, с. 23–43, № 1–10а] (як варыянт – “*rex Litwinorum*”) [12,

¹ Асноўныя высновы артыкула былі агучаныя аўтарам 21.05.2009 г. на Сямінары кампаратыўнай гісторыі ў Адзеле ўсеагульнай гісторыі і міжнародных адносін (Інстытут гісторыі НАН Беларусі). Праца над гэстам у навуковых бібліятэках Кракава сталася магчыма дзякуючы стыпендыі Касы імя Ю. Мянюскага.

с. 43, № 10b]. У адным выпадку Міндоўг характэрна названы першым каралём Літвы – “*primus rex Lettowie*” [12, с. 29, № 4].

Тут трэба разумець, хто мог складаць падобныя акты. Праблему канцылярыі Міндоўга паставіў яшчэ Марцэлі Косман, які сфармуляваў наступныя пытанні: 1) Ці была ўтворана канцылярыя пры двары Міндоўга? 2) Калі не – то хто ствараў дакументы ад імя Міндоўга? [32, с. 95–97]. Але любы адказ на гэтыя пытанні прадугледжвае, што пры Міндоўгу маглі быць лацінскія манахі, знаёмыя з фармулярам заходнееўрапейскіх актаў.

У сваю чаргу рымскія папы Інакенцій IV і Аляксандр IV звярталіся да Міндоўга, як да “найяснейшага караля Літвы” (“*illustri rege Lithowie / illustri rege Lethovie / illustri rege Lectovie*”) [12, с. 53; № 10, с. 65; № 16, с. 75; № 18, с. 77], і падобнай жа выявай звалі яго ў лістах да біскупаў і саноўнікам [12, № 1, с. 51; № 4, с. 55; № 5, с. 57; № 6, с. 58; № 7, с. 60; № 8, с. 62; № 9, с. 63; № 11, с. 66; № 12, с. 68; № 13, с. 70; № 14, с. 72; № 19, с. 79; № 20, с. 81]. Што характэрна, рымскі папа называе Міндоўга каралём і звяртаецца да яго так яшчэ да афіцыйнага каранавання, але пасля хросту ў 1251 г. [12, № 1, с. 51; № 2, с. 53; № 4, с. 55; № 5, с. 57; № 6, с. 58].

У нямецка-балтыйскіх хроніках, а менавіта ў *Ливонскай Рыфмаванай хроніцы*, створанай у канцы XIII ст., Міндоўг быў вядомы, як “багаты кароль Літвы” (“*der Littowen kunic rîch Myndowen*” [35, р. 94, v. 2450–2451]; “*rîchen kunic Myndowen*” [35, р. 118, v. 3561]), “вярхоўны кароль” (“*hōeste konic*”) ці проста “кароль” (“*konic Myndowen*” [35, р. 101, v. 2761; р. 113, v. 3327; р. 116, v. 3455, 3460, 3470; р. 130, v. 4093; р. 179, v. 6335.]; “*kunige Myndowen*” [35, р. 118, v. 3545; р. 138, v. 4450]). Але цікава, што бацька Міндоўга (Даўгерд(?)) таксама названы “вялікім каралём” (“*vater was ein kunic grōz*”) [35, р. 180, v. 6383]. Вызначэнне гэтае, паводле аўтара Хронікі, прагучала падчас перамоваў жамойцкіх нобіляў з Міндоўгам, калі тыя дамагаліся ад апошняга адступлення ад хрысціянства і ад саюзу з Ордэнам. Менавіта ў час гэтых перамоў жамойты апелявалі да славы бацькі Міндоўга, таму акрэсленне “вялікі кароль” найхутчэй выступае тут як эмацыйна афарбаваная характарыстыка велічы і славы, а не як тытул.

У *Галіцка-Валынскім летанісе* Міндоўг, ужо ў перыяд пасля каранавання, называўся вялікім князем: “великий князь литовський Миньдовг, самодржець во всей земли Литовской” [4, с. 126]. Пры гэты вярхоўны статус Міндоўга ўсяляк падкрэсліваецца: “бысть

княжящо ему в земле Литовской..., и нача княжити одинъ в всей земли Литовьской” [4, с. 126–127]. Важная дэталъ – аўтар (аўтары) *Галіцка-Валынскага летапісу* ні разу не называюць Міндоўга каралём, хоць сам каралеўскі тытул быў ім вядомы. Як каралі выступаюць на старонках летапісу не толькі ўладары Венгрыі ці Польшчы, але і галіцка-валынскі “Данило король” [4, с. 116]. Такім чынам, адносна Міндоўга тытул “вялікі князь” выступае толькі ва ўсходнеславянскіх крыніцах і пазначае годнасць вярхоўнага ўладара, якому ў заходніх крыніцах адпавядае тытул “кароль”.

Інфармацыя пра каранацыю Міндоўга патрапіла і ў не так даўно знойдзены амерыканскім даследчыкам М.Л. Колкерам у бібліятэцы англіканскага ўніверсітэта Trinity College у Дубліне (Ірландыя) рукапіс геаграфічнага трактату “Апісанне земляў” (*“Incipient descriptions terrarium”*), час стварэння якога датуецца рознымі даследчыкамі ад 1255 да 1260-х гадоў. Аўтар трактату піша пра сваю прысутнасць на каранацыі, што выглядае зусім сенсацыйна: “Таксама на ўсход ад яе [Жамойці (*Samoita*). – А. Дз.] ляжыць сумежная з Руссю (*Ruscie*) зямля Летавія (*Lectauie*), першы кароль якой Міндоўг (*Mendogus*) быў хрышчаны і пры каранацыі прыняў сваё каралеўства ад рымскага прастола пры маёй там бытнасці. І гэта ж пакінуў ён і сваім нашчадкам, калі б толькі належным чынам дбалі пра справу такога роду” [15, с. 148].

Але ж унутры- ды знешнепалітычныя калізіі не дазволілі Міндоўгу працягнуць сваю дынастыю, а адыход ад хрысціянства перапыніў таксама прызнанне яго каралеўскага тытулу для нашчадкаў. Міндоўг стаўся “забытым каралём”. Гедымінавічы, якія замацаваліся на пасадзе ВКЛ на мяжы XIII–XIV стст., пачалі ствараць уласную генеалагічную легенду пра паходжанне сваёй дынастыі. І ў гэтай легендзе не знайшлося месца для ранейшых уладароў.

Згадку пра Міндоўга мы сустракаем яшчэ ў 1322 г. у пасланні Гедыміна да папы Яна XXII, дзе гаворыцца пра тое, што “наш папярэднік кароль Міндоўг з усім сваім каралеўствам быў наварнуты ў Хрысціянскую веру” (*“predecessor noster rex Myndowe cum toto suo regno ad fidem Christi fuit conversus”*) [19, р. 38, № 14]. Увогуле ж гэты ліст меў антыордэнскую скіраванасць і справа хрысціянізацыі Літвы звязвалася ў ім з інстытуцыяй Рыжскага арцыбіскупства. Рымвідас Пятраўскас мяркуе, што ўся рыторыка, скіраваная супраць Нямецкага ордэна, узятая з паслання Рыжскага арцыбіскупа Фрыдэрыка, які ў той час знаходзіўся з Ордэнам у канфлікце. Таму

ўзнікае пытанне: ці магло імя Міндоўга патрапіць у тэкст паслання Гедыміна з лівонскай гістарыяграфічнай традыцыі? [13, с. 41].

Наступны раз імя Міндоўга ў дакументах прыгадваецца толькі ў 1413 г. – падчас спрэчкі Ягайлы і Вітаўта з Нямецкім ордэнам з-за межаў Жамойці. Тады выявілася і розніца ў прававой традыцыі ўдзельнікаў перамоў. Уладары Вялікага княства Літоўскага абгрунтавалі свае правы, запрашаючы ў сведкі “старых людзей”. Нямецкія ж саноўнікі прапанавалі для азнаямлення акты Міндоўга аб перадачы Жамойці Ордэну. Адказы прадстаўнікоў ВКЛ былі досыць няўцямнымі – сапраўды, не выпадала ігнараваць прад'яўленыя пацвярджальныя папскія булы. Але што адказалі ліцвіны: яшчэ дакладна невядома, ці ўвогуле існаваў такі кароль Міндоўг (!). А калі і існаваў, то ягоныя прывілеі для Вялікага княства не ёсць важнымі, бо зараз пануе дынастыя, продкі якой і былі сапраўднымі ўладарамі Літоўскай зямлі. А Міндоўг, падобна што, быў усяго толькі дробным князем (*“unus de principibus minoribus”*), які з дапамогаю Ордэна спрабаваў замацаваць сваю ўладу ў Літве [34, р. 297–298].

Тое, што менавіта Ордэн быў зацікаўлены ў захаванні імя Міндоўга, сведчыць гісторыя з фальшаванымі і падрабленымі крыжакамі актамі караля пра дараванне Ордэну Селоніі (сёлы засялялі тэрыторыі на Поўдні Латвіі і на Паўночным-Усходзе Літвы). На пячатках з трасмптаў (юрыдычна завераных копіях) з 1392 г. і 1393 г. маюцца легенды *“MYNDOWE DEI GRA REX LETTOWIE”* і *“MYNDOWE DEI GRA REX LITOWIE”* адпаведна [28, с. 706–707; 7, с. 24]. І менавіта прускія храністы XVI ст. захавалі імя Міндоўга для гістарычнай памяці – пра караля Літвы пісалі Сымон Грунаў [40, с. 276–279] і Лукаш Давід [36, с. 131–145], які карыстаўся іншымі шматлікімі хронікамі [10, с. 247; 11, с. 25].

Што ж засталася ў гістарычнай свядомасці эліт Вялікага княства Літоўскага пра яе першага караля? Няўжо толькі інструментальны ўзровень? Каралеўскую велічнасць Міндоўга толькі ў другой палове XVI ст. ва ўсходнеславянскіх, польскіх і нямецкіх крыніцах адкрыў Мацей Стрыйкоўскі [41, с. 252; 37, р. 63].

Наступны этап: “герцагі літоўскія”

Наступную сістэматычную фіксацыю тытула ўладара Літвы мы знаходзім ўжо пры Гедыміне. У актах, якія зыходзяць ад яго імя, ён імянецца вельмі часта, як “кароль Літвы і Русі (літоўцаў і русінаў)”: *“Letphinorum Ruthenorumque rex”* (1323) [19, № 16, р. 46]; *“Lethowinorum Ruthenorumque rex”* (1325) [19, № 60, р. 218]. Але ў ты-

туле сустракаецца таксама тэрмін “dux”: *“rex sive dux eidem Litwaniæ – prefatus dux”* [20, s. 152–153]; *“Letphanorum Ruthenorumque rex, principes et dux Semigallie”* [31, s. 27–31]. Трэба нагадаць, што пісарамі ў канцылярыі Гедыміна служылі лацінскія манахі францысканскага і дамініканскага Ордэнаў.

Да Гедыміна таксама звярталіся як да “караля літоўцаў і русінаў”: *“Illustri principi domino Gedemynde Dei gratia Lethwinorum Ruthenorumque regi”* (Пасланне Рыжскай гарадской рады, 1322 г.) [19, № 15, р. 42]. У нямецкамоўнай карэспандэнцыі Гедымін вызначаецца па “скарочанай формуле” – “кароль літоўцаў”: *“konig van Lettouen”* (1323) [19, № 24, р. 72; 31, s. 39–40]. Падобнае жа сустракаецца і ў лацінамоўных замежных крыніцах: *“Regis Letwinorum”* (1324) [19, № 51, р. 162].

Пасля Гедыміна згадванні “каралеўскага” тытула яшчэ сустракаецца ў крыніцах. Альгерд быў *“rex Littovie”* [22, № 33, S. 39], *“magnus rex”* [39, s. 60], але таксама і *“supremus princeps Luthwanorum”* [30, № 80, s. 73–74] (магчыма, маецца на ўвазе вядучае становішча Альгерда ў дыярыі Альгерд–Кейстут); у “рускіх” граматах Альгерд – “великий князь” [1, № 1, с. 1–2; 9, с. 21–22]. Літва таго часу ўяўляе сабой праўна-дзяржаўную цэльнасць, на чале якой стаіць Альгерд, які і тытулуецца ў лацінамоўным дакументах *“supremus princeps”* [43, s. 460].

Даволі цікавым у разуменні сэнсавага напаўнення тытула літоўскага гаспадара можа стаць азнаямленне з грэкамоўнымі дакументамі Альгерда. Рэч у тым, што ў 1371 г. Альгерд меў пісьмовыя зносіны з канстанцінопальскім патрыярхам Філефеем у справе аднаўлення кафедры літоўскага мітрапаліта. Ліставанне гэтае вялося ў грэцкай мове і ў грамаце Альгерда ён быў названы “βασιλεύς” – “васілеўс” [6, отд. II, с. 148], так, як называліся і візантыйскія імператары. Ва ўсходне- і паўднёваславянскім кантэксте гэты тытул перакладаюць як “цар”. Ліст жа адрасуецца ад імя Альгерда як “васілеўса Літвы” – “Από τόν βασιλέα τῶν Λητβῶν τόν Ἷ Αλγερδον”. Зразумела, што сам патрыярх (у лісце да мітрапаліта маскоўскага Алексія) называў Альгерда, як “μεγαζ ριγαζ”, адпаведнікам чаго ёсць «вялікі князь» [5, с. 28]. Уяўляецца ўсё ж пераацэнкай укладаць у выкарыстанне канцылярыстамі Альгедам тэрміну “васілеўс” маніфестацыю прэтэнзій літоўскага князя на ўладу ва ўсёй Русі [5, с. 31]. Верагодна, складальнікам гэтага паслання быў праваслаўны падданы Альгерда, які ведаў грэцкую мову, хутчэй за ўсё – манах.

Вельмі верагодна, што гэты канцылярыст і пераклаў ужываныя адносна Альгерда тытулы “*rex Littovie*”, “*magnus rex*”, “*supremus princeps Luthwanorum*”, “князь великий” як “βασιλεὺς”. Тут мелася на ўвазе адлюстраванне вярхоўнага ўладнага статусу Альгерда. Хоць, безумоўна, жаданне падвысіць свой статус у вачах патрыярха тут прысутнічала [3, с. 47].

Кейстут завецца як “*rex precipuus*” [22, № 2, S. 2], але таксама “князем” [1, с. 1–2], “*dux Lythwanorum, dominus Trocensis, Grothensis etc.*” [30, № 80, s. 73–74]. Ягайла яшчэ да каталіцкага хросту зваўся “*królem*” [31, s. 64–68], “*magnus rex*” [31, s. 61], “*magnus dux*” [31, s. 69], а таксама “*obirster kung*” (“найвышэйшы кароль”) і “*obirster herzog*” (“найвышэйшы князь”) [31, s. 53, 55]. Усё гэта сведчыць, што ў дачыненні да ВКЛ тэрмін “*rex*” быў сінонімам тытула “князь”.

Тытул “кароль літоўцаў” у ранні перыяд (да Крэўскай уніі 1385 г.) суадносіўся з тытулам “літоўскі князь” як сінонім, асабліва ў заходніх крыніцах. Але як раз у заходніх катэгорыях манаршай улады тэрмін “кароль літоўцаў” не змог утрымацца і менавіта “князь” стаў тым тытулам, які замацаваўся за манархам ВКЛ. Але і гэты тытул перажываў трансфармацыі і доўгі час існаваў у сваёй незавершанай форме. Аналізуючы розныя варыянты тытула, варта адзначыць, што вызначэнні “*heres*” (спадчыннік) і “*dominus*” (гаспадар, уладар) заўсёды адносіліся да Русі, але не да Літвы.

Сітуацыя ўскладняецца розніцай значэнняў слова князь/герцаг у розных мовах. Калі польская і “русінская” тэрміналогія ведаюць толькі аднаго “*księcia*” і “князя”, то ў лацінскай мове існуе два тэрміна – “*princeps*” і “*dux*”; таксама і ў нямецкай мове – “*Fürst*” і “*Herzog*”. Этымалогія тытула “герцаг” выводзіцца ад верхнянямецкага “*herizogo*”, што літаральна азначае “той, хто вядзе за сабой войска”. Такім чынам, першапачаткова, герцаг – вайсковы правадыр. Развіццё феадальных адносін прывяло да ўсталявання спадчынай улады герцагаў, якія займалі другую пасля караля ступень у сістэме васальна-ленных адносін. У раздробленай жа Германіі герцаг (“*Herzog*”) стаў самастойным тэрытарыяльным князем. Вядома, у розных краінах эвалюцыя тытула мела розныя сцэнары, але агульную тэндэнцыю можна ўсё ж прасачыць, асабліва на нямецкім прыкладзе, які аказваў найбольшую, пасля Кароны Польскай, уплыў на развіццё іерархічных структур у Вялікім княстве Літоўскім (дадамо, што сама Польшча адчувала несумненны ўплыў нямецкай практыкі). Герцаг, як нямецкі “*Herzog*” і лацінскі “*dux*”, эвалюцыянаваў ад вайсковага

правадыра да тэрытарыяльнага ўладара. Тытул “*Fürst*” і “*princeps*”, які таксама мог быць эквівалентам “князя”, пазначае ў большай ступені палітычна-ўладарны, ганаровы, а таксама дынастычны аспект улады, чым тэрытарыяльна-ўладныя функцыі герцагаў, як “*Herzog*” і “*dux*”. Выбаршчыкі імператара ў Святой Рымскай імперыі германскай нацыі, найбольш важныя духоўныя і свецкія ўладары, былі менавіта “курфюрстамі” (“*Kurfürst*”) – князямі курыі. І тут трэба засігналізаваць, што ўладары Літвы XIV ст. выступаюць у нямецка- і лацінамоўных крыніцах менавіта як “*Herzog*” і “*dux*”: “*Kenstutte herczoge zcu Traken*” [31, s. 53–55], “*Skirgalo dux*” [31, s. 61], “*herczok Witowt von Traken*” [22, № 20, S. 22].

Варта таксама адзначыць, што пасля падпісання Крэўскага акту 1385 г. у нямецкамоўных крыніцах знікае тэрмін “*Konig*” адносна вялікага князя літоўскага, калі ён не быў польскім каралём.

Які князь вялікшы?

Яшчэ ў 1379 г. у нямецкіх крыніцах Ягайла выступае як “*obirster Herczoge der Littouwin*” [21, № 134, S. 180]. У лацінскіх актах яшчэ да хросту Ягайлы сустракаецца азначэнне “*magnus dux*” (у тым ліку, у Крэўскім акце) [16, р. 17]. У далейшым, у актах ад 18 лютага і 1 сакавіка 1386 г. Ягайла завецца “*supremus dux*” [24, № 7, р. 8; 26, № 24, р. 8], а потым, ад сярэдзіны 1386 г., усталёўваецца тэрмін “*princeps*”, а “*dux*” знікае з тытулатуры Ягайлы. Па хросце ў дачыненні да Ягайлы ўжо не ўжываецца тытул “вялікі князь” (за рэдкім выключэннем). Затое пачынае выкарыстоўвацца суперлатыўная форма “*supremus*” – відавочна, таксама дзеля адрознення ад іншых літоўскіх князёў. “*Princeps*” ёсць нечым большым, чым “*dux*”, але ж меншым, чым “*rex*”. Функцыяй “*princeps*” было адрозненне Ягайлы ад падлеглых яму літоўскіх князёў, якія зваліся “*dux*”, а таксама “*magnus dux*”. Паводле Яна Адамуса, з’яўленне тытулу “*princeps*” магло выконваць ролю “кампенсацыі” за спыненне ўжывання тэрміну “кароль” у дачыненні да ўладара дзяржавы [17, s. 323]. Але, як ужо адзначалася, пераход ад “*dux*” да “*princeps*” таксама цалкам адпавядала еўрапейскай тэндэнцыі эвалюцыі значэння гэтых тытулаў.

Змены ў тытулатуры Вітаўта вельмі добра ілюструюць эвалюцыю тытулу літоўскага гаспадара, тым больш, што гэта кладзецца на сетку палітычных падзей. Яшчэ ў 1388 г. Вітаўт выступае як “князь / герцаг Берасцейскі і спадчыннік [дзедзіч. – А. Дз.] Гарадзенскі” (“*dux Brzestensis et heres Hrodnensis*”) [42, № 9, s. 15], альбо “Божай літасцю князь Літоўскі, а таксама спадчыннік [дзедзіч] Гарадзенскі,

Берасцейскі, Драгічынскі, Луцкі, Уладзімірскі і іншых зямель” (*“Dei gratia dux Lithuaniae ac haeres Grodnensis, Brestensis, Drohiciensis, Luceoriensis, Wlodimiriensis et aliarum terrarum”*) [42, № 203, s. 172].

Але ёсць адзін супольны дакумент Ягайлы і Вітаўта ад 1386 г., дзе апошні выступае як *“magnus dux”* [23, № 8, р. 8; 18, № 8, s. 6]. Вакол гэтага дакумента ў свой час у польскай гістарыяграфіі разгарнулася дыскусія. Сам дакумент невядомы ў арыгінале, а толькі ў пазнейшых копіях, і А. Лявіцкі адмаўляў яму ў аўтэнтычнасці, бо “ў 1386 г. пра вялікае княства Вітаўта яшчэ нікому не снілася” [33, s. 429, ргзурп 2]. Ян Адамус звяртаў увагу на тое, што гэты дакумент вядомы нам у двух спісах, і ў абодвух Вітаўт выступае, як “вялікі князь” [17, s. 327]. Падобна, што ў гэтым выпадку мы маем справу з неафіцыйным тытулам.

Змены і ў палітыцы, і ў лацінскай тытулатуры адбыліся пасля Востраўскага пагаднення 5 жніўня 1392 г., паводле якога Вітаўт разарваў саюз з Нямецкім ордэнам і афіцыйна стаў пажыццёвым намеснікам Ягайлы ў Літве. Цяпер Вітаўт рэгулярна завецца як “князь Літоўскі” (*“Dei gratia dux Lithuaniae, Dominus et Haeres Trocensis, Lucensis”*) [42, № 10, s. 16]. Але, і гэта важна адзначыць, у кірылічных дакументах Вітаўт выступае як “великий князь” у 1393 і 1399 гг. [42, № 11, s. 17; № 16, s. 22; № 17, s. 23]. Досыць нечаканым выглядае ўжыванне ў акце 1395 г. у тытуле Вітаўта азначэння *“princes supremus Lytuanie etc.”* [42, № 13, s. 19], яўна спісанага з тытулатуры Ягайлы. Гэты дакумент не вядомы нам паводле арыгіналу, але, магчыма, у ім выявіліся памкненні Вітаўта і яго атачэння да падвышэння ролі князя. Таксама ў лацінскіх дакументах, датаваных, у прыватнасці, каля 1398 г., у дачыненні да Вітаўта сустракаецца тытул *“dux magnus”* [42, № 15, s. 22] (гэты акт таксама вядомы толькі ў пазнейшых копіях). Але ў сумесным акце Ягайлы і Вітаўта, складзеным у Лідзе 20 мая 1397 г., які захаваўся ў перагаменным арыгінале, рэальная дынастычнае і палітычнае лідэрства пазначана вельмі выразна – Вітаўт тут менавіта “толькі” “князь Літоўскі”: *“Wladislaus Dei gracia rex Polonie Lithuanieque princes supremus et heres Russie etc. et Allexander alias Witowdus eadem gracia dux Lithuanie dominusque Trocensis etc.”* [42, № 14, s. 20].

Сістэматычна ж звацца “вялікім князем” Вітаўт пачынае ад 1401 г. – пасля так званай Віленска-Радамскай уніі. 18 студзеня 1401 г. на Віленскім з’ездзе кароль Ягайла урачыста надаў Вітаўту Літву пажыццёва. Там жа, на Радзе Вітаўт быў абвешчаны вялікім

князем. Гісторыкі адзначаюць, што пад час гэтай працэдуры адбылася інстытуалізацыя літоўскай Рады – у адносінах да Польшчы яна ўпершыню выступіла як асобны дзяржаўны орган [38, s. 93–94]. На сваім з’ездзе ў Радаме 11 сакавіка 1401 г. польскія сенатары пацвердзілі акт, выдадзены ў Вільні.

Усё ж у актах Вітаўта час ад часу працягвае з’яўляецца тытул “*supremus dux*”. Зразумела, гэты акты тычацца надання прывілеяў унутры дзяржавы (каля 1405 г., 1407) [42, № 18, s. 24; № 70, s. 70]. Як варыяцыя гэтага тытула мог выступаць у 1407 г. “*dux maior*” [42, № 19, s. 25]. Але найбольш пашыраным тытулам Вітаўта ў першае дзесяцігоддзе XV ст. быў “*magnus dux*” [42, № 20, s. 26; № 21, s. 27]. Ягайла ж застаецца суверэнам дзяржавы – “*princeps*”, а тэрмін “*dux*” знікае з яго тытулатуры. Гэтыя праўна-палітычныя адносіны паміж Ягайлам і Вітаўтам, як адзначае Станіслаў Заянчкоўскі, найдакладней акрэслівае пазнейшая дзяржаўная практыка [43, s. 459]. Супрэмацыя Ягайлы падкрэслівалася і ў Гарадзельскім акце.

У 1930 г. Ян Адамус прапанаваў сваю схему развіцця тытула Вітаўта. Паводле Адамуса, ад 1401 г. Вітаўт становіцца “вялікім князем”. Вырашальным жа ў эвалюцыі тытула лічыцца 1411 г., калі Ягайла прызнае за Вітаўтам тытул “*magnus dux*” [17, s. 328]. Як бачым, дакументы могуць даць нам куды багацейшую карціну, чым любая гістарыяграфічная схема. Але сапраўды можна казаць пра тэндэнцыі ў частаце ўжывання таго ці іншага тытулу. Сам жа Адамус задаецца пытаннем: ці меў тытул Вітаўта “*magnus dux*” 1411 г. прававое значэнне адносна вярхоўнай улады?

Дзе месца русінскай градыцы?

Але і паходжанне самага двухчастковага тэрміну “вялікі князь” адносна манарха Літвы выклікае дыскусіі ў гістарыяграфіі. Ян Адамус выказваў меркаванне, што двухчастковы тытул “вялікі князь”, “найвышэйшы князь” паўстаў напэўна з мэтай адрознівання “*seniores duces*” ад іншых князёў (службовых). І толькі ў працягу сваёй думкі Адамус робіць наступнае ўдакладненне: “а таксама пад уплывам распаўсюджанага рускага тытула вялікі князь”. У такім разе тытул “вялікі князь” не быў выключным тэрмінам уладара дзяржавы, а таксама выкарыстанне гэтага тытулу падлеглымі Ягайле князямі не было маніфестацыяй імкнення да заняцця становішча, роўнага з Ягайлам.

Сучасны літоўскі гісторык Эдвардас Гудавічюс сярод тытулаў манархаў пералічвае рангі – найвышэйшы (*supremus, oberste*), вялікі (*magnus, grosse*), – і адзначае, што апошні быў патрэбны ў адносінах з Руссю (“вялікі князь”) [27, s. 835–836]. Такім чынам, пастулюецца пэўны інструменталізм паняццяў у тым сэнсе, што тытул “вялікі князь” быў неабходны для вядзення кірылічнай дакументацыі, але не з’яўляўся першакрыніцай для з’яўлення лацінскага адпаведніка “*magnus dux*”. Гэтая тэза Гудавічуса, падобна што, выключае з генеалогі ўзнікненні дзяржаўнай улады ў Вялікім княстве Літоўскім “русінскай” традыцыі.

Хоць мы ведаем, што з першых дзён свайго існавання Літоўская дзяржава на сімвалічна-рэпрэзентатыўным узроўні апелывала да русінскай традыцыі. Цікавым тут можа быць прыклад з пячаткай Міндоўга. Мова ідзе пра свінцовую пячатку-пломбу дыяметрам 15–16 мм, знойдзеную ў Ноўгарадзе. На адным з бакоў знаходзіцца надпіс ў тры радкі, які прачытваецца як [М]Ъ/НГДО/ВЪ. Безумоўна, застаюцца магчымасці для іншай інтэрпрэтацыі гэтай знаходкі, але Мікалай Ліхачоў лічыў вельмі верагодным аднясенне яе менавіта да ўладара Літвы [11, с. 25–27].

Напэўна, не менш, а можа і больш красамоўным можа быць прыклад з першымі літоўскімі манетамі. Срэбныя дэнарыі (“пенязі”) былі эмітаваны, у апошняй чвэрці XIV – першай палове XV ст. Меркаванні даследчыкаў пра пачатак біцця дэнарыяў разыходзяцца [8, с. 83–95; 29, s. 129–175; 2, с. 12–13]. Валянцін Рабцэвіч меркаваў, што, верагодна, эмісію распачаў у 1387 г. Ягайла [14, с. 146–149, 358, 407, табл. 24]. Характэрнай асаблівасцю гэтых манет, апроч выявы наканечніка дзіды і крыжа, ёсць кірылічны надпіс “ПЕЧАТ”, што азначае “пячатка”, як атрыбут вялікага князя.

Эмісія дэнарыяў істотна не паўплывала на грашовае абарачэнне ў Літве. Да нашых дзён не зарэгістравана ніводнага выпадку адкрыцця скарбаў дэнарыяў. Вядомы толькі адзінкавыя яго знаходкі, якія паходзяць, пераважна, з магільнікаў (жальнікаў) на беларуска-літоўскім памежжы. Гэтыя маленькія, але вельмі высокай пробы – 937, каля 1 г. манеты выконвалі інфармацыйна-рэпрэзентатыўную функцыю – яны абвясчалі, што існуе Літоўская дзяржава. Але за прататып для літоўскіх дэнарыяў былі ўзятыя першыя рускія манеты з надпісам “ПЕЧАТЪ”.

“Дзень народзін” Вялікага княства

Падчас аналізу тытулатуры манарха неабходна размяжоўваць тытул, як: 1) пазначэнне палітычнай ролі той ці іншай асобы ў дзяржаве; 2) тытул як заяўленая палітычная праграма; 3) афіцыйна-прававы тытул. Але і сама назва дзяржавы таксама перажывае значныя змены.

Яшчэ і пасля Крэва (1385 г.) у крыніцах як назоў дзяржавы фігуруюць такія тэрміны: *terra Letouie et Russie; terra Lithuaniae; terra Litwanorum; in partibus Litwanie; land czu Littawen; unsere lande alze Littawen, Ruessen und anderswo wo si gelegen sind; terrae Litwania et Russia; Lettowerland, Rutzenland* і г.п. І тут трэба зрабіць важнае ўдакладненне – ўсё гэта апісальныя назвы, але не афіцыйны тытул дзяржавы! [17, s. 330]. Толькі ў 1419 г. у дакуменце Ягайла і Вітаўта сустракаецца назва “*ducatus Lythwanie*” [26, № 845, р. 459]. А тытул “*Magnus Ducatus*” фіксуецца ў наданнях ад 2 студзеня 1430 г. (“*in terris nostris ducatus magni Lithuaniae*”) [25, Dodatek. № 5, s. 503] і далей пачынае выкарыстоўвацца рэгулярна.

Парадак усталявання і ўжывання тытулу “вялікі князь” выглядае наступным чынам: найперш тытул Ягайлы (1386 г.), потым тытул Вітаўта (1411 г.), у далейшым тытул дзяржавы (1430 г.). З гэтым звязана гіпотэза Адамуса, што тытул дзяржавы быў утвораны ад тытулу вялікага князя Вітаўта. У такім разе Вітаўт не атрымаў тытула Ягайлы, а таксама не стварыў свайго тытула ад назвы дзяржавы. Тытул дзяржавы, у такім разе, быў утвораны ад ад тытулу Вітаўта.

У 1411 г. тытул “*magnus dux*” выконваў функцыю адрознення Вітаўта ад іншых князёў дзяржавы і не быў яшчэ тытулам манарха. Толькі з 1430 г. тытул “*magnus dux*” становіцца канчаткова адпаведным з назваю дзяржавы менавіта праз утварэнне такой назвы – Вялікае княства Літоўскае. Досыць часта выкарыстоўвалася яшчэ формула “*Magnus Ducatus Lithuania et Rusie*”. Пакуль каля 1450 г. не наступіла стабілізацыя назвы і найбольш пашыранай стала менавіта “*Magnus Ducatus Lithuania*”. Звязана гэта было, як уяўляецца, з прыўнясеннем новай прававой аднароднасці ў статус вялікага князя літоўскага і самога Вялікага княства Літоўскага.

Спіс літаратуры

1. *Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией.* – СПб. : Тип. II отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1846. – Т. 1: 1340–1506. – 419 с.

2. Бектинеев, Ш.И. Денежное обращение Великого княжества Литовского в XII–XV вв. / Ш.И. Бектинеев. – Минск : Изд. В.Н. Милютин, 1994. – 80 с.
3. Варонін, В.А. Вялікія князі полацкія (канец XIV ст.) / В.А. Варонін / Полацк: карані нашага радавода. Полацкая зямля як сацыякультурная прастора ўзнікнення і развіцця беларускага этнасу і нацыянальнай дзяржаўнасці: Міжнар. навук. канф., 5–6 верас. 1995 г. / Полацк. дзярж. ун-т; Рэд. А. Мальдзіс і інш. – Полацк, 1996. – С. 44–50.
4. Галицько-Волинський літопис. Дослідження. Текст. Коментар / За ред. чл.-кар. НАН України М.Ф. Котляра. – Київ : Наук. думка, 2002. – 400 с.
5. Голубев, О.Е. Великий князь литовский Ольгерд: князь или царь? / О.Е. Голубев // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы.* – Минск : Изд. БГУ, 2008. – Вып. 1. – С. 27–33.
6. Григорович, В. Протоколы константинопольского патриарха XIV-го столетия / В. Григорович // *Журнал Министерства народного просвещения.* – 1847. – Ч. 54. – Отд. II. – С. 131–164.
7. Гумоўскі, М. Маєстатавая пячатка Міндоўга / М. Гумоўскі // *Герольд Litherland.* – Горадня, 2003. – № 1–2 (9–10). – Год 3. – С. 23–25.
8. Даркевич, В.П., Соболева, Н.А. О датировке литовских монет с надписью «ПЕЧАТЬ» / В.П. Даркевич, Н.А. Соболева // *Советская археология.* – 1973. – № 1. – С. 83–95.
9. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнин; отв. ред. С.В. Бахрушин. – М.; Л. : Изд. АН СССР, 1950. – 587 с.
10. Лихачев, Н.П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики / Н.П. Лихачев // *Труды музея палеографии.* – Л. : Изд. АН СССР, 1930. – Ч. 2. – С. 240–250.
11. Ліхачоў, М. Пячатка-пломба Міндоўга / М. Ліхачоў // *Герольд Litherland.* – Горадня, 2003. – № 1–2 (9–10). – Год 3. – С. 25–27.
12. Міндаў, кароль Літовіі, у дакумэнтах і сьведчаньнях = *Mindowe, rex Lithowiae, in litteris et testimonies* / Укладаньне, пераклад на беларускую мову, камэнтары А. Жлуткі. – Мінск : Тэхналогія, 2005. – 136 с.
13. Петраускас, Р. Забытый король: Миндовг в политическо-историческом сознании литовской элиты в конце XIV – начале XVI в. / Р. Петраускас // *Литва эпохи Миндаугаса и ее соседи: исторические и культурные связи и параллели. Тезисы Международной научной конференции 11–12 декабря 2003 г. / Посольство Литовской Республики в РФ; “Дом Юргиса Балтрушайтиса”; Ин-т истории Литвы (Вильнюс); Ин-т славяноведения РАН (Москва); Ин-т всеобщей истории РАН (Москва).* – М., 2003. – С. 40–43.
14. Рябцевич, В.Н. Нумизматика Беларуси / В.Н. Рябцевич. – Минск : Полымя, 1995. – 687 с.
15. Чамярыцкі, В., Жлутка, А. Першая згадка пра Белую Русь – XIII ст.! / В. Чамярыцкі, А. Жлутка // *Адраджэньне. Гістарычны альманах.* – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – Вып. 1. – С. 143–152.
16. 1385 m. rugpjūčio 14 d. krėvos aktas [Lietuvos užsieni politicos dokumentai. XIII–XVIII a. turynėjimai] / Sudarė Jūratė Kiaupienė. – Vilnius : Žara, 2002. – 144 psl.
17. Adamus, J. O tytule panującego i państwa litewskiego parę spostrzeżeń / J. Adamus // *Kwartalnik Historyczny.* – 1930. – Rok XLIV. – T. 1. – Zeszyt 3. – S. 313–332.

18. Archiwum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie / Wyd. pod kierow. Z.L. Radziwińskiego, przy współud. P. Skobielskiego i B. Gorcza. – Lwów : Drukarnia Instytutu Stauropigiańskiego, 1890. – T. 1: 1366–1566. – XIV, 203 s., 3 tabl.

19. Chartularium Lithuaniae res gestas magni ducis Gedemine illustrans = Gedimino laiškai / Tekstus, vertimus bei komentarus parengė S.C. Rowell. – Vilnius : Leidykla Vaga, 2003. – LVIII, 422 p.

20. Codex diplomaticus Prussicus: Urkunden-Sammlung zur älteren Geschichte Preussens aus dem Königl. Geheimen Archiv zu Königsberg, nebst Regesten / Hrsg. von J. Voigt. – Königsberg : Bei den Gebrüder Bornträger, 1836. – Bd. 2. – XXVIII, 221 S.

21. Codex diplomaticus Prussicus / Hrsg. von J. Voigt. – Königsberg : Bei den Gebrüder Bornträger, 1848. – Bd. 3. – XXIV, 200 S.

22. Codex diplomaticus Prussicus / Hrsg. von J. Voigt. – Königsberg: Bei den Gebrüder Bornträger, 1853. – Bd. 4. – XXIV, 190 S.

23. Codex epistolaris saeculi decimi quinti. – Cracovia : Nakładem AU, 1876. – [T. 1:] 1384–1492: Ex antiquis libris formularum, corpore Naruszeviciano, autographis archivisticque plurimis collectus opera Augusti Sokołowski, Josephi Szujki. – Pars 1: Ab anno 1384 ad annum 1444. – LXX, 158 p.

24. Codex epistolaris saeculi decimi quinti / Ed. A. Lewicki.– Cracovia : Nakładem AU, 1891. – T. II. – LXXVII, 532 p.

25. Codex epistolaris saeculi decimi quinti / Ed. A. Lewicki.– Cracovia : Nakładem AU, 1894. – T. III. – LXXX, 666 p.

26. Codex epistolaris Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1376–1430 / Collectus opera Antonii Prochaska. – Cracoviae : Sumtibus Academiae Literarum Crac., 1882. – CXVI, 1114 p.

27. Gudavičius, E. Władca / E. Gudavičius / Kultura Wielkiego Księstwa Litewskiego. Analizy i obrazy. – Kraków : Universitas, 2006. – S. 834–854.

28. Gumowski, M. Pieczęcie Książąt Litewskich / M. Gumowski // Ateneum Wileńskie. – Wilno, 1930. – R. VII. – Zeszyt 3–4. – S. 684–725.

29. Kiersnowski, R. Najdawniejsze monety litewskie / R. Kiersnowski // Wiadomości Numizmatyczne. – 1984. – Z. 3–4 (109–110). – S. 129–175.

30. Kodeks dyplomatyczny Księstwa Mazowieckiego, obejmujący bulle papieżów, przywileje królów polskich i książąt mazowieckich, tudzież nadania tak korporacyj jako i osób prywatnych / Przyg. J.T. Lubomirski. – Warszawa : w Drukarni Gazety Polskiej, 1863. – IV, 346, X s.

31. Kodeks dyplomatyczny Litwy wydany z rękopisów w Archiwum Tajnem w Królewcu zachowanych / Wyd. E. Raczyński. – Wrocław, 1845.

32. Kosman, M. Kancelaria wielkiego księcia Witolda / M. Kosman // Studia źródłoznawcze. – 1969. – T. XIV. – S. 91–117.

33. Lewicki, A. Kiedy Witold został wielkim księciem Litwy? / A. Lewicki // Kwartalnik Historyczny. – 1894. – T. VIII. – S. 420–430.

34. Lites ac gestae inter Polonos ordinemque cruciferorum. Spory i sprawy pomiędzy Polakami a Zakonem Krzyżackim / Wyd. J. Zakrzewski. – Poznań, 1892. – T. 2. – 482 p.

35. Livländische Reimchronik. Atskaņu Hronika / Valža Bisenieka atdzejojums no vidusaugšvācu valodas, Ēvalda Mugarēviča priekšvārds, Ēvalda Mugarēviča, Kaspara Kļaviņa komentāri. – Rīga : Zinātne, 1998. – 389 lpp.

36. Lucas David's Preussische Chronik, mit Beifügung historischer und etymologischer Anmerkungen / Herausg. von E. Hennig. – Königsberg : In der Hartungschens Hofbuchdruckerei, 1815. – Bd. 7. – IV, 252 S.
37. Petrauskas, R. Užmirštas karalius: Mindaugas LDK visuomenės savimonėje XIV a. – pabaigoje – XVI a. / R. Petrauskas // Mindaugas karalius / Sudarė Vytautas Ališauskas. – Vilnius : Aidai, 2008. – P. 51–63.
38. Prochaska, A. Dzieje Witolda wielkiego księcia Litwy / A. Prochaska. – Kraków : Universitas, 2008. – 401 s.
39. Prochaska, A. Przyczynki krytyczne do dziejów unji / A. Prochaska // Rozprawy Wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności. – Kraków, 1896. – T. 33. – S. 55–122.
40. Simon Grunau's Preussische Chronik / Hrsg. von M. Perlbach. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1875. – Bd. 1.
41. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi / M. Strykowski. – Warszawa : Nakładem Gustawa Leona Glücksberga, 1846. – T. 1. – 392 s.
42. Vitoldiana. Codex privilegiorum Vitoldi Magni Ducis Lithuaniae 1386–1430 / Zebrał i wydał Jerzy Ochmański. – Warszawa, Poznań : PWN, 1986. – 256 s.
43. Zajączkowski, S. Witold wielki książę litewski. 1430—1930 / S. Zajączkowski // Ateneum Wileńskie. 1930. – R. VII. – Z. 3–4. – S. 455–468.

Темушев В.Н.

ПОГРАНИЧНЫЕ ГОРОДА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО: ДМИТРОВЕЦ В XV в.

К числу городов-крепостей Великого княжества Литовского (далее: ВКЛ), стоявших стражами на восточной границе государства, относится малоизвестный Дмитровец (Дмитров), всего несколько раз упоминаемый в источниках на протяжении XV в. и исчезнувший в начале следующего века. Возникновение и существование городка было всецело связано с формированием в начале XV в. московско-литовской границы (до этого времени московские и литовские владения лишь только соприкасались в некоторых местах)¹. Ему была предназначена роль обеспечивать рубеж обороны восточной окраины ВКЛ, и он угас, как только эта роль была сыграна (в начале XVI в. граница ВКЛ ушла от Дмитровца и р. Угры, у которой он стоял, далеко на запад).

Дмитровец в письменных источниках, исходящих от литовской стороны, назывался обычно Дмитровом. В московском же летописании и в актовых материалах было принято использовать форму, отличную от одноименного населенного пункта, стоявшего на р. Яхроме, к северу от Москвы. По этой же причине и в данной работе будет употребляться название Дмитровец.

Согласно системе административно-территориального деления, складывавшейся в Великом княжестве Московском и восточной части ВКЛ, Дмитровец не являлся городом, то есть центром, к которому относилось несколько волостей. Он был лишь средоточием волости. Мало известно о его роли в экономической жизни региона. В этом смысле он сильно контрастирует с таким городом на Угре, как Опаков, который обладал посадом, торгом, таможней и управ-

¹ О формировании московско-литовской границы см.: *Цемушаў В.М.* Літоўска-маскоўская граніца ў другой палове XV – пачатку XVI ст. // Ягелоны: дынастыя, эпоха, спадчына : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (Гальшаны-Навагрудак, 8–10 верас. 2006 г.). Мінск, 2007. С. 325–340; *Он же.* Формирование московско-литовской границы в XV – начале XVI в. // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*: науч. сб. Вып 1 / редкол.: А.В. Мартынюк, Г.Я. Голенченко (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2008. С. 56–77.

лял рядом волостей по обеим сторонам р. Угры. Вероятно, значение Дмитровца не выходило за рамки выполнения им оборонительной роли и контроля сельской округи в рамках волости. Дмитровец вполне подходит под описанный С.Б. Веселовским древний тип поселения – городок, основной функцией которого являлась защита окрестного населения. Московские городки с XIV в. начинают отмирать, утрачивая судебно-административное значение и уступая оборонное значение городам². Дмитровец, благодаря своему стратегически выгодному положению, продержался дольше, но и он исчез в начале XVI в.

Игнорируемый источниками, Дмитровец также не был удостоен особого внимания исследователей. Городу было посвящено несколько небольших статей, его упоминали в соответствующих местах при описании политических событий начала и конца XV в. и помещали на картах. Из-за явного недоразумения по отношению к Дмитровцу возникла проблема, связанная с его локализацией. При этом характерно, что попыток рассмотрения истории Дмитровца в соотношении с местом его расположения осуществлено не было. В итоге все исследования, в той или иной степени касающиеся городка на р. Угре, можно разделить на две категории: 1) упоминающие или анализирующие его роль в политической истории и 2) стремящиеся дать точную привязку данного населенного пункта к месту на карте.

Отдельное исследование по политической истории Дмитровца представляет собой статью, как это ни парадоксально, крупного специалиста по исторической географии России К.А. Аверьянова³. И, к сожалению, в первых же строках статьи обнаружилась серьезная ошибка историко-географического характера. «Забытый» городок Дмитровец несправедливо помещен автором недалеко от Юхнова, «близ впадения в Угру реки Рессы»⁴, а уже из-за этой не-

² Веселовский С.Б. Московское государство: XV–XVII вв. Из научного наследия. М., 2008. С. 33.

³ Аверьянов К.А. Средневековый Дмитровец // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XI Всероссийской научной конференции 5–7 апреля 2005 г. Калуга, 2005. С. 80–82.

⁴ Там же. С. 80. Мнение К.А. Аверьянова, несомненно, сложилось под влиянием короткого комментария неизвестного автора к запискам С. Герберштейна издания 1988 г.: «Город Дмитров на р. Угре при впадении в нее р. Рессы» (*Герберштейн С. Записки о Московии*. М., 1988. С. 328. Прим. 447).

верной локализации естественным оказался вывод об отсутствии информации про Дмитровец в некоторых справочных изданиях.

При описании истории Дмитровца К.А. Аверьянов пользовался в основном двумя видами источников – летописями и посольскими книгами. При этом совершенно не были привлечены документы Метрики ВКЛ⁵, а «Списки населенных мест Российской империи» середины XIX в. и картографические материалы (опубликованные В. Кордтом) использованы только для показа существования населенного пункта с таким названием в XVII–XIX вв.

Тем не менее, из выделенного круга письменных источников исследователь старательно выбрал всю имеющуюся информацию и подробно изложил историю Дмитровца вплоть до последнего упоминания этого пункта в письменных источниках в начале XVII в.

Кроме материала описательного характера, основу содержания статьи К.А. Аверьянова составила гипотеза возникновения г. Дмитровца, часто называвшегося Дмитровом. Исходя из представления о принадлежности городка до середины 90-х гг. XV в. князю Семену Федоровичу Воротынскому – вассалу великих князей литовских, предположения о владении этим пунктом отца князя Семена – Федора Воротынского и факта женитьбы последнего на дочери литовского князя Корибута (Дмитрия) Ольгердовича – Марии, К.А. Аверьянов пришел к интересному заключению. По мнению исследователя, Дмитровец через приданое дочери достался от князя Корибута его зятю князю Федору Воротынскому. Возник же Дмитровец, в связи с тем, что не был упомянут в «Списке городов русских дальних и ближних» (по мнению К.А. Аверьянова составленном в 1374 г.) и благодаря тому, что в 1377–1399 гг. князь Корибут владел Северской землей, как раз в последней четверти XIV в. или «скорее всего» к середине – второй половине 90-х гг. XIV в.⁶ Таким образом, Дмитровец «был возведен в качестве пограничного форпоста владений князя Дмитрия Ольгердовича»⁷. Мысль о происхождении названия городка от имени какого-то Дмитрия была высказана К.А. Аверьяновым заранее. Более того, можно смело утверждать, что гипотеза возникновения Дмитровца является прямым следствием отождествления его названия с именем князя

⁵ Единственное упоминание документа из Метрики ВКЛ следует сразу за ссылкой на работу М.К. Любавского, из которой, очевидно, и взято без указания места и года издания или архивного фонда.

⁶ Аверьянов К.А. Указ. соч. С. 82.

⁷ Там же.

Корибута-Дмитрия и последующим искусственным подбором и даже подгонкой фактов под предварительно выработанное решение. На деле логичная схема, к сожалению, не выдерживает критики.

Прежде всего, Дмитровец принадлежал лишь князю С.Ф. Воротынского и в течение короткого времени – благодаря захвату, подтвержденному никем иным, как великим князем московским Иваном III⁸! После перехода на московскую службу в ноябре-декабре 1492 г.⁹ князь Семен, по вполне вероятно заключенному с московскими властями предварительному сговору, сохранил под своим контролем все те владения, что сумел занять. Был среди них или не был Дмитровец – неизвестно, а в результате похода литовских войск (в начале 1493 г.) вся территория с правой стороны Угры была возвращена в состав ВКЛ. Однако в последовавшем затем походе московских войск были заняты города Мезецк, Мосальск, Серпейск, Опаков, Лучин, Мощин, Городечна, Дмитров, Залидов и др.¹⁰ и, таким образом, только после февраля 1493 г. князь Семен Федорович смог завладеть определенными землями. Это были не только Дмитровец и прежние вотчины князя Семена, но и ряд городов и волостей, отторгнутых у верховских и вяземских князей¹¹. Но накануне заключения московско-литовского мира 1494 г. московский великий князь Иван III «поступился» рядом городов и волостей (среди них и Дмитровцом) великому князю литовскому Александру¹². Территории с правой стороны р. Угры (а дмитровские земли – и с левой стороны) были возвращены в состав ВКЛ.

Князь Семен Федорович гипотетически мог владеть Дмитровцом с момента перехода на московскую сторону в ноябре-декабре 1492 г. до начала 1493 г. и, более определенно, в течение года – с фев-

⁸ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. I // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 35. СПб., 1882. (Далее: СИРИО). № 24. С. 136.

⁹ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 85.

¹⁰ СИРИО. Т. 35. № 22. С. 104, 106; Памятники дипломатических сношений России с азиатскими народами. Т. I // СИРИО. Т. 41. СПб., 1884. № 41. С. 186, 192; Полное собрание русских летописей (Далее: ПСРЛ). Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 225; Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никонской летописью. М., 2000. С. 234; Т. XX. Львовская летопись. М., 2005. С. 358; Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М.; Л., 1963. С. 322–323; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 22–23. При этом Мезецк не был сожжен (ПСРЛ. Т. VIII. С. 225).

¹¹ ПСРЛ. Т. XII. С. 234; Т. XX. С. 358; СИРИО. Т. 35. № 24. С. 137.

¹² СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.

раля 1493 по февраль 1494. До этого же времени городок находился в прямом административном подчинении Смоленску¹³, считался королевским¹⁴. Ни о какой передаче по наследству Дмитровца от князя Федора Львовича (а не Юрьевича, как ошибочно указал К.А. Аверьянов) сыну Семену не могло быть и речи¹⁵. Владения князя Ф.Л. Воротынского хорошо известны¹⁶. Среди них нет Дмитровца.

Таким образом, цепочка принадлежности Дмитровца между Дмитрием-Корибутом Ольгердовичем и Федором Семеновичем Воротынским разрывается. Но даже если гипотетически предположить связь городка именно с указанным литовским князем, то возникнет большая проблема историко-географического характера. Дмитровец никак нельзя отнести к составу Северной земли, которой частично владел Дмитрий Ольгердович¹⁷. Не мог литовский князь основывать свой форпост на землях Смоленского княжества, да еще и в то время, когда оно являлось независимым государством (до 1395, в 1401–1404 гг.).

Итак, гипотеза К.А. Аверьянова о возникновении Дмитровца оказалась нежизнеспособной. Подробное же ее рассмотрение в данной статье связано с тем, что далее будет осуществлена еще одна попытка объяснения времени и обстоятельств появления городка-крепости на берегу р. Угры.

Вторая отдельная работа о Дмитровце написана археологами и посвящена выяснению конкретной проблемы – местонахождения этого города¹⁸. Г.А. Массалитина и И.В. Болдин на первом этапе ра-

¹³ СИРИО. Т. 35. № 24. С. 118.

¹⁴ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. II. «Выписка из посольских книг» о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1487–1572 гг. / Составитель Б.Н. Морозов. М.; Варшава, 1997. С. 52.

¹⁵ Шеков А.В. О системе наследования княжеских столов среди князей Новосильских в XIV–XV веках // Забелинские научные чтения – Год 2005-й. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 168. М., 2006. С. 259–260.

¹⁶ СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136; Акты, относящиеся к истории Западной России. (Далее: АЗР). Т. I. 1340–1506. СПб., 1846. № 48. С. 61; № 57. С. 70; Lietuvos Metrica = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. V, 1998. Кн. 3 (1440–1498). (Далее: LM). P. 37, 39.

¹⁷ О составе Северной земли см.: Русина О.В. Персональный состав северских князей во второй половине XIV в. // Историческая генеалогия. Екатеринбург, Париж, 1993. Вып. 2. С. 14–18; Она же. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 41–52 и др.

¹⁸ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Средневековый Дмитровец. К постановке проблемы // Позднесредневековый город: археология и история: Сб. статей в 2-х ч. Ч. 2. Изучение позднесредневековых городов России / Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2007. С. 126–129.

боты опирались исключительно на собственные собранные сведения. Пытаясь перепроверить информацию, представленную в первом издании «Археологической карты России: Калужская область», авторы статьи не обнаружили в указанном месте городища Жары¹⁹. Поэтому были проведены дополнительные поиски, которые дали новый результат: на правом берегу р. Угры, в 2-х км выше устья р. Вори было выявлено городище, введенное в научный оборот под названием Жары 1²⁰. Через некоторое время выяснилось, что находящееся рядом с памятником урочище Городец имеет и другое название – Дмитровец. «Список населенных мест Смоленской губернии» показал существование такого населенного пункта в середине XIX в. и дал другие варианты его названия: Дмитров, Городец, Покров²¹.

Таким образом, Г.А. Массалитина и И.В. Болдин повторно пришли к открытию места средневекового города Дмитровца. (Описание городища, размещенного к северу от д. Жары на правом берегу р. Угры уже было дано Т.Н. Никольской²². Также и картографические материалы XVIII–XIX вв. позволяли точно определить место городка). Недостаток информации об истории города был восполнен благодаря статье К.А. Аверьянова. Авторы сопоставили исторические сведения, представленные исследователем с археологическими данными, полученными в ходе раскопок городища. В итоге обнаружилась несогласованность между выводами К.А. Аверьянова, явившихся следствием его гипотезы о возникновении Дмитровца, и, следует думать, объективными заключениями, появившимися в результате интерпретации археологических находок. Г.А. Массалитина и И.В. Болдин показали, что укрепление Дмитровца (сооруже-

Совсем недавно была издана еще одна работа тех же авторов, в которой осуществлена попытка воссоздать историю Дмитровца на основе комплексного использования источников (Массалитина Г.А., Болдин И.В. Реконструкция истории летописного Дмитровца на основе письменных и археологических источников // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 10. Калуга, 2009. С. 69–80). Круг известных письменных источников остался прежним, а из археологических данных наиболее существенным стало открытие селища к востоку от городища – места, на котором продолжалась жизнь Дмитровца после запустения городка.

¹⁹ Археологическая карта России (Далее: АКР): Калужская область / Сост. Ю.А. Краснов. М., 1992. С. 124. № 597.

²⁰ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Средневековый Дмитровец. С. 126.

²¹ Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. XL: Смоленская губерния. СПб., 1868. С. 403. № 11285.

²² Никольская Т.Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М., 1981. С. 87.

ние насыпи вала) следует относить к периоду не ранее XV в. Кроме того, на городище весомо представлен материал эпохи Киевской Руси. По этим двум причинам нельзя утверждать о возникновении города в конце XIV в.²³

Г.А. Массалитина и И.В. Болдин обратили внимание на неверную локализацию Дмитровца К.А. Аверьяновым «близ устья Рессы» и сделали вывод о заимствовании такого представления из карты С.М. Кучиньского (правда, там сама р. Ресса не обозначена)²⁴. В свое время авторитет крупнейшего исследователя регионов Северской земли и Верхней Оки повлиял на определение места Дмитровца и на картах автора данной статьи²⁵. Однако, благодаря указанию краеведа К.А. Александра, обратившегося к картам XVIII–XIX вв., в новых изданиях данная ошибка была исправлена²⁶.

Интересен основанный на археологических данных вывод Г.А. Массалитиной и И.В. Болдина о запустении поселения на городище Дмитровца в конце XV в. Казалось бы, это не согласуется со свидетельством письменных документов, упоминающих Дмитровец до начала XVII в. Однако, как показали Г.А. Массалитина и И.В. Болдин, в урочище Городец в 350 м от городища продолжало существовать поселение с таким же названием. Его остатки сохранялись до 70-х гг. XX в.²⁷

Следует, правда, оговориться, что те письменные источники, на которые ссылался К.А. Аверьянов и имели в виду Г.А. Массалитина и И.В. Болдин, фиксируют наличие Дмитровца, так сказать, по инер-

²³ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Средневековый Дмитровец. С. 127, 128.

²⁴ Там же. С. 128; Mapa ziem czernihowsko-siewierskich. Włości i kompleksy w XIV i XV wieku // Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy // Prace Ukraińskiego instytutu naukowego. T. 33. Warszawa, 1936.

²⁵ Темушев В.Н. Вярхоўскія княствы ў канцы XIII – пачатку XVI ст. Карта // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. У 2 т. Т.1: Абаленскі–Кадэнцья. Мн., 2005. С. 477; Он же. Верховские княжества в конце XIII – начале XVI в. Карта // Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 5. С. 198; Он же. Вяземское княжество в XIV–XV вв. Карта // Большая Российская Энциклопедия. М., 2006. Т. 6. С. 201.

²⁶ Темушев В.Н. Узаемаадносіны Вялікага княства Літоўскага з Вялікім княствам Маскоўскім і Крымскім ханствам. 1487–1537 гг. Карта // Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. Мн., 2009. С. 74–75; Он же. Московско-литовская граница во второй половине XV – первой трети XVI в. Карта // Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. II: Статьи, комментарии, приложения, указатели, карты. Вкладыш; Он же. Верховские княжества в конце XIII – начале XVI в. Карта 2 // Кром М.М. Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI века. М., 2009. Вклейка.

²⁷ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Средневековый Дмитровец. С. 128–129; Они же. Реконструкция истории летописного Дмитровца. С. 73–76, 79.

ции. Каждый последующий московско-литовский договор (речь идет об этом документе) заимствовал формулы предыдущего, в частности, воспроизводил списки географических объектов, многие из которых давно потеряли пограничный характер (а потому не имело смысла их перечислять), а некоторые вовсе исчезли. Кроме того, начиная с договора 1503 г. Дмитровец назывался уже городищем²⁸, то есть составители грамоты учли фактор запустения этого городка.

Тем не менее, наблюдения Г.А. Массалитиной и И.В. Болдина нельзя игнорировать. В XVI–XVII вв. в составе Можайского, а затем Вяземского уездов находилась Дмитровская волость, центром которой как раз и являлось то поселение, которое указали авторы рассматриваемой статьи. Позднее центр волости перешел к соседнему селу Рупосову, на короткое время даже ставшему центром уезда (правда, в итоге этот статус был уступлен Юхнову)²⁹.

Таким образом, в статье Г.А. Массалитиной и И.В. Болдина не только была окончательно решена проблема локализации Дмитровца, но и сделано несколько ценнейших выводов о времени его возникновения и развитии в XV в. При этом проблема соотношения археологических данных с известиями письменных источников осталась по-прежнему актуальной.

Довольно подробный обзор истории Дмитровца дал А.В. Кузьмин в комментарии к упоминанию города С. Герберштейном³⁰. По утверждению автора комментария, зимой 1492/93 г. Дмитровец был захвачен у ВКЛ, но не закреплен за Москвой по договору 1494 г. Только после 1500 г. и по миру 1503 г. город вошел в состав Великого княжества Московского и стал частью Можайского уезда. Интересно наблюдение А.В. Кузьмина, сделанное на основании указания С. Герберштейна, но не нашедшее пока подтверждения, о том, что ко времени приезда посла в Россию (1517 г.) в Дмитровце могли быть возведены новые укрепления³¹.

Появление Дмитровца на страницах других исследований носит характер упоминаний при рассмотрении истории московско-литовских отношений. Существенными являются представления о местонахождении городка и некоторые замечания об относящейся к нему территории.

²⁸ СИРИО. Т. 35. № 75. С. 400.

²⁹ Маслов В.Е. Юхнов. Калуга, 1995. С. 19–20.

³⁰ Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. II. С. 416. Прим. 535.

³¹ Там же. С. 417. прим. 535.

Неизвестно, на какой источник опирался Н.М. Карамзин, когда в комментарии к событиям 1407 г., где был назван Дмитровец, таким образом охарактеризовал его местонахождение: «ныне деревня в Калужской губернии, на реке Протве»³². Исследователь литовско-московской границы Я. Натансон-Лески при описании кампаний литовско-московской войны 1406–1408 гг. также обратил внимание на Дмитровец и привел мнение Н.М. Карамзина о его размещении. Однако глубокое знание местности позволило польскому исследователю усомниться в такой локализации и предположить, что речь шла о Дмитрове над р. Угрой, напротив устья р. Вори³³. Вполне вероятно Я. Натансон-Лескому были доступны российские картографические материалы XIX в. и, прежде всего, военно-топографическая карта («трехверстка») 1850 г.

При определении места Дмитровца В.Н. Дебольский, несомненно, воспользовался другим источником – «Списком населенных мест Смоленской губернии». По словам исследователя историко-географической компоненты духовных и договорных грамот московских князей: «Дмитровец лежал на Угре, в Юхновском уезде, в 26-ти вер. от уездного города»³⁴. Такие данные предоставил «Список населенных мест»³⁵, но их, видимо, оказалось недостаточно – на своей карте, приложенной к работе, В.Н. Дебольский Дмитровец не обозначил.

С.М. Кучинский пояснения в тексте своей работы (посвященной чернигово-северским землям) относительно местоположения Дмитровца не сделал, но на карте с некоторой погрешностью городок отметил³⁶, возможно, также согласуясь с расстоянием от Юхнова, указанным в «Списке населенных мест Смоленской губернии». Кроме того, польский исследователь привел интересное, но, очевидно, ошибочное указание на куплю великим князем московским Симеоном Ивановичем у князя Ивана Друцкого села

³² Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. V. М., 1993. С. 292. Прим. 199.

³³ Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. 1: Granica Moskiewska w epoce Jagiellonskiej. Lwów; Warszawa, 1922. S. 26. Pr. 44.

³⁴ Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. 2. СПб., 1902. С. 43.

³⁵ Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. XL: Смоленская губерния. С. 403. № 11285.

³⁶ Mapa ziem czernihowsko-siewierskich. Włości i kompleksy w XIV i XV wieku // Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy.

в Дмитрове над Угрой³⁷. Данное приобретение, действительно, упомянуто в завещании князя Симеона³⁸, только без уточнения места нахождения и, скорее всего, речь идет о Дмитрове на р. Яхроме, севернее Москвы.

Вероятно, не без влияния С.М. Кучиньского на том же самом месте, что и он, поставил Дмитров на своей карте И.А. Голубцов³⁹. Вообще же, следует заметить, что с середины XX в. столь подробных и точных карт, которые бы иллюстрировали регионы Поугорья и Верхней Оки, не было создано. Только в 1993 г. А.В. Шеков перевел на русский язык и опубликовал карту С.М. Кучиньского⁴⁰. Дмитровец остался там на прежнем месте. Интерес исследователей к определению местоположения как Дмитровца, так и многих других пунктов в междуречье Оки и Угры, таким образом, долгое время не проявлялся. Только недавно были опубликованы две работы, специально посвященные Дмитровцу. В них была окончательно решена проблема локализации городка на Угре, на основе письменных источников раскрыта его история и выдвинута гипотеза о его возникновении.

Обзор работ, связанных с локализацией Дмитровца, показал, что до недавнего времени исследователи представляли его местоположение лишь приблизительно. Однако и раньше, даже без привлечения археологических данных, существовала возможность для точного обозначения городка на карте. Место городища исчезнувшего Дмитровца прекрасно читается на плане Генерального межевания, относящегося к Юхновскому уезду Смоленской губернии⁴¹. Там, чуть левее погоста Дмитровец, в котором видна церковь, у берега р. Угры нарисован круглый холм, под которым явно скрывается ис-

³⁷ *Kuczyński S.M.* Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. С. 62.

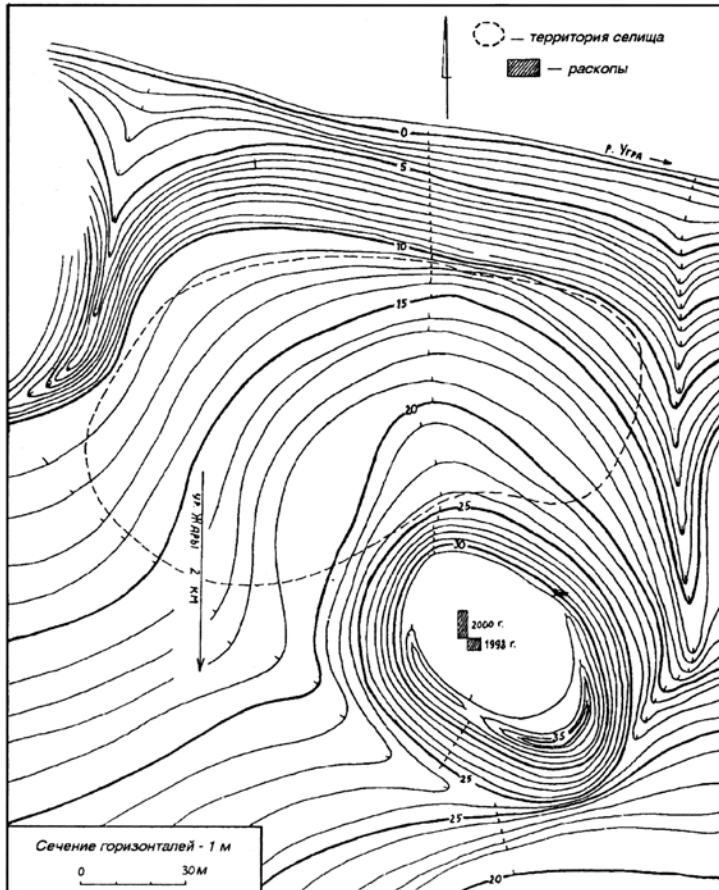
³⁸ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI вв. М.; Л., 1950. (Далее: ДДГ). № 3. С. 14.

³⁹ *Голубцов И.А.* Ликвидация феодальной раздробленности и татарского ига, присоединение к Русскому государству исконных русских земель. Карта // *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. Вкладыш.

⁴⁰ Верхняя Ока в XIII–XVI вв. (По С.М. Кучиньскому). Карта // *Шеков А.В.* Верховские княжества (Краткий очерк политической истории. XIII – середина XVI вв.). Тула, 1993. Вклейка.

⁴¹ Геометрической планъ Юхновскага целаго уезда со всеми внутри онаго лежащими грацкими, казенными, и владельческими землями с показаниемъ въ немъ каждого селения со отъделениемъ грацкими и специальными отъ другихъ межами, сочиненъ въ смоленской межевой конторе землемеромъ прапорщикомъ Григорьевымъ Накоскинымъ въ 1780 году, генваря 10 дня. В 1 дюйме – 500 сажень.

комое городище. Г.А. Массалитина и И.В. Болдин обнаружили городище Жары 1 «на крутом берегу Угры, между двумя оврагами, на высоком холме правильной конусовидной формы как бы со срезанной вершиной»⁴² (карта 1). Овраги, окаймлявшие городище, четко обо-

Карта 1. Городище Жары 1. Топоплан (из статьи: Массалитина Г. А., Модин И. Н., Болдин И. В. Комплексные археологические и геофизические исследования на городище Жары 1 Юхновского района Калужской области // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 45)

⁴² Массалитина Г.А., Болдин И.В. Средневековый Дмитровец. С. 127.

значены на военно-топографической карте 1850 г. («трехверстке»)⁴³. К востоку от угадываемого места городища подписан Городец Дмитров. На карте 1941 г., созданной по съемке 1939 г., еще был обозначен Городец, но не как живущее поселение⁴⁴. После войны ни этого населенного пункта, ни всех соседних уже не существовало.

Итак, совместное использование археологических и картографических источников дает совершенно точное и непротиворечивое представление о месте средневекового городка. Некоторое время оставалась нерешенной проблема локализации преемника оставленного в конце XV в. городка Дмитровца. В отдельной работе Г.А. Массалитиной и И.В. Болдина это поселение ошибочно указано в 350 м западнее городища, рядом с урочищем Городец⁴⁵. Но ведь на картах населенный пункт (погост, село, деревня) Дмитровец расположен восточнее городища, там, где находится и урочище Городец! То селище, которое обозначили Г.А. Массалитина и И.В. Болдин, могло являться не Дмитровцом – центром волости, существовавшей в XVI–XVII вв., а деревней Виселевой (Хохловой, Мал. Виселевой, Хохловкой), известной по картам XVIII – первой половины XX в.⁴⁶ Однако, в данном случае, произошла элементарная ошибка. Конечно же, Г.А. Массалитина и И.В. Болдин имели в виду селище к востоку от городища. В недавней работе, посвященной истории Дмитровца, исследователи представили подробное описание поселения в урочище Городец (памятник получил название селище Дмитровец 2), убедительно связав археологические данные, касающиеся его, с историей поселения, известной по письменным источникам⁴⁷.

Таким образом, место поселения, ставшего преемником средневекового Дмитровца, в конце концов, также было точно определено (карта 2).

Следует заметить, что к востоку от городища было обнаружено селище XIV–XVII вв. – Малое Устье⁴⁸. Но, судя по расположению прямо напротив устья р. Вори, его нельзя принять за центр

⁴³ Военно-топографическая карта г. Калужской и Смоленской. СПб., 1850. 3 версты в дюйме. Ряд XIII. Лист 13. Овраг к западу от городища среди местных жителей называется Антипов Ров.

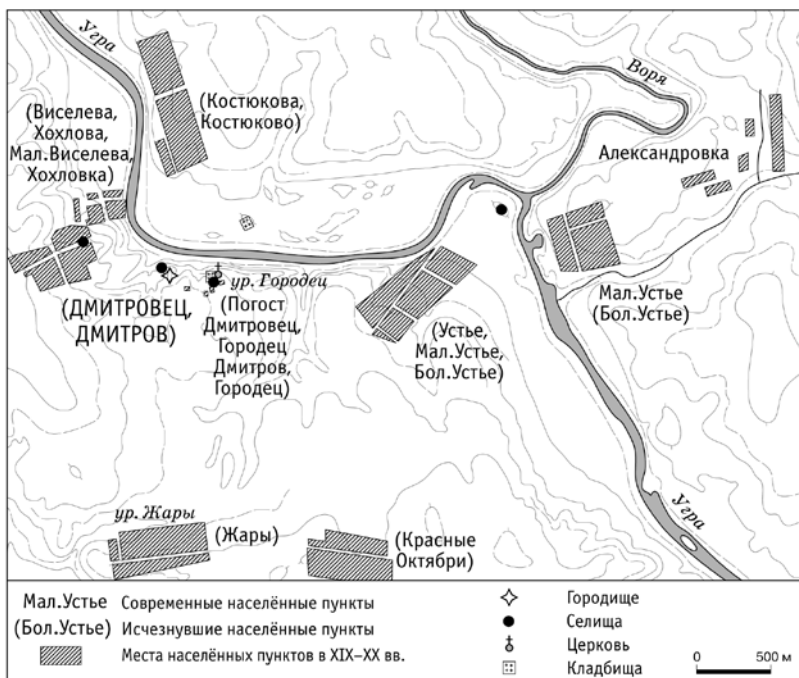
⁴⁴ Генеральный штаб Красной Армии. N–36–46 (Знаменка). 1941. Масштаб 1:100 000 (в 1 см – 1 км). Кв. 86–26.

⁴⁵ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Средневековый Дмитровец. С. 129.

⁴⁶ Хохловка также окаймлялась оврагом, что придавало ей природную защиту.

⁴⁷ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Реконструкция истории летописного Дмитровца. С. 73–76, 79.

⁴⁸ АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 808/601. С. 253.

Карта 2. Локализация Дмитровца

Дмитровской волости. Это деревня Устье XVIII в. или Малое Устье XIX в., или Бол. Устье довоенного времени, существовавшая, как выясняется, еще в период средневековья.

На топоплане городища Жары 1, приведенном в специальной статье, посвященной изучению данного памятника, еще не отождествленного с Дмитровцом, указано еще одно селище⁴⁹. Оно расположено к северо-западу от городища, сразу за ним, на пологом склоне холма, до оврага (карта 1). Селище большое по площади и раз в 5 превышает само городище, но, к сожалению, сведения о нем не были представлены. Жизнь данного поселения (посада Дмитровца?) была тесно связана с городищем и прекратилась в то же время (конец XV в.). Именно его, как селище Жары, зафиксировала Архе-

⁴⁹ Массалитина Г.А., Модин И.Н., Болдин И.В. Комплексные археологические и геофизические исследования на городище Жары 1 Юхновского района Калужской области // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 45.

ологическая карта Калужской области⁵⁰. Сейчас оно переименовано в селище Дмитровец 1⁵¹.

Картографические материалы еще послужат важным источником информации для реконструкции истории пограничной зоны в Поугорье, но основная роль в решении этой задачи по-прежнему остается за письменными источниками.

На страницах летописей Дмитровец появился лишь однажды, под 1407 г. Тогда он был сожжен московскими войсками⁵². Это первое упоминание городка вместе с тем косвенно засвидетельствовало его недавнее возникновение, так как на маршрутах походов в районе р. Угры ранее он не попадался и, кроме того, не был перечислен в «Списке городов русских дальних и ближних» конца XIV в.⁵³ После 1407 г. долгое время Дмитровец не был затронут значительными политическими событиями, поэтому информация о нем не отразилась в письменных источниках. Частично помогают реконструировать жизнь городка в это время материалы Метрики ВКЛ. В конце XV в. в событиях войны между Великими княжествами Московским и Литовским пограничный Дмитровец испытывал давление с московской стороны, из-за чего попал на станицы посольских книг, а также стал постоянно называться в московско-литовских договорах вплоть до начала XVII в. Упоминание городища Дмитровца в духовных грамотах Ивана III и Ивана IV Грозного и заметка С. Герберштейна с локализацией этого «города и крепости»⁵⁴ замыкают комплекс данных, касающихся истории городка на Угре.

Видимо, не случайно Дмитровец в 1407 г. встретился на пути перешедшего границу ВКЛ московского войска, а в конце XV в. попал

⁵⁰ АКР: Калужская область. Изд. 2-е. / Под ред. А.В. Кашкина. М., 2006. № 804/598. С. 252.

⁵¹ *Масалитина Г.А., Болдин И.В.* Реконструкция истории летописного Дмитровца. С. 79.

⁵² ПСРЛ. Т. VIII. С. 81; ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 202; ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004. С. 237; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. СПб., 2002. С. 465.

⁵³ Составлен, по мнению М.Н. Тихомирова – между 1387 и 1392 г., Е.П. Наумова – между 1394 и 1396 г., В.Л. Янина – между 1375 и 1381 г. (*Наумов Е.П.* К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 155; *Янин В.Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 67).

⁵⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. I. С. 324–325.

в очаг московско-литовского конфликта. Пограничное положение городка вызывает необходимость охарактеризовать ту ситуацию, что складывалась в Поугорье в XIV–XV вв. и была непосредственно связана с формированием границы между Великими княжествами Московским и Литовским. Решение этой задачи позволит подойти к достижению цели данной работы – выяснению роли Дмитровца в системе обороны ВКЛ. Безусловно, без определения места городка на географической карте (что уже было сделано) трудно было бы обосновать некоторые выводы. Теперь же наблюдения за характером местности, дорогами, бродами, другими поселениями и опорными пунктами в районе Дмитровца позволяют по-новому взглянуть на его историю. Решение второстепенных задач (выявление статуса и владельческой принадлежности городка, времени его возникновения и исчезновения) также соотносится с поставленной целью.

Одной из важных задач, к сожалению, не будет уделено должного внимания. В настоящее время не представляется возможным выдвинуть убедительную гипотезу о происхождении названия Дмитровца. Поиски соответствий с именами политических деятелей близкого к началу XV в. времени пока не дают результата. Существует вероятность, что Дмитровец заимствовал название того населенного пункта, который существовал на его месте еще с древнерусского времени, и тогда поисковое поле резко расширяется. Возможно название городка связано с человеком, чья деятельность не нашла отражения в письменных источниках или произошло от имени святого (Димитрия Солунского?), которому, например, могла быть посвящена церковь Дмитровца.

Представление о пограничном характере р. Угры стало хрестоматийным и, подкрепленное достоверностью источников и серьезностью исследований, до недавнего времени редко подвергалось сомнению. Тем не менее, повторный анализ пограничной ситуации в Поугорье позволяет по-новому взглянуть на данную проблему и, в определенной степени, пересмотреть привычную картину.

Стратегическое значение Поугорья, как территории, благоприятной для военных вторжений, стало ощущаться еще с середины XII в. Тогда (в 1147 г.) дружественные князю Святославу Всеволодовичу Черниговскому половцы были направлены «на Смольняны, и повоеваша Угры верхъ»⁵⁵. Очевидно нападению была подвергну-

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XXV. С. 40.

та приграничная зона Смоленского княжества, которое, как видно, освоило к тому времени еще только верховье р. Угры.

В середине XIV в. район конфронтации в Поугорье проявился более четко. В 1352 г. московский великий князь Семен Иванович с братьями Иваном и Андреем пошел ратью к Смоленску, у Вышгорода («на Поротве») встретил послов Ольгерда и заключил с ними мир⁵⁶. Но, не оставляя намерения идти к Смоленску, князь Семен продвинулся с войском еще до р. Угры. Там его уже ожидали смоленские послы. С неделю (или 8 дней) происходило «стояние» на реке Угре, во время которого в Смоленск успели съездить, заключить мир и вернуться московские послы⁵⁷. После этого Семен возвратился в Москву, войско было распущено⁵⁸. В итоге Смоленское и Брянское княжества оказались в сфере влияния Владимирского великого княжества, чьим главой был московский князь⁵⁹.

Обращают на себя внимание, во-первых, место встречи послов ВКЛ – Вышгород на Протве, а, во-вторых, район остановки московского войска – берег р. Угры. Очевидно, литовские послы подошли к краю московских владений, где и ожидали князя Семена. С другой стороны, и московский великий князь не стал пересекать границу и вторгаться на территорию Смоленского княжества, а остановился у его пределов. Таким образом, на середину XIV в. можно условно выделить пограничную полосу между московскими и смоленскими землями, одну сторону которой составляла р. Протва с пограничным городком Вышгородом, а другую – р. Угра.

Характерно, что в 1352 г. московский великий князь шел на Смоленск не напрямую (Москва–Можайск–Вязьма–Дорогобуж–Смоленск), а через Вышгород на Протве и р. Угру. Очевидно, такой маршрут был продиктован какими-то причинами. Вполне вероятно, что в то время наиболее удобная дорога на Смоленск шла именно через р. Угру. Отрицать существование прямой дороги между Мо-

⁵⁶ ПСРЛ. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 216; ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 60.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 60–61. Тверской летописец проявил себя наиболее осведомленным в событиях этого похода.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. VII. С. 216; Т. XVII. Западнорусские летописи. М., 2008. Стб. 33, 127; Т. XX. С. 186 (8 дней); Т. XXV. С. 178; ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-пермская летопись. М., 2006. С. 115; ПСРЛ. Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М., 2007. С. 240, 325.

⁵⁹ Флоря Б.Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Вып. 1. М., 1982. С. 65.

сковой и Смоленском, возможно, не следует⁶⁰, однако заметна преднамеренность ожидания смоленскими послами московского войска в определенном месте у Угры. Также и литовские послы направились к Вышгороду, спрогнозировав и упредив действия москвичей.

Во второй половине XIV в. уже не только литовская и смоленская стороны, ожидая нападения на пути через р. Угру, предпринимали соответствующие упреждающие действия, но и московские власти, стремясь обезопасить столицу, высылали войска в юго-западном направлении – в район, близкий к рекам Угра и Ока.

Так, в ходе трех «литовщин» 1368, 1370 и 1372 гг. московское пограничье стало ареной боевых действий. В первый раз силы великого князя литовского Ольгерда были направлены через реку Угру⁶¹, волость Холхол, город Оболенск на дорогу к Москве (Оболенскую)⁶². В «другую литовщину» было выбрано направление нападения через Тверское княжество, однако в Москве, видимо, снова ожидали противника с юга и, в связи с этим, собирали войска в Перемышле (на р. Моче)⁶³. И, наконец, во время третьего похода Ольгерда московские и литовские войска встретились у Любутска на р. Оке⁶⁴ – маршрут движения Ольгерда был предугадан и его действия пресечены. Следует заметить, что г. Любутск играл особую роль в планах военного руководства ВКЛ. Именно там неоднократно концентрировались литовские войска и оттуда начинались боевые действия (1372, 1396, 1402 гг.). Вероятно, Любутск в качестве анклава с середины XIV в. принадлежал ВКЛ⁶⁵. Таким образом, наряду с Поугорьем для Москвы появился еще один опасный участок границы – на

⁶⁰ По наблюдению М.Н. Тихомирова, дорога на Смоленск через Можайск и Вязьму (Можайская дорога) приобрела значение только в XVI в. (Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII–XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV–XV вв. М., 1992. С. 246).

⁶¹ Направление через р. Угру не было обозначено автором данной статьи среди возможных маршрутов похода 1368 г. (Поход Ольгерда на Москву в 1368 г. Карта // Темушев В.Н. Определение места Тростненской битвы 1368 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 3. Тула, 2008. С. 255), что, безусловно, необходимо исправить. Тот путь, который от Вязьмы проведен в обход р. Угры, следует провести вдоль правого берега этой реки с переправой возле ее устья.

⁶² ПСРЛ. Т. XV. Стб. 429; Т. XXV. С. 184; ПСРЛ. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 11.

⁶³ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 94.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. XI. С. 19; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 433.

⁶⁵ Цемушаў В. Тросненская бітва і паўднёва-заходняя мяжа Вялікага Княства Маскоўскага ў 1368 г. // Беларускі гістарычны агляд. Том 13. Сшытак 2 (25). Снежань 2006. С. 160.

Оке в районе Любутска. Возможно, в начале XV в. угроза со стороны Любутска была ликвидирована – этот город ненадолго даже стал московским владением⁶⁶. В то же время стратегическое положение Угры только возросло.

В ходе начавшейся московско-литовской войны («нестрое-ния») 25 мая 1406 г.⁶⁷ Василий I «посла князя своа воеводы на гради Литовския»⁶⁸. Московское войско взяло два направления. Возможно, именно у р. Угры оно разделилось. Часть его пошла на север к Вязьме, а часть повернула на юг – к Серпейску и Козельску. Не дойдя до Серпейска, одна часть войска возвратилась⁶⁹. Вязьма испытала осаду, но выстояла. У москвичей при этом был убит воевода князь Иван Липятыч⁷⁰.

В ответ на московский поход литовские силы во главе с мстиславским князем Лугвением⁷¹, «вступль же глубле въ страну Московскую», взяли Воротыньск, посадили наместников в Козельске и воевали до Можайска⁷². Зафиксировав на карте перечисленные пункты, можно предположить, что войска ВКЛ двигались к Можайску

⁶⁶ ДДГ. № 17. С. 47; Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 150–152.

⁶⁷ Приселков М.Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). С. 461. Э. Клюг, на основе анализа известий Тверской летописи, датирует это событие также концом мая 1406 г. (Клюг Э. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. С. 262).

⁶⁸ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 472.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 472; Приселков М.Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). С. 461.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 472.

⁷¹ Codex epistolaris Vitoldi magni ducis lithuanie. 1376–1430. Collectus opera A. Prochaska. Cracoviae, 1882. № 369. S. 150.

⁷² ПСРЛ. Т. XV. Стб. 472. Эти события С.М. Кучинский, на основании письма Витовта гроссмейстеру Тевтонского ордена от 3 июля 1407 г. датировал июнем – началом июля 1407 г. (*Kuczynski S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy // Prace Ukraińskiego instytutu naukowego. T. 33. Warszawa, 1936. S. 127, 219–220*). Соответственно, и проходили они уже после истечения перемирия на р. Плаве (см. ниже). Таким образом, есть вероятность связи этого похода со взятием Одоева 20 мая 1407 г. (см. ниже). Однако Е.Л. Конявская показала, что в оригинальном тексте Тверской летописи информация о литовско-русских столкновениях выстроена в единую линию, и за уникальной информацией о московском походе «на гради Литовския» связано следует рассказ о походе литовских войск в русские земли (*Конявская Е.Л. «Повесть о Плаве» и летописные статьи Тверского сборника за первое десятилетие XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 28. 2007. С. 84*). Кроме того, определение времени написания использованной С.М. Кучинским грамоты (осуществлено А. Прохаской) может и не соответствовать действительности. В 1407 г. князь Семен (Лугвень) Ольгердович уже находился в Новгороде Великом и вряд ли мог участвовать в походе на Воротыньск (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 400).

от Воротынска и Козельска через низовья Угры, а не пересекали два раза Оку⁷³.

Обращает на себя внимание владельческая принадлежность городов близ Поугорья. Судя по летописному известию, Воротынск был московским, ведь «Литва же, вступль же глубле въ страну Московскую, градъ Воротынескъ взяша»⁷⁴. К Козельску направлялось московское войско, но его не достигло. Стремление это создает некоторую проблему. Известно, что в начале XV в. Козельск принадлежал Москве⁷⁵. В 1404 г. удельный московский князь Владимир Андреевич Серпуховский завещал «Козелеск со всеми пошлинами» сыну Ивану, правда, выражал неуверенность в удержании этого владения⁷⁶. Судя по всему, к 1406 г. Козельск Москвой был потерян. Однако, и «Литва» завладела этим городом только в результате ответного похода, когда «въ Козелсте посадиша посадники своа»⁷⁷. Вероятно, именно тогда этот осколок Карачевского княжества утратил свою самостоятельность. Само же Карачевское княжество, вопреки мнению М.К. Любавского⁷⁸, возможно, было присоединено к ВКЛ еще в 60-е гг. XIV в.⁷⁹ Таким образом, в ходе войны 1406–1408 гг. Москва утратила свое влияние в правобережье Угры и Нижней Оки (Воротынск, Козельск)⁸⁰, а в то же время ВКЛ еще далее

⁷³ Через низовье р. Угры шла удобная дорога. Переправляться нужно было с помощью паромов: «Паром на канате, на почтовой дороге из Калуги в Мещовск, близ Угорских постоянных дворов» (Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 6. Калужская губерния. СПб., 1849. Таб. 3). Тем не менее, в нижнем течении р. Угры бродов не существовало, в то время как Оку можно было перейти чуть выше по течению от впадения р. Угры, а после пересечь ее по бродам между Калугой и Любутском.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 472.

⁷⁵ ДДГ. № 16. С. 43.

⁷⁶ ДДГ. № 17. С. 47. О датировке завещания см.: Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 118, 160–161.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 472.

⁷⁸ Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского статута. М., 1892. С. 53.

⁷⁹ Шеков А.В. О времени упоминания средневековых верхнеокских городов в обзоре «А се имена всем градом рускым, далним и ближним» // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Сб. статей в 2-х т. Т. 2. История. Этнография. Искусствоведение. Тула, 2004. С. 129.

⁸⁰ Если предпочесть гипотезу местонахождения Воротынска в другом месте, а именно – возле Новосили на р. Зуше, то ситуация представилась бы совсем иной. В данном случае и маршрут похода литовского войска выглядит более логичным – по плавно изогнутой линии от Воротынска на р. Зуше, к Козельску и далее Можайску, а не зигзагом на восток к Воротынску, на юго-запад к Козельску и северо-восток к Можайску. Впрочем, летописец мог перечислять города и не в порядке прихода к ним литовского войска.

распространило свою власть в Верховских княжествах, укрепив свое положение и в устье р. Угры.

В сентябре 1406 г.⁸¹ Витовт и Василий I встречались лично, но далеко от Угры, на р. Плаве и Пашковой гати (Плава – левый приток р. Упы, впадающей справа в Оку). Приготовившись к бою, литовские и московские войска стояли 9 дней⁸², причем преградой им была, по словам тверского летописца, река Ока⁸³ (вероятнее, все-таки Упа, и тогда «стояние» происходило близко от устья р. Плавы). Было заключено перемирие «до того же году» или, точнее, от 1 октября до «Съшествия Святаго Духа» (15 мая 1407 г.)⁸⁴. По словам Яна Длугоса, в этом первом походе против Москвы⁸⁵ многие поляки получили рыцарские гербы, которые раздавал им Александр (Витовт) над рекой Угрой⁸⁶. Вероятно, именно отсюда направлял свои отряды вели-

⁸¹ По Тверской летописи – «На страстной недели, в пяток великий» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 472), то есть в Великую пятницу страстной недели, предшествующей Пасхе. Такая датировка не согласуется ни с приведенным в этом же источнике временем начала перемирия (1 октября), ни с информацией других летописей (Василий I вышел из Москвы 7 сентября) (ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 151; Т. XXV. С. 234). Е.Л. Конявская убедительно доказала, что датировка Тверского сборника относится к другому году и событию, а ее появление является следствием сознательного пропуска части текста с целью ликвидации дублирования летописных известий (*Конявская Е.Л. Указ. соч. С. 84–85*).

⁸² Войско Витовта состояло из сил нескольких государств. Кроме «поляков, литвинов и руси» в походе участвовали представители Тевтонского ордена (отряды, составленные из «пруссаков и жмудинов»), люди из окрестностей Балги и Бранденбурга и даже голландский и бранденбургский герольды (Jana Długosza Kanonika Krakowskiego *Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*. Przekład K. Mecherzyńskiego. Т. III. Ks. IX, X. Kraków, 1868. S. 532; *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535*. Przez Bernarda z Rachatomowic Wapowskiego, ze świeżo odkrytego społecznego rękopismu, z języka łacińskiego na ojczysty przetłómaczył, przypisami objaśnił, poczet rzeczy i osób dodał Mikołaj Malinowski. Tom I. Wilno, 1847. S. 170; *Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, książęcych; uchwiał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów*. Zebrał i w treści opisał Ignacy Daniłowicz. T. I. Wilno, 1860. № 843. S. 352.

⁸³ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 475.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 475; ПСРЛ. Т. XXV. С. 234. Пасха в 1407 г. пришлась на 27 марта (подчитано по: *Черепнин Л.В. Русская Хронология*. М., 1944. С. 45, 51–64). Сошествие Святого Духа (День Святой Троицы) празднуется на 49-й день после Пасхи. Следовательно, перемирие было заключено до 15 мая.

⁸⁵ Вероятнее всего это событие, в котором принимал непосредственное участие Витовт, необходимо связать именно со стоянием на Плаве.

⁸⁶ Jana Długosza *Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*. Т. III. Ks. IX, X. S. 532. В этом первом походе против Москвы с личным участием Витовта, по словам польского хрониста М. Кромера, войска прибыли к реке Угре (*Kronika polska Marcina Kromera biskupa warmińskiego ksiąg XXX: dotąd w trzech językach, a mianowicie w łacińskim, polskim i niemieckim* wydana, na język polski z łacińskiego przełożona przez Marcina z Błażowa

кий князь литовский для опустошения Московской земли. Другой польский хронист – Матей Стрыйковский вообще перенес сюжет о заключении мира на р. Угре, относящийся к 1408 г., на 1406 г., почерпнув его, очевидно, из неверно датированной части текста «Хроники Быховца»⁸⁷. Можно, конечно, предположить, что вместо Угры в данном описании следует читать Плава или Упа, однако утверждение границы по одной из этих рек – условие вряд ли возможное.

Еще до исхода перемирия («яко в перемирие миру не сътворишася»)⁸⁸ Витовт продолжил военные действия. Было опустошено Новосильское княжество, а Одоев сожжен⁸⁹. Правда, если исходить из даты взятия Одоева, отраженной, например, в Московском летописном своде конца XV в. – 20 мая⁹⁰, получается, что литовская сторона строго выполнила свою договоренность.

И вот, в 1407 г. на Спасов день⁹¹ московский великий князь Василий I, собрав большое войско, пошел ратью на Литовскую землю «и взя град Дмитровецъ и огнемъ пожъже»⁹². Уже у Вязьмы московское войско встретил Витовт. Было заключено перемирие от Рождества Св. Богородицы (8 сентября) до Петрова дня (29 июня)⁹³. Сам поход от Москвы до Вязьмы проходил с 16 августа (Третий Спас) до начала сентября⁹⁴. Сохранился фрагмент перемирной грамоты Витовта и Василия I с указанием места ее написания – Вязьма и даты –

Błażowskiego i wydana w Krakowie w drukarni M. Loba r. 1611. Sanok, 1857. S. 766). Но это, вероятно, ошибочное суждение.

⁸⁷ *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiój Rusi Macieja Strykowskiego*. Т. II. Warszawa, 1846. S. 122–123.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 477. С.М. Кучинский также считал, что перемирие было нарушено литовской стороной (*Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie*. S. 219).

⁸⁹ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 477.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. XXV. С. 236.

⁹¹ По Никоновской летописи вышел из Москвы 6 (16) августа (ПСРЛ. Т. XI. С. 202), по Львовской летописи – 6 августа (ПСРЛ. Т. XX. С. 225, по А.Л. Хорошкевич – 16 августа (*Хорошкевич А.Л. Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 46*). Речь идет либо о так называемом Яблочном спасе, отмечающемся 19 августа (6 августа по старому стилю), либо о Третьем спасе (Ореховом или Хлебном), который празднуют 29 августа (16 по старому стилю).

⁹² ПСРЛ. Т. XXV. С. 237. См. также: ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 81; ПСРЛ. Т. XI. С. 202; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 465. В Тверской летописи данное известие сильно искажено: «Тогда же Москвичи и Дмитровци взяша градъ Литовский» (ПСРЛ. Т. XV. Стб. 478).

⁹³ ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. М., 2001. Стб. 538; ПСРЛ. Т. XV. Стб. 478.

⁹⁴ По наблюдению А.Л. Хорошкевич вслед за описанным событием в Воскресенской летописи помещено известие о смерти смоленского князя Юрия Святославича, которая произошла 14 сентября (*Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 47).

4 сентября. А.Л. Хорошкевич убедительно доказала, что данный документ относился именно к описанным событиям, следствием которых и стало его составление⁹⁵.

Итак, в августе 1407 г. на пути московского войска, двигавшегося через Угру в направлении Вязьмы, встретился населенный пункт, до этого не привлекавший внимания составителей летописей, договорных грамот и других письменных документов. Как видно, Дмитровец не смог оказать серьезного сопротивления – он был в скором времени взят и сожжен. В этой связи приобретает особое значение свидетельство археологов об укреплении городка в начале XV в. Возможно, именно после опустошения Дмитровца в 1407 г. в нем были созданы новые, более мощные оборонительные сооружения. Таким образом, в ходе московско-литовской войны проявилась важная стратегическая роль городка на Угре, прикрывавшего путь в глубину ВКЛ.

По словам хроники Быховца, в ответ на погром московскими мужиками под Путивлем и на Тихой Сосне северуков (жителей Северщины), великий князь литовский Витовт с войском вновь вышел против Василия I «у мноho розоh у роуoiеwаt i popleniѝ około reki Uhry у Oki»⁹⁶. Ареной боевых действий опять стал район р. Угры, вернее, его левобережье вплоть до р. Оки. По просьбе Василия I Витовт приехал к реке Угре «...у pośle mnohich rozmow meży soboiu mir wczynili, у hranicu zemlam swoim ро Uhru reku polożyli ... mir i pokoу weczny wczyniwszy, у hranicu ро Uhru reku polożywszy, rozjechałisia so wsimi ludmi swoimi rozno»⁹⁷. Происходили описанные события, вероятнее всего, в 1408 г. Тогда (1 сентября) Василий I, собрав войско, выступил против Витовта «и пришед ста у Угры на березе, а Витовтъ тако же со многою силоу прииде съ другую сторону реки тоя ... и стаща межи собою о рече Угре и стоявшее немного днии и взяша миръ межи себе по давному»⁹⁸. Согласно вставке в Тверской летописи: «И стоаша Литва съ Москвичи на Угре 12 дни, и умиришася сенте-

⁹⁵ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 46–47.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. XVII. Стб. 519.

⁹⁷ Там же. Стб. 520. Данные события описаны в хронике под 1402 г., что не соответствует действительности. Сравните с переводом на белорусский язык: «У год 6910 [1402] ... І пасля доўгае размовы яны мір паміж сабою ўчынілі і мяжу паміж землямі сваімі па Угры-рацэ палажылі. ... мір ды спакой вечны заключыўшы і мяжу па Угры-рацэ палажыўшы, раз'ехаліся з усімі людзьмі сваімі розна» (Беларускія летапісы і хронікі: Пер. са старажытна-нарускай, старабеларус. і польск. Мн., 1997. С. 117).

⁹⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 238. См. также: ПСРЛ. Т. VIII. С. 82; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. С. 468; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 155; Т. XXVI. С. 175. По Львовской летописи – 11 сентября «миръ взяша вечный по преднему доскончанию» (ПСРЛ. Т. XX. С. 225).

бра въ 14»⁹⁹. Кроме того, в другом месте тверской летописец сделал существенное дополнение: «Того же лета прииде зловерний Витовтъ на усть реки Угры съ силою Литовскою, и Немецкою и Лядцкою»¹⁰⁰. Очевидно, войско Витовта приближалось к переправе в устье р. Угры, через которую шла дорога на Москву и к которой подошло также московское войско.

Военная кампания 1408 г. («вторая война») была для Витовта, судя по хроникам Я. Длугоша, М. Бельского, Б. Ваповского, М. Кромера и М. Стрыйковского, довольно тяжела. Огромное войско, состоявшее из сил Польши, Тевтонского ордена и ВКЛ (великокняжеские хоругви, отряды из Смоленска и Киева), вышло из Смоленска¹⁰¹ и претерпело много испытаний уже на пути в Московскую землю. И днем, и ночью на обозы Витовта нападали отряды только что спалившего свои замки Стародуб и Брянск и перешедшего на московскую сторону Свидригайло¹⁰². Последний, по словам Длугоша, не дал переправиться войску Витовта через верховье Оки, а московские силы разбежались по укрепленным местам, так что не было возможности дать им открытый бой¹⁰³. М. Стрыйковский также свидетельствовал о глубоком месте на Оке, которое заступил Свидригайло¹⁰⁴. Может быть, здесь идет речь о месте впадения Угры в Оку, где была удобная переправа? Но, по указанию Б. Ваповского, только после акции Свидригайло Витовт решил пойти к устью Угры, где и стал готовить переправу и откуда был всего в трех днях пути от московской столицы¹⁰⁵. Вот тогда-то, будто бы испуганный грозящей опасностью, Василий I прислал послов. Б. Ваповский далее, уже явно ошибочно, писал о просьбе московских послов к Витовту не переходить р. Оку и последовавшем установлении границы вдоль этой реки¹⁰⁶.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 474. См. также Стб. 482, где дата заключения «вечного мира», очевидно, закончившего войну, повторена.

¹⁰⁰ Там же. Стб. 482.

¹⁰¹ Место сбора войска и точный его состав с предводителями указал М. Стрыйковский (*Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich Rusi Macieja Strykowskiego*. Т. II. S. 124).

¹⁰² Jana Długosza *Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*. Т. III. S. 536–537; *Kronika polska Marcina Bielskiego*. Т. 1. Księga 3: Ludwik, Król Polski i Węgierski / Wydanie K.J. Turowskiego. Sanok, 1856. S. 507; *Kronika polska Marcina Kromera*. S. 766–767; *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich Rusi Macieja Strykowskiego*. Т. II. S. 123–124.

¹⁰³ Jana Długosza *Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście*. Т. III. S. 537.

¹⁰⁴ *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkich Rusi Macieja Strykowskiego*. Т. II. S. 124.

¹⁰⁵ *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535*. Przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego. Tom I. S. 174.

¹⁰⁶ Там же.

Большинство хронистов упоминают все-таки Угру в качестве линии московско-литовской границы. М. Стрыйковский утверждал, что по условиям мира был сохранен старый рубеж по Угре (по его мнению установленный уже в 1406 г.), а Василий I «возвратил замки, что был взял»¹⁰⁷. С большой долей уверенности можно увидеть среди этих замков Дмитровец, взятый московскими войсками в 1407 г. Хронисты пишут о том, что войска Витовта опустошили «вдоль и поперек» московские земли, однако, создается впечатление о грабеже «литвой, немцами и поляками» в основном своих же территорий: ведь за Оку или за Угру их не пустили. Кроме того, за Окой, по словам М. Кромера, были не московские, а рязанские земли¹⁰⁸. Из московских владений на опустошаемой стороне Оки к тому времени можно предположить лишь некоторые города в среде Верховских княжеств.

После заключения мира Витовт оставил свое войско на произвол судьбы (побежал к жене Анастасии, которую сильно любил). В результате усилиями служивших Москве татар, из-за характера местности (леса и боры, малое количество и так опустошенных сел и деревень) и погодных условий (шли проливные дожди) войско Витовта едва не было уничтожено. Единственная дорога (Вяземская? см. ниже) стала чрезвычайно скользкой и невозможной для использования. Пересекая сплошной лес «рыцарству» приходилось по-верх своих же коней создавать помосты, чтобы пройти через болота. Шли локальные бои с татарами, в которых приходилось сражаться уже в пешем порядке¹⁰⁹. В итоге уход войска Витовта от Угры стал походить на отступление.

В событиях 1408 г. ярко проявился пограничный характер р. Угры, у берегов которой уже не в первый раз происходило «стояние» войск двух противников. Ряд прямых или косвенных указаний как будто определенно свидетельствует о том, что московско-литовская граница проходила и даже была утверждена вдоль р. Угры. Замечание С. Герберштейна о том, что «эта река некогда отделяла Литву от

¹⁰⁷ Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Strykowskiego. T. II. S. 124. Такая перестановка событий позволяет логично объяснить заключение мира в 1408 г. «по давному».

¹⁰⁸ Kronika polska Marcina Kromera. S. 767.

¹⁰⁹ Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. III. S. 537; Kronika polska Marcina Bielskiego. T. I. Księga 3. S. 507; Kronika polska Marcina Kromera. S. 767.

Московии»¹¹⁰, также служит подтверждением данной информации. В итоге представляется вполне обоснованной реконструкция границы, предложенная Я. Натансоном-Леским. Исследователь провел границу ВКЛ при Витовте через верховья рек Москвы и Протвы на юг в сторону на 1-2 мили от р. Вори, включая ее приток р. Могиленку, и ниже устья р. Вори – зигзагом вдоль р. Угры¹¹¹. Городок Дмитровец оказывался при таком взгляде у самой границы, так как стоял напротив устья р. Вори. Легко представить, в связи с этим, как московское войско внезапно напало на пограничную крепость, взяло и сожгло ее, открыв себе путь вглубь ВКЛ.

Однако устоявшееся представление о реке Угре, как о вековой границе между Великими княжествами Московским и Литовским, может быть оспорено¹¹². Существуют многочисленные свидетельства о принадлежности ВКЛ значительной территории и в левобережье р. Угры.

До середины XIV в. междуречье Угры и Протвы представляло собой территорию, едва затронутую хозяйственной деятельностью человека¹¹³. Тем не менее, лесные и заболоченные места с характерны-

¹¹⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 323. Вполне вероятно, что представление о пограничном характере р. Угры почерпнул у Герберштейна А. Гваньини. Последний писал о р. Гугзе (Hugza), впадающей между Воротином и Калугой в Оку и разделяющую два Великие княжества – Московское и Литовское (*Гваньини О.* Хроніка европейської Сарматії / Упорядкув. та пер. з пол. о. Юрія Мицика. К., 2009. С. 585). Составитель комментариев к Хронике Гваньини осторожно предположил, что имеется в виду р. Вязьма. Однако она впадает в Днепр совсем далеко от Воротинска и Калуги (Там же. С. 910). Упоминание еще одной старой границы между Литвой и Москвой – за шесть миль от Можайска – совершенно очевидно взято у Герберштейна (Там же. С. 586; *Герберштейн С.* Записки о Московии. Т. I. С. 327).

¹¹¹ *Natanson-Leski J.* Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. S. 38.

¹¹² *Темушев В.Н.* Река Угра – вековой страж московско-литовской границы // Новая локальная история. Вып. 2. Новая локальная история: пограничные реки и культура берегов: Материалы второй Международной Интернет-конференции. Ставрополь, 20 мая 2004 г. Ставрополь, 2004. С. 305–318.

¹¹³ О лесах в этом районе см.: *Цветков М.А.* Изменение лесистости европейской России с конца XVII столетия по 1917 г. М., 1957. С. 11. Об отсутствии археологических памятников до периода позднего средневековья см.: *Голубева Л.А.* Раскопки в Вереysком кремле // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1949. № 12. С. 143; *Юшко А.А.* Московская земля IX–XIV веков. М., 1991. С. 7, 64, 86; *Раннопорт П.А.* Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X – XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 105. М.; Л., 1961. С. 47. Строго говоря, судить о времени возникновения городов в районе рек Протвы и Лужи затруднительно, ввиду небольшого объема проведенных археологических раскопок (Города Подмосковья. М., 1981. Т. 3. С. 504–505).

ми, проявившимися позже, названиями Медынь, Калуга¹¹⁴, Сосновец уже в XII в. номинально принадлежали Черниговскому княжеству¹¹⁵. После монгольского нашествия, в конце XIII в. пространство между Угрой и Протвой частично было перераспределено между Смоленском и Рязанью. Тогда район до р. Шани (левый приток Угры) и за ней (с местом упомянутой значительно позже Медыни) стал смоленским, а почти все течение р. Протвы с ее притоками – рязанским¹¹⁶. Реликтом владений черниговских князей сохранялась волость Заберега, располагавшаяся в самом верховье р. Протвы. Территория, ограниченная притоком Шани р. Суходревом и нижним течением Угры – с северо-запада и запада, рекой Окой – с юга и нижним течением Протвы – с востока, оставалась за выделившимися из состава Черниговского Верховскими княжествами (Новосильским и Тарусским)¹¹⁷.

Условный характер владения слабоосвоенными землями для Рязани – за р. Окой, а для Смоленска – за р. Угрой явился одной из причин нарастания преобладания в этом регионе Великого княжества Московского. Геополитически рассматриваемая территория, безусловно, испытывала большее притяжение к Москве, чем к таким отдаленным центрам, как Рязань и Смоленск. В этой связи характерен обмен территориями, утвержденный между Москвой и Рязанью в 1381 г.¹¹⁸ Первая приобрела земли на левой («Московской») стороне Оки, а второй достались московские владения («что

¹¹⁴ Калуга – заболоченное место, болото, лужа (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб.; М., 1881. С. 79).

¹¹⁵ Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. // Prace Ukraińskiego institutu naukowego. T. 33. Warszawa, 1936. S. 40.

¹¹⁶ Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1858. С. 145; Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время // Летопись занятий Археографической комиссии. 1882–1884. Вып. 9. СПб., 1893. С. 204; Грушевський М.С. Історія України_Руси. Т. 3. К., 1993. С. 181. А.А. Горский связывает эти события с усилением мощи хана Ногая в 90-х гг. XIII в. На Ногая ориентировались рязанские князья и, возможно, благодаря этому ими были получены довольно значительные владения (Горский А.А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 81).

¹¹⁷ Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. ст. М., 1980. С. 50–51. Возможно, данная территория принадлежала только Тарусскому княжеству.

¹¹⁸ О датировке московско-рязанского договора см.: Зимин А.А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. С. 286, 322; Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 245–249.

доселе потягло къ Москве»), оказавшиеся в правобережье Оки (на «Рязанской» стороне)¹¹⁹.

Итак, во второй половине XIV в. территория между реками Угрой и Протвой активно заполнялась московскими владениями. До конца 40-х – начала 50-х гг. XIV в. князь Семен приобрел «оу Семена оу Новосильского» волость Заберегу¹²⁰, находившуюся в районе верхнего притока р. Протвы – Береги¹²¹. Между 1353–1359 гг. Москва завладела так называемыми «местами рязанскими», распространявшимися по р. Протве и ее правым притокам (прежде всего Луже)¹²². Значительная часть бывших «мест рязанских» была передана в удел князю Владимиру Андреевичу¹²³ и после этого началось их активное освоение. Лужа и Боровск превратились в города с тянущими к ним волостями¹²⁴. Новые волости и слободы заполнили пространство с левой стороны р. Лужи от верховья до ее изгиба на север (Сосновец, Ловышина, Турьи Горы, Бубол), а после и с правой стороны (Вепрейка)¹²⁵. Также и к югу от г. Лужа появились волости Маковец и Сетунка¹²⁶. Последние были наиболее удалены к югу из всех московских владений, но не до-

¹¹⁹ ДДГ. № 10. С. 29.

¹²⁰ ДДГ. № 2. С. 12; № 3. С. 14. По А.А. Горскому это произошло между 1340 и 1348 гг. (*Горский А.А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 150).

¹²¹ *Любавский М.К.* Образование основной государственной территории великорусской народности (заселение и объединение Центра). Л., 1929. С. 56, 58; *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 70; *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1906. С. 554.

¹²² ДДГ. № 4. С. 15, 18; *Горский А.А.* Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 150; *Темушев В.Н.* Приобретения московских князей в середине XIV в. «Иная места Рязанская» // *Славянский мир и славянские культуры в Европе и мире: место и значимость в развитии цивилизаций и культур (история, уроки, опыт, современность)*. Материалы международной научно-теоретической конференции. Ч. 1. Витебск, 2002. С. 18–21; *Темушев В.Н.* Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. // *Куликовская битва в истории России: Сб. статей*. Под ред. А.Н.Наумова. Тула, 2006. С. 89–92.

¹²³ ДДГ. № 11. С. 31.

¹²⁴ ДДГ. № 17. С. 47.

¹²⁵ *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.* Т. 1. М., 1952. № 257. С. 185–187; *Дебольский В.Н.* Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. Ч. II. СПб., 1902. С. 13–14; *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 550 и карта; *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV в. М., 2008. С. 56.

¹²⁶ *Дебольский В.Н.* Указ. соч. С. 14; *Мазуров А.Б., Никандров А.Ю.* Указ. соч. С. 56.

стигали р. Угры. Лишь присоединение до 1371 г. Калуги и Рощи¹²⁷, возможно, открывало Москве доступ к самому низовью р. Угры¹²⁸. Волость Калуга, занимала, очевидно, пространство вокруг р. Калужки (левый приток Оки), а Роща была расположена в среднем течении р. Тарусы, вокруг ее левого притока Рощи¹²⁹. Между Калугой и Рощей, территориально далеко отстоявших друг от друга, к началу XV в. появился Лисин – волость в верхнем течении р. Тарусы¹³⁰. Кроме того, до начала XV в. московский (бывший брянский) боярин Александр Пересвет купил довольно значительную часть тарусских владений вдоль берега реки Оки к западу от Алексина, названных «Пересветовой куплей»¹³¹. В итоге московские владения с нескольких сторон обступили территорию Тарусского княжества. Наконец, в 1393 г. московский великий князь Василий I купил в Орде у Тохтамыша ярлык на г. Тарусу, приобретя верховную власть над тарусскими князьями, некоторые из которых продолжили владеть своими землями, а другие перешли на службу к Витовту¹³². В окружении московских владений оказались также вотчины Оболенских князей¹³³. Последние утратили статус независимых правителей и поступили на службу к великому князю московскому¹³⁴.

Московским соседом становилось Новосильское княжество и, непосредственно – его Воротынский удел, выделившийся к

¹²⁷ ДДГ. № 12. С. 34; Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. в Северо-Восточной Руси. С. 150.

¹²⁸ Темушев В.Н. Западная граница Великого княжества Московского к 1380 г. С. 95.

¹²⁹ Дебольский В.Н. Указ. соч. С. 22–23.

¹³⁰ Дебольский В.Н. Указ. соч. С. 2; Мазуров А.Б., Никандров А.Ю. Указ. соч. С. 50.

¹³¹ ДДГ. №. 16. С. 43; Кузьмин А.В. Андрей Ослябя, Александр Пересвет и их потомки в конце XIV – первой половине XVI века // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. II. Тула, 2002. С. 20–21.

¹³² ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 2. Новгородская 4-я летопись. Л., 1925. С. 373; Т. V. Софийская 1-я летопись. СПб., 1851. С. 245; Шеков А.В. Верховские княжества. С. 37; Фетищев С.А. К вопросу о присоединении Муромы, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 35–36, 38; Он же. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М., 2003. С. 117.

¹³³ См. например: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. I. № 504. С. 382–383, 627, № 607. С. 505, 632, № 608. С. 515, № 609. С. 518, № 610. С. 519, № 681. С. 543. Сам г. Оболенск находился у р. Протвы (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 322/185. С. 129).

¹³⁴ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. Москва, 1985. С. 59; Он же. Землевладельческие права княжат в XV – первой трети XVI в. и процесс централизации Руси // История СССР. № 4. 1981. С. 42.

концу XIV в.¹³⁵ Город Воротынский на р. Выссе, левом притоке Оки¹³⁶, совсем близко расположен от устья р. Угры. Можно было бы предположить протяженность воротынских владений до течения последней¹³⁷, если бы не существование Крайшина – волости, чей центр находился между Воротынском и устьем р. Угры. Волость Крайшина «по обе стороне Высы реки» была пожалована королем и великим князем Казимиром князю Федору Львовичу Воротынскому «у вотчину и его детемъ» только в 1455 г.¹³⁸ Центр волости отождествлен с селом Спасское (совр. Спас) у самого устья р. Угры и возле Оки¹³⁹. Спас-Городок – городище с окружающими его селищами, являлся крупным поселением уже в древнерусское время¹⁴⁰. Следует думать, что обладание пунктом, ставившим под контроль дорогу, проходившую через р. Угру у ее устья, приносило Воротынским немалый доход. С другой стороны, обязанность пограничной службы также легла на плечи этих князей.

В том же 1455 г. в состав Воротынских владений вошел Логи́неск, лежавший на юг от столицы княжества¹⁴¹. Таким образом, оказывается, что из владений Воротынского княжества только сам город Воротынский с небольшой округой изначально находился на левой стороне р. Оки¹⁴². Весь основной массив княжества был сгруппирован на правобережье.

¹³⁵ *Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 131; Шеков А.В. Верховские княжества. С. 30.*

¹³⁶ АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 556/411. С. 194–195.

¹³⁷ Так предполагал С.М. Кучинский (*Kuczyński S.M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 61*).

¹³⁸ АЗР. Т. I. № 57. С. 70; ЛМ. Кн. 3. Р. 39; СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.

¹³⁹ *Зельницкая Е.Г. Исследование древних исторических мест или урочищ, которые должны находиться в пределах нынешней Калужской губернии // Отечественные записки. Ч. 27. СПб., 1826. С. 81–83; Беляев Л.А. Спасский «на Усть-Угры» монастырь в XVI веке (Археология, история, архитектура) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. Вып. II. М., 1995. С. 55, 64–65, 67, 69 (Автор благодарит А. В. Шекова за предоставление данной публикации).* Составители Археологической карты Калужской привели ошибочное мнение об отождествлении городища Спас-Городок с Воротынском старым, упоминаемым в событиях 1480 г. (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 91/31. С. 73–74).

¹⁴⁰ *Никольская Т.Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. С. 164, 167.*

¹⁴¹ *Зельницкая Е.Г. Указ. соч. С. 84–85; АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 574/421. С. 198.*

¹⁴² Возможно, и место самого Воротынска когда-то принадлежало Карачевскому княжеству, город же был перенесен на новое место с берегов р. Зуши, правого притока Оки лишь в конце XIV – начале XV в. Данное предположение отчасти подтверждается археологическими данными: на городище отсутствует слой XI–XIII вв., а основная масса нахо-

Территориальную принадлежность Крайшина, а, следовательно, и устья р. Угры до середины XV в. определить сложно. По списку 1494 г., предоставленному в ходе переговоров литовскими послами московским боярам, Крайшино, как и Лагинеск считались смоленскими волостями¹⁴³. Но там и целый ряд других волостей, а также городов причислен к Смоленску. По всей видимости, содержание списка свидетельствовало о подчинении некоторых городов и волостей великому князю литовскому и управлении ими через смоленских урядников. При этом игнорировалась территориальная структура, сложившаяся исторически. Можно лишь предположить, что до начала XV в. часть земель в Поугорье подчинялась Карачеву. Когда Витовт ликвидировал Карачевское княжество многие земли, в том числе, возможно, и в районе Угры составили фонд господарских владений.

В состав Карачевского княжества до начала XV в., видимо, входил еще ряд волостей в Поугорье: Гонвенце (?), Опаков, Недоходов, Бушкевичи (Бышковичи), Лычина (Лычино) и Ощитеск (Ощитов). Согласно записи в книге данин Казимира Метрики ВКЛ эти владения («братня Анъреевая доля»), за исключением Ощитеска, между 1440 – началом 1443 г. получил князь Юрий Михайлович¹⁴⁴, вероятно, справедливо отождествленный краеведом Р.А. Беспаловым с внуком мосальского князя Святослава Титовича¹⁴⁵. Ощитеск (сопоставимый с известной в конце XV в. смоленской волостью Ощитов) был дан между 1440–1447 гг. великим князем Казимиром мосальскому князю Володку¹⁴⁶. 7 ноября 1449 г. (инъдикт 13, ноября 7) последний получил также пустую волостку Недоходов¹⁴⁷.

док относится к XV–XVI вв. Совсем рядом с Воротынском Старым находился город Новосиль, из которого в 1375 г. «от насилья от татарского» резиденция князей была перенесена в Одоев (Редкие источники по истории России. Вып. 2: Новые родословные книги XVI в. М., 1977. С. 112). Не было ли запустение старого Воротынска и возникновение нового связано с теми же событиями? Впрочем, отдельные находки, относящиеся к домонгольскому времени, на городище Воротынска все-таки были найдены (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 556/411. С. 194).

¹⁴³ СИРИО. Т. 35. № 24. С. 118.

¹⁴⁴ ЛМ. Кн. 3. Р. 31.

¹⁴⁵ О существовании сына Михаила у князя Святослава Титовича, неизвестно по родословцам, см.: *Wolff J.* Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W., 1895. S. 231.

¹⁴⁶ ЛМ. Кн. 3. Р. 46.

¹⁴⁷ ЛМ. Кн. 3. Р. 37.

Мосальском в XV в. продолжали владеть не на княжеском праве, а на праве вотчины князя из рода карачевских¹⁴⁸, но сам город и перечисленные волости, несомненно, относились к древней территории Карачевского княжества¹⁴⁹. В 1449 г. лишь один Недоходов был дан князю Володку Масальскому (Владимиру Юрьевичу)¹⁵⁰, что косвенно свидетельствует о смерти второго брата Михайловича и переходе всех его волостей к великому князю литовскому. Из новых господарских владений только волостка Недоходов, оказавшаяся без владельца («пуста деи, а не дана никому»), была распределена, остальные, видимо, остались в великокняжеском фонде.

Проблем с локализацией волостей, во второй половине XV в. тянувших к Опакову, не возникает. Только Гонвенце трудно сопоставить с каким-либо населенным пунктом Поугорья. После середины XV в. он больше не упоминался. Вполне возможно, в процессе переписывания 3-й книги Метрики ВКЛ в конце XVI в. название волости было искажено¹⁵¹. Например, случайно два раза было поставлено выносное «н». Происхождение названия волости в таком случае можно связать с именем Говен (Говенец). Оно встречается в той же 3-й книги записей¹⁵². В числе станов Воротынского уезда конца XVII – начала XVIII в. известен Говенский¹⁵³. Он лежал севернее Воротынска у правого берега р. Угры южнее Залидовского стана Мещовского уезда¹⁵⁴. Совсем рядом, к западу можно заметить группу волостей (Бышковичи, Лычино и Недоходово). Вероятнее всего это и была упомянутая в середине XV в. волость Говенце.

Кроме того, в районе, близком к Ощитову (совр. Федотково)¹⁵⁵, находившемся северо-западнее Дмитровца на р. Угре, с XVII в., из-

¹⁴⁸ Кром М.М. *Меж Русью и Литвой*. С. 50–51.

¹⁴⁹ Любавский М.К. *Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства*. С. 52.

¹⁵⁰ ЛМ. Кн. 3. Р. 37.

¹⁵¹ Написание «Гонвенце», где присутствуют две выносные буквы «н» несомненно (Национальный исторический архив Беларуси. КМФ-18 (Ф. 389). Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об.).

¹⁵² ЛМ. Кн. 3. Р. 23, 65.

¹⁵³ Водарский Я.Е. *Население России в конце XVII начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение)*. М., 1977. С. 236. Карта на С. 256–257.

¹⁵⁴ Там же. С. 256–257 (карта).

¹⁵⁵ АКР: Смоленская область. Ч. 2. / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко, В.С. Нефедов, Г.К. Патрик. М., 1997. № 1359. С. 153–154. Городище не было идентифицировано как Ощитов. Такой вывод подкрепляется материалами посольских книг (примерное расположение относительно других населенных пунктов) и благодаря сведению плана XVIII в., на котором обозначена р. Щитовка, впадающая в Угру возле села Федотково (Геометрической плань Юхновскага целого уезда).

вестно село Говендеги (Говендюги, совр. Знаменка), располагавшееся тоже на правом берегу р. Угры, к юго-западу, за резким изгибом реки¹⁵⁶. Село относилось к Великопольскому стану Вяземского уезда. Учитывая место с. Говендюги (рядом с Ощитовом) и некоторое соответствие названия (один корень, связанный с именем Говен), его осторожно можно отождествить с центром волости XV в. Говенце. В итоге появляется вероятность значительной удаленности части комплекса владений мосальских князей (Ощитеск-Говенце) от основного массива их волостей, сосредоточенных в низовье Угры.

Другие волости (Недоходов, Бышковичи и Лычино) в конце XV в. относились к г. Опакову (совр. Палатки)¹⁵⁷. Выше от него по течению р. Угры, с левой стороны ее притока Рессы располагались смоленские волости Мощин и Пустой Мощин. На левой стороне Рессы стоял Мосальск, но нижнее течение этой реки, возможно, служило границей между Смоленским и Карачевским княжествами. Через устье Рессы у Пустого Мощина проходила дорога на Вязьму. Там находились постоянные дворы¹⁵⁸, а сбор мыта был организован в Опакове¹⁵⁹. Таким образом, Ощитов и Говенце могли составлять анклав владений карачевских князей, как в свое время волость Заберега, принадлежавшая Новосили, стояла в значительном удале-

¹⁵⁶ «За окольными Матвеем Степановичем Пушкиным вотчина село Мишино, Говендеги тож, а в селе церковь во имя пресвятой богородицы Знамения да придел святомучеников Флора и Лавра» (Переписная книга поместных земель 1677 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 10818. Л. 321 об.).

¹⁵⁷ Городище Опакова расположено на мысу правого берега р. Угру, на северо-западной окраине с. Палатки Юхновского района Калужской области. (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 825/618. С. 255; *Массалитина Г.А., Болдин И.В.* Реконструкция истории летописного Опакова с привлечением данных археологии и картографии // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. Вып. 7. Калуга, 2006. С. 25–26). Недавние раскопки привели к открытию на Опаковском городище, в северной, наиболее возвышенной его части, у самого края мыса остатков каменной сторожевой башни, сложенной из крупных кусков известняка (*Массалитина Г.А., Болдин И.В.* Реконструкция истории летописного Опакова. С. 28–32). Таким образом подтвердилось примечание переписчика духовной грамоты Ивана Грозного 1572 г., в котором сказано: «Опаков ныне село в Медыньском уезде, в котором знак каменная палатка доднесь осталась. Сей был на границе Литовского владения во время Витолдово, но великий князь Василей Иванович с прочими от Литвы взял в... году» (ДДГ. № 104. С. 440). «Каменная палатка» – это, несомненно, остатки полуразрушенной башни. Кстати, данное сооружение, видимо, и дало новое название Опакову.

¹⁵⁸ Известны в середине XIX в., но не обозначены на карте Генерального межевания Юхновского уезда конца XVIII в.

¹⁵⁹ Акты Литовской метрики / Собраны Ф.И. Леонтовичем. (Далее: АЛМ). Т. 1. Вып. 1. № 152. С. 59; ЛМ. Кн. 6 (1494–1506) / Parengė A. Baliulis. V., 2007. № 243. P. 168.

нии от основной территории княжества. Отстраненные от мосальских земель в низовье Угры две волости во второй половине XV в. перешли в прямое подчинение Смоленску. Не следует исключать также вариант изначальной принадлежности как обоих Моциных, так и находившегося севернее их Дмитровца, Карачевского княжеству. В таком случае пропадала чересполосица владений, а общая конфигурация границ княжеств (Смоленского и Карачевского) выпрямлялась за счет ликвидации резкого выступа смоленских земель на восток. Однако версия местонахождения волости Говенце у р. Угры восточнее Бышковичей и Лычина сводит на нет версию о существовании анклава и делает совсем зыбким предположение об изначальной принадлежности разделявших владения мосальских князей территорий Карачевскому княжеству. Также, возможно, не следует отождествлять село Ощитеск середины XV в. с волостью Ощитов конца этого века.

О территории Карачевского княжества за Угрой (на ее левой стороне) ничего не известно, но Смоленску принадлежала расположенная далеко за этой рекой и ее притоком Шаней Медынь. Около 1371 г. ее для Москвы «вытягал боярин... Федорь Аньдреевич [Свибло – В.Т.] на обчех рете... оу смолнян»¹⁶⁰ (возможно, из состава Вяземского княжества)¹⁶¹. Наблюдение за территорией, относившейся к Медыни в конце XVI – XVIII в., может быть расценено как одно из доказательств пограничного характера р. Угры в начале XV в. И действительно, если, используя метод ретроспекции, перенести данные конца XVI в. на ситуацию более раннего времени, добавить фактор присутствия калужских земель у устья р. Угры, то можно обнаружить значительную протяженность московско-литовской границы вдоль этой реки (необходимо учесть тот факт, что в 1403–1404 гг. Вязьма и Смоленск были присоединены к ВКЛ, и московско-смоленская граница превратилась в московско-литовскую).

В начале 1494 г. в ходе переговоров московские бояре назвали литовским послам 8 волостей, причисленных к медынским: Городечна, Нерожа, Дорожмиря Гора, Кнутова Дуброва, Сковородеск, Гостижа,

¹⁶⁰ ДДГ. № 12. С. 34. По датировке В.А. Кучкина – 1368 г. (Кучкин В.А. Последнее завещание Дмитрия Донского // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 143).

¹⁶¹ Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII – XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 146.

Белые Вста, Вежки¹⁶². По писцовому описанию 1586–1587 г. сохранились Городенский, Вежецкий, Городской, Радомский станы и волость Городня¹⁶³. Тем самым часть волостей конца XV в. либо слилась с другими, либо перешла к соседним уездным центрам.

Территориальный состав Медынского уезда конца XV в. как будто, в целом, соответствует его состоянию спустя столетие. Однако в переговорном процессе 1494 г. обращает на себя внимание то обстоятельство, что вопреки московским боярам, относившим ряд волостей к числу медынских, литовские послы называли их «смоленскими из старины» и в предварительно поданном списке смоленских пригородов и волостей указали все пункты¹⁶⁴. Смоленскими литовской стороной считались также волости, объявленные боярами боровскими (Трубна, Путьнь) и можайскими (Турье, Тешинев, Сухрана, Олховец, Отьезд)¹⁶⁵. В итоге все спорные территории были уступлены Москве, но оказывается, что они принадлежали ВКЛ до московских захватов, явившихся следствием военных действий 1486–1493 гг.

Из перечисленных волостей определяется местонахождение следующих. Вдоль р. Городенки, правого притока Шани, впадающей слева в Угру, располагалась волость Городечна (волость Городня конца XVI в.)¹⁶⁶. По речке Нерошке (Нерошенке в XVIII в.)¹⁶⁷, левому притоку Извери, впадающей слева в Угру, лежала Нерожа. Волость Гостижа, несомненно, связана с р. Костижей (Гостижей в XVIII в.)¹⁶⁸, правым притоком Шани. Наконец, в районе р. Вережки

¹⁶² СИРИО. Т. 35. № 24. С. 119, 137.

¹⁶³ Писцовые книги Московского государства. Ч. I. Отделение I. СПб., 1872. С. 832–852.

¹⁶⁴ СИРИО. Т. 35. № 24. С. 118, 119, 137.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Писцовые книги Московского государства. С. 849–851.

¹⁶⁷ Генерального плана Медынского уезда часть II-я. Масштаб – в английском дюйме 2 версты // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов... СПб., 1782; Геометрический генеральный план Калужского наместничества оконч... Медынскому уезду со всеми внутри онога лежащими владельческими землями с показанием в нем каждого селения с отделенными специальными и городскими от других уездов межами, сочинен в орловской межевой конторе в городе Болхове первого класса землемером поручиком Петром Нееловым Генваря дня 1779 году. Масштаб – в английском дюйме 500 сажень.

¹⁶⁸ Генерального плана Медынского уезда часть I-я. Масштаб – в английском дюйме 2 версты // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов... СПб., 1782.

(Верешки в XVIII в.)¹⁶⁹, левого притока Угры находилась волость Вежки (Вежецкий стан конца XVI в.)¹⁷⁰. Севернее истока р. Вережки, уже у противоположного берега другой реки – Извери (левый приток Угры), еще в конце XVIII в. стоял погост Вежки¹⁷¹, от которого к настоящему времени осталось только урочище. Это, вероятно, был центр волости.

Остальные волости, ставшие в конце XV в. медынскими, пока не удалось локализовать, но и те, чье местоположение с большой степенью достоверности определено, занимают пространство своеобразным треугольником от р. Шани на востоке до р. Угры на юге, тем самым отсекая московские владения конца XIV в. от выхода к р. Угре. Итак, целый ряд волостей, отторгнутых в конце XV в. от ВКЛ, составил уездную структуру Медини, до этого, видимо, обладавшей лишь статусом центра волости. Очевидно, территорию Медини до конца XV в. можно сопоставить с позднейшим Городским станом, который распространялся только до р. Шани, левого притока р. Угры¹⁷².

Другие смоленские волости, в конце XV в. отнесенные к числу боровских и можайских, также исключали проникновение московских владений к р. Угре. Так, с запада медынские земли ограничивались территорией волости Трубна, занимавшей, очевидно, пространство вдоль реки Трубенки (левый приток Шани). Вместе с волостью Ощитов и Дмитровской землей в 1494 г. была упомянута волость Погорелое¹⁷³, центр которой можно неуверенно отождествить с современной Погореловкой (д. Погорелка в XVIII в.)¹⁷⁴, находящейся севернее р. Угры недалеко от впадения в последнюю р. Вережки. С большей долей достоверности можно видеть волость Погорелое в стане Пожога (Пожега, Пожеский) (центр – с. Пожога на р. Угре), известному по писцовым описаниям конца XVI в.¹⁷⁵ Размещался стан

¹⁶⁹ Генерального плана Медынского уезда часть II-я.

¹⁷⁰ Писцовые книги Московского государства. С. 836.

¹⁷¹ Генерального плана Медынского уезда часть I-я.

¹⁷² Писцовые книги Московского государства. С. 835, 846. На Шани находились дер. Рокитина и сц. Свитино, локализуемые на современной карте (Атлас Калужской области. Масштаб 1:100 000. М., 2002. С. 17).

¹⁷³ СИРИО. Т. 35. № 28. С. 152

¹⁷⁴ Генерального плана Медынского уезда часть I-я.

¹⁷⁵ Писцовые книги XVI века. Под ред. Н.В. Калачова. Ч. 1. Отд. II. СПб., 1877. С. 814–822.

совсем рядом с Ощитовом – вдоль левого берега Угры, за резким изгибом реки. Правда, название села и волости Пожога произошло, очевидно, от ручья Пожега, в то время как волость Погорелое – возможно, от события, связанного с пожаром.

После заключения мира волость Погорелое оставалась в составе ВКЛ: в ответ на жалобу литовского посла московский боярин Дмитрий Владимирович Ховрин¹⁷⁶ заверил, что московским «ураиникам» будет запрещено «вступаться» «въ Ощытовъ и въ Погорелое и въ Дмитровские земли»¹⁷⁷. В перемирной грамоте 1503 г. волость Погорелые и еще 27 волостей названы у города Дорогобужа, закрепленного за Москвой¹⁷⁸.

По отношению к вышеперечисленным волостям единственным подтверждением их связи со Смоленском является показание литовских послов, что может не соответствовать действительности. Однако это еще далеко не все данные, свидетельствующие о принадлежности ВКЛ территории с левой стороны р. Угры. Точно известно, что, например, город Опаков, стоявший на правом берегу Угры (совр. Палатки)¹⁷⁹, имел обширные земли и на левом берегу этой реки. Формулировка «Опаков по Угру» даже вошла в текст московско-литовского договора о вечном мире 1494 г.¹⁸⁰ За ВКЛ сохранялся Опаков с землями до Угры, следовательно, у города была территория и за Угрой, которая теперь отходила к Москве. Опаковым, как и Дмитровцом в свое время (1492 г.) завладел князь Семен Федорович Воротынский. Но от великого князя Ивана III он получил только территорию до р. Угры («городъ Опаковъ съ волостями по Угру»)¹⁸¹, то есть левобережье Угры напротив Опакова было уже до этого твердо закреплено за Москвой. До Воротынского Опаков принадлежал Сапегам. Возвратив городок в 1494 г., один из них – Василий (Васко) Сапегич жаловался великому князю Александру, что почти все его владения отошли за Угру к великому князю

¹⁷⁶ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 272.

¹⁷⁷ СИРИО. Т. 35. № 28. С. 152.

¹⁷⁸ Там же. № 75. С. 400

¹⁷⁹ Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. Прим. 264. С. 192; АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 825/618. С. 255.

¹⁸⁰ ДДГ. № 83. С. 330; СИРИО. № 24. С. 126

¹⁸¹ СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136.

московскому)¹⁸² и хорошо бы было получить что-нибудь взамен¹⁸³. Вероятно большая часть опаковских земель лежала за Угрой.

Также два других города, захваченных князем Воротынским и санкционированных Иваном III, были отданы новому московскому подданному с землями только по Угру¹⁸⁴. Города Бышковичи и Залидов находились уже недалеко от устья р. Угры. При этом Бышковичи стояли не на Угре, а у ее притока речки Бол. Березуй¹⁸⁵, Залидов же находился ниже по течению от устья р. Шани¹⁸⁶. Место Залидова заставляет разместить его земли на левобережье Угры вплотную к р. Шани и ее притоку Суходреву, так что для московских владений оставался совсем узкий выход к р. Угре. Казалось бы, в договоре 1494 г. только Опаков назван по р. Угру. Однако указание в тексте документа: «...i в Залидов, i в Бышковичи, i в Опаковъ по Угру»¹⁸⁷, несомненно, относится ко всем трем городам. Левобережье р. Угры от Опакова до Залидова в 1494 г. было закреплено за Москвой, а реально присоединено и освоено оно было еще до перехода на московскую службу князя С.Ф. Воротынского (ноябрь-декабрь 1492 г.)¹⁸⁸, так как последний сумел завладеть только территорией правобережья. Волости же с левого берега Угры, очевидно, к тому времени влились в состав Медынского уезда. Именно их и назвали московские бояре в переговорах начала 1494 г.

¹⁸² «...много дей ее за Вгру отошло» (Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей // Русская историческая библиотека. Т. XXVII. СПб., 1910. № 55. Стб. 565); «отчина его вся за Вгру отошла кь великому князю Московскому» (Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. № 130. Стб. 649); «отчина его за Вгрою в Опакове мало не вся к Москве отошла» (LM. Кн. 6. № 229. С. 161).

¹⁸³ «...и абымо противь его отчины чимъ пожаловали» (Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. № 130. Стб. 650). Другой Сапежич – Ивашка выменял до начала 1495 г. свою часть (дельницу) Опакова брату на село Щокино (АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 152. С. 59; Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. Стб. 567–569. № 58).

¹⁸⁴ «Город Бышковичи с волостьми по Угру, город Залидов с волостьми по Угру, город Опаков с волостьми по Угру» (СИРИО. Т. 35. № 24. С. 136).

¹⁸⁵ Городище и селище у д. Городище с правой стороны р. Бол. Березуй (АКР: Калужская область. № 255–256. С. 66, 65 (карта); АКР: Калужская область. Изд. 2-е. М., 2006. № 223/255–224/256. С. 105, 103 (карта). Ссылка на старое издание дана в связи с тем, что на карте 2-го, переработанного и дополненного издания место городища на карте указано неверно.

¹⁸⁶ Городище у д. Свиухово в районе знаменитых Залидовских лугов (АКР: Калужская область. Изд. 2-е. № 257/282. С. 105, 103 (карта)). О Залидовских лугах см.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 6. Калужская губерния. СПб., 1849. С. 21.

¹⁸⁷ ДДГ. № 83. С. 330.

¹⁸⁸ Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 85.

В завещании Ивана III были упомянуты многочисленные слободы, устроенные в левобережье Угры, видимо, еще в конце XV в. Великий князь московский передавал сыну: «...город Медын(ь), и Радомль, и с Вешками по Угру, да на Шане слобода, что Товарков садил, по Угру ж, и с Песочною с меншею, и з слободами, что садили Андреи Картъмазов, да Митя Загрязской, да Ивашко Гладкой. А что Филипповых детеи Полтева села и д(е)р(е)вни на сеи стороне Угры, и те села и д(е)р(е)вни со всем, что к ним потягло, къ Медыни»¹⁸⁹. Из перечисленных слобод уверенно локализуется лишь та, «что Товарков садил» – это, несомненно, Товарково, волость в устье р. Шани, выпадающей слева в Угру. После 1505 г. «волости на Угре, Товарков, Конопнарь (Конопка), и иныя волости по Угре» были даны великим князем Василием III в совместное владение князьям Василию Шемячичу и Василию Стародубскому¹⁹⁰. Активная колонизационная деятельность московских властей захватила левобережье Угры еще до 1492 г. Фактически происходил захват территории соседнего государства.

Наконец, уникальное известие, отраженное в посольских книгах, окончательно заставляет пересмотреть позицию относительно пограничного характера р. Угры. В 1494 г. «боярин твой (Ивана III – В.Т.), брата нашего, на имя Олферей, волостель Туреский, тыми разы вжо сего году Дмитровское наше волости засел десять деревень у Радунки; а перво сего, вжо после нашего с тобою докончания, тоежо волости наше Дмитровское Скрыба Травин засел два села, на имя Луково а Шибнево; а тивун вежецкий Абрам тоежо Дмитровское волости засел одинатцать деревень»¹⁹¹. Три одновременных события (одно до, второе после заключения мира – 5 февраля и третье без уточнения времени) касаются непосредственно Дмитровца и, по сути, своим описанием помогают реконструировать границы его волости. Характерно, что наезд на дмитровские земли в 1494 г. был известен Я. Натансону-Лескому, но польский исследователь, уверенно прочертив линию границы по р. Угре, вынужден был признать в невозможности локализовать упомянутые объекты¹⁹².

Итак, еще в том же году (начинался с 1 сентября 1493 г.) боярин Олферей – «туреский» волостель (волости Турье, к этому времени,

¹⁸⁹ ДДГ. № 89. С. 355.

¹⁹⁰ ДДГ. № 104. С. 440, 441; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России. С. 139.

¹⁹¹ СИРИО. Т. 35. № 56. С. 268.

¹⁹² *Natanson-Leski J.* Указ. соч. S. 85. Pr. 179.

видимо, уже отнесенной к Можайску, а до того принадлежавшей князьям Глинским)¹⁹³ «засел» 10 деревень Дмитровской волости у речки Радунки. Нападение, таким образом, шло со стороны левого притока р. Угры Турей, вокруг которой группировалась волость, на другой левый приток Угры – Радунку, известную по карте Генерального межевания как Руденка¹⁹⁴.

Скряба Травин после заключения мира (после 5 февраля) «засел» два дмитровских села – Луково и Шибнево, встречающиеся и на современной карте по разные стороны р. Вори, при впадении в последнюю Истры¹⁹⁵.

Абрам – тиун вежецкий (волости Вежки, возможно, уже отнесенной к Медыни) «засел» 11 деревень Дмитровской волости. Время не указано, но, видимо, происходило это событие тогда же, когда и предыдущее. Местонахождение деревень не указано, но волость Вежки определена в районе еще одного притока Угры – Вережки (см. выше).

Таким образом, территория Дмитровской волости в левобережье Угры (о ее протяженности на правом берегу реки ничего не известно) располагалась по обеим сторонам р. Вори и ограничивалась на северо-западе речкой Радункой, на юго-востоке не доходила до речки Вережки, а на севере и северо-востоке вступала в контакт с волостью Турье, а также еще одной известной в этом районе волостью – Ореховой (на р. Истре, притоке Вори)¹⁹⁶.

Течение р. Угры вверх от Дмитровца шло на северо-запад, проходило мимо Ощитова, а потом делало резкий поворот на юго-запад, уходя в глубину земель Великого княжества Литовского. В итоге для московских владений оставался только узкий участок у самого устья р. Угры.

Необходимо заметить, что и после заключения мира 1494 г. Дмитровец сохранил свою территорию на левом берегу Угры. При этом заметно стремление московской администрации соседних волостей отрезать часть дмитровских земель. Дмитровец испытал некоторые потери, однако по-прежнему контролировал часть левобережья Угры. Кроме того, если считать с неуверенной локализацией волости Погорелое на левом берегу Угры почти напротив Опакова, то

¹⁹³ СИРИО. Т. 35. № 8. С. 36.

¹⁹⁴ Геометрической планъ Юхновскага целаго уезда.

¹⁹⁵ Атлас Калужской области. С. 14.

¹⁹⁶ *Любавский М.К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. С. 283.

и еще в одном месте граница по р. Угре должна быть нарушена. Таким образом, в 1494 г. московско-литовская граница была установлена по Угре на отрезке ниже Дмитровца до устья реки. Вероятно, именно о ситуации 1494–1503 гг., еще свежей в памяти москвичей, и высказался С. Герберштейн в своих «Записках о Московии».

Возвращаясь к миру 1408 г., необходимо заметить, что он не внес изменений в состояние границы между двумя Великими княжествами – Литовским и Московским. Договор был заключен «по давнему», а согласно предыдущему литовско-московскому соглашению от 4 сентября 1407 г. московская граница сохранялась такой же, какой была при Дмитрие Донском («рубеж отчине моего отца по старине») ¹⁹⁷. Следовательно, и в 1408 г. граница оставалась прежней, причем именно для Москвы, ведь до начала XV в. ВКЛ еще не присоединило Смоленск, Вязьму и верховье Оки, и его владения не вошли в соприкосновение с московскими. Основываясь на подробном обзоре владельческой принадлежности земель в районе р. Угры, можно утверждать об отсутствии московско-литовской границы вдоль р. Угры на сколько-нибудь значительном расстоянии. Источники, относящиеся к концу XV в., обнаруживают существенный переход владений ВКЛ на левую сторону р. Угры ¹⁹⁸. И только к ее устью могли подступать московские земли (в случае, если волость Калуга распространялась дальше на запад от своего средоточия – р. Калужки). Предполагать захват части Великого княжества Московского жителями ВКЛ после 1408 г. нет оснований.

Однако граница по р. Угре в начале XV в. все-таки могла быть обозначена, хоть и условно. Вполне вероятно, что к тому времени в левобережье Угры сохранялись значительные неосвоенные пространства. У смоленских князей, видимо, не было заинтересованности, да и возможности в освоении и развитии периферийного для них региона. Для ВКЛ же участок заимствованной у Смоленского княжества границы между защищенной лесами и болотами Вяземщиной и пересеченным множеством рек Верхнеокским регионом обнаружил серьезную уязвимость. Благодаря пониманию стратегической важности Поугорья, властями ВКЛ был осуществлен ряд мероприятий, направленных на укрепление участка новой государ-

¹⁹⁷ Хорошкевич А.Л. Указ. соч. С. 41.

¹⁹⁸ При этом, вопреки многим свидетельствам источников, Я. Натансон-Лески, крупнейший исследователь московско-литовской границы, утверждал: «Niema żadnych śladów, by Litwa sięgała kiedy poza Ugrę dolną (bo o dolnej tylko może być tu mowa)». (Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Ad. 47. S. 27).

ственной границы. Городки вдоль Угры были розданы во владение верных великому князю людей из числа великокняжеских должностных лиц (Сапега – Опаков) и местных князей (Ф.Л. Воротынский – Крайшино, Лучин, С.Ф. Воротынский – Мощин). Как одно из проявлений политики ВКЛ – строительство новых оборонительных сооружений Дмитровца¹⁹⁹. А, в общем, повышенное внимание к региону, выразившееся, очевидно, и в выделении значительных средств на его развитие, послужило толчком для хозяйственного освоения пустыющего левобережья Угры.

Таким образом, совсем отрицать возможность существования московско-литовской границы по р. Угре не следует. Такая ее конфигурация могла быть зафиксирована в начале XV в. Однако реальностью стало возникновение своеобразной буферной зоны, представлявшей собой широкую полосу незанятых земель, условно служившей границей. Река Угра создавала одну сторону пограничной полосы, а противоположная ее сторона терялась в лесах у р. Шани и дальше на востоке. Только к самому устью р. Угры в начале XV в. могли подступать московские владения. Через буферную зону свободно проходили войска, двигавшиеся, например, к устью р. Угры или сворачивавшие напрямик к броду у городка Дмитровец, чтобы сократить дорогу к Вязьме. Постепенно площадь незанятых земель сокращалась за счет их освоения как с литовской, так и, менее деятельно, с московской стороны. К концу XV в. ВКЛ принадлежала большая часть обозначенной территории. А Великое княжество Московское, вероятно, из-за внутренних проблем, резко замедлило свое проникновение на запад в районе западнее р. Шани. Если во второй половине XIV – начале XV в. наблюдалась активная деятельность удельных московских князей по колонизации и освоению региона вокруг р. Протвы и ее притоков, то на протяжении почти всего XV в. упоминания о новых городах, волостях и слободах почти не встречались.

На короткое время (1494–1503 гг.) часть р. Угры действительно стала обозначать границу. Причем Угра стала пограничной не только от Опакова до Залидова в своем нижнем течении, но и в местах выхода к ее берегу Вяземского княжества, которое, как известно, целиком было присоединено к Москве²⁰⁰. Былая вяземская волость Турье, располагавшаяся по сторонам р. Турей, очевидно, имела вы-

¹⁹⁹ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Средневековый Дмитровец. С. 128.

²⁰⁰ ДДГ. № 83. С. 330; Темушев В.Н. Периферийные княжества в системе обороны ВКЛ: на примере Вяземского княжества // Канструкцыя і дэканструкцыя Вялікага княства Літоўскага: матэрыялы міжнар. навук. канф., Гродна, 23–25 крас. 2004 г. Мн., 2007. С. 95–102.

ход у устья и к р. Угре. Даже часть правого берега р. Угры, где находился Козельск (городище Ивановское)²⁰¹, если считать его принадлежащим князьям Козловским (из Вяземских), возможно, стала относиться к московской территории. Находящийся ниже по течению от Козельска Ощитов (городище Федотково) оставался после 1494 г. литовским²⁰².

Сложен вопрос о принадлежности волости Великое Поле (ее одноименный центр стоял у левого берега р. Угры)²⁰³. Эту волость наряду с другими, названными отчиной вяземских князей, держал князь С.Ф. Воротынский²⁰⁴. И всех их «князь великий не отступил-ся, а послы их отступилися», то есть в том числе и Великое Поле было закреплено за Москвой. Тем не менее, известно, что этой волостью владел когда-то Ян Гаштольд, и относилась она к Дорогобужу²⁰⁵. Также и в перемирной грамоте 1503 г. среди присоединяемых к Москве была перечислена дорогобужская волость Великое поле²⁰⁶. Таким образом, однозначное решение о принадлежности Великого Поля между 1494–1503 гг. выработать сложно. Как бы то ни было, Угра в межвоенный период в нескольких местах служила границей. Вероятно, об этом времени и писал С. Герберштейн.

Таким образом, совокупность источников, в целом как будто неоспоримо свидетельствующая о пограничном характере р. Угры на протяжении всего XV в., должна быть разбита на отдельные сообщения и подвергнута индивидуальному анализу. По сути сведения о Поугорье укладываются в три временных среза. Обозначение московско-литовской границы вдоль р. Угры в начале XV в. могло быть связано

²⁰¹ АКР: Смоленская область. Ч. 2. № 1336. С. 148. Городище не было идентифицировано как Козельск. Такое название известно по картографическим материалам XVIII в. Рядом (за р. Угрой) начинался массив владений князей Козловских (Клин, Молота, Козлов) (ЛМ. Кн. 3. Р. 45). В XVII в. Козельск – центр Козельского стана Вяземского уезда.

²⁰² Между 1440–1447 гг. село Ощитск было дано великим князем Казимиром Мосальскому князю Володку (Владимиру) Юрьевичу, «дяди его кн(я)зя Михайлова делница» (ЛМ. Кн. 3. Р. 46). Следовательно, можно сделать вывод о бывшей принадлежности Ощитова не Смоленску, а Мосальску и даже Карачеву.

²⁰³ Археологические данные, подтверждающие древность современной деревни Великополье отсутствуют. Возможно, центр волости находился не на современном месте, а, например, там, где расположены два городища с характерным названием Городище (АКР: Смоленская область. Ч. 2. № 1382–1383. С. 161–162). Великое Поле – центр Великопольского стана Вяземского уезда XVII в., но отошел он к Вязьме, возможно, после утраты в 1618 г. Дорогобужа.

²⁰⁴ СИРИО. Т. 35. № 24. С. 137.

²⁰⁵ ЛМ. Кн. 3. Р. 46.

²⁰⁶ СИРИО. Т. 35. № 75. С. 400.

с различными причинами. Тут возможна и ненадежность источника информации, использованного составителем хроники Быховца, и отголоски действительного желания установить границу по естественному природному рубежу в регионе, из-за своей обособленности неподдающемуся точному размежеванию. Данные С. Герберштейна (первая четверть XVI в.) фиксировали ситуацию после московских завоеваний первой пограничной войны 1486–1494 гг. и отражали реальное состояние московско-литовского пограничья. Наконец, пределы административно-территориальных единиц конца XVI в. (прежде всего Медынского уезда), частично оправдывающие проведение границы по р. Угре, не могут быть перенесены на более раннее время из-за произошедших существенных изменений.

Представление о московско-литовской границе к XVIII в. стало своеобразным стереотипом, который нашел отражение на ряде европейских карт. Рядом с рекой Угрой, причем в разных ее местах, помещались подписи с идентичным смыслом и, например, таким содержанием: «Ugra, Riviere bourbeuse qui servoit autrefois de limites entre la Lithuanee et la Moscovie»²⁰⁷ или «Ugra il lutosus qui limites inter Lithuaniam et Moscoviam»²⁰⁸. Во время создания карт московско-литовская граница (вернее, граница России и Речи Посполитой) уже далеко отодвинулась от региона Поугорья, однако их составители считали необходимым акцентировать внимание на якобы имевший место факт столь далеко простиравшихся на восток владений ВКЛ. Несомненно, растиражированное известие о былой границе было почерпнуто из «Записок о Московии» С. Герберштейна. Об отсутствии сколько-нибудь четких представлений о том, где же все-таки по Угре проходила московско-литовская граница свидетельствует то явление, что подпись и само обозначение границы на старых картах помещались то в верховье этой реки (выше Дмитровца)²⁰⁹, то в ее нижнем течении (напротив

²⁰⁷ Carte de Moscovie Dressée par Guillaume De l'Isle, Premier Géographe du roy... Paris, 1706 // *Кордт В. Матеріали до історії картографії України*. Ч. 1. К., 1931. С. 14, № 19.

²⁰⁸ Imperii Moscovitici pars Australis in lucem edita per Mathaus Seutter. Augspurg, 1730.

²⁰⁹ Poland. Corrected from the Observations communicated... By His Obliged Humble Servant Ion. Senex [Ok. 1762] // *Polonia. Atlas map z XVI-XVIII wieku*. W., 2005. S. 18; *Mappa Geographica... Regnum Poloniae et Magnum Ducatum Lithuaniae. Cura et Sumptibus Tobiae Conradi Lotter Geogr. Aug. Vindel. Nach der Neuen Abtheilung. Portiones 1772* // Там же. S. 24; *Mappa Geographica ex novissimis observationibus... Regnum Poloniae et Magnum Ducatum Lithuaniae. Opera et Sumptibus Ioh. Michael Probst. Geogr. Aug. Vindel. MDCCXXCIII [1773]* // Там же. S. 25; *La Pologne. Dressée sur ce qu'en ont donne Starovolsk, Beauplan, Hartnoch, et autres Auteurs... A Paris... 1806* // Там же. S. 27.

Дмитровца и ниже, но не захватывая устья, которое оставлялось Москве)²¹⁰.

Итак, р. Угра как линия, разделяющая московские и литовские владения, не состоялась. Однако это совсем не умаляет ее значения в системе обороны восточной границы ВКЛ. Своим течением, подкрепленным городами-крепостями, река Угра создавала серьезное препятствие на пути вражеских вторжений²¹¹. Главным действующим лицом она стала и в знаменитом противостоянии 1480 г., когда, используя ее возможности, Московская Русь окончательно освободилась от ордынского ига²¹².

Когда в 1480 г. путь хана Ахмата перегородили московские силы в районе Коломны, Серпухова и Тарусы, «царь поиде в Литовъскую землю, хотя обоити чрес Угру»²¹³. В Воскресенской летописи дано объяснение такому маневру: «и поиде къ Литовской земле, обходя Оку реку и ожидаа къ себе на помочь короля или силы его»²¹⁴. Актуальным для хана Ахмата был поиск слабого места в организованном российской стороной заслоне, которое бы сочеталось с удобным путем в центр государства: «А Татарове искаху дороги, куды бы тайно перешедь, да изгономъ идти къ Москве. И приидоша ко Угре реке, иже близъ Колуги, и хотяше перебрести»²¹⁵. Тогда Иван III повелел идти навстречу татарам сыну Ивану Ивановичу и брату Андрею Васильевичу Меньшему «к Колузе къ Угре на берегъ»²¹⁶. Без сомне-

²¹⁰ Nouvelle Carte Des Etats Du Grand Duc De Moscovie En Europe. Partie Meridionale. Henri Chatelain. Amsterdam, 1714; *Ukrania quae et Terra Cosaccorum cum vicinis Walachiae, Moldaviae, Minoris q. Tartariae, Provinciae exhibitae a Ioh. Baptista Homanno. Noriberger, 1720; Moscovy in Europe from the latest Observations...* by John Senex. London, 1721; *Imperii Moscovitici pars Australis in lucem edita per Mathaus Seutter. Augspurg, 1730.*

²¹¹ Интересно, что в Хронике Б. Ваповского отложилось представление о том, что течения рек Угры, Оки и Волги вместе составляют реку Ра (Rha), описываемую Птолемеем (*Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Przez Bernarda z Rachtamowic Wapowskiego. S. 170*).

²¹² О событиях 1480 г. см.: *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952. С. 134–168; *Каргалов В.В.* Конец ордынского ига. М., 1980; *Назаров В.Д.* Конец золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 104–120; *Он же.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983; *Клосс Б.М., Назаров В.Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 283–313; *Алексеев Ю.Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989; *Каргалов В.В.* «На границах Руси стоять крепко!» Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII–XVIII вв. М., 1998.

²¹³ ПСРЛ. Т. XXV. С. 327.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. VIII. С. 206. См. также: ПСРЛ. Т. XII. С. 200.

²¹⁵ ПСРЛ. Т. XX. С. 346.

²¹⁶ ПСРЛ. Т. XXV. С. 327.

ния, хан подошел к самому низовью р. Угры, так как и русские силы подошли туда же: «...и посла к берегу сына своего великого князя Ивана, а велел ему стояти усть Угры...»²¹⁷. Татарами была осуществлена попытка захватить перевоз через Угру у ее устья и открыть себе дорогу на Москву: «Царь же поиде неизвестными пути на Литовскую землю, хотя искрасти берегъ, и прииде на Угру октября в 8 день, в неделю в 1 час дни, приступиша к берегу к Угре, хотеша перевоз взяти»²¹⁸. Ахмат отошел от берега и стал изыскивать другие возможности для вторжения: «Царь же не возможе берегу взятии и отступи от реки от Угры за две версты, и ста в Лузе, и распусти вои по всеи земли Литовскои»²¹⁹. Так, не ожидая встречи с московскими силами, отдельный ордынский отряд осуществил попытку перейти Угру по броду в районе Опакова: «Царь же хотя искрасти великого князя под Опаковым городищем, хотя перелести Угру, а не чая туто силы великого князя. И посла князеи своих и воевод и множество Татар. Прилучи же ся туто множество князеи и боярь великого князя, не даядице перелести Угры»²²⁰. И хоть Ахмату удалось разведать все возможные места переправы через Угру («и знахори ведяху его къ Угре-реце на броды»)²²¹, московские воеводы заранее «пришедшее, сташа на Угре и броды и перевозки отъяша»²²².

Во время похода и «стояния» на реке Угре татары Ахмата разорили 12 городов, среди которых были два Залидова («старои да новои») и Опаков, стоявшие у самой реки. Также, по крайней мере, один из двух захваченных Воротынсков («старои да новои») находился поблизости от устья Угры²²³. Отдаленный Дмитровец, видимо, не пострадал, хотя возле него находилась удобная переправа. В.В. Каргалов называет именно «перелаз» (переправу с достаточно большой глубиной), а не брод в районе устья р. Вори. По мысли исследователя, «рокадный маневр» ордынцев от устья Угры к впадающей в нее Вори с военной точки зрения был бы нецелесообразен, так как уводил их от основного направления похода и заставлял двигаться по крайне неудобной для конницы местности²²⁴. Однако

²¹⁷ ПСРЛ. Т. XXVI. С. 263.

²¹⁸ Там же. С. 264.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же. С. 265.

²²¹ ПСРЛ. Т. XII. С. 200.

²²² Там же.

²²³ ПСРЛ. Т. XXVI. С. 273.

²²⁴ Каргалов В.В. Конец ордынского ига. С. 99; Он же. «На границах Руси стоять крепко!». С. 115.

вдоль Вори из Юхнова, далее на Гжать и Москву шла удобная дорога²²⁵, и представляется вероятной такая же неудача ордынцев у Дмитровца, как и та, что постигла их возле Опакова. Возможно, прямого военного столкновения (как у Опакова) возле Дмитровца не произошло, но попытки «прощупать» московскую оборону на левом берегу Угры должны были быть осуществлены. Мнение о развернувшемся сражении у устья Вори и даже о самом «стоянии» Ахмата в том месте высказали В.Е. Маслов и П. Орловский²²⁶.

Выборка летописных известий о событиях 1480 г. ярко иллюстрирует оборонительную роль р. Угры, возможностями которой, правда, воспользовалась московская сторона. По мысли Ю.Г. Алексеева, «В октябре 1480 г. русские войска решили труднейшую задачу обороны водного рубежа (далеко не сильного по своим природным качествам)»²²⁷. Действительно, в большей части своего течения мелкая, извилистая р. Угра только в сочетании с оборонительными сооружениями, контролирующими многочисленные броды и переправы, или в присутствии рядом значительных войск представляла собой внушительную преграду.

В результате московско-ордынского конфликта, как это ни парадоксально, наиболее пострадавшей стороной оказалась литовская: многие города, в том числе некоторые опорные пункты, прикрывавшие броды и переправы через Угру, были разорены (Опаков, два Залидова), окрестные территории опустошены, население угнано в плен (Ахмат «всех градов плени 12, милостью божьею не взя, а волости все плени и полон вывел») ²²⁸. При этом хан «милостью божьею Московские земли нимало не зайл»²²⁹. Более того, это московские войска некоторое время находились на территории ВКЛ, что не могло не сказаться на состоянии края. Ослабленная линия обороны по р. Угре, несомненно, не могла быть восстановлена за несколько лет. А в 1486 г. началась первая пограничная война между Великими

²²⁵ Геометрической планъ Юхновскага целаго уезда. См. также: Военно-топографическая карта г. Калужской и Смоленской. Ряд XIII. Лист 13.

²²⁶ Маслов В. Е. Юхнов. Тула, 1975; Орловский П. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск, 1907, с. 178. Находившиеся около Дмитровца деревни Побитое и Шеломцы своими названиями, как будто, свидетельствуют о происходивших в тех местах военных столкновениях.

²²⁷ Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. С. 107.

²²⁸ ПСРЛ. Т. XXVI. С. 273.

²²⁹ Там же. С. 273–274.

княжествами Московским и Литовским²³⁰, значительные события которой развернулись в районе р. Угры и, в частности, затронули Дмитровец.

С самого начала московско-литовской войны в регион Поугорья были устремлены интересы московского удельного князя Андрея Васильевича Углицкого (со стороны принадлежащего ему Можайска) и представителей великокняжеской администрации (со стороны Боровска, Медыни, Калуги). Наступление велось по двум направлениям – к северу и югу от Дмитровца. Характер «странной» войны (по образному определению А.А. Зимина) допускал не столько активные военные действия с прямыми захватами ключевых пунктов на территории противника, сколько постепенное разрушение и присоединение пограничных земель, оказание постоянного давления на местных землевладельцев, вынуждавшее их оставлять свои владения (князья Крошинские и Глинские) или переходить на сторону Москвы (Воротынские и др.). Московские власти не только создавала невыносимые условия жизни на порубежье, но и действовали методом обещаний, посулов. Так, решивший служить Ивану III князь Семен Федорович Воротынский, получил от московского государя во владение и свои земли, и все те, что смог занять, в итоге объединив в своих руках все Поугорье. При этом значительная часть левобережья Угры до ноября-декабря 1492 г. (времени перехода С.Ф. Воротынского) уже была освоена и разделена между можайской частью удела князя Андрея, Боровским и Медынским уездами.

Еще до осени 1486 г. служилыми людьми князя Андрея Васильевича были разорены волости Могилен, Негодин и Миценки, принадлежавшие старшему вяземскому князю Михаилу Дмитриевичу²³¹. Вскоре та же участь постигла волость того же князя Ореховну²³². Осенью 1486 г. нападению служилых людей князя Андрея Васильевича подверглись Дубровский двор и Дубровская волость все того же вяземского князя²³³. До середины осени 1487 г. нападение на волости Могилен, Негодин и Миценки повторилось²³⁴. Тогда же в не-

²³⁰ Обоснование датировки этой войны см.: *Цемушаў В.* «Вайна падчас міру». Першая памежная вайна ВКЛ з Вялікім княствам Маскоўскім (1486–1494 гг.) // *Беларускі гістарычны агляд*. Том 15. Сшыткі 1–2 (28–29). Снежань 2008. С. 5–48.

²³¹ СИРИО. Т. 35. № 1. С. 2.

²³² Там же.

²³³ Там же. № 1. С. 2; № 12. С. 49.

²³⁴ Там же. № 1. С. 2.

посредственной близости от территории, относящейся к Дмитровцу, в волости Ореховне представители князя Андрея Васильевича организовали слободу²³⁵. Сама волость была объявлена «издавна» принадлежащей к Можайску²³⁶. Вероятно в то же время были заняты волости Могилен и Миценки (Мицонки), в которых, согласно посольской жалобе 1490 г., были посажены наместники князя Андрея Васильевича²³⁷. Слуги удельного московского князя основательно закрепились в Вяземском княжестве, и, захватив волость Дуброву и Дубровский двор, попытались даже уничтожить участок проходящей рядом посольской дороги, с тем, чтобы провести ее через свою территорию²³⁸.

Параллельно с удельными князьями в направлении Вяземского княжества действовали представители великокняжеской администрации. До середины осени ими были заняты и ограблены волости князей Глинских Щательша и Судилов²³⁹. Вотчина князей Глинских располагалась к западу от владений князя Михаила Вяземского. Таким образом, московская власть распространилась еще дальше в глубину Вяземского княжества. Характерно, что Щательша (Шатеш) и Судилов (Сулидов), также как и Могилен (Могилна), Миценки (Миченки) вскоре появились в составе можайских волостей²⁴⁰ (карта 3).

В конце концов, территория, захваченная князем Андреем Васильевичем, приблизилась непосредственно к дмитровским землям. До конца 1488 г., согласно датировке посольских книг, последовало нападение людей князя Андрея на волость «к Дмитрову»²⁴¹. Наступление велось, очевидно, со стороны Ореховны, уже принадлежащей князю Андрею, вдоль левого берега р. Вори (где шла дорога) к ее устью и затронуло только левобережную часть Дмитровской волости. При этом было ограблено 50 деревень²⁴². Сам Дмитровец, видимо, не пострадал. Возможно, про то же самое событие с подробностями идет речь в посольских книгах 1489 г. со ссылкой на два года ранее. В таком случае датировку нападения на Дмитров можно

²³⁵ Там же; «Выписка из посольских книг». С. 35.

²³⁶ СИРИО. Т. 35. № 2. С. 6.

²³⁷ Там же. № 12. С. 49. См. также: Там же. № 18. С. 74.

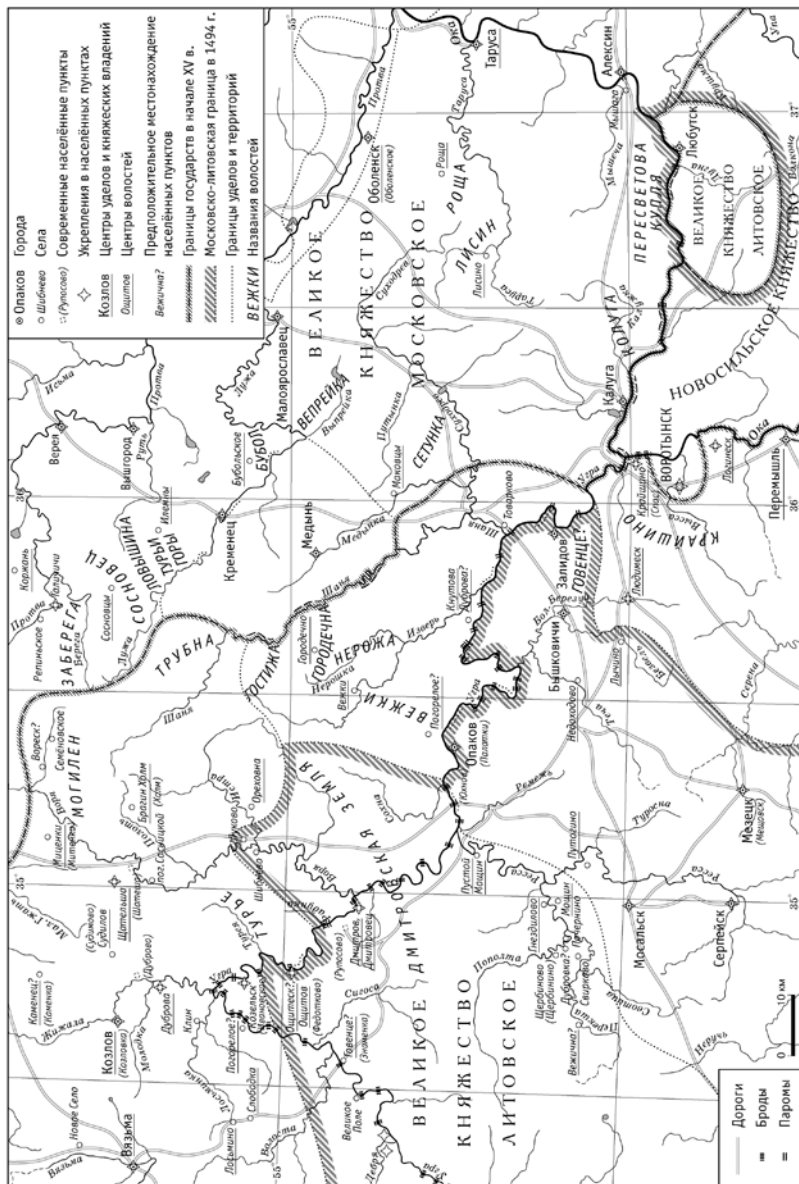
²³⁸ Там же. № 1. С. 2.

²³⁹ Там же. № 1. С. 4.

²⁴⁰ Упомянуты в завещании Ивана III 1504 г. (ДДГ. № 89. С. 355).

²⁴¹ СИРИО. Т. 35. № 6. С. 20; № 8. С. 37.

²⁴² Там же.

уточнить – лето 1487 г.²⁴³ Но также остаются вероятными две атаки на Дмитровец: летом 1487 г. – Кошкара, Ботина брата, Оболта с братом и других «с своими товарищи» (людей великого князя Ивана III?) и до конца 1488 г. – людей князя Андрея. Именно в первом случае было «выбрано» 50 деревень, взято 42 коня, награблено имущества на 70 рижских рублей²⁴⁴. Во второй раз были побиты люди, некоторые уведены в плен, осуществлен грабеж. Неточность и абстрактный характер формулировки второго нападения (отразилось в посольских книгах раньше первого) позволяет думать о первоначальном недостатке сведений о реальном ущербе, который был выяснен ко времени следующего посольства. Таким образом, возможность отождествления обоих событий сохраняется.

В то же время дважды подверглась опустошению соседняя волость Турье (князей Глинских). В ней было сожжено сначала 200 деревень, а после еще 32²⁴⁵. Нападение велось с востока детьми боярскими князя Андрея Можайского (вероятно, из Ореховны), а также отдельно силами холмского волостеля (волости Брагин Холм?)²⁴⁶, сосницкого доводчика (волости Сосновец?)²⁴⁷ и другими²⁴⁸.

Нападение в район Поугорья велось не только к северу от Дмитровца, но и на территорию, южнее его. Постоянным нападениям и грабежу подвергалась волость Недоходов, принадлежащая смоленскому наместнику князю Тимофею Владимировичу Мосальскому²⁴⁹. До конца 1488 г. волости Недоходово, а также Меск, Бышковичи и Лычино (князей Воротынских) были заняты людьми, пришедшими, вероятно, со стороны Медыни, так как в ответ князя Воротынские осуществили нападение именно на медынские волости²⁵⁰. В декабре 1489 г. на московскую службу перешел один из Воротынских – князь

²⁴³ Жаловался королю Казимиру на опустошение Дмитровской волости смоленский наместник Иван Ильинич, который стал таковым в начале 1487 г. (Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. T. 4, Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie XIV–XVIII wiek / Pod red. A. Rachuby. Warszawa, 2003. № 41. С. 50).

²⁴⁴ СИРИО. Т. 35. № 8. С. 37.

²⁴⁵ Там же. № 6. С. 20; № 8. С. 37.

²⁴⁶ Если речь идет о представителе московской администрации в волости Брагин Холм, то следует сделать вывод о ее соответствующей принадлежности.

²⁴⁷ Вероятно, здесь упомянут доводчик (судебный исполнитель, помощник волостеля) не из волости Сосновец, а из лежащего поблизости от Брагина Холма погоста Сосницкого на р. Воре, известного по карте Генерального межевания (Генерального плана Гжатского уезда часть III-я. В 1 дюйме – 2 версты. 1780).

²⁴⁸ СИРИО. Т. 35. № 8. С. 37.

²⁴⁹ СИРИО. Т. 35. № 1. С. 3, 4; № 8. С. 36.

²⁵⁰ Там же. № 6. С. 20, 21; № 8. С. 39.

Дмитрий Федорович²⁵¹. Кроме прочего, князь Дмитрий оставил своих наместников в городах Серенск и Бышковичи, волостях Лычино и Недоходов²⁵². Значительная часть Поугорья, таким образом, оказалась в руках нового московского подданного.

Севернее захваченной территории находился Опаков, который подвергся нападению и грабежу московскими людьми во главе с Хотетовским до конца апреля 1490 г.²⁵³ После перехода на московскую сторону в 1492 г. Опаковым завладел князь Семен Федорович Воротынский, но от великого князя Ивана III он получил только территорию до р. Угры («городъ Опаковъ съ волостями по Угру»)²⁵⁴, то есть левобережье Угры напротив Опакова было уже до этого твердо закреплено за Москвой (отнесено к Медыни).

В итоге в руках князя С.Ф. Воротынского сконцентрировалось все течение р. Угры (в основном, правобережье) с городами Мосальск, Серпейск, Бышковичи, Залидов, Опаков, Городечна и Лучин. На левую сторону Угры выходили г. Лучин и ряд взаемских волостей, захваченных князем Семеном²⁵⁵. Часть территории левобережья, относившаяся к городам Опаков, Бышковичи и Залидов, князь Семен не получил. Среди пунктов, расположенных в непосредственной близости от р. Угры, во владении Воротынского оказались Лучин, Великое Поле, Волста Нижняя²⁵⁶, Ошитов, Дмитров, Пустой Мошин²⁵⁷, Опаков и Залидов. Вся система укрепленных пунктов вдоль р. Угры была для ВКЛ потеряна. Однако по условиям «вечного» мира 1494 г. все владения князя Семена в Поугорье, включая даже те, что были даны ему или его отцу королем Казимиром (например, Лучин и Мошин), были возвращены в состав ВКЛ²⁵⁸. При этом территории

²⁵¹ О дате перехода см.: Кром М.М. *Меж Русью и Литвой*. С. 77–78.

²⁵² СИРИО. Т. 35. № 12. С. 47–48; № 14. С. 54.

²⁵³ Там же. № 12. С. 49.

²⁵⁴ Там же. № 24. С. 136.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Местоположение неизвестно, но связано, очевидно, с низовьем р. Волосты, впадающей слева в Угру в районе Великого Поля.

²⁵⁷ Место Пустого Мошина определено по материалам Генерального межевания конца XVIII в. и картам XIX в. (Геометрической планъ Юхновскаго целого уезда). Городища в районе Пустого Мошина не найдено. Но его удобное расположение возле устья р. Рессы и брода через Угру заставляет предполагать наличие оборонительных сооружений. Вполне вероятно, что городище на месте Мошина было уничтожено в ходе активных боевых действий времени Второй мировой войны, проходивших как раз в районе р. Рессы (Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004. С. 386).

²⁵⁸ LM. Kn. 5 (1427–1506) / Parengé E. Banionis. V., 1993. № 76. P. 130.

с левой стороны Угры, прочно интегрировавшиеся в состав московских административно-территориальных единиц (можайская часть удела князя Андрея Васильевича, Боровский и Медынский уезды), остались нетронутыми. Представители князя С.Ф. Воротынского, расставленные по городам и волостным центрам Поугорья, не стали той серьезной основой, на которую можно было опереться в отстаивании определенных территорий. В то же время землевладельцы и даже значительная часть населения левобережья Угры уже были московскими. На переговорах 1494 г. литовские послы вынуждены были смириться с новым административно-территориальным делением, представленным московскими боярами и включавшим исконные смоленские волости в состав Можайска, Боровска и Медыни.

Характерно в этой связи сохранение в составе ВКЛ не только самого городка Дмитровца, но также и территории, относящейся к его волости, в левобережье этой реки. Находившийся посередине между двух направлений московского наступления в Поугорье Дмитровец выстоял сам, не будучи ни разу захваченным, и защитил всю свою территорию. Вопрос о том, кому подчинялся и кто именно организовывал оборону участка московско-литовской границы в районе Дмитровца, представляется довольно сложным.

7 августа 1488 г., согласно лаконичной записи в реестре «отправ» короля Казимира, были даны «Ивану Свиридонову кадь меду з дмитровьское дани въ Глазыны, а жеребя в Михаила, конюшого, а 8 локоть сукна махалского з мыта въ Смоленьску»²⁵⁹. Иван Свиридонов (Свиридов) – это смоленский конюший, известный в 1488–1499 гг.²⁶⁰ Следовательно, один из урядников (должностных лиц) великокняжеской администрации получил по господарской воле, очевидно, одноразово, в качестве вознаграждения часть дохода (кадь меда) с Дмитровца и его волости от Глазыни, жеребца («жеребя») от Михаила²⁶¹ и 8 локтей сукна со смоленских таможенных сборов.

В записи реестра называлась выплата с медовой дани Дмитровца. Особая категория людей-данников господарских волостей обязана

²⁵⁹ ЛМ. Кн. 4 (1479–1491) / Parengė L. Anužutė. V., 1994. № 16.6. P. 67.

²⁶⁰ АЛМ. 1.1. № 20. С. 14; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Т. 4. № 22. S. 48.

²⁶¹ Михаила можно отождествить с конюшим дворным и виленским Михайлом Грегоровичем, упоминаемым в 1481–1488 гг. (Urzednicy centralni i dignitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku: spisy / Opracowali H. Lulewicz i A. Rachuba. Kórnik, 1994. № 236. S. 54).

была исполнять службу, выражавшуюся в платеже дани в казну (в данном случае – смоленскую) медом²⁶². Кроме медовой данники Дмитровской волости должны были платить еще грошовую, бобрювую и куничную дани²⁶³.

Упоминание господарской дани с Дмитровца в окружении смоленских урядников и доходов со Смоленска ведет к выводу об административном статусе городка – он являлся центром господарской волости и входил в состав Смоленской земли (наместничества, воеводства, повета). Основания выделения Дмитровца в качестве центра наместничества как будто нет. Но кто же такой упомянутый рядом с Иваном Свиридоновым Глазына?

Легко предположить, что господарской данью с Дмитровца распоряжался известный по актам Метрики ВКЛ смоленский окольничий Олехно Васильевич Глазына (Глазынич)²⁶⁴. Таким образом, с 7 августа 1488 г. часть собираемой им дани была пожалована по господарскому распоряжению смоленскому конюшему Ивану Свиридову (Свиридову).

Кроме Олехны иметь отношение к сбору дмитровской дани мог еще один известный Глазына – его брат Иван Глазына (Пузына). Однако вторая кандидатура на причастность к дмитровской дани отвергается в связи со следующими обстоятельствами.

До 1492 г. (при жизни короля Казимира) Иван Глазыня бежал в Москву вместе со своими сыновьями, правда, последних по дороге поймали²⁶⁵. Очевидно, они перечислены в Реестре смоленских князей, бояр и слуг 1492 г. на первом месте («Князя Ивановых сыновъ, Глазынина брата [Олехны – В.Т.], пять: Дмитриеи, Иван, Левъ, Михайло, Анъдреи») ²⁶⁶. Еще один сын Ивана Глазыни, Юрий со своей матерью в 1496 г. тщетно пытался оспорить часть («делницу») во-

²⁶² Довнар-Запольский М. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллогах. Т. I. Киев, 1901. С. 225.

²⁶³ ЛМ. Кн. 6. № 137. Р. 121.

²⁶⁴ Известен с 1486 до 1500 г. (Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy. Т. 4. № 54. S. 52). О роде Глазыничей см.: Wolff J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. W., 1895. S. 288; Boniecki A. Herbarz Polski. Cz. I. Wiadomości historyczno-genealogiczne o rodach szlacheckich. Т. I. W., 1899. S. 293–294; Он же. Poczet rodów w Wielkim Księstwie Litewskim w XV i XVI wieku. Warszawa, 1887. S. 75; Птаицкий С.Л. Князья Пузыны. СПб., 1899; Власьев А.Г. Потомство Рюрика. Материалы для составления родословий. Т. I. Князья Черниговские. Ч. 1. СПб., 1906. С. 343–347.

²⁶⁵ ЛМ. Кн. 6. № 147. Р. 125.

²⁶⁶ ЛМ. Кн. 4. № 141.1. Р. 152.

лости Мстиславец, которой владел его отец вместе с братом. Доля Мстиславца после бегства князя Ивана в Москву была передана сначала Миколаю Миколаевичу Радивилевичу («какъ держаль от оица нашего Смоленськъ»), а потом Олехну Глазыне²⁶⁷. Миколай Радивилевич являлся смоленским наместником с 1482 по конец 1486 г.²⁶⁸ В начале 1487 г. наместником в Смоленске уже был Иван Ильинич²⁶⁹. Таким образом, князь Иван Глазына бежал в Москву еще до «отправы» 1488 г.

Итак, более вероятным остается вывод о сборе дани с Дмитровца князем Олехной Глазыной.

Представляется, что Олехна Глазына только собирал дань с Дмитровца, а не являлся его наместником (как считает глубокий знаток истории Верхнеокского региона, краевед Р.А. Беспалов). Практика принятия дани и сбора недоимков («недополнков») с волостей ВКЛ, даже имевших наместников, разными должностными лицами (например, писарями) по поручению господаря была широко распространена²⁷⁰. Вполне вероятно и исполнение такой функции смоленским окольничим. Известно, что князь Олехно являлся наместником Лучина Городка²⁷¹, о его управлении Дмитровцом сведений нет.

В этой связи можно считать неубедительным отождествление Глазыны с дмитровским наместником. Поручение смоленскому окольничему сбора господарского дохода (принятия дани) с Дмитрова не делало его наместником этого городка. До конца XV в. в источниках вообще не встречается упоминания ни одного наместника в Дмитровце или хотя бы указания на их существование. Тем не менее, при новом великом князе литовском – Александре Казимировиче наместники в Дмитровце появились.

10 ноября 1495 г. в держание «до живота» Дмитров получил писарь Ивашка Сопежич (Иван Сапега)²⁷². Примерно в то же время

²⁶⁷ LM. Kn. 6. № 147. P. 125.

²⁶⁸ LM. Kn. 4. № 72–74. P. 114–115; № 77. P. 116; № 92–94. P. 121–122; № 97. P. 124; № 100. P. 125; *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy*. T. 4. № 40. S. 50. 23 января 1487 г. Миколай Радивилевич упоминался как бывший смоленский наместник. Эту должность занимал уже Иван Ильинич (LM. Kn. 4. № 100. P. 125).

²⁶⁹ LM. Kn. 4. № 100. P. 125; *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy*. T. 4. № 41. S. 50.

²⁷⁰ LM. Kn. 5. № 183. C. 295; LM. Kn. 6. № 597. P. 344; № 607. P. 347; LM. Kn. 8 (1499–1514) / *Parengė A. Baliulis ir kt. V., 1994. № 115. P. 146; Груша А.И. Канцелярия Вялікага княства Літоўскага. Мн., 2004. С. 34–37.*

²⁷¹ С 1495 по 1499 гг. (*Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: spisy*. T. 4. № 84. S. 56).

²⁷² LM. Kn. 6. № 137. P. 121.

(к началу 1495 г.) он выменял у брата Василия часть принадлежавшего тому Опакова²⁷³ и, вместе с Дмитровцом, сформировал на границе с Великим княжеством Московским значительное владение. 20 декабря 1497 г. все имения Ивашки Сопежича были подтверждены великим князем Александром²⁷⁴. Характерно, что Дмитровца среди них не было.

Брат писаря, дворянин Васка Сопежич также не оставил без внимания регион Поугорья. Он развил активную деятельность по соседству с Дмитровцом и Опаковым, в находящейся между ними волости Мощин. Сначала Васка Сопежич получил там во владение сельцо Дубровки²⁷⁵, а после (к 1497 г.) скупил и выпросил у господаря в отчину вместо потерянных за Угрой опаковских земель большое количество сел и других имений в этой волости (села Щербиново, Свирково, Почернино, Местово, селище Безменовское)²⁷⁶. В итоге «Сопежины дети» стали обладателями самого края ВКЛ, клином вдававшегося в территорию Великого княжества Московского. Вскоре эти земли были потеряны в ходе московско-литовской войны 1500–1503 гг. В перемирной грамоте 1503 г. городище Дмитровец, Опаков и Мощин были записаны в московской стороне²⁷⁷. Период существования в Дмитровце наместника, таким образом, оказался кратким.

Представляется, что до 1492 г. (точнее при короле Казимире) Дмитровец вовсе не знал наместников. Прежде всего, при передаче городка в держание до живота Ивашке Сопежичу, великий князь литовский Александр, обращаясь к приказнику и всем людям Дмитровским, заметил: «и вы бы его во всем были послушни по тому, какъ и перъвых наместниковъ наших»²⁷⁸. Наместники эти (прежние) успели смениться в Дмитровце в короткий срок правления Александра Казимировича (с конца июля 1492 г.)²⁷⁹, а точнее в 1494–

²⁷³ «Ему всю спустиль свою дельницу Опаковскую своею доброю волею» (АЛМ. Т. 1. Вып. 1. № 152. С. 59; Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. № 58. Стб. 567–569).

²⁷⁴ ЛМ. Кн. 6. № 243. Р. 166–168.

²⁷⁵ Литовская метрика. Отдел 1. Ч. 1. Книги записей. № 56. Стб. 566; АЛМ. № 155. С. 60.

²⁷⁶ ЛМ. Кн. 6. Р. 160–161.

²⁷⁷ ЛМ. Кн. 5. № 118.13. С. 210.

²⁷⁸ ЛМ. Кн. 6. № 137. Р. 121.

²⁷⁹ 20 июля 1492 г. в Вильне был собран сейм, на котором 30 июля великим князем литовским был избран Александр Казимирович (*Любавский М.К.* Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 136; *Pietkiewicz K.* Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellończyka. Studiu nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku, Poznań, 1995. S. 6).

1495 г., ведь необходимо учитывать то обстоятельство, что с конца 1492 по начало 1494 г. городок находился под московской властью и управлением С.Ф. Воротынского²⁸⁰.

Кроме того, заслуживает внимания анализ жалоб представителей местной администрации великому князю литовскому на нападения московской стороны. Так, на разорение города Опакова Казимиру поступила жалоба от их владельцев – Ивашки и Васки Сопежичей («Жаловали нам слуги наши, пана Сопежины дети»)²⁸¹. На грабеж своих городов и волостей жаловались князья Вяземские, Глинские, Воротыньские²⁸². То же происходило и при нападении на Любуцк и Мценск – сведения об этом поступали от мценского и любутского наместника князя Ивана Трубецкого²⁸³. Когда же атаке подверглась волость Дмитровца, то об этом событии уведомлял Казимира смоленский наместник пан Иван Ильич («писал к нам слуга наш, наместник смоленский пан Иван Ильич»)²⁸⁴. Так косвенно подтверждается прямая зависимость Дмитровца от центральной власти, представителем которой являлся смоленский наместник.

После заключения московско-литовского мира 1494 г., закрепившего Вяземщину и территорию левобережья Угры за Москвой, положение Дмитровца, вероятно, изменилось. Теперь городок приобрел еще большее значение в качестве опорного пограничного пункта, а после утраты ВКЛ ряда административных центров, возможно, стал контролировать некоторую часть оставшейся без управления сельской округи Поугорья. Увеличение стратегического значения и административной роли Дмитровца повлекло за собой изменение его статуса. Не случайно городок был выделен в центр наместничества.

В конце XV в. Дмитров являлся рядовым волостным центром. Московское наступление в ходе пограничной войны велось «у волость нашу [короля Казимира. – В.Т.] к Дмитрову» или «на нашу волость на Дмитров»²⁸⁵. Согласно списку смоленских пригородов,

²⁸⁰ Возможно, на короткий срок в самом начале 1493 г. Дмитровец возвращался в состав ВКЛ (см. выше). Также вероятен захват городка московскими войсками только в феврале 1493 г. (СИРИО. Т. 41. № 41. С. 186, 192). Таким образом, в период лето-осень 1492 г. в Дмитровец могли быть назначены наместники.

²⁸¹ СИРИО. Т. 35. № 12. С. 49.

²⁸² Там же. № 6. С. 20; № 12. С. 48–49.

²⁸³ Там же. № 6. С. 19.

²⁸⁴ Там же. № 6. С. 20.

²⁸⁵ СИРИО. Т. 35. № 6. С. 20; № 8. С. 37.

составленному в ходе переговоров начала 1494 г. литовскими послами, Дмитров назван смоленской волостью, ничем не выделяющийся на фоне других волостей, таких, как стоящие рядом Ощитов, Пустой Мошин, Мошин, Вежки, Турье и др. При этом Бышковичи, Залидов, Опаков, расположенные в Поугорье, названы городами «з волостьми»²⁸⁶.

Результатом неосведомленности московских властей о территориальной системе ВКЛ представляется случай в начале 1494 г., когда бояре «спустили» литовским послам «город Дмитров»²⁸⁷. Однако тут могло иметь значение и реальное представление о значительности городка, его укреплений и подчиненной округи, которые на взгляд москвичей выделяли Дмитровец на фоне других волостных центров.

Утвержденный вскоре перечень городов и волостей, которых поступился Иван III великому князю литовскому Александру, был составлен «ис того списка, который список послы дали» (список смоленских пригородов), и в нем Дмитровец по-прежнему назван в числе волостей²⁸⁸.

Некоторое изменение в статусе Дмитровца можно наблюдать после заключения мира. В августе 1494 г. великий князь московский Иван III предписывал своим «украинникам» не вступаться в волости великого князя Александра Погорелое, Ощитов и Дмитровскую землю. При этом снова от имени Ивана III было добавлено: «и мы въ те волости и земли своимъ людемъ вступатися не велимъ»²⁸⁹. Таким образом, Дмитровец был неуверенно выделен в центр земли – довольно неопределенную административную единицу.

Литовская же сторона, как и раньше, продолжала считать Дмитровец волостью. В подробном описании «кривд великих» в отношении Дмитровца 1498 г. он последовательно назывался волостью («Дмитровское наше волости», «волости наше Дмитровское» и «тоже Дмитровское волости»)²⁹⁰. Статус Дмитровца так и не изменился.

После присоединения к Великому княжеству Московскому по договору о 6-летнем перемирии 1503 г. регион Поугорья утратил свое пограничное значение, а его бывшие крупные военно-административные центры потеряли значение. Так, Залидов, играв-

²⁸⁶ Там же. № 24. С. 118.

²⁸⁷ Там же. № 24. С. 120.

²⁸⁸ Там же. № 24. С. 136.

²⁸⁹ СИРИО. Т. 35. № 28. С. 152.

²⁹⁰ Там же. № 56. С. 268.

ший значительную роль в контроле за переправой через р. Угру в ее устье и являвшийся городом – центром значительной округи по обеим сторонам р. Угры, в грамотах 1503, 1508, 1526, 1537 гг. был перечислен среди волостей, относящихся к Опакову²⁹¹. Дмитровец, видимо, уже в начале XVI в. был покинут населением, обосновавшимся возле городка в селе, являвшимся еще долгое время центром Дмитровской волости. Об этом свидетельствует характеристика, появившаяся в перемирной грамоте 1503 г.: «городища Дмитровца»²⁹². Обращает на себя внимание также изменение названия городка: он стал Дмитровцом, хотя в составе ВКЛ всегда назывался Дмитровом. Тут, очевидно, сказалось желание отделить московский Дмитров (на р. Яхроме) от бывшего литовского (на р. Угре). Этим же можно объяснить появление Дмитровца (а не Дмитрова) в московском летописании XV в. при описании событий, относящихся к 1407 г.

В грамоте 1503 г. городище Дмитровец поставлено первым в перечне волостей, относящихся к таким городам, как Мценск, Любутск, Серпейск и Мосальск. Новое административно-территориальное деление Великого княжества Московского находилось в стадии формирования. Из перечисленных городов Дмитровец мог бы относиться к Мосальску – остальные были слишком далеко. Однако не следует забывать о близких к городку старых московских уездных центрах, которые не было необходимости называть в договоре, но которые могли претендовать на административное подчинение недавно присоединенных территорий. В свое время наступление и захват Дмитровской волости велись со стороны волости Турье, а, в общем – от Можайска. И действительно, в духовной грамоте Ивана III Дмитровец по обе стороны Угры был приписан к составу Можайского уезда: «Да ему ж [Василию. – В.Т.] даю город Можаяскъ с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и зъ Чягощью, и с Турьевым, и с Ореховною, и с Могилном, и с Миченками, и съ Шатеш(ь)ю, и з Сулидовым, и з Дмитровцом по обе стороны Угры, и с-ыными месты, что к ним потягло...»²⁹³.

В перемирной грамоте 1508 г. Дмитровец был выделен и поставлен между двумя городами: «...и въ город въ Воротынескъ с волостями,

²⁹¹ Там же. № 75. С. 400; ЛМ. Кн. 8. № 80. С. 127; АЗР. Т. II. 1506–1544. СПб., 1848. № 120. С. 148; СИРИО. Т. 35. № 102. С. 745; Там же. Т. 59. СПб., 1887. № 7. С. 127.

²⁹² Там же. № 75. С. 400. В публикации Э. Баниониса сокращенное «гороша Дмитровъца» было расценено ошибочным написанием «города Дмитровъца» (ЛМ. Кн. 5. № 118.13. С. 210).

²⁹³ ДДГ. № 89. С. 355.

и в городище Дмитровиць, и в город у Вязму»²⁹⁴. Тоже произошло и в договоре 1522 г. и повторено с несущественными изменениями в 1526 и 1537 гг.: «города Мценска з волостьми, и городища Дмитровца, и города Опакова з волостьми, города Мещеска з волостьми»²⁹⁵. Сомнительно, чтобы статус Дмитровца поменялся: как видим, он заявлен без волостей. Но, кажется, в перемирных грамотах он стал фигурировать как пункт, утративший даже свое население. Его не решаются поместить в ряд волостей и располагают согласно географическому признаку – сначала между Воротынском и Вязьмой, а потом по течению Угры и дальше на юг (за исключением Мценска).

Итак, в начале XVI в. Дмитровец потерял значение оборонительного пункта на московско-литовской границе, в связи с чем население его покинуло и он пришел в запустение. Название его сохранялось долго, и даже во второй половине XVII в. встречалась волость Дмитрово городище²⁹⁶, также именовавшаяся Дмитровской²⁹⁷. Функции административного центра перешли к развившемуся рядом с городком поселению (посад Дмитровца, очевидно, тоже запустел)²⁹⁸.

Своеобразным образом память о Дмитровце сохранялась очень долго. С середины XVI по конец XVIII в. городок обозначался на картах Великого княжества Литовского, Польши и России, причем часто со статусом (судя по пиктограммам, указывающим его место), равным соседним городам Калуге, Воротынску, Вязьме и т.д. В некоторых случаях, наряду с Дмитровцом, был отмечен еще один город Поугорья – Опаков (Ораков, Орасов, Ораисов)²⁹⁹. Другие населенные пункты вдоль р. Угры не привлекли внимания картографов.

²⁹⁴ ЛМ. Кн. 8. № 80. С. 126.

²⁹⁵ АЗР. Т. II. № 120. С. 149. См. также: СИРИО. Т. 35. № 102. С. 745; Там же. Т. 59. № 7. С. 127.

²⁹⁶ Список с переписной книги дворцовых сел, приселков, деревень и дворов. 1664 г. Волость Дмитрово городище // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп.1. Д. 10813. Ч.2. №21. Лл. 319–323.

²⁹⁷ Переписная книга 1677 г. Дмитровская волость // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1209. Оп.1. Д. 10818. Лл. 481–493.

²⁹⁸ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Реконструкция истории летописного Дмитровца. С. 73–76, 79.

²⁹⁹ В атласе Меркатора Опаков (без Дмитровца) обозначен даже на общей карте Европы (*Mercator G. Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura*. Duisburg, 1595. № В). Характерно, что на карте России того же атласа название городка искажено (не Ораков, а Ораисов) и местоположение указано не у правого берега Угры, а значительно севернее реки (Там же. № XXVI). На карте Литовского княжества Опаков (Орасов) обозначен у правого края без Дмитровца и даже реки Угры (Там же. № XXVII)

Впервые Дмитровец (Demetriouicz) появился на карте Московии С. Герберштейна 1546 г., изданной еще до выхода в свет «Записок о Московии»³⁰⁰. Точного местоположения Дмитровца С. Герберштейн не знал, но, согласуясь с известными ему расстояниями до других пунктов³⁰¹, поместил пиктограмму города между Окой (Fl. Ossa) и Днепром (Boristenes vel. Nieper fl.), так что даже Смоленск (Smolenczko) стоял юго-западнее. Река Угра (Fl. Ugra) при этом была изображена значительно севернее, в ее устье был показан Воротынский (Vorotin). Форма написания С. Герберштейном названия города (Demetriouitz, Demetriowitz) закрепилась на данной карте и на всех последующих. Однако сама первая карта С. Герберштейна оказалась велика для формата «Записок о Московии» и была заменена упрощенными вариантами (1548, 1549, 1556, 1557 гг.), на которых Дмитровец отсутствовал.

В качестве приложения к итальянскому изданию «Записок о Московии» венецианский космограф Дж. Гастальди в 1550 г. подготовил собственную карту «Описание Московии» («Descriptioné dé la Moscouia»). Карта вобрала в себя сведения, собранные в путешествиях императорским послом (как из его карт, так и из самих записок)³⁰². На предшествовавших картах Гастальди³⁰³, как и на поздних картах Герберштейна, Дмитровец не был обозначен, поэтому становится очевидным, что появление города на карте 1550 г. связано с использованием раннего произведения Герберштейна. Но на карте Гастальди 1550 г. пиктограмма города (Demetrower) была поставлена не совсем там, где ее поместил С. Герберштейн – она была сдвинута к северу и попала между Окой и ее левым притоком (не-

³⁰⁰ *Moscovia Sigismundi Liberi Daronis in Herberstein Neiper et Gutenhag. MDXLVI // Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899. № XI; Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 82–83.*

³⁰¹ В «Записках о Московии» отмечено, что Дмитровец (Demetriouitz, Demetriowitz) находился в 18 милях (немецких) от Вязьмы и примерно в 20 милях от Воротынского (Герберштейн С. Записки о Московии: В 2 т. / Под ред. А.Л. Хорошкевич. М., 2008. Т. I. С. 324–325).

³⁰² Багров Л. История русской картографии. М., 2005. С. 131.

³⁰³ Карта Московии Гастальди, 1548 г. // Багров Л. История русской картографии. С. 127; Карта Польшчы, Літвы і суседніх зямель «Regno di Polonia», Дж. Гастальдзі, 1548 // Казлоў Л.Р. Старажытная картаграфія Беларусі. Вып. II. Мн., 2006. С. 17; Карта Московщини. 1578 р., Базель // Ваврчын М.Г., Дашкевич Я.Р., Кришталович У.Р. Україна на стародавніх картах. С. 55.

сомненно, Угрой) южнее Воротынска (Verotin)³⁰⁴. Такой же взгляд о месте Дмитровца нашел отражение на еще одной карте Гастальди – 1566 г.³⁰⁵

Явным заимствованием из ранних работ С. Герберштейна и Дж. Гастальди выглядит карта Московии Дж.А. Маджини (И. Магина), приложенная сначала к венецианскому, а потом кельнскому латиноязычному изданию «Географии» Птолемея 1596 и 1597 гг.³⁰⁶ На еще одной карте Дж.А. Маджини из атласа М. Квада «Geographisch Handbuch» 1600 г. район Поугорья подвергся произвольному искажению. Дмитровец (Demetioer) был помещен у р. Оки (названа как Осса Mscenesk, то есть с именем реки совместили название города) южнее Воротынска (ошибочно назван как Terotin)³⁰⁷.

Представления о территории Восточной Европы быстро расширялись, и уже на «Карте части Польши» («Il disegno... del regno de Polonia, e parte del ducado di Moscovia...» издания 1562 г. и «Il vero disegno della seconda parte dil Regno di Polonia...» издания 1568 г.) Дж. Гастальди Дмитровец (Demetrowiz) был обозначен рядом с Опаковом (Орасу)³⁰⁸. При этом последний стоял на правом берегу

³⁰⁴ Descriptioné dé la Moscovia pér Giacomo Gastaldo Piamotésé cosmographo in Vénetia MDL // Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. № XV; Карта Руси Дж. Гастальдо (гравюра венецианского издания 1550 г.) // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 143; Descriptioné dé la Moscovia per Giacomo Gastaldo Piamo[n]tése cosmographo in Venetia MDL // Вавричин М.Г., Дашкевич Я.Р., Кришталович У.Р. Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. К., 2006. С. 33; «Апісанне Масковіі» Дж. Гашталді. 1550 г. // Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. Мн., 2009. С. 166

³⁰⁵ Noun Descriptione de la Moscovia... // Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. № XVI.

³⁰⁶ Карта России И. Магина из итальянского издания Географии Птолемея. Venetiis, 1596 // Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. № XXV; Moscoviae Imperium. Московська Імперія 1597 р., Кельн // Вавричин М.Г., Дашкевич Я.Р., Кришталович У.Р. Україна на стародавніх картах. С. 86, 87.

³⁰⁷ Moscoviae Imperium. Coloniae formulis Jani Bussemeheri ani 1600 // Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. № XXVII; Moscoviae imperivm. Coloniae formulis Joani Bussemeheri An. 1600. Московська імперія. Видана у Кельні Йоганном Буссемехером 1600. 1600 р., Кельн // Вавричин М.Г., Дашкевич Я.Р., Кришталович У.Р. Україна на стародавніх картах. С. 95.

³⁰⁸ Il disegno... del regno de Polonia, e parte del ducado di Moscovia... // Кордт В.В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. № XXII; Il vero disegno della seconda parte dil Regno di Polonia... Giacomo Gastaldo Piamontese. Venetia, 1568 // Senieji Lietuvos žemėlapiai: Iš Vilniaus universiteto bibliotekos rinkinių / Sudarė, aprašus parengė Alma Brazūnienė. Vilnius, 1999. I aplankas. № 5; «Карта часткі Польшчы» Дж. Гашталді. 1568 г. // Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. Мн., 2009. С. 171.

р. Угры, а Дмитровец – еще южнее. Также ошибочно (в устье р. Угры, но с левой стороны) был изображен Воротынский (Vorotin).

Вполне вероятно, второй вариант размещения Дмитровца (южнее Опакова, стоящего на Угре) был заимствован Дж. Гастальди у Г. Меркатора, опубликовавшего еще в 1554 г. карту Европы. Дмитровец был показан немецким картографом юго-западнее Опакова, а Воротынский при этом стоял в устье Угры с правильной (правой) стороны³⁰⁹. Г. Меркатор, в свою очередь, мог почерпнуть новые сведения о Восточной Европе, например, у Б. Ваповского³¹⁰. Последний в 1526 г. создал карту Польши, но, к сожалению, от нее до нас дошли лишь фрагменты³¹¹ и судить о том, был ли вообще показан на ней Дмитровец, а также Опаков, довольно сложно.

Новая традиция в обозначении местоположения Дмитровца шла, возможно, от карты «Великое княжество Литовское, Ливония и Московия» («Magni Ducatus Lithuaniae Livoniae et Moscoviae description») М. Струбица, приложенной к атласу Кромера 1589 г.³¹² В истоке р. Угры появилось озеро, над которым возвышался Дмитровец (Demetrowicz). При этом к самой реке Угре (только на карте Струбица) был пририсован левый приток (очевидно, Ресса). Такое же положение Дмитровца отмечено на картах, связанных с творчеством Г. Меркатора («Russia» 1595 г., «Lithuania» 1628 г., «Taurica Chersonesus» 1630 г., «Russia cum confinijs» 1630 г., «Taurica Chersonesus» 1638 г., «Taurica Chersonesus» 1641 г.)³¹³. На всех них при-

³⁰⁹ Изображение Центральной России на двух средних листах ... карты Европы Меркатора, 1554 г. // Багров Л. История русской картографии. С. 136.

³¹⁰ Багров Л. История русской картографии. С. 139.

³¹¹ Alexandrowicz S. Rozwój kartografii Wielkiego księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku. Poznań, 1989. S. 39. На карте Польши и Венгрии Б. Ваповского и С. Мюнстера 1540 г. регион Поугорья не был отражен (Polonia et Vngaria. XV. Nova Tabvla. Нова карта Польщі та Угорщини. 1540 р., Базель // Вавричин М.Г., Дашкевич Я.Р., Кришталович У.Р. Україна на стародавніх картах. С. 28–29).

³¹² Magni Ducatus Lithuaniae Livoniae et Moscoviae description // Казлоў Л.П. Старажытная картаграфія Беларусі. Вып. II. С. 18; «Карта Вялікага княства Літоўскага, Лівоніі і Масковіі» М. Струбіца. Раней 1589 г. // Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. Мн., 2009. С. 185

³¹³ Mercator G. Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura. Duisburg, 1595. № XXVI; Russia // Копѣт В.В. Материалы по истории русской картографии. Вып. I. № XXIV; Gerhard Mercator, mapa Litwy, Duisburg 1595 // Alexandrowicz S. Rozwój kartografii Wielkiego księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku. Mapy i plany. Poznań, 1989. № 13; Lithuania // Вавричин М.Г., Дашкевич Я.Р., Кришталович У.Р. Україна на стародавніх картах. Кінець XV – перша половина XVII ст. К., 2006. С. 123; Taurica Chersonesus. Nostra aetate Przecopsca et Gazara dicitur // Там же. С. 141; Russia cum confinijs // Там же. С. 145; Taurica Chersonesus. Nostra aetate

сутствует и Опаков, но он поставлен значительно севернее как Дмитровца, так и р. Угры.

В знаменитом атласе И. Блау («Atlas Maior») 1662 г. специальная карта с изображением России («*Russiae vulgo Moscovia, Pars Australis*») принадлежала творчеству И. Массы, и на ней Дмитровец отсутствовал³¹⁴. Однако на общей карте Европы к юго-западу от Воротынска (*Worotin*) был обозначен Дмитровец (*Demetrowicz*)³¹⁵. На карте не была прорисована р. Угра, поэтому судить о точности местоположения города сложно.

Ближе к верховью р. Угры и с левой стороны размещен Дмитровец (*Demetriowitz*) на картах голландца Ю. Данкертса (России 1680 г. и Польши с Литвой и др. без года)³¹⁶. В.А. Кордт писал об опоре Ю. Данкертса на карту Польши француза Ю. Желло (Жейо, *H. Jaillot*)³¹⁷, однако у последнего на карте 1685 г. Дмитровец еще отсутствовал, хоть и была обозначена р. Угра, а сам город появился только на карте 1696 г., то есть значительно позже, чем у голландского картографа³¹⁸. Жейо приобрел материалы у сыновей основателя французской школы картографии Н. Сансона³¹⁹, у которого на переиздававшихся в течении нескольких десятилетий после смерти автора карте Польши Дмитровец был показан таким же образом (с левой стороны р. Угры ближе к верховью этой реки)³²⁰. Ту же картину мы видим на карте сына Н. Сансона – Гийома³²¹. Возможно,

Przecopsca et Gazara dicitur // Там же. С. 163; *Tavrica Chersonesus. Nostra aetate Przecopsca et Gazara dicitur* // Там же. С. 174.

³¹⁴ *Russiae, vulgo Moscovia, pars australis. Auctore Isaaco Massa. Південна частина Росії, в просторіччі Московщини, Ісаака Масси. 1641 р., Амстердам* // *Вавричин М.Г., Дашкевич Я.Р., Кришталович У.Р.* Україна на стародавніх картах. С. 182–183.

³¹⁵ *Europa recens descripta á Guilielmo Blaeuw* // *Blaeu J.* *Wielki Atlas XVII-wiecznego świata.* Londyn, 1992. S. 30–31.

³¹⁶ *Novissima et Accuratissima Totius Russiae Vulgo Muscoviae Tabula at Iusto Dankerts. Amsterdam, 1680; Regni Poloniae et Ducatus Lithuaniae, Voliniae, Podoliae, Ucraniae, Prussiae et Curlandiae description emendate per I. Dankerts. Amsterdami* // *Кордт В.* Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. № 8.

³¹⁷ *Кордт В.* Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. К., 1931. С. 7.

³¹⁸ *Estats de Pologne ... 1685* // *Кордт В.* Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. № 5–6; *Estats de la couronne de Pologne...* 1696 // Там же. № 7.

³¹⁹ *Багров Л.* История картографии. М., 2004. С. 300.

³²⁰ *Sanson d'Abbeville, N.* *Estats de Pologne subdivises suivant l'estendue das palatinats...* Amsterdam: chaz Pierre Schenk [ca 1710] // *Senieji Lietuvos žemėlapiai: Iš Vilniaus universiteto bibliotekos rinkinių / Sudarė, aprašus parengė Alma Braziūnienė.* Vilnius, 1999. II aplankas. № 6. Сам Н. Сансон умер в 1667 г. (*Багров Л.* История картографии. С. 300).

³²¹ Карта Московии Гийома Сансона 1674 г. // *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. № 18. С. 89.

именно из семьи Сансонов и перешли сведения о части России к голландцу Ю. Данкертсу и французу Ю. Желло³²².

Также следует принять во внимание деятельность Н. Витсена, голландца, побывавшего в России в 1664–1665 гг. и составившего дневник своего путешествия, книгу «Северная и Восточная Тартария» и карты, изображающие как отдельно саму Тартарию (Сибирь), так и, в целом, Россию³²³. Карта Тартарии Н. Витсена, безусловно, уникальна, однако подписанная его именем карта «Русской империи или Московии» («Imperii Russici sive Moskoviae») 1680 г. обнаруживает значительное сходство с работами Сансонов, Данкертса и Желло. Границы княжеств в России идентичны тем, что появились на сансоновых картах, и Дмитровец обозначен там же³²⁴.

Подобным же образом относительно места Дмитровца поступил гравер и издатель из Нюрнберга И.Б. Хоманн на своей карте Польши и ВКЛ 1707, 1712, 1729, 1739 гг. издания³²⁵, хотя тот же автор на карте Украины 1720 г. уже точнее отразил место города (см. ниже). «Эклектик-картограф», как его назвал В.А. Кордт, И.Б. Хоманн даже в названии своих карт выдал источник заимствований (польский географ С. Старовольский), но также активно он пользовался работами Г. Боплана, Г. Делиля и др.³²⁶ На карте Польши С. Старовольского, очень сильно напоминающей подобную работу Г. де Боплана 1652 г.³²⁷, территория южнее Можайска и верховья Днепра закрыта

³²² Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. С. 86.

³²³ Витсен Н. Путешествие в Московию. СПб., 1996. С. 8–9

³²⁴ Fr. De Wit, Chr. Browne. Imperii Russici sive Moskoviae, Status Generalis in ejus Regna, Ducatus, Provincias, Populos, Subjacentes Divisu, et ex Tabula Spectatmi. Domini N. Witsen. Amsterdam, London, 1680.

³²⁵ Homann, J.B. Regni Poloniae Magnique Ducatus Lithuaniae nova et exacta tabula ad mentem Starovolcii descripta a Joh. Bapt. Homanno. Norimbergae. [ca 1707] // Senieji Lietuvos žemėlapiai: Iš Vilniaus universiteto bibliotekos rinkinių / Sudarė, aprašus parengė Alma Braziūnienė. Vilnius, 1999. II apilankas. № 5; Homann, J.B. Regni Poloniae Magnique Ducat[us] Lithuaniae nova et exacta tabula ad mentem Starovolcii descripta a Johanne Bapt. Homanno. Norimbergae. [1712] // Там же. № 7; Regni Poloniae, Magnique Ducatus Lithuaniae. Nova et exacta tabula ad mentem Starovicijj descripta a Ioh. Bapt. Homanno. Sac. Caes. Mai. Geographo Norimbergae. Cum Privil. Sac. Caes. Majest. [po 1729] // Polonia. Atlas map z XVI–XVIII wieku. S. 13; Homann, J.B. Regni Poloniae Magnique Ducatus Lithuaniae nova et exacta tabula ad mentem Starovolcii descripta a Joh. Bapt. Homanno. 1739 // Senieji Lietuvos žemėlapiai: Iš Vilniaus universiteto bibliotekos rinkinių / Sudarė, aprašus parengė Alma Braziūnienė. II apilankas. № 10.

³²⁶ Кордт В. Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. С. 15.

³²⁷ Вауплан Г. де. Regni Poloniae et Magnig Ducatus Lithuaniae. 1652 г. // Гістарычны атлас Беларусі. Т. 1. Беларусь ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Варшава, 2008. Карта 16. С. 23

таблицей с условными обозначениями (*Declaratio*), также и в тексте «Полонии» ни Дмитровца, ни Угры не встречается³²⁸. Г. Делиль уже верно обозначал место города, не так, как это делал И.Б. Хоманн. И на одной из карт Г. де Боуплана этот пункт увидеть все-таки можно, хоть опять же в подробнейшую карту Украины 1650 г. район Поугорья не вошел³²⁹. Однако, выясняется, что на третьей части составной карты (ВКЛ и Белая Русь, Королевство Польша и ВКЛ и Россия) французским инженером была заимствована локализация Дмитровца, присущая картам М. Струбица и Г. Меркатора, то есть город был помещен на северном берегу озера в истоке р. Угры³³⁰.

Вариант с расположением Дмитровца с левой стороны Угры и ближе к ее среднему течению стал определенным этапом, приблизившим к верному отражению места города на карте. Более достоверные сведения о территории России позволили также убрать озеро в истоке р. Угры.

Трудно даже предположить, кто явился источником сведений о Дмитровце в начале XVIII в., но в ряде карт его местоположение приобрело определенную точность – на правой стороне р. Угры, посередине волнистой линии, изображающей эту реку, правда, без присущих ей резких поворотов. Хронологически первой картой с новым взглядом на место Дмитровца стала работа Г. Делиля (де л'Иль, *Del'Isle*) 1703 г. с изображением Польши. Здесь же, вероятно, впервые появилась надпись о былом прохождении московско-литовской границы вдоль р. Угры³³¹, взятая, видимо, из «Записок о Московии» С. Герберштейна³³². Еще одним произведением Делиля стала карта Московии 1706 г. Здесь относительно земель вокруг р. Угры была просто повторена ситуация, отраженная на карте Поль-

³²⁸ *Starovolski S. Tractatus tres, I. Polonia. II. Sarmatiae bellatores. III. Scriptorum polonicorum ekatontae. Wratislaviae, MDCCXXXIV; Starowski Sz. Polska albo opisanie położenia Królestwa Polskiego / Z języka łacińskiego przełożył, wstępem i komentarzami opatrzył Antoni Piskadlo. Kraków, 1976.*

³²⁹ Специальная карта Украины. Фрагмент 2 // *Боуплан Г.Л. де. Описание Украины / пер. с фр. З.П. Борисюк; ред. перевода А.Л. Хорошкевич, Е.Н. Ющенко. М., 2004. С. 99.*

³³⁰ «Белая Русь» Гиёма дэ Бауплана «*Magnus Ducat: Lithuaniae et Russia Alba*», Г. дэ Бауплан, Гданьск, 1651 // *Казлоў Л.Р. Старажытная картаграфія Беларусі. Вып. II. С. 19.* Данная карта интересна еще и тем, что ее заголовок один из первых отражал название Белая Русь, применительно к территории современной Беларуси.

³³¹ *La Pologne. Dressée sur ce qu'en ont donné Starovolsk, Beauplan, Hartnoch et autres auteurs... Par Guillaume Del'Isle... A Amsterdam chez J. Covens et C. Mortier. 1703 // Кордт В. Матеріялы до історыі картографіі Украіны. Ч. 1. № 12.*

³³² *Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. С. 105.*

ши 1703 г. Единственное изменение – надпись о границе по р. Угре была размещена не по левую, а по правую сторону от Дмитровца³³³.

Делиль оговорил источники, использованные при создании карты Польши (Старовольский, Боплан, Гартнох, Гевелиус и др.), но у кого конкретно из них были почерпнуты сведения о районе Поугорья – неизвестно. Информатором по району Поугорья для Г. Делиля точно не был Г. де Боплан, несмотря на то, что карта последнего послужила главным источником для его работы³³⁴. Мнение Б.А. Рыбакова о составлении «тенденциозной удельно-аристократической карты княжеств» князем И.М. Воротынским около 1526 г., ставшей источником для карт Сансона и Делиля³³⁵, представляется сомнительным. Прежде всего, карты двух французов очень разнятся между собой, хотя бы в отношении показа места Дмитровца. Вероятнее всего от московских информаторов поступали на запад устные сведения (например, через посольства). Также и С. Герберштейн наблюдал в Москве не карты, а внимательно слушал и записывал речи окружавших его русских людей, того же И.М. Воротынского.

Упомянутые две карты Делиля переиздавались и копировались другими картографами и издателями неоднократно. Нарботки французского картографа использовались как им самим в картах других регионов, так и его коллегами при создании собственных карт³³⁶. Так, например, И.Б. Хоманн на карте Украины 1720 г. изо-

³³³ Carte de Moscovie. Dressee par Guillaume De l'Isle, Premier Geographe du roy... A Paris. 1709 // Кордт В. Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. № 19; Карта Московии Гийома Делиля 1706 г. (Южная часть) // Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. № 196. С. 94.

³³⁴ Кордт В. Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. С. 9

³³⁵ Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. С. 85–111. Сильные различия в отображении границ княжеств Сансоном и Делилем не смутили Б.А. Рыбакова, а проводить сравнение между административно-территориальным устройством России в середине XVII и начале XVIII с тем, как оно показано в соответствующих по времени работах французских картографов он, почему-то, не стал.

³³⁶ Carte de Tartarie Dressee sur les Relations Par Gullaume De l'Isle. Paris, 1706; Nouvelle Carte Des Etats Du Grand Duc De Moscovie En Europe. Partie Meridionale. Henri Chatelain. Amsterdam, 1714; Moscovy in Europe from the latest Observations... by John Senex. London, 1721; Imperii Moscovitici pars Australis in lucem edita per Mathaus Seutter. Augspurg, 1730; Са школы Гіёма Дзілія «La Pologne», І. Ковенс і К. Марце, Амстэрдам, 1733 // Казлоў Л.Р. Старажытная картаграфія Беларусі. Вып. II. С. 22; Polonia Regnum ut et Magni Ducatus Lithuaniae... Opera et studio Matth. Seutteri. Sac. Caes. Maj. Geogr. Aug. [po 1742] // Polonia. Atlas map z XVI–XVIII wieku. S. 14; Poland. Corrected from the Observations communicated... By His Obliged Humble Servant Ion. Senex [Ok. 1762] // Там же. S. 18; Mappa Geographica... Regnum Poloniae et Magnum Ducatum Lithuaniae. Cura et Sumptibus Tobiae Conradi Lotter Geogr. Aug. Vindel. Nach der Neuen Abtheilung. Portiones 1772 // Там же. S. 24; Mappa geo-

бражение Поугорья перенес с карты Делиля, но вместе с тем внес и собственный вклад в развитие представлений о том регионе. На карте И.Б. Хоманна намечены дороги, одна из которых проведена через Брянск, Серенск, Дмитровец, пересекает Угру в ее верхнем течении, встречается с другой дорогой из Вязьмы у Благовещенья (Voglovestine) и идет к Дорогобужу³³⁷. Дорога у Дмитровца уже не являлась продолжением Муравского шляха (Morawski Slak), как это было изображено на некоторых картах, начиная, возможно, с Ю. Данкертса³³⁸. По версии последнего Муравский шлях заканчивался за Угрой, чуть правее Дмитровца.

Займствований из работ Г. Делиля заполнили весь XVIII и даже начало XIX в. Так поступали ученик И.Б. Хоманна М. Сейттер, зятья последнего Т.К. Лоттер и Г.Б. Пробст и др. их родственники³³⁹. Имя Г. Делиля, а после М. Сейттера просто стиралось с печатных форм и заменялось новым³⁴⁰. В 1772 г. Т.К. Лоттер добавил к карте Делиля границы первого раздела Речи Посполитой и объявил ее своей³⁴¹. Ничего нового в сторону, например, уточнения линии изгибов р. Угры не было сделано. Тиражировались представления, сложившиеся еще в начале XVIII в. Характерно, что на всех картах

graphica ex novissimis observationibus... Regnum Poloniae et Magnum Ducatum Lithuaniae. Opera et Sumptibus Ioh. Michael Probst. Geogr. Aug. Vindel. MDCCXXIII [1773] // Там же. S. 25; La Pologne. Dressée sur ce qu'en ont donne Starovolsk, Beauplan, Hartnoch, et autres Auteurs... A Paris... 1806 // Там же. S. 27.

³³⁷ Ukraina quae et Terra Cosaccorum cum vicinis Walachiae, Moldoviae, Minoris q. Tartariae, Provincus exhibita a Ioh. Vaptista Homanno. Noriberga, 1720 // *Кордт В.* Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. № 20.

³³⁸ Regni Poloniae et Ducatus Lithuaniae, Volinae, Podoliae, Ucraniae, Prussiae et Curlandiae description emendate per I. Dankerts. Amsterdami // *Кордт В.* Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. К., 1931. № 8. См. также: *Homann, J.B.* Regni Poloniae Magnique Ducatus Lithuaniae nova et exacta tabula ad mentem Starovolcii descripta a Joh. Bapt. Homanno. Norimbergae. [ca 1707] // *Senieji Lietuvos žemėlapiai: Iš Vilniaus universiteto bibliotekos rinkinių. II aplankas. № 5; Seutter M.* Polonia Regnum ut et Magni Ducatus Lithuaniae accuratiss[ima] delineatione repraesentat / Opera et studio Matth. Seutteri Chalc. August. [Augustae Vindelucorum, 1728] // Там же. № 8; *Polonia Regnum ut et Magni Ducatus Lithuaniae...* Opera et studio Matth. Seutteri. Sac. Caes. Maj. Geogr. Aug. [po 1742] // *Polonia. Atlas map z XVI-XVIII wieku.* S. 14.

³³⁹ *Seutter M.* Polonia Regnum ut et Magni Ducatus Lithuaniae accuratiss[ima] delineatione repraesentat / Opera et studio Matth. Seutteri Chalc. August. [Augustae Vindelucorum, 1728] // *Senieji Lietuvos žemėlapiai: Iš Vilniaus universiteto bibliotekos rinkinių. II aplankas. № 8; Lotter T.K.* Mappa geographica ex novissimis observationibus repraesentans Regnum Poloniae et Magnum Ducatum Lithuaniae... [Augsburg, ca 1780] // Там же. № 14; *Probst J.M.* Mappa geographica ex novissimis observationibus repraesentans Regnum Poloniae et Magnum Ducatum Lithuaniae... [Augsburg], 1783 // Там же. № 16.

³⁴⁰ *Багров Л.* История картографии. С. 287, 301.

³⁴¹ *Кордт В.* Матеріяли до історії картографії України. Ч. 1. С. 9.

XVIII в. в Поугорье был представлен только один город – Дмитровец, Опаков уже отсутствовал.

Территориальная принадлежность Дмитровца на старых картах также определена по-разному. На большинстве карт XVIII в. он отнесен к Новгород-Северскому княжеству, стоит на самой границе со Смоленским княжеством и землями, отнесенными непосредственно к Москве. Карты XVI – начала XVIII в., как правило, не дают сведений об административно-территориальном делении в регионе Поугорья, за исключением карт французов Н. Сансона (до 1667 г.) и его сына Г. Сансона (1674 г.), голландца Ю. Данкертса (1680 г.) и гравера и издателя из Нюрнберга И.И. Хоманна (1707 г.), несомненно, показывающих Дмитровец в составе Смоленского княжества³⁴².

Таким образом, в отношении Дмитровца на протяжении второй половины XVI – начала XVIII в. складывалось несколько традиций показа его места на карте: 1. произвольно между реками Угрой и Окой; 2. над озером в истоке р. Угры; 3. с левой стороны р. Угры ближе к ее верховью и 4. на правом берегу примерно в среднем течении р. Угры. Интересно, что только в начале XVIII в., когда населенный пункт совсем потерял свое значение, его место стали более-менее верно отмечать на картах.

Интерес к Дмитровцу со стороны западноевропейских картографов был во многом обусловлен его упоминанием С. Герберштейном. Российская картография XVI – конца XVIII в. особого значения Дмитровцу не придавала. Нет его на картах Московии Антония Вида – И.В. Ляцкого 1542–1555 гг., Антония Дженкинсона 1562 г., Гесселя Герритса 1613 г. (Чертеж царевича Федора Годунова)³⁴³, то есть тех картографических работах, существенную

³⁴² *Sanson d'Abbeville N. Etats de Pologne subdivises suivant l'estendue des palatinats...* Amsterdam: chez Pierre Schenk [ca 1710] // *Senieji Lietuvos žemėlapiai: Iš Vilniaus universiteto bibliotekos rinkinių. II aplankas. № 6*; Карта Московии Гийома Сансона 1674 г. // *Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. № 18. С. 89; Novissima et Accuratisima Totius Russiae Vulgo Muscoviae Tabula at Iusto Danckerts. Amsterdam, 1680; Нотманн, J.B. Regni Poloniae Magnique Ducatus Lithuaniae nova et exacta tabula ad mentem Starovolcii descripta a Joh. Bapt. Homanno. Norimbergae. [ca 1707] // Senieji Lietuvos žemėlapiai: Iš Vilniaus universiteto bibliotekos rinkinių. II aplankas. № 5. Существенная разница в отражении принадлежности Дмитровца (Смоленскому или Новгород-Северскому княжествам) еще раз показывает различный характер источников, использованных французскими Сансоном и Делилем при создании своих карт*

³⁴³ *Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. № 2. Между С. 12–13; № 5. С. 24–25; № 12. Между С. 58–59; Вагричин М.Г., Дашкевич Я.Р., Кристалович У.Р. Україна на стародавніх картах. С. 178–179, 181.*

часть которых составили сведения, поступившие от русских информаторов (в большинстве, конечно в устном или письменном, но не картографическом виде). Несомненно, русские данные при создании своих карт использовал Герберштейн, а Сансон и Делиль почерпнули богатый и разнообразный материал из работ польских (Б. Ваповского, С. Старовольского), французских (Г. де Боплан), возможно, русских и др. картографов и географов.

На рубеже XVI–XVII вв. (при Борисе Годунове) был составлен так называемый «старый чертеж», по сути представлявший первую российскую карту «всему Московскому государству»³⁴⁴. Сам чертеж не сохранился, но на его основе (с добавлением сведений «нового чертежа» «полю») в Разрядном приказе в 1627 г. была создана «Книга Большому чертежу», вобравшая в себя в текстовом виде информацию, содержащуюся на карте. Описание велось по главным рекам и основным дорогам, и в нем одну из ключевых позиций занимала р. Угра. К гидросистеме Угры была ошибочно приписана р. Лужа (на самом деле приток Протвы) со стоящими на ней городами Кременеском и Малым Ярославцем. Лужа будто бы впадала в Угру возле с. Таваркова (совр. Товарково), из чего становится понятно, что речь должна была идти о р. Шане. Также р. Суходров (Суходрев) должна была впадать не в Лужу, а в Шаню, и Медынь (Медынка) нести свои воды не в Лужу, а в Суходрев³⁴⁵. Таким образом, составители «Книги Большому чертежу» слили вместе две реки – Лужу и Шаню и перепутали их притоки. С правой стороны р. Угры описана р. Серпея, которая «потекла ... в ночь (на север – *В.Т.*) в реку в Угру»³⁴⁶. Возможно, в то время данный приток Угры так и назывался, но сейчас это Ресса. Кроме с. Таваркова (вариант – Таркова) «Книга Большому чертежу» сохранила сведения о Спасском монастыре «на усть Угры на Оке» (Крайшино XV в.) и о городище Зореве («а ниж Елии город Зарево») ³⁴⁷. Дмитровец упомянут не был.

В первом атласе России 1745 г., созданном на основе научных измерений, течение р. Угры оставалось нанесенным довольно произ-

³⁴⁴ Книга Большому чертежу / Подготовка к печати и редакция К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 4, 5, 49.

³⁴⁵ Там же. С. 56, 119.

³⁴⁶ Там же.

³⁴⁷ Там же. С. 101, 185. Исток р. Угры действительно расположен чуть юго-восточнее г. Ельня, но о каком городе (городище) с названием Зарево (Зореве) идет речь – неизвестно.

вольно, а Дмитровец отсутствовал³⁴⁸. Первое точное изображение на карте региона Поугорья принадлежало географу и картографу, адъютанту Географического департамента Академии наук Я.Ф. Шмидту. Им в 1773 г. была составлена Генеральная карта Смоленской губернии, на которой с большой точностью была проведена линия р. Угры и обозначены многие населенные пункты в ее окрестностях. Напротив устья р. Вори, впадающей в Угру, стоял Городец – так называвшийся в то время Дмитровец³⁴⁹. На плане Генерального межевания 1780 г., Дмитровец был, конечно, тоже обозначен (Погост Дмитровец), но на общих картах, например, «Атласа Смоленской губернии» 179... г. или Смоленского наместничества 1792 г., его снова не найти³⁵⁰. Карты XIX–XX вв., выполненные в разном масштабе на современном научном уровне, отражали реальное состояние местности и часто фиксировали все населенные пункты Поугорья. Жизнь поселения – преемника Дмитровца, на протяжении почти двух столетий (до исчезновения во время 2-й мировой войны), изменение его названия и статуса, таким образом, можно проследить с достаточной определенностью.

Информация о Дмитровце в письменных источниках предшествовавшего времени отражалась в большинстве случаев из-за его причастности к московско-литовским пограничным отношениям. Городок возникал как препятствие на пути движения московских войск вглубь территории ВКЛ, сам являлся объектом нападения и включался в списки московско-литовских договоров как пункт возможных притязаний одной из сторон.

Выполнение Дмитровцом какой-то роли в системе обороны восточной границы ВКЛ не вызывает сомнения. Эта роль проявилась в начале XV в., когда Поугорье вошло в состав ВКЛ, и стала особенно заметной после 1494 г., когда московско-литовская граница вплот-

³⁴⁸ Московская губерния с лежащими вокруг местами // Атлас Российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенной при том Генеральной картой Великой сей империи, старанием и трудами императорской Академии наук. СПб., 1745. № IV; Карта Смоленской губернии с частями губерний Киевской, Белгородской и Воронежской // Там же. № V.

³⁴⁹ Генеральная карта Смоленской губернии на уезды разделенная / Соч. Акад. Наук адъютант Я.Ф. Шмид[т]; Вырез. Н. Зубков. [СПб.], 1773.

³⁵⁰ Карта Юхновского уезда // Атлас Смоленской губернии. Смоленск, 179...; Карта Смоленского наместничества // Российский атлас, из сорока четырех карт состоящий и на сорок на два наместничества империю разделяющий. СПб., 1792.

ную приблизилась к р. Угре. В чем же заключалось оборонительное значение городка на р. Угре?

Прежде всего, сам городок Дмитровец представлял собой мощный замок, стоявший на крутом берегу р. Угры между двумя оврагами (карта 1). Естественного образования холм, на котором было устроено поселение, был подвергнут серьезным изменениям в связи с сооружением кольцевого вала и выравниванием внутренней площадки (овальной формы, размером 36×56 м). Насыпь вала (от 1 до 3 м) создавалась из речного песка, но была подкреплена особой конструкцией из деревянных жердей и прутьев, обмазанных глиной и обожженных. Земляной вал периодически подсыпался, причем между подсыпками проходило довольно много времени. У основания холма был вырыт ров, хорошо просматривающийся и теперь (глубина до 1 м). Общая высота жилой площадки городища составила 34–35 м над уровнем воды в реке. Внутри песчаной насыпи вала был выявлен тонкий культурный слой, находка сосуда XV в. в котором дала основание для датировки оборонительных сооружений временем не ранее XV в.³⁵¹

Следует заметить, что поселение в пределах городища возникло в железном веке, существовало в период Древней Руси, но наиболее активно функционировало в XIV–XV вв. Судя по археологическим данным, жизнь городка прекратилась в конце XV в.³⁵²

Городок Дмитровец находился на довольно значительном расстоянии (2 км) от устья р. Вори и поэтому не мог надежно прикрывать расположенные еще ниже по течению р. Угры броды (карта 2). А именно последние были наиболее удобны для вражеских вторжений. Главными функциями дмитровского замка, вероятно, были: контроль бродов, заслон дороги на Вязьму и далее на Смоленск, сторожевая и наблюдательная службы.

³⁵¹ *Массалитина Г.А., Модин И.Н., Болдин И.В.* Указ. соч. С. 40, 42; *Массалитина Г.А., Болдин И.В.* Средневековый Дмитровец. С. 127; *Они же.* Реконструкция истории летописного Дмитровца. С. 71–72, 77.

³⁵² *Массалитина Г.А., Болдин И.В.* Средневековый Дмитровец. С. 128. См. также: *Никольская Т.Н.* Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. С. 87. Т.Н. Никольская верно отметила местонахождение городища (к северу от д. Жары на правом высоком берегу р. Угры) и характеризовала его как феодальный замок, состоявший из детинца с примыкавшим к нему селищем (Там же). Тем не менее, городище Жары в первом издании археологической карты калужской области (Археологическая карта России: Калужская область / Сост. Ю.А. Краснов. М., 1992. С. 124. № 597)

На тенденцию возникновения водораздельных городищ (на водораздельных участках рельефа) при сухопутных дорогах обратил внимание А.Н. Наумов³⁵³. По мысли исследователя, городища (не только водораздельные) могли функционировать как ямы (пункты остановки), как места сбора дорожных налогов на границах княжеств, а также «как форпосты военной обороны на наиболее удобных путях вторжения противника, каковыми являлись сухопутные дороги развитого средневековья и речные броды»³⁵⁴. А.Н. Наумов рассматривал в основном регион Тульской области, но обозначил дорогу из Калуги на Мезецк (Мещовск) и при ней городище Спас-Городок (средневековое Крайшино) у устья р. Угры³⁵⁵. Дорога эта шла до Брянска и дальше. Так, московский посол князь Иван Семенович Кубенский в 1500 г. направлялся в Крым, минуя Калугу и «перевезшися Угру»³⁵⁶. Маршрут следования крымского посла из Москвы до Рыльска описан под 1502 г. по станам, из которых Лисин, Калуга, Воротынский, Серенск заставляют пересечь р. Угру у ее устья³⁵⁷. Известна рассматриваемая дорога также по «Книге Большому чертежу» 1627 г. и подписана на карте Генерального межевания XVIII в.³⁵⁸ Спасский монастырь и село Спасское указаны, соответственно, в обоих источниках³⁵⁹.

Другая дорога от Калуги вела к Смоленску, но она не пересекала р. Угру, а придерживалась ее левой стороны и шла далее, оставляя в стороне Медынь³⁶⁰. Более значимой для Поугорья была дорога,

³⁵³ Наумов А.Н. Водораздельные городища и сухопутные дороги на водоразделе Оки и Дона в развитом средневековье (К вопросу о методике археологического поиска) // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. вып. 2: Сб. статей в 2-х т. Т. 1. Природа. Археология / Под ред. А.Н. Наумова. Тула, 2007. С. 108–118.

³⁵⁴ Наумов А.Н. указ. соч. С. 114–115.

³⁵⁵ Там же. С. 111, 116.

³⁵⁶ СИРИО. Т. 41. № 64. С. 314.

³⁵⁷ СИРИО. Т. 41. № 86. С. 441.

³⁵⁸ Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950. С. 56, 119; Генеральный план Калужского уезда. Масштаб в английском дюйме 2 версты // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов... См. также: Генеральный геометрический план Калужского наместничества, губернского города Калуги и его уезда, сочинен Орловского наместничества в межевой конторе июля дня 1779-м году. В 1 дюйме – 1 верста.

³⁵⁹ Книга Большому чертежу. С. 119; Генерального плана Калужского уезда часть II-я. Масштаб в английском дюйме 2 версты // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов... СПб., 1782.

³⁶⁰ Генеральный геометрический план Калужского наместничества; Генерального плана Медынского уезда часть II-я.

сливавшаяся со Смоленской в районе устья р. Суходрев и шедшая от устья р. Шани, впадающей слева в Угру, а дальше от Мещовска или Вязьмы³⁶¹ (карта 3). Значимым пунктом этой дороги являлось село Товарково, неоднократно упоминаемое в «Книге Большому чертежу»³⁶². «На Шане слобода, что Товарков садил, по Угру ж» известна по завещанию великого князя Ивана III³⁶³. Из слободы выросло село – центр волости, располагавшейся почти у самого устья р. Шани³⁶⁴. Напротив Товаркова, на правой стороне р. Угры в XVIII в. стоял погост Рожественской, место которого на карте Генерального межевания обозначено символом монастыря – укрепленного поселения с церковью. Археологические данные о времени существования поселения на р. Угре напротив устья р. Шани отсутствуют, однако, убедившись в значимости места, с которого удобно было бы контролировать перевоз³⁶⁵ через Угру по линии большой дороги, можно предположить существование и в XV в. на месте погоста Рожественского (село Рожество XIX в.) укрепленного пункта. Благодаря находившемуся чуть ниже по течению Угры Залидову и упоминанию в событиях 1480 г. старого и нового города с таким названием³⁶⁶, существует некоторая вероятность отождествления одного из Залидовых (старого?) с погостом Рожественским. Пункт напротив устья Шани можно сравнить с Дмитровцом напротив устья Вори. В обоих случаях переход на правый берег р. Угры по перевозу или броду позволял оставить в стороне крупный приток этой реки и избавиться от необходимости преодоления лишних водных преград.

Вдоль р. Вори также была проложена большая дорога – из города Калуги в город Гжать³⁶⁷. В межевании Юхновского уезда она названа столбовой дорогой из города Гжати в город Юхнов. Шла, огибая полукругом р. Ворю, а затем р. Угру к Юхнову³⁶⁸. При желании в любом месте можно было сойти с дороги и пересечь в удобном месте

³⁶¹ Генерального плана Медынского уезда часть II-я.

³⁶² Книга Большому чертежу. С. 56, 101, 119.

³⁶³ ДДГ. № 89. С. 355.

³⁶⁴ Там же. № 104. С. 440, 441. Современный поселок городского типа Товарково был основан в XVII в. выходцами из в последствии исчезнувшего села с таким же названием.

³⁶⁵ О пароме в районе устья р. Шани см.: Военно-топографическая карта г. Калужской и Смоленской. Ряд XIII. Лист 13.

³⁶⁶ ПСРЛ. Т. XXVI. С. 273.

³⁶⁷ Генерального плана Медынского уезда часть III-я.

³⁶⁸ Геометрической планъ Юхновскага целаго уезда. См. также: Военно-топографическая карта г. Калужской и Смоленской. Ряд XIII. Лист 13.

Ворю или Угру. Как раз ниже устья р. Вори при д. Косая Гора, существовало два значительных брода³⁶⁹. Подобные броды размещались у д. Колыхмановки – недалеко от Опакова и у Федоткова – возле Ощитова³⁷⁰. Также возможно Пустой Мошин при устье р. Рессы, впадающей в Угру, брал на себя контроль брода у д. Барановки через Угру и переправу через саму р. Рессу³⁷¹. Таким образом, целый ряд городков вдоль течения р. Угры своим расположением мог прикрывать опасные для проникновения противника места. При этом броды у Дмитровца были особенно важны в связи с тем, что давали возможность, избежав преодоления преграды в виде р. Вори и весомо сократив расстояние, сразу попасть на дорогу, ведущую к Вязьме.

Дорога из Юхнова в Вязьму – еще одна из существовавших издревле в Поугорье. Ее линия, отмеченная на картах Генерального межевания XVIII в., претерпела к настоящему времени лишь небольшие изменения, связанные в основном с развитием нового центра региона – Юхновской подмонастырской слободы, ставшей в 1777 г. уездным городом Юхновым³⁷². По геометрическому плану Юхновского уезда 1780 г. видно, что Большая столбовая дорога из города Мещовска в город Юхнов проходила некогда мимо нового уездного центра: к нему вело ответвление от основного направления³⁷³. Несмотря на название, дорога эта брала начало скорее от Калуги, чем от Мещовска, к которому нужно было делать резкий поворот³⁷⁴. В середине XIX в. Вяземский почтовый тракт от Юхнова следовал к мосту через р. Рессу, на небольшом расстоянии придерживался р. Угры и пересекал последнюю в районе с. Знаменского. Дорога считалась удобной во всякое время года³⁷⁵. Согласно Списку

³⁶⁹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VIII. Ч. 2. Смоленская губерния. С. 34; Военно-топографическая карта г. Калужской и Смоленской. Ряд XIII. Лист 13.

³⁷⁰ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VIII. Ч. 2. Смоленская губерния. С. 34. Ниже д. Колыхмановой стоял постоянный мост на сваях (Там же). Представляется, что брод в районе Ощитова не имел большого значения, так как для подступа к нему с юго-востока необходимо было еще пересечь крупный приток р. Угры Ворю, сливающейся с последней как раз у Дмитровца.

³⁷¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VIII. Ч. 2. Смоленская губерния. С. 34.

³⁷² Маслов В.Е. Юхнов. С. 20.

³⁷³ Геометрической планъ Юхновскага целаго уезда.

³⁷⁴ Геометрическая карта Калужскага наместничества // Атлас Калужского наместничества, состоящего из двенадцати городов и уездов...

³⁷⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VIII. Ч. 2. Смоленская губерния. С. 34, 75, 76. Отдельная дорога шла из Юхнова в Дорогобуж (Там же. С. 82).

населенных мест Смоленской губернии 1859 г. Вяземский почтовый тракт проходил через Рессенские постоянные дворы (на левом берегу р. Рессы) и ряд других поселений, оставляя в стороне село Рупосова (Рупосово)³⁷⁶. В свое время это поселение переняло роль волостного центра у Дмитровца, а в 1776 г. на короткое время даже стало уездным городом³⁷⁷. Выбор Рупосова, вероятно, был связан с его центральным положением на территории формирующегося уезда. Также к селу должна была подступать значительная дорога, которой могла быть только Вяземская. Рупосово находилось чуть севернее Дмитровца и, таким образом, можно предположить первоначальное прохождение значительной дороги совсем рядом с последним. Однако, все же более вероятны неизменность дороги и существование ответвления от нее к Дмитровцу и Рупосову. 7 км до Рупосова и чуть более 6 км до Дмитровца – незначительное расстояние, которое позволяет считать оба пункта в пределах досягаемости дороги.

Вяземская дорога, несомненно, являлась основным путем, по которому передвигались войска в направлении р. Угры. По всей видимости, именно ей намеревался воспользоваться московский князь Семен Гордый в 1352 г., когда шел на Смоленск; возможно, ее придерживался великий князь литовский Ольгерд в 1368 и 1372 гг. в походах на Москву; использовал Витовт в 1406 и 1408 гг. при движении к р. Плаве и р. Угре. Наконец, великий князь Василий II прошел по ней прямо до Вязьмы, уничтожив по пути Дмитровец. Защита и обеспечение стратегической Вяземской дороги, следовательно, являлось делом чрезвычайно важным. Цепочка городков с замками, расположенных вдоль р. Угры, как раз и выполняла, кроме прочего, функцию заслона Вяземской дороги. Особая роль в этом, благодаря географическому положению, выпала Дмитровцу. Чтобы сократить путь и избежать препятствий как в виде природных объектов (притоки Угры), так и в форме укреплений, созданных человеком (замки в Крайшино, Бышковичах, Опакове и т.д.), удобно было форсировать Угру в районе Дмитровца и, сломив только его оборону, продвигаться уже без вынужденных остановок к самой Вязьме. На отрезке дороги от Дмитровца до Вязьмы не известно ни одного городища, и даже повторная встреча с Угрой, делавшей резкий по-

³⁷⁶ Список населенных мест по сведениям 1859 года. Т. XL: Смоленская губерния. СПб., 1868. С. 400.

³⁷⁷ *Маслов В.Е.* Юхнов. С. 19–20.

ворот с северо-запада на юго-запад, не создавала особой проблемы – в своем верхнем течении река не была широкой и глубокой.

В настоящее время территория вокруг Дмитровца практически не заселена – ее занимает Национальный парк «Угра». Вероятно, что-то подобное представляло собой Поугорье и во времена Витовта. Возвращавшиеся в 1408 г. от устья Угры воины Витовта, согласно Хронике Я. Длугоша, вынуждены были идти по единственной дороге, практически уничтоженной дождями и превратившейся в болото, через край, по большей части покрытый лесами и борами с малым числом сел и деревень³⁷⁸. Для переброски войск в район Угры было удобнее всего двигаться от р. Протвы и ее притоков, более-менее освоенных Москвой, или от Медыни. Так можно было легко и быстро достичь устья р. Вори, где один только Дмитровец препятствовал переходу на правую сторону р. Угры и где проходила прямая дорога на Вязьму.

Таким образом, несмотря на существование целой системы укрепленных пунктов вдоль р. Угры, нападение на один лишь Дмитровец создавало опасность прорыва линии обороны и вторжения во внутренние районы ВКЛ войск противника. В 1407 г. Дмитровец не смог противостоять московской силе, и был сожжен³⁷⁹. Вероятно, после этого литовские власти поспешили создать более мощный замок, на который в конце XV в. не решились нападать московские служилые люди и который стал надежным стражем не только течения р. Угры, но и значительной территории за ней. Впрочем, неопределенная датировка времени сооружения в Дмитровце нового вала (XV в.), дает возможность приурочить это событие и к периоду последних лет существования городка³⁸⁰. Его значение особенно возросло после заключения мира 1494 г. и, вероятно, одним из мероприятий ненадолго появившихся в нем наместников (Ивашки

³⁷⁸ Jana Długosza Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. III. Ks. IX, X. S. 537.

³⁷⁹ По сведениям Г.А. Массалитиной, полученным в ходе археологических раскопок, но пока не опубликованным, под или в насыпи вала были зафиксированы следы пожара, спалившего какие-то деревянные конструкции. Вполне вероятно, данное обстоятельство можно связать с событиями 1407 г.

³⁸⁰ Факт подсыпки вала свидетельствует о нескольких этапах укрепления города (Массалитина Г.А., Болдин И.В. Реконструкция истории летописного Дмитровца. С. 77). Следовательно, более предпочтительна версия о сооружении укреплений Дмитровца в начале XV в. с последующей их реконструкцией по мере необходимости в течение столетия.

Сопежича и др., неизвестных) стала подготовка к обороне против постоянных нападений московской стороны. Информация С. Герберштейна о Дмитровце – городе и крепости³⁸¹, возможно, отразила ситуацию именно конца XV в.

Дмитровец являлся лишь одним из звеньев в цепи городов-крепостей по р. Угре (Ощитов, Опаков, Пустой Мощин, Бышковици, Залидов, Крайшино), прикрывавших уязвимый для вторжений в центральные области ВКЛ участок границы. Представляется, что, несмотря на существующие различия в принадлежности городков (господарские, частновладельческие), они скоординировано вели наблюдение за передвижением войск противника и своевременно оповещали великокняжеские службы о каких-либо враждебных действиях. Близость расстояния между городками позволяет предположить возможность передачи данных между ними посредством условных знаков (огней или дымов). Под контроль было взято все приграничное течение р. Угры.

Мнение об активной деятельности властей ВКЛ, направленной на создание оборонительного щита на восточной границе государства (в частности, по реке Угре) и конкретно выразившейся в возведении укреплений Дмитровца, основывается во многом на археологических данных. В связи с этим необходимо заметить, что опора на выводы археологов не всегда надежна. Дальнейшее или более внимательное изучение археологических памятников и материалов, извлеченных из них, может дать совсем иную или более точную информацию, которая в итоге опровергнет предположения, выдвинутые на основе имеющихся в настоящее время сведений.

Также и интересный вывод, связанный с наблюдением за местами расположения бродов и обнаружением в их районе городов-крепостей Дмитровца, Опакова и т.д., что свидетельствует об осознанном стремлении организовать контроль за удобными для прохождения войск местами, может быть поставлен под сомнение. Дело в том, что значительные броды на р. Угре являлись таковыми для середины XIX в., в XV же веке они могли либо быть второстепенными, либо вовсе не существовать. В то же время, военнотопографическая карта России (3-хверстка) показывает, начиная от Городца Дмитрова (древний Дмитровец), 15 бродов, часто совершенно не согласованных с якобы предназначенными для их охра-

³⁸¹ Герберштейн С. Записки о Московии. Т. I. С. 324–325.

ны укрепленными пунктами³⁸². Впрочем, отнесенные на небольшое расстояние друг от друга вдоль Угры городки-крепости могли контролировать по участкам все течение реки, поэтому их привязка к определенным значительным бродам хоть и имеет значение, но не обязательна. Не все броды и переправы годились для пересечения большими контингентами войск. По замечанию В.В. Каргалова, для них была важна не только глубина, но и ширина, а также наличие удобных подходов³⁸³. Особый смысл был в осуществлении контроля именно над теми бродами, рядом с которыми проходили важные дороги. В этой связи, например, Дмитровец приобрел универсальное значение, так как он стоял у брода и наблюдал за движением с левой стороны р. Угры, а также заслонял дорогу, тянущуюся вдоль правого берега этой реки.

Дмитровец стал одним из узловых пунктов в системе обороны восточной границы ВКЛ, и хоть в начале XV в. оказался не в состоянии противостоять московскому войску, но в дальнейшем сумел долгое время обеспечивать нерушимость значительного участка границы. В результате похода московских войск в феврале 1493 г. Дмитровец, вместе с рядом городов с правой стороны Угры был занят, но неизвестно, оказывал ли он сопротивление. Возможно, в нем тогда вовсе не были размещены литовские силы, или они также легко были взяты в плен, как и в остальных городах («всех князей и панов вывели и привели их к государю к нашему к великому князю»)³⁸⁴. В феврале 1494 г. Дмитровец был возвращен в состав ВКЛ вместе с территорией левого берега Угры. Городок отстоял все свои земли, чего не смогли сделать такие города, как Опаков, Бышковичи и Залидов. Но в ходе начавшейся в 1500 г. новой московско-литовской войны Дмитровец был окончательно присоединен к Москве. Судя по сведениям крымских посольских книг, произошло это еще до марта 1501 г.³⁸⁵

Итак, в представленной работе была проанализирована пограничная ситуация в районе р. Угры и выяснено, что мнение о ее пограничном характере является сильно преувеличенным – московские владения могли подходить лишь только к устью этой реки, а ее обе стороны контролировали власти ВКЛ. Тем не менее, система обороны ВКЛ строилась именно вдоль Угры, как естественного

³⁸² Военно-топографическая карта г. Калужской и Смоленской. Ряд XIII. Лист 13.

³⁸³ Каргалов В.В. «На границах Руси стоять крепко!» С. 113–114.

³⁸⁴ СИРИО. Т. 41. № 41. С. 186.

³⁸⁵ СИРИО. Т. 70. № 41. С. 344.

природного барьера. За рекой еще в начале XV в. лежали земли, которые предстояло осваивать. Вероятно, поэтому формирующаяся в то время граница между Великими княжествами Литовским и Московским могла быть условно определена вдоль р. Угры. Реальное же установление московско-литовской границы по течению этой реки произошло в результате первой пограничной войны – Дмитровец, сумел на время отстоять для ВКЛ свою территорию за Угрой. Благодаря своему удачному расположению, мощным укреплениям и вниманию властей ВКЛ городок превращался из рядовой волости в центр наместничества, средоточие обороны на самом краю государства. Однако ситуация сложилась таким образом, что уже в начале XVI в. благодаря грандиозным успехам России в очередной войне с ВКЛ, граница с берегов Угры была отодвинута далеко на запад. Как только это произошло, пропал и интерес к Дмитровцу. Также и в его укреплениях перестали нуждаться, и в итоге они были оставлены.

**АСПЕКТЫ АДМІНІСТРАЦЫЙНА-МАЁМАСНАЙ
І СУДОВАЙ ПРАКТЫКІ ВЯЛІКІХ КНЯЗЁЎ
У ВЯЛІКІМ КНЯСТВЕ ЛІТОЎСКІМ
(КАНЕЦ XV – ПЕРШАЯ ТРЭЦЬ XVI ст.)**

Пры вывучэнні гісторыі Вялікага княства Літоўскага (далей – ВКЛ) канца XV – першай трэці XVI ст. даследчыкі асноўны акцэнт робяць на юрыдычна замацаваных прэрагатывах манарха, на прававым адлюстраванні яго ўзаемаадносін з Радай і Соймам. Аднак фактычнае месца вялікіх князёў у палітычнай сістэме дзяржавы звычайна адлюстроўваецца слаба. Таму дадзеная праца будзе прысвечана практычнай дзейнасці манархаў і яе адпаведнасці прававым нормам.

Вялікія князі Аляксандр і Жыгімонт дэкларавалі і адстойвалі свае выключныя паўнамоцтвы. Так, у 1501 г. Аляксандр нагадваў, што “людзем нашым нелзе земль продавати... безь нашого призволения” [1, № 595, с. 87]. Жыгімонт сведчыў: “нихто не может тяглог(о) ч(о)л(о)века шляхтичом учинит(ь), толко мы сами г(оспо)д(а)рь” [2, № 226, с. 191]. У 1511 г. ён жа пісаў, што “безь наше воли не может нихто никому имения отдати... продати... заменити, какъ же и в привильяхъ земских отца и брата нашего... и нашомя... написано: хто бы хотел имение свое отчизное а любо данину великого князя Витовтову и Жикгимонтову и отца и брата нашего... и нашу кому отдати або по животе отписати, тогда того без наше воли вчинити не может” [3, с. 26]. У 1524 г. віленская гарадская рада пазбавіла віленскага мешчаніна Івана Мыльніка ўрада люнара, “чого ж нихто не может(ь) вчинити, леч мы сами, г(о)с(по)д(а)рь, мощни чест(ь) дати и тэж честь отсудити... мы тое... сказан(ь)е ниво што покладаемъ” [2, № 90, с. 101]. У 1525 г. Жыгімонт заяўляў: “в небытности нашей у Великом князстве Литовском не может нихто привилевъ наших ламати... и тыхъ листов-твердостей передь п(а)ны радами... покладати ... не казали” [2, № 202, с. 170]. Як бачна, правіцель імкнуўся не дапускаць іншых уладных чыннікаў да вырашэння спраў, якія ўваходзілі ў яго юрысдыкцыю.

У той жа час існавалі вельмі значныя афіцыйныя абмежаванні саміх велікакняжацкіх прэрагатыв з боку Рады. Аднак, у 1504 г.

Аляксандр адабраў у Юрыя Іллініча Ліду і перадаў яе сваяку свайго ўлюбёнца, дворнага маршалка Міхайлы Глінскага, Андрэю Дражджу [4, с. 321]. У адказ буйнейшыя радныя паны, спасылаючыся на парушэнне манархам агульназемскага прывілея 1492 г. пакінулі Ліду за Іллінічам. Тады на берасцейскім сойме (адбываўся з 1 лютага па 17 сакавіка 1505 г.) Аляксандр без суда адабраў у Яна Забярэзінскага ўрады ваяводы віленскага і маршалка земскага і перадаў іх падчашаму, бельскаму намесніку Мікалаю Мікалаевічу Радзівілу. Да Рады гаспадар не дапусціў і віленскага біскупа Войцэха Табара. Даволі хутка вялікі князь пераадолеў супраціў апанентаў, якія потым зноў атрымалі яго прыхільнасць [4, с. 321, 322; 5, с. 106–108; 6, с. 115, 117, 119, 120; 7, № 278, с. 461]. Афіцыйна ж Аляксандр у такой сітуацыі павінен быў ва ўсім пагаджацца з Радай [8, с. 223].

У прывілеі маршалку Войцэху Яновічу Аляксандр пісаў, што ён не можа “в него и в жоны, и в дети, и в ближних его, зъ гневу своего и на помову людскую, и ни на которую иную причину, ани за вину жадную, того двора Кормялова отнимати”, пакуль не будуць вернутыя дадзеныя ім манарху грошы [9, № 279, с. 231]. Значыць ва ўсіх названых выпадках вярхоўны ўладар ВКЛ у прынцыпе мог адымаць уласнасць?!

Аб гэтым сведчаць шматлікія факты. У 1505 г. насуперак агульназемскаму прывілею 1492 г. гаспадарскі маршалак пан Барташ Табаровіч быў пазбаўлены манархам двара Сурвілішкі на Жмудзі “зъ... нашеое мерзязки... на брата его... бискупа Виленского”. Прычым Аляксандр адабраў усе папярэдне наданыя ім Войцэху і Барташу Табаровічам уладанні. Аднак хутка браты Табаровічы атрымалі замест адабраных іншыя наданні [10, № 591, с. 702–704, № 595, с. 710–711; 1, № 550, с. 64, № 639, с. 112, № 723, с. 166]. З прывілея Жыгімонта даведваемся, што вялікі князь Аляксандр “даль былъ” вініцкаму баярыну Лявону Берандзеевічу “зъ братьею” “именеицо у Венецкомъ повете... Вонячын, и потомъ... тое именье отъ нихъ отгнемъшы и даль дворянину своему Остафью Дашкевичу” [9, № 375, с. 285–286].

У трэцім артыкуле агульназемскага прывілея 1506 г. манарх абяцаў, што ўладанні, якія былі “несправядліва адчужджаныя, незаконна адцягнутыя і аднятыя падлізваннем мы звернем уласнікам” [8, с. 228]. Вялікі князь Жыгімонт адразу пачаў пераглядаць наданні свайго папярэдніка ў адносінах да Глінскіх. Жыгімонт пісаў, што “Глинский... славен был... ласкою брата нашего” [9, № 69, с. 113].

Калі Аляксандру фаварыт Глінскі быў патрэбны, то Жыгімонту – ужо не. Са смерцю Аляксандра Казіміравіча зорка князёў Глінскіх пачала адваротны рух з палітычнага небасхілу дзяржавы. У пачатку 1507 г. манарх прызнаў, што князь Васіль Глінскі атрымаў маёнтак Забалотце “неслушнымь обычаемь” і павінен быў вярнуць яго законнаму ўладальніку [9, № 392, с. 295–296]. Пры Аляксандры ўладанне было законным, а пры Жыгімонце стала незаконным. У студзені 1507 г. князь Іван Глінскі быў пераведзены з Кіеўскага на ніжэйшае Наваградскае ваяводства [9, № 186, с. 185]. У рэшце Жыгімонт беспадстаўна пазбавіў князя Міхайлу Глінскага разам з братамі займаемых імі пасадаў [11, № 4, с. 149].

У 1508 г. Жыгімонт паведамляў, што раней “Лву Тишьковичу... дали... дворьцы Жолудског(о) повета... ино князь Василеи... Полубенский... напоминал намъ... што... ему перьво сег(о) тыи дворьцы дали, Моженково а Бакушки”. Князь Палубенскі прасіў вярнуць яму названыя вышэй уладанні. Троцкі ж ваявода пан М.М. Радзівіл прасіў вярхоўнага ўладара надаць што-небудзь і Льву Цішковічу. Вялікі князь двор Бікушкі надаў Льву Цішковічу, а двор Мажэйкава – князю Васілю Палубенскаму, “а к тому дворьцу прыдали... ему пять служебъ... дворца Бикушского” [9, № 379, с. 287]. Пад 1512 г. захаваліся звесткі, што пакуль гаспадарскі пісар Міхайла Васілевіч знаходзіўся ў пасольстве ў Ардзе ў яго было адабрана сяло Таргавіца. Вярнуўшыся ў ВКЛ ён атрымаў ад манарха сяло Свінухі, якое саступала Таргавіцы [12, арк. 551]. У абодвух выпадках Жыгімонт парушыў свае ж наданні, а кампенсацыю зрабіў не раўназначную страчанаму. З дакумента ад 1518 г. вынікае, што князь Цімафей Крашынскі раней атрымаў двор Ракішскі. Аднак “вжо... неколко десяти людей наших ракишскихъ бояром и дворяномъ нашим подавали” [13, № 19, с. 45].

Акрамя беспадстаўнага пазбаўлення ўсяго ўладання ці яго часткі канфіскацыя маёмасці вялікім князем прадугледжвалася: 1) за дзяржаўную здраду; 2) за незаконнае набыццё ці самавольны захоп ўласнасці; 3) за няздольнасць выконваць службу; 4) за здзейсненыя злачынствы. Так, у 1496 г. князь Іван Глазіна ўцёк у Маскву, а яго маёнтак быў канфіскаваны [14, № 269, с. 105]. У 1500 г. пазбавіўся вотчыннага маёнтка берасцейскі зямлянін Дрэмлук, “ижъ онъ... не хотячи намъ служити... втекъ... до Коруны Польское, и оттоль злодейскимъ обычаемъ заездки чинилъ въ землю нашу”. У 1502 г. валынскі зямлянін Раман Хідарэвіч забіў свайго брата Алехну, за што быў

пазбаўлены манархам сваёй часткі маёнтка Варковіч [1, № 550, с. 64, № 639, с. 112]. З 1503 г. паходзяць звесткі аб тым, што людзі, якія самавольна распахвалі зямлю, былі яе пазбаўлены [1, № 662, с. 124]. “Тыи деи люди... (дзэці нейкага Сідара, Андрэйка і Іванец са смаленскага павета. – *В.Ц.*), не могуть службы земскои послужити... и мы (вялікі князь Жыгімонт. – *В.Ц.*) ему (смаленскаму баярыну Занку Іванавічу. – *В.Ц.*) тое сельцо в Поркове Сидоровыхъ детеи дали... а онъ маеть намъ с тог(о) службу земскую заступовати” [9, № 469, с. 343]. У 1510 г. за невыкананне павіннасцяў, якія ляжалі на оўруцкіх корчмах, мяцовыя баяры і мяшчане былі пазбаўленыя апошніх [15, № 21, с. XVIII]. У 1519 г. бельскі мешчанін Іван Сегеневіч пазбавіўся смалакурні, якую незаконна атрымаў у гаспадарскай пушчы [16, № 61, с. 79].

Маёмасцюдзяржаўныхзраднакаў вялікі князь мограспараджацца па ўласнай волі: “естли отецъ зраду вчинить, тогда имень его на господаря. Естли хочеть детей господарь припустити... то есть въ ласце господарской” [17, № 50, с. 62]. Паводле Статута 1529 г. “хто бы... с подданных наших с панства нашего втек... таковый... честь свою тратить, и имене его... толко на господара” [18, р. I, арт. 2].

Ужо падчас выступлення Глінскага манарх пачаў раздаваць канфіскаваныя сёлы і двары мяцежнікаў новым уладальнікам [19, с. 129]. У адным з дакументаў Жыгімонта ўпаміналася, што “имен(ь) я въ Киевскомъ повете зрадцы н(а)шого Ивана Глинского... на насъ были спали” [2, № 61, с. 84]. У ліпені 1508 г. “Жыкгимонт, Богушу Заранковичу... отчину его, вернул, што был отдал братыи его... какъ онъ ездил зрадцою з Николскимъ” [9, № 339, с. 270]. З прывілея ад 20 жніўня 1508 г. даведваемся, што у слугі Міхайлы Глінскага Мацеева, які разам са сваім гаспадаром збег з ВКЛ, быў канфіскаваны двор у Пунскім павеце. Хутка Мацееў вярнуўся назад. Аднак маёнтак яму вернуты не быў, “ижъ онъ с тымъ зрадцою нашим с панства нашего втекъ” [9, № 352, с. 275–276].

У 1508 г. была арыштавана жонка нябожчыка князя Дзмітрыя Гальцоўскага княгіня Ульяна, якая падазравалася ў здрадзе, але затым была выпушчана. Раней адабраныя ў яе і ўжо перададзеныя іншым асобам маёнткі былі вернуты: “коли жъ на нее достаточного доводу нихто не въчыниль, в томъ она не есть винна... и тыи имени мужа ее... ей присудили” [9, № 410, с. 309]. У 1514 г. вялікі князь дазволіў княгіні Уляне, муж якой князь Васіль Бахта ўцёк у Маскоўскую дзяржаву, пажыццёва трымаць людзей і землі мужа [20, арк. 83].

Такім чынам, маёмасць здраднікаў не заўсёды канчаткова канфіскоўвалася. Канфіскацыі ў ВКЛ увогуле не мелі вялікага значэння. Калі маёмасць і адымалася, то пасля часта вярталася ці давалася ўзамен іншая. У выпадку выяўлення парушэння манарх часам нават надаваў новую маёмасць. Аляксандр надаў двараніну Міхайле Гагіну “двор Жолудского повета... Можеиковский”. Аднак жолудскі намеснік паведаміў, “штож Михаило Гагин дворец Бикушский и люди того ж дворца... отневши от... двора Можеикова взял за себе безъ даня и листовъ брата н(а)шого... И мы (вялікі князь Жыгімонт. – В.Ц.) тот дворець Бикушский и люди тые казали были... привернути къ Желудку”. У сувязі з тым, што яго маёнткі спустошаны татарамі і маскавітамі, “а на томъ дворе Можеиковскомъ не маеть чим поживити” М. Гагін зноў прасіў манарха, каб яму “дворец Бикушский... придали”, што было зроблена “до тых часовъ, поки... имени его... сполна очистимъ” [9, № 177, с. 175]. За “віну” Жыгімонт спачатку канфіскаваў у пана Яна Юндзіловіча 600 коп грошаў, дадзеных за застаўлены “дворь... Ошмену”, але потым вярнуў. Напэўна і сама застава канфіскоўвалася [2, № 204, с. 171].

Насуперак сваім сцвярджэнням [2, № 260, с. 225] вялікі князь неаднаразова выносіў супярэчлівыя судовыя выракі. Да змены яго пазіцыі прыводзілі пастановы на падставе аднабаковых прадстаўленняў спраў, саступкі перад націскам уплывовых асоб. У 1505 г. Аляксандр некалькі разоў змяняў спадкаемцаў маёнтка Казлоў ва Уладзімірскім павеце [1, № 708, с. 159, № 728, с. 170]. У справе падзелу спадчыны віленскіх мяшчан у 20-я гг. XVI ст. Жыгімонт тройчы мяняў пазіцыю [21, с. 165, 166].

У 1520-я гг. людзі Непаротаўскай воласці Полацкага ваяводства спачатку былі перададзеныя Жыгімонтам князям Васілю і Андрэю Сакалінскім, але потым манарх далучыў іх да полацкага замка. У выніку атрымалася два прывілеі з цалкам супрацьлеглым зместам. Падобны выпадак здарыўся ў спрэчцы за выслугу паміж баярамі Васькам Дашкевічам і Васілём Жабам у 1510-я гг. Апраўдваючыся за тое, што выдаў “науку”, супярэчную з выракам троекага ваяводы, Жыгімонт пісаў: “мы, не ведаючы якое рэчы, з нашае канцылярыі кажам выдаваць лісты, як хто ў нас папросіць”. Пры пажалаваннях яшчэ з XV ст. ўжывалася канцылярская формула: “ино естли будет так, как он нам поведал... И мы ему тые люди и земли дали”, што ўжо само па сабе павінна было выклікаць супярэчнасці [21, с. 167, 169]. Па гэтаму ў прывілеі ўносіліся заўвагі, што ўсе акты, якія мо-

гуць у будучым выйсьці з канцылярый наконт змешчанай у іх справы і ўтрымліваць адваротнае значэнне, не павінны мець ніякай моцы [21, с. 172, 193].

На ўладныя прэагатывы Аляксандра і Жыгімонта асабліва негатыўна ўплывалі працяглыя перыяды знаходжання іх у Польшчы, каралямі якой названыя манархі з'яўляліся. Знаходзячыся там вялікі князь выдаваў “лісты”, якія не толькі не спасылаліся на даўнейшую дакументацыю, але часта нават супярэчылі рашэнням паноў-рады, якія ў адсутнасць правіцеля ажыццяўлялі ў ВКЛ найвышэйшую ўладу. Таму манарх неаднаразова апраўдваўся, касаваў свае пастановы, супярэчныя з рашэннямі радных паноў [21, с. 165, 166].

Выключным правам правіцеля было пазбаўленне ўраднага пасады за дрэннае выкананне ім сваёй службы. Але да такіх радыкальных крокаў вялікі князь прыбягаў рэдка, звычайна ўсё заканчвалася простаю пагрозай пакарання. У 1526 г. манарх пісаў крычаўскаму намесніку князю Васілю Сямёнавічу Жылінскаму, у адказ на скаргі на яго насельніцтва Крычаўскай воласці: “А што будеш назвышць стацей вь нихъ чересь росказанье нашо и кривды и драпежства хотель подданымъ нашимъ делати... и съ права естли вь томъ винень зостанешь... ижъ не толко себе держанья збудешь, але, хотя будешь одинъ грошъ неслушно взялъ, и мы кажемъ на тебе... оправити и имъ отдати” [15, № 40, с. XLI–XLII]. У 1530 г., ураднік, які ўтаіў сабраны дзяржаўны падатак, толькі часова страціў маёмасць [2, № 424, с. 348, 349]. У гэтым жа годзе харужага Дарагіцкае зямлі Сернацкага, які збіраў падатак звыш устаноўленай вялікім князем і панамі-рады нормы, манарх нават не пазбавіў маёмасці, а толькі пагражаў яму [2, № 485, с. 389].

З судовага рашэння ад 1524 г. вынікала, што праведзеная ў канцылярый ў 1516 г. рэвізія выявіла шматлікія парушэнні. Было знойдзена шмат лістоў, якія былі “справованы” без “воли и росказанья господарского”, паводле якіх шэраг асоб атрымала людзей і землі. У выніку незаконна атрыманая маёмасць была канфіскавана, а пісары пазбавіліся займаемых пасадаў [2, № 174, с. 153; 22, с. 53]. У 1524 г. вялікі князь адабраў у лідскага баярына Багдана пасаду лідскага харужага за дрэннае выкананне службовых абавязкаў [15, № 36, с. XXXVII]. У канцы 1528 г. па просьбе баяр і мяшчан, у адпаведнасці з абласным прывілеем, віцебскі ваявода пан Іван Багданавіч Сапега быў пераведзены манархам на пасаду падляшскага

ваяводы [23, № 35, с. 78, № 81, с. 121]. У 1529 г. гаспадарскі дваранін Нікіфар Бабаедаў быў пазбаўлены вялікім князем на Крычаўшчыне воласці Алучыцкай за тое, што “онъ въ той волости нерядне ся справоваль и того старца смаволне казалъ обесити” [15, № 46, с. XLVIII].

Такім чынам, бачна, што дзеянні вялікага князя часта былі непаслядоўнымі. З аднаго боку, гэта сведчыць аб рэальных уладных магчымасцях манарха. А з іншага – наяўнасць узаемавыключных актаў, самавольны перагляд і ануляванне гаспадаром уласных пастаноў і пастаноў сваіх папярэднікаў падрываў аўтарытэт вялікакняжацкай улады, веру ў справядлівасць і законнасць рашэнняў правіцеля.

Уладныя магчымасці Жыгімонта не падмацоўваліся фінансава. Ужо пасля смерці Аляксандра Казіміравіча ў дзяржаўным скарбе ВКЛ не было грошай нават на яго пахаванне [9, с. 142]. Якая магла быць улада ў правіцеля, які не меў за душою некалькі сот коп грошаў? Для адной з буйнейшых тагачасных краін Еўропы названае становішча было ганебным.

У першай трэці XVI ст. найбольш рэльефна праявілася эканамічная слабасць вялікага князя. Амаль што няспынныя баявыя дзеянні з Маскоўскай дзяржавай і Крымскім ханствам, дрэнная арганізацыя гаспадаркі, слабы кантроль над рэсурсамі краіны [24, с. 159–236; 25, с. 184–204], паставілі манаршы скарб у катастрафічнае становішча. Часам гаспадарскія ўладанні ў ВКЛ не маглі забяспечыць утрыманне самога вялікага князя. У 1509 г. Жыгімонт паведамляў радным панам, што з пачатку свайго панавання “одного пенязя скарбу Великого Князства... не мевали и не бирали... а которую суму пенязную съ Коруны ку потребе Великого Князства не толко ку посполитой речи, але и на кухню нашу, будучи тамъ, выложили” [3, с. 15]. Дыпламат С. Герберштэйн пісаў, што калі вялікі князь прыязджаў у ВКЛ, то ён быў вымушаны жыць на асабістыя, прывезеныя з сабою сродкі, калі не карыстаўся падтрымкай мясцовых ураднікаў, паколькі яны нічога не давалі манарху па ўласным жаданні [27, с. 187].

Калі ў канцы XIV ст. непасрэдна пад уладай вялікага князя знаходзілася каля 80% насельніцтва дзяржавы, то ў 1528 г. гэтая лічба складала толькі 30% [28, с. 101]. Але ўсе маёнткі, што непасрэдна належалі правіцелю, неаднаразова застаўлялася і перазастаўлялася і нават перыядычныя спісанні даўгоў не спрыялі паляпшэнню сітуацыі. У пэўныя моманты Жыгімонт увогуле не валодаў ніякімі матэрыяльна-фінансавымі рэсурсамі ў ВКЛ.

Вялікі князь не меў магчымасці адстойваць свае эканамічныя інтарэсы, што з'яўлялася сімптомам слабасці яго ўлады. У 1507 г. Жыгімонт прызнаваў няздольнасць перашкодзіць валынскай шляхце пераманьваць людзей з гаспадарскіх уладанняў [9, № 195, с. 190]. У 1514 г. вялікі князь прызнаваў: “врадники... которыи... отъ насъ дворы держать, никоторыхъ доходовъ а ни пожитковъ съ тыхъ дворовъ нашихъ... не дають, и оборочаете кождый ку своему пожитку” [15, № 23, с. XIX, XXI]. У 1521 г. Жыгімонт фактычна распісаўся ў сваёй нямогласці кантраляваць нават уласных дваран, калі прызнаў раскраданне імі дзяржаўнай уласнасці [13, № 94, с. 94]. У прывілеі ад 1528 г. было занатавана, што ў Горвальскай воласці “ніколі дани нашое... на нас справедливе не выдавано” [2, № 276, с. 235]. У 1530 г. Жыгімонт пісаў: “нам в плате н(а)шомъ... шкода великая дееть: николи его до скарбу н(а)шог(о) сполна не относят(ь)” [2, № 513, с. 408–409].

У ВКЛ сістэматычна аперацыі з нерухомай маёмасцю без дазволу велікакняжацкай адміністрацыі ажыццяўлялі нават прыгонныя сяляне [13, № 30, с. 51]. Вышэйшыя ўраднікі таксама незаконна завалодвалі нерухомай маёмасцю [9, № 548, с. 394].

Аляксандр і Жыгімонт часта не маглі рэалізаваць свае распараджэнні, маёмасныя наданні, судовыя рашэнні. Нават прыдворныя асобы пры выкананні сваіх службовых абавязкаў амаль што беспакarana зневажаліся. Падданыя вялікага князя са знявагай ставіліся да яго лістоў, да гаспадарскай зарукі. А паводле Статута 1529 г. нават простая нязгода з судовым рашэннем манарха каралася турэмным зняволеннем і грашовым штрафам [19, с. 40].

У 1501 г. лідскі баярын Сенка Андрушэвіч не хацеў выконваць судовых пастановаў Казіміра і Аляксандра, якія тычыліся падзелу маёнтка. У 1503 г. Аляксандр разглядаў справу паміж пісарам Грамыкам Ісаевічам і троецкім ваяводам, земскім маршалкам панам Янам Забярэзінскім, і прысудзіў маёнткі першаму з іх. Забярэзінскі выканаў пастанову толькі пасля некалькіх зваротаў Аляксандра [1, № 591, с. 84–85, № 663, с. 124–125]. У 1503 г. правіцель разглядаў разам з раднымі панамі справу маршалка і наваградскага намесніка Альбрэхта Гаштольда з маршалкам Янам Радзівілам аб скарбах, якія засталіся пасля смерці жонкі пана Яна, сястры Гаштольда. Радзівіл з'явіўся на гаспадарскі суд толькі з трэцяга разу, і тое “не хотел... г(о)с(по)д(а)ра, и панов рады... в томъ праве послушонъ бити” [29, с. 379–381].

У 1518 г. Жыгімонт пісаў берасцейскаму земляніну Сцяпану Дземянчычу “абы суму на нем некаторым особам вказаную заплаціл албо увезаня дворенину чинити не заборонял... и ты деи того имения своего в тых шкодах имъ ся не поступил, и тых шкодъ имъ не поплатил, ажъ до сих часовъ. *А вжо деи тому осмыи годъ, такъ тыи шкоды, имъ на тебе сужоны*” (курсіў мой. – В.Ц.) [16, № 37, с. 65, 66]. У 1521 г. манарх звяртаўся да жонкі пана Літавора Храбтовіча пані Ядзвігі: “мы неоднократно о томъ до тебе писали и дворанъ наших посылали приказуючи тебе, ажбы еси братю ихъ (драгічынскіх падданных вялікага князя Сямёна і Сцяпана Сабняў. – В.Ц.) з нетъства повыпускала и имение их им ся поступила, и листы их на имения, и грабежы вси, которие... в них пограбила, им засе поворачала... и ты о листы и росказанье нашо ничего не дбаючы того вчинити не хотела... мы писали до тебе, ижъ вжо конечно пошлем дворенина нашего и кажем их з ыменьи их с твоих рукъ выгнати и привернути к замку нашому Дорогицкому, и ты деи и о тое росказанье н(а)ше не дбала и на дворенина нашего фукала” [13, № 88, с. 91]. У 1522 г. манарх пісаў: “одверные н(а)ши... некоторые потданные н(а)ши сегають на них словы и рукою” [2, № 22, с. 57]. Ён спрабаваў абараняць сваіх прыдворных [2, № 174, с. 153]. Але сам факт неабходнасці такой абароны красамоўна сведчыў аб узроўні павагі да вялікага князя. У 1522 г. пан Юрый Зяноўевіч скардзіўся манарху на сваіх братоў паноў Мікалая і Міхайлу Зяноўевічаў: “штожъ он посылаць до них о кривдах своихъ з листомъ г(о)с(по)д(а)ръским боярына г(о)с(по)д(а)рського... Они, того листа г(о)с(по)д(а)рського не вчтившы, того боярына збили и змордовали” [16, № 145, с. 138].

У 1524 г. вялікі князь пісаў да жамоіцкага старосты пана Станіслава Яновіча наконт парушэння апошнім гаспадарскага распараджэння ўвзяць віленскага біскупа Яна ў воласць Шаўлі. Праз некаторы час манарх накіраваў пасольства да Станіслава Яновіча па гэтай жа справе, са скаргай на жорсткі тон яго адказаў і з пагрозай. Супраціўлялася названаму распараджэнню манарха і шляхта [15, № 37, с. XXXVII–XXXVIII, № 38, с. XXXVIII–XL].

Да 1526 г. вялікі князь прысудзіў нейкаму Рыгору Маскевічу сяло Галоўчынскае. Дзеці Маскевіча, гаспадарскія дваране, ужо некалькі разоў прасілі Жыгімонта ўвесці іх ва ўладанне гэтага сяла. Манарх звяртаўся да крычаўскага намесніка князя Васіля Сямёнавіча Жылінскага: “о чом жо, деи, есмо устне тебе росказали, неоднократно(ь) писали, приказуючы тебе, ижбы еси ихъ в тое село

увязал. И ты, деи, о листы и о росказан(ь)е нашо ничог(о) не дбаючи, их в тое село не увязал аж до сих часов” [2, № 225, с. 190].

Жыгімонт некалькі разоў прызначаў судовыя тэрміны жмудскаму біскупу Мікалаю з велікакняжацкімі падданымі наконт яго злачынстваў супраць апошніх. Але біскуп “на вси тьи роки положонны перед нами стати не хотел” [23, № 75, с. 113, 114]. Пад 1529 г. захаваліся сведчанні непадпарадкавання гаспадарскаму суду князя Дзмітрыя Бурэмскага. Ён, нягледзячы на двухразовую заруку на карысць манарха і замак, праз сваіх людзей працягваў рабіць злачынствы падданым пана Шчаснага Якімовіча. А таксама “на позвы” вялікага князя “не сталъ” [23, № 115, с. 147].

Даходзіла да таго, што дзяржаўным ураднікам аказвалася ўзброенае супраціўленне. Так было ў 1528 г., калі Жыгімонт адабраў у злачынцы воласць: “и он (уладзімірскі староста князь Андрэй Сангушковіч. – *В.Ц.*) на росказан(ь)е и листы н(а)шы...ку праву не стал. И мы за непослушенство его казали... князя Андрея увязати в ыменье его Полонку, то пакъ тот княз Андрей Соколинский, собравшыся мощно кгвалтом з войском з деды, як бы напяротивку которого неприятеля, и борониль того имен(ь)я цтя своег(о), а тому дворанину н(а)шому не допустиль его в тое ыменье увязывати... мы... за тот выступъ его... тую волост(ь) Непоротовичи... взяли есмо къ нашим рукам... княз Андрей Соколинский... болшог(о) каран(ь)я н(а)шог(о) был заслужыл, нижли тог(о)” [2, № 296, с. 250].

Здаралася, што правіцель сам рыхтаваў узброеную выправу ў межах ВКЛ, каб авалодаць маёнткам. У 1530 г. вялікі князь пасля смерці жамойцкага біскупа Мікалая Радзівіла, які запісаў малалетняму Жыгімонту-Аўгусту “именя свои у Ганязи: Кънышын со въсьми селы и дворы, къ нему прислухаючыми”, накіраваў туды свайго двараніна, каб узяць уладанне ў свае рукі. Аднак брат Мікалая Станіслаў Радзівіл, “тые именья н(а)ши казал осести слугамъ своимъ зъ ручницами и з ыншыми бронеями, и тых именей тому дворянину поступити не казалъ”. У адказ манарх загадаў усім землянам Бельскага павета з дапамогай зброі адабраць маёнтак у Радзівіла. Вялікі князь быў вельмі незадаволены Радзівілам: “мы ся таковой смелости... велико дивовали, ижъ он смель так[о]вый пых противъку нас, г(о)с(по)д(а)ря, учынити, чога ништо у паньстве н(а)шомъ таковое противности нам не чынилъ”. Жыгімонт не пакінуў без пакарання (хоць і даволі мяккага) учынку Станіслава Радзівіла: “а што ся

дотычет(ь) тое твоее противности... казали есмо за то дворы н(а) ши Ушпол и Пеняны, державы твои, зъ рукъ твоихъ мощно выняти” [2, № 447, с. 361–362, № 448, с. 362, № 449, с. 363].

Апафеозам жа свавольства і беспакаранасці ў ВКЛ з’яўляўся шматгадовы канфлікт паміж віленскім ваяводам Мікалаем Мікалаевічам Радзівілам і троцкім ваяводам Альбрэхтам Марцінавічам Гаштольдам [30, с. 369; 31, с. 269; 32, Арк. 231], варажнеча паміж імі скончылася толькі пасля смерці першага.

Але месца М.М. Радзівіла заняў троцкі ваявода і гетман К.І. Астрожскі, супрацьстаянне якога з А.М. Гаштольдам набыло яшчэ больш востры характар [30, с. 377]. У выніку, з 1523 па 1528 г. у ВКЛ было паралізавана ўсё дзяржаўнае жыццё. Абодва бакі пустошылі ўладанні адзін аднаго, прыхільнікаў сваіх апанентаў, мала звяртаючы ўвагу на распараджэнні і пагрозы Жыгімонта. Вялікі князь прыехаў у ВКЛ толькі ў красавіку 1528 г., пасля пяці гадоў адсутнасці ў краіне, і быў не ў стане прымерыць варагуючыя бакі [33, с. 74, 79, 80; 30, с. 378].

Такім чынам, у канцы XV – першай трэці XVI ст. велікакняжацкая ўлада страчвала сваю ранейшую моц. Нягледзячы на дэкларатыўныя заявы, а таксама спробы вялікіх князёў дзейнічаць без уліку існуючых фактычных і юрыдычных абмежаванняў, манаршая ўлада рэальна падверглася істотнаму аслабленню і не адпавядала нават свайму афіцыйна вызначанаму, абмежаванаму статусу.

Спіс літаратуры

1. Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1–2. Собраны Ф.И. Леонтовичем. Варшава : Изд. Варш. ун-та, 1896–1897. – Т. 1. Вып. 2: 1499–1507. – 1897. – 200, 55 с.
2. Литовская метрика = Lietuvos metrica / Vilniaus universitetas. – Вильнюс : Vilniaus universiteto leidykla, 1997. – 4 Книга судных дел (1522–1530) / Parengė: S. Lazutka, I. Valikonytė. – 664 с.
3. Максимейко, Н.А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 г. / Н.А. Максимейко. – Харьков : Тип. А. Дарре, 1902. – II, 164 с., IV, 205 с. – Приложение.
4. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi: w 2 t. / M. Strykowski. – Wyd. Nowe. – Warszawa : Nakł. Gustawa Leona Glucksberga, 1846. – Т. 2. – 568 s.
5. Finkel, L. Elekcyя Zygmunta I. Sprawy dynasty Jagiellonskiej i unii polsko-litewskiej / L. Finkel. – Kraków : Akademia Umiejętności, 1910. – VIII, 296 s.
6. Pietkiewicz, K. Wielkie Księstwo Litewskie pod rządami Aleksandra Jagiellonczyka. Studia nad dziejami państwa i społeczeństwa na przełomie XV i XVI wieku / K. Pietkiewicz. – Poznań : Wydawnictwo Naukowe UAM, 1995. – 256 s.

7. Monumenta mediae aevi historica res gestas Poloniae illustrantia. – Т. 19: Akta Aleksandra króla polskiego, Wielkiego Księcia Litewskiego itd. : (1501–1506) / wyd. Fryderyk Papée. – Kraków, 1927. – XIV, 622 s.
8. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах: У 4 т. – Менск : Выд. АН БССР, 1936. – Т.1: IX–XVII ст. – XVI, 678 с.
9. Литовская метрика = Lietuvos metrica / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1995. – 8 Книга записей (1499–1514) / [Подгот. А. Балюлис и др.]. – 708 с.
10. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji wileńskiej / Wydali Jan Fijałek i Wł. Semkowicz. – Kraków : Nakł. Polskiej Akad. Umiejętności, 1948. – Т. 1: (1387–1507). – 771 s.
11. Кром, М.М. Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века (К вопросу о социальной базе восстания Глинских) / М.М. Кром // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 145–154.
12. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. КМФ–18. – Воп. 1. – Спр. 7.
13. Литовская метрика = Lietuvos metrica / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1997. – 10 Книга записей (1440–1523) / Подгот.: Э. Банионис, А. Балюлис; предисл. А. Балюлиса. – 178 с.
14. Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1–2. Собраны Ф.И. Леонтовичем. Варшава : Изд. Варш. ун-та, 1896–1897. – Т. 1. Вып. 1: 1413–1498 гг. – 1896. – 169 с.
15. Любавский, М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута. Исторические очерки / М.К. Любавский. – М. : Университет. тип., 1892. – 884, [106] с.
16. Литовская метрика = Lietuvos metrica / Lietuvos istorijos. – Вильнюс : Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. – 11 Книга записей (1518–1523) / Parengė: A. Dubonis. – 228 с.
17. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: В 5 т. – СПб. : Тип. II отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1846–1853. – Т. 2: 1506–1544. – 1848. – III, 405, [39] с.
18. Статут Великого княжества Литовского 1529 г.: Текст, перевод, словарь–комментарий / Под ред. акад. К.И. Яблонского. – Минск : Изд. АН БССР, 1960. – 253 с.
19. Кром, М.М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. / М.М. Кром. — М. : Археологический центр, 1995. – 304 с.
20. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. КМФ–18. – Воп. 1. – Спр. 9.
21. Бардах, Ю. Аб практыцы літоўскай канцэлярыі часоў Жыгімонта I Старога / Ю. Бардах // Бардах, Ю. Штуды з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага [пер. М. Раманоўскага, А. Істоміна; праф. Г. Сагановіча]. – Мінск : Беларус. Гіст. Агляд, – 2002. – С. 161–198.
22. Груша, А.І. Канцэлярыя Вялікага Княства Літоўскага 40-х гадоў XV – першай паловы XVI ст. : Дыс. ... канд. гіст. навук. 07.00.02. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2001. – 156 с.
23. Литовская метрика = Lietuvos metrica / Lietuvos istorijos institutes. – Вильнюс : Lietuvos istorijos institutas, 2002. – 15 Книга записей (1528–1538) / Parengė: A. Dubonis и др. – 446 с.

24. Neuman, M. *Itinerarium Aleksandra Jagiellończyka wielkiego księcia litewskiego, króla polskiego (czerwiec 1492 – sierpień 1506)* / M. Neuman, K. Pietkiewicz // *Lietuvos istorijos metraštis*. 1995 metai. – Vilnius : Pradai, 1996. – P. 154–240.
25. Бережков, Н.Г. Итинерарий великих князей литовских по материалам литовской метрики (1481–1530) / Н.Г. Бережков // *Археографический ежегодник за 1961 год*. / Под. ред. акад. М.Н. Тихомирова. – М. : Изд. Академии Наук СССР. – 1962. – С. 180–205.
26. Герберштейн, С. Записки о Московии / С. Герберштейн. – М. : Изд. МГУ, 1988. – 430 с.
27. Документы Московского Архива Министерства Юстиции. – М. : Тип. т-ва Мамонтова, 1897. – Т. 1. – XXIV, 570 с.
28. Ochmański, J. *Historia Litwy* / J. Ochmański. – 3 wyd., popr. i uzupeł. – Wrocław – Warszawa–Kraków : Ossolineum, 1990. – 395 s.
29. Малиновский, И.А. Сборник документов, относящихся к истории панов-рады Великого Княжества Литовского / И.А. Малиновский. – Томск : Импер. Томский ун-т, 1902. – XX, 508, CLX с.
30. Kuźmińska, M. *Olbracht Marcinowicz Gasztold* / M. Kuźmińska // *Ateneum Wileńskie*. – 1927. – R. 4. – Z. 13. – S. 349–391.
31. Wojciechowski, Z. *Zygmunt Stary (1506–1548)* / Z. Wojciechowski. – Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979. – 436 s.
32. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. КМФ–18. – Воп. 1. – Спр. 223.
33. Halecki, O. *Dzieje unii jagiellońskiej*; W 2 t. / O. Halecki. – Kraków : Akademia Umiejętności, 1919–1920. – Т. 2. W XVI wieku. – 1920. – V, 385 s.

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ПОМЕЩИКОВ В ПОЛОЦКОМ ПОВЕТЕ В 1563–1571 гг. ПО ДАННЫМ ПИСЦОВЫХ КНИГ¹

Взятие Полоцка в 1563 г. русскими войсками стало пиком всех военных достижений России на западном направлении в XVI в. Казалось, что Россия взятием Полоцка разрубила узел русско-польско-литовских противоречий в свою пользу. Но предполагаемые Москвой перспективы, связанные с овладением Полоцком, ни к чему не привели – последовал долгий период попыток русской стороны добиться международного признания взятия Полоцка. С 1563 по 1572 г. русский царь был согласен заключить вечный мир при условии уступки Великим княжеством Литовским (далее – ВКЛ) всей Русской земли, в том числе Галича и других, принадлежавших Польше земель, полного отказа от притязаний на Лифляндию, и признания царского титула. ВКЛ, разумеется, не соглашалось с такими условиями, и московская сторона шла на отказ от заявленных притязаний, требуя самого малого – мира и Полоцкого повета. Король Сигизмунд Август явно не желал заключать мир, затягивал переговоры и искал союза с крымским ханом [10, с. 188] и другими державами [13, с. 335]. Также король пошел на уступки православной шляхте, уравнивая ее в правах с католической жалованной грамотой от 7 июля 1563 г., желая сплотить все наличные силы для предстоящей войны с Иваном IV.

В 1564 г. литовцы и поляки делают попытку вернуть Полоцк, но русские оказываются сильнее. В 1566 г. наступает спад напряженности военных действий и вновь чуть не доходит до мира между державами, однако здесь камнем преткновения стала уже Ливония, из-за которой, собственно, и велась война. Вследствие того, что ни одна из сторон не хотела уступать, вновь начатые военные действия сменялись попытками договориться. В 1570 г. было

¹ Работа выполнена при поддержке Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 годы)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

подписано русско-литовское перемирие, которое положило конец собственного русско-литовской войне 1561–1570 гг. и интенсивным боевым действиям на современной территории северной Беларуси, а в 1572 г. начались переговоры о мире.

В столь противоречивой обстановке русское правительство торопилось закрепить за собой Полоцкий повет который автоматически после завоевания Полоцка перешел под власть Москвы. По истечении четырех месяцев после взятия, с июня 1563 г. [7, с. 10], началась раздача территорий повета служилым людям в поместное владение (вотчин в Полоцком повете не было). Процесс и итог описания раздачи поместий, полный состав землевладельцев, налоговое обложение фиксировались в писцовых книгах, составленных дьяками царского приказа в Полоцке. О поспешности раздачи земель можем судить по поспешности составления книг, на что указывают неисправности текста, ошибочность написания названий и фамилий, неточность итогов и другие опiski.

Тем не менее, сохранившиеся писцовые книги содержат наиболее полную информацию о землевладении и географии Полоцкого повета во второй половине XVI в. Их наличие дает нам возможность исследовать состояние повета в период 1563–1579 гг., в период его подчинения Москве, и изучить государственную земельную политику в этом регионе в обозначенный промежуток времени.

Как сказано выше, главным источником исследования являются писцовые книги Полоцкого повета, составленные в период с 1563 по 1573 гг. с целью закрепления завоеванных земель за Российским государством, а также привлечения людей на разоренную войной территорию Полоцкого повета, откуда жители уходили в Себеж [7, с. 10].

На сегодняшний день известны три писцовые книги по белорусскому Подвинью: книги № 566 и 573 Метрики ВКЛ, и книга, хранящаяся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки под шифром Q.IV.70/1. Они датируются второй половиной XVI века и включают материалы 1563–1572 гг. Книги полностью состоят из материалов русского происхождения, самые поздние из которых относятся к первому десятилетию XVII в. – царствованию Василия Шуйского. Вероятнее всего, они входили в состав тех самых книг, которые были вывезены из Москвы либо Александром Госевским в 1611 г., либо еще кем-то из подданных короля Речи Посполитой Сигизмунда III в 1612 г. Во всяком случае, известно, что А. Госевский вывез какие-то «летописцы московские» и «книгу московскую посольскую» [1, с. 35] – последнюю, правда, позже вернули.

Четыре указанные книги попали в состав Метрики ВКЛ. Во время разбора и систематизации книг Метрики, которые проводились в 1786 г. под руководством Адама Нарушевича, они были снабжены кожаным переплетом с узнаваемым тиснением на корешках (АСТА MAG.DUC.LITV.), что указывает на принадлежность книг к Метрике ВКЛ. Тем не менее, по не вполне понятным причинам, эти книги не были учтены в реестрах Метрики: ни в древнейшем из известных на сегодняшний день 1623 г. [3, с. 341–356], ни в более позднем 1798 г. [4, с. 393–414] Очевидно, вместе с другими книгами Метрики в 1795 г. они были перевезены из Варшавы в Санкт-Петербург и переданы на хранение в канцелярию Третьего Департамента Сената, однако, в дальнейшем откололись от основного массива метрических книг. Это могло произойти в 1808 г., когда некоторые из материалов были переданы из Сената в Депо манускриптов Императорской Публичной библиотеки в Санкт-Петербурге, а основной корпус материалов Метрики в 1887 г. был перевезен в Москву.

В данном исследовании используется одна из упомянутых книг, а именно книга Метрики № 573. На сегодняшний день она хранится в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва), в фонде № 389. При написании статьи я располагала микрофильмами книги, сделанными в 1963 г.

Книга Метрики № 573 публиковалась в труде Русского географического общества «Писцовые книги Московского государства», под редакцией Н.В. Калачева в 1872–1895 гг. Кроме давности публикации, стоит отметить ее недостаточно высокий уровень. Из материалов книги № 573 Н.В. Калачев опубликовал лишь листы 1–17, 23–55 об., 62–64, 66–134 об. Публикатор указал, что напечатал также листы 143–394, но в действительности оказались опубликованными только листы 143–372. По каким-то неизвестным причинам последние 20 листов (373–394) не вошли в публикацию, поэтому мы работаем над исправленным переизданием книги Метрики № 573, используя при работе архивный оригинал.

Единственным, кто активно использовал книги Метрики № 573, был Н.Н. Оглоблин, составивший на их основе «Карту Полоцкого повета и объяснительную записку к ней» [7, с. 3–53]. Однако карта, составленная им, содержит далеко не полную информацию по исторической географии повета.

Книга Метрики № 573 насчитывает 395 листов и включает в себя следующие группы материалов:

1. Писцовая книга волости Нещерды, за скрепою дьяков Петра Пестова и Грибана Дмитриева и справою подьячего Михалка Никитина (л. 1–17). По нижнему полю листов идут скрепы: «Диякъ Петръ Пестовъ руку приложилъ» и «Диякъ Грибанъ Дмитриевъ руку приложилъ». На последнем листе читается подпись: «Се книги правил подячей Михалка Никитин» [11, л. 17об.];

2. Даточные книги Покровской волости 7079 г. (1571 г.), составленные по описанным книгам И. Башмакова и подьячего П. Бохарова (л. 18–22);

3. Писцовые книги землям Полоцкого повета, розданным 7080 г. (1571 г.) 7 октября боярским детям Новгородских пятин Бежецкой и Обонежской, письма и меры Ивана Тимофеевича Малыгина и подьячего Ивана Иванова Стоянова (л. 23–55об.);

4. Выпись из книги волости Нещерды (л. 57–61);

5. Отдельная книга 7080 г. (1571–1572 гг.) землям, данным казакам города Нещерды, письма Ивана Тимофеевича Мясоедова и подьячего Ивана Иванова Стоянова (л. 62–64);

6. Писцовые книги землям, розданным в Озерицах и Усвяте, 7080 г. (1571 г.) 7 октября, детям боярским Новгородских пятин Бежецкой и Обонежской, письма и меры Ивана Тимофеевича Малыгина и подьячего Ивана Иванова Стоянова (л. 66–134об.);

7. Выпись из книги Озерищской и Усвяцкой волостей 1573 г., письма И.И. Мясоедова и И.И. Стоянова (л. 92–94);

8. Выпись из книги Усвяцкой волости, письма Ивана Тимофеевича Мясоедова и подьячего Ивана Иванова Стоянова (л. 135–141);

9. Книги Полоцкого повета 7078 г. (1570 г.), за скрепою дьяков Грибана Дмитриева и Петра Пестова (л. 143–394). Из заголовка следует, что мы имеем дело с копией («выписано ис книг Полоцкого повету»), которую 15 февраля 1572 г. привез «полотцкой помещикъ Олексеи Мартегинъ» [11, л. 142]. По нижнему полю идут скрепы дьяков Петра Пестова и Грибана Дмитриева;

10. Выписи из отдельных книг 7078–79 гг. (1570–1571 гг.), (л. 373–394):

- Покровской волости, 1570 г., письма Ивана Башмакова и подьячего Петра Бохарова;

- Усвяцкой волости, 1570 г., письма И. Маркова и подьячего П. Бохарова;

- Усвяцкой волости, 1567 г., письма А.М. Старого;

- Усвяцкой волости, письма Усвяцких воевод И. Колычева и И. Рябина.

Скорее всего, книга Метрики № 573 состоит из копий писцовых книг, составленных в Полоцком повете в 70-х гг. XVI в. Эти книги были скопированы в Полоцке, а затем пересланы в Москву.

Несмотря на такое обилие копий книг, мы имеем дело не с полными их вариантами, а с отрывками. Так книга № 1 своим началом показывает, что она есть только отрывок из другой: «Полоцкого повета волость Нещерда за детми боярскими в поместье...» [11, л. 1], тогда как целые писцовые книги начинаются так: «По государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всея Руси наказу...» [11, л. 18] или по форме: «...лета 7080 году октября въ 7 день Иван Тимофеевич Мясоедов да подячей Иван Иванов сынъ Стоянов писали и мерили...» [11, л. 24]. Кроме того, в книге № 1 описаны волости Нещерда и Турунтовская, но это же самое описание буквально повторяется в книге № 9. Очевидно, что книга № 1 есть отрывок от книги № 9 [7, с. 14].

Но и о последней книге нельзя сказать, что она сохранилась в полном составе: в книге описано лишь 8 волостей. В некоторых из них встречаются ссылки на поместья тех же владельцев в других волостях, описанных в той же книге, а, между тем, в этих последних волостях не только не находим новых поместий известного лица, но даже не встречаем и фамилии его между владельцами (ссылка на поместье Жданова в Непоротовской волости [11, л. 267], ссылка на поместье Обашева в Нещерде [11, л. 253]). Обе эти волости – Непоротовская и Нещерда, описаны в той же книге, но среди их владельцев даже нет таких фамилий. Нельзя думать, что эти ссылки указывают на другие книги, потому что в некоторых случаях они оправдываются. Например, в той же Межевской волости в итогах поместий Мормылева, Ватолина, Исакова и других есть ссылки на их поместья в Нещерде, которые подтверждаются в этой же книге. Очевидно, что ответы на ссылки мы должны искать в этой же книге, а раз мы их не находим, то это доказывает, что книга № 9 дошла до нас в неполном составе. Это же подтверждает и порядок расположения некоторых областей: волость Неведринская описана не подряд, а в двух местах книги; волость Непоротовская также в двух местах. Неполнота этой книги доказывается и отсутствием итогов, которые встречаются только в следующих книгах: № 3, 5 и 6 – они сохранились в целом составе. Им легче было сохраниться, т.к. они невелики и узкоспециальны: № 3 и 6 описывают поместья, розданные новгородским детям боярским двух пятин, а № 5 – раздачу казакам мест и огородов в г. Нещерда. Книги под номерами 2, 4, 7, 8, 10 – только

выписи из других книг. Таким образом, мы можем предполагать, что всего было 14 книг [7, с. 15], не дошедших до нас вполне, но их могло быть и больше, т.к. не хватает книги города Полоцка, которая должна была быть составлена в первую очередь.

Теперь об информации, которую содержат книги. Они затрагивают описание только северных полоцких волостей, примыкавшим непосредственно к русским землям, в количестве 11. Оглоблин предполагает, что они могли быть административно-судебными единицами [7, с. 16]. Описание местности происходило по традиционной схеме:

- деление повета на волости, и деление последних на поместья;
- название каждого населенного и пустого пунктов;
- географическое положение пунктов, рек, озер и др.

Особенностью же является то, что отсутствуют общие итоги по волостям, но есть данные по каждому поместью. Нет указаний на дворцовые земли; все землевладение в Полоцком повете было поместным – вотчины не упоминаются.

Данных писцовых книг о населении не отличаются от других: в них встречаются обычные указания на число дворов, их хозяев и на пустые дворы. Но они почти не упоминают сведений побочного характера – исторических и этнографических, столь обычных для писцовых книг. Редко перечисляются храмы, а лишь в 2 упоминаниях из 6 указывается их состояние. Нет описаний городов, сведений о промыслах народа, подробностей его житья. Так же крайне мало сведений о повинностях и податях населения, только об оброках правительству за угожья (рыбная ловля, бортные ухощья и др.) говорится подробно при всяком их перечислении. О сошном письме упоминается только в трех волостях. Но все эти особенности, скорее всего, являются следствием поспешности написания книг, а не региональными отличиями полоцкого землевладения.

Тема Полоцкого повета в 1563–1579 гг. очень скудно освещена в исторической литературе. Можно назвать исследования А.Н. Янушкевича, посвященные Ливонской войне, и работу Д.Н. Александра и Д.М. Володихина «Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках», которая подробно рассматривает захват города и переход повета под власть России, но в ней не анализируется состояние повета и его землевладение.

Попытаемся проанализировать данные писцовых книг и реконструировать картину российского землевладения в Полоцком пове-

те в контексте государственной политики, проследив ее общие закономерности, которые нашли отражение на территории Полоцкого повета, а также обозначив особенности и региональные отличия.

В писцовых книгах мы имеем два четко выделенных вида землевладения – поместное и церковное. Начнем с поместного, количество актов которого значительно превышает раздачи церквям.

Акты о раздаче земель в поместье в представленных книгах имеют определенную структуру: называются фамилии получателей земель, указывается место локализации старого поместья (если таковое имеется), его размер; иногда указываются основания, по которым служилый человек становится помещиком; подробно перечисляются розданные пункты, их тип и состав; подводятся итоги по акту и указывается количество оклада.

Писцовые книги, которые мы анализируем, затрагивают землевладение лишь в 11 волостях Полоцкого повета:

- Дрысецкая волость – 8 поместий (78 пунктов);
- Межевская волость – 20 поместий (55 пунктов);
- Неведерская-Кубок – 3 поместья (70 пунктов);
- Невевинская волость – 10 поместий (145 поместий);
- Непоротовская волость – 8 поместий (47 пунктов);
- Нещерда – 22 поместья (196 пунктов);
- Нищенская волость – 16 поместий (63 пункта);
- Покровская волость – 28 поместий (144 пункта);
- Озерище – 11 поместий (112 пунктов);
- Турунтовская волость – 8 поместий (64 пункта);
- Усвят – 13 поместий (114 пунктов).

Надо сделать акцент на том, что волости Усвят и Озерище до завоевания их российскими войсками входили в состав Витебского воеводства, а после были включены в административную единицу Российского государства – Полоцкий повет.

Итак, посредством 156 раздач на имена 115 помещиков, поместья получили 147 человек. Ни одна из этих 147 фамилий не упоминается ни в «Книге Полоцкого похода», ни в разрядных книгах, которые позволяют восстановить карьеру служилых людей только высшего ранга. Значит, наши помещики отличались относительной низостью своего социального статуса. Наверняка, эти служилые люди участвовали в Полоцком походе, но под начальством людей, стоявших намного выше, точные фамилии которых мы можем найти в упомянутых книгах Разрядного приказа [5, с. 18].

Рядовая же масса служилых людей состояла к XVI в., в основном, из потомков княжеских слуг удельного времени и из размножившихся и обедневших потомков старинных бояр. Многие пришедшие в упадок боярские роды вошли еще в период уделов во второй разряд княжеских слуг. Наименование «дети боярские», которое мы встречаем в преамбулах к актам раздачи, присваивалось всем членам этих боярских родов. Со времени Василия Темного эти названия присваивались по преимуществу потомкам бояр, затем распространялись на всех слуг второго разряда. Василий III в 1509 г. пишет указ не боярам и слугам, но «боярам и детям боярским и всем служилым людям» [8, с. 80]. Если ранее дети бояр, по преимуществу своему, были помещиками, т.е. владели землей, данной им в условное, поместное владение (и так было с незапамятных времен), а практика наделения участками дворцовой земли в поместье служилых людей принимает широкие размеры лишь при Иване III, когда с присоединением большей части уделов и обширных владений Великого Новгорода появилось большое количество земли, которую надо было оприходовать, то «боярином» уже зачастую именовался любой вотчинник. В актах по спорам крестьян с вотчинниками нередко встречаются обвинения в попытках «обоярить» [5, с. 29] государственную землю, т.е. в значении незаконно стать ее владельцем.

Таким образом, число вотчинников было весьма велико и большинство из них вовсе не принадлежало к знатым родам. К примеру, в это же время гарнизоны важных пограничных крепостей, посредством которых московское правительство отстаивало приобретенные южные области от татар, состояли из переведенных (с получением поместья) туда представителей низших служилых чинов, стрельцов, казаков и артиллерии: пушкарей и др., служивших за денежное жалование, под начальством сотников, голов и атаманов, назначенных из дворян или детей боярских [8, с. 92].

В событиях, имевших место в Полоцком повете, мы можем наблюдать аналогичные явления и процессы. После завоевания Полоцка под власть России автоматически переходят обширные земли всего Полоцкого повета, которые она поспешно пытается за собой закрепить. Еще сразу по взятии Полоцка, царем был отдан приказ провести срочную перепись населения и присягу всех местных жителей из города и окрестных земель [9, с. 72].

Освоение новоприсоединенных земель зачастую сопровождалось переселением местных владельцев в другие уезды Российского

государства. Такая тенденция активно развивается при Иване III, а укрепляется при Иване IV, что было связано с постоянным присоединением к Москве больших завоеванных территорий, которые поспешно надо было заселять для гаранта своей власти, и в которых со временем стали доминировать пришлые служилые роды. Напомним, что после подчинения Великого Новгорода, Иван III менял местами новгородских и московских помещиков: всех новгородских помещиков переселил в Москву, а их земли приказал раздать московским помещикам. К середине XVI в. и в Вязьме, и в Торопце [6, с. 222] также доминировали пришлые московские служилые роды. В нашем случае, мы имеем дело не с московскими помещиками, а с землевладельцами Новгородских пятин и Невельского уезда, а также с представителями служилых казаков. Те помещики, которые имели поместья в Невеле, определенно при пополнении их окладов были переселены в Полоцкий повет, т.к. размеры нововыданных поместий в разы превышали прежние. 369 казаков прибора М.Л. Мусурского получили двory в городе Нещерде, а в окрестностях города им были предоставлены участки для огородов [11, л. 62–64]. Поместья, оставшиеся за шляхтой ВКЛ, перешедшими на службу Москвы, помечены как за «панамы», а о том, что стало с бывшими помещиками Полоцкой земли, которым пришлось покинуть свои владения, мы, опять же, можем лишь догадываться, имея в виду то, что захваченные в плен жители города были уведены в Москву.

Теперь же перейдем непосредственно к попытке описать картину землевладения в Полоцком повете с помощью цифровых значений.

Начнем со старых поместий. Из 115 помещиков, за которыми были закреплены поместья в Полоцком повете, 55 до этого владели поместьями в Невеле, и 18 человек были себежскими землевладельцами. Площадь занимаемых старыми поместьями земель равнялась 4520 четьи = 22,6 кв. км; на Невель приходилось 2920 четьи = 14,6 кв. км, а на Себеж – 1600 четьи = 8 кв. км. Соответственно средние размеры поместий невеликих и себежских различались: 53 четьи = 0,2 кв. км в Невеле, 88,9 четьи = 0,4 кв. км на Себеже. Изучив данные, приведенные в таблице, мы видим, что количество оклада в Полоцком повете зависело от размера поместья, которым служилый человек владел в Невеле:

16 четьи в Невеле – оклад в 100 четьи в Полоцком повете;

32 четьи – оклад 200 четьи;

от 41 до 49 четьи – оклад 250 четьи;

- 51 четьи – оклад 300 четьи;
- 65 четьи – оклад 400 четьи;
- 64 четьи – оклад 500 четьи;
- 132 четьи – оклад 1000 четьи.

Вывод может быть таков: помещики получили земли в пополнение их невелиских окладов при переселении в Полоцкий повет в 1570 г., но и после испомещения на полоцких землях их поместная дача зачастую не достигла и половины оклада, что видно из таблицы.

По данным, которыми мы располагаем, 147 человек служилых людей были наделены 156 поместьями. Наибольшее количество поместий – 3 (по поместью в трех волостях), были закреплены за 5 помещиками: С.О. Болотниковым, Т.Г. Болтиным, Е.М. Борисовым, Жюковым, Свистуновым; но распределены они были между 16 человеками: 4 человека Свистуновых и их племянник, 4 человека Жюковых, Е.М. Борисов получил поместье вместе с сыном, С.О. Болотников с двумя сыновьями и племянником. По поместью в двух волостях получил 31 человек из 147.

Проблема заключается в том, что за отсутствием некоторых частей писцовых книг, много таких помещиков, за которыми числится земля в нескольких волостях, а мы имеем на руках описание только одного из выданных ему поместий. К примеру, в книгах 7 помещиков (И.Ф. Бабаев, В.П. Большой, Ф.И. Долгий, Т.О. Жданов, Ш. Недюрев, Ф.И. Обашев, Н.И. Скворцов), оклады которых были выписаны в волостях, описаний поместий которых мы не имеем, т.е. информация по поместьям отсутствует, что влияет на цифры, которые мы хотим представить как количество в целом розданных в Полоцком повете земель.

Теперь же попытаемся выявить систему, которой руководствовало правительство при наделении помещиков землей. Здесь возникает вопрос: почему новгородские дети боярские, получавшие поместья на полоцких землях по статьям Бежецкой и Обонежской пятин и являвшиеся владельцами поместий в Себеже, находящемся от Новгорода на расстоянии 300 км, получали поместья в волостях Полоцкого повета, примыкавших к Невельскому уезду (от Невеля до Себежа 100 км); а невелиские помещики наоборот, получали поместья в Нищенской и Непоротовской волостях, которые граничили с Себежем? (См. таблицу в приложении).

Из таблицы и рисунка мы видим, насколько точно локализованы поместья всех невелиских помещиков, выданные им только

в Нищенской, Непоротовской, Межевской и большей части Нещердской волостях. А на Усвяте, в Озерище, которые примыкают к Невельскому уезду, получили поместья только себежские помещики. Казаки же получили поместья не на границах повета, чтобы защищать приграничье, а в самом его сердце, в волостях Неведерская-Кубок, Дрысецкая, Турунтовская, находящимся между владениями себежских и невелиских помещиков.

Поместья в додачу к окладам невелиским помещикам были розданы в 1570 г. (т.е. раньше, чем новгородцам) на завоеванной и укрепленной земле Полоцкого повета. Для этого были выбраны волости, граничащие с Себежем, и, скорее всего, не случайно (возможно, что Иван IV еще при разработке плана наступления на территорию Литвы и взятия Полоцка строил планы относительно распределения полоцких земель). На это могли повлиять настроения себежских землевладельцев, которые не внушали особого доверия царской власти и создавали шаткую ситуацию на военно-стратегически важной территории в борьбе за Ливонию. Ведь отношения с приграничными землевладельцами были сложными. Надо сказать, что переселение в этот район невелиских помещиков после оправдало себя – к 1575 г. одними из главных пунктов опричнины на литовско-ливонской границе станут города Себеж, Опочка и Красное [12, с. 42–43].

В 1571 г. прошли раздачи поместий в Полоцком повете новгородцам. Как уже было отмечено, они владели себежскими поместьями, но получили земли в приграничье Невеля. Такие земельные перетасовки были непосредственно связаны с проводимой государем политикой опричнины (1565–1572 гг.). В 1571 г. Иван IV приказал забрать в опричнину «торговую» сторону Новгорода и две пятинны – Бежецкую и Обонежскую. Помещики последних, не попавшие в число опричников, были выселены в пограничные с Литвой Себеж, Нещерду, Озерище и Усвят. Таким образом, Иван IV проводил продуманную и идеологическую политику, изолируя противников царской опричнины и окружив их своими сторонниками.

Вторым моментом земельной государственной политики, связанным с централизаторскими стремлениями власти, была борьба с вотчинниками и возможным последующим сепаратизмом. Власть была заинтересована в том, чтобы помещик не собирал много земель в большое земельное владение, и тем самым не мог превратиться в потенциальных вотчинников, с которыми государству труднее было бы справиться, ведь фактически поместье переходило по наследству, служили-то все члены рода.

В доказательство этого предположения можно привести и тот факт, что многим из помещиков давали несколько поместий внутри Полоцкого повета (чтобы добрать оклад) в нескольких волостях, которые были расположены в отдалении друг от друга. Некоторые из поместий находились в граничащих волостях, а некоторые – нет. Возможно, действительно, при раздаче внутри повета руководствовались тем, чтобы всем хватило при наименее возможных недодачах в оклады. К примеру, Мормылеву, невельскому помещику, дали два поместья: в Нещердской волости 2 деревни и пашни на 20 четьи, и в Межевской волости 2 пустоши и пашни на 16 четьи; эти волости граничат друг с другом. А невельскому помещику Коромолину выдали 2 поместья в Межевской и в Турунтовской волостях, между которыми находится огромная Нещердская волость.

Как видим, одному землевладельцу определяли несколько поместий, каждое из которых локализовалось в разных волостях повета, вместо того, чтобы наделить одним крупным поместьем в одной волости. Но здесь, конечно, могла сыграть определенную роль и ситуативная неразбериха – поместные дачи давались не сразу все, а постепенно, по мере новых заслуг и освобождения земельного фонда. К сожалению, этого проследить мы не можем, т.к. в писцовых книгах не указываются заслуги служилых людей и их карьерный рост.

Также причиной этому могла быть специфика пограничного региона, где имели место постоянные войны, которые замедляли процесс закрепощения крестьянства, по сравнению с центральными районами государства. Они мешали землевладельцам быстро усиливать эксплуатацию крестьян и переводить их в крепостное состояние, поскольку в этом случае возрастала вероятность бегства их за границу. А отток населения в связи с долгой Ливонской войной был очень даже значительным, и рисковать в таких условиях было нельзя. Поэтому правительство могло выдать помещикам земли в отдаленных друг от друга местах, чтобы предотвратить возможное усиление их власти над крестьянством.

Поместные оклады, которые можно обозначать как своеобразные причины наделения служилых людей поместьями, мы имеем в количестве 5 родов:

1) Дворяне 1-ой статьи (Бежецкой и Обонежской пятин), оклад которых равнялся 500 четьи и был самым большим, получили его 9 человек.

2) Дворяне 2-ой статьи (Бежецкой и Обонежской пятин) оклад в 450 четьи, достался 16 человекам.

3) Дворяне 3-ей статьи (Бежецкой и Обонежской пятин) оклад в 400 четьи, который получили 2 человека.

Все эти дворяне владели себежскими поместьями, размеры которых не зависят от номера статьи и количества полученного оклада в Полоцке, из чего можно заключить, что новгородские дети боярские распределялись по статьям определенно не в соответствии с размерами их старых поместий, а по каким-либо другим причинам. Возможно, на это влияла занимаемая ступенька в иерархии служилых людей, либо какие-либо заслуги на полях сражений.

4) Казацкие сотники, в количестве 5 человек, наделялись окладом в 100 четьи.

5) Казацкие пятидесятники (12 человек), которые были по рангу ниже сотников, и наделялись более мелкими поместьями – в 40 четьи.

Если сравнить количество окладов в Полоцком повете с московскими окладами 1550 г. – разница существенная. Максимально возможное количество оклада по 1-ой статье – 300 четьи; по 2-ой – 200 четьи; 3-я статья – 100 четьи. При Федоре Ивановиче по заключению 1587 г. для всех московских дворян установлен был одинаковый размер подмосковных поместных дач в 300 четьи [8, с. 90]. Такую существенную разницу можно объяснить несколькими причинами: престижем земель – в Полоцкий повет правительство пыталось привлечь помещиков, которые обеспечивали бы на полоцкой земле господство России, в том числе и своим присутствием там, возможностью защитить новоприобретенную приграничную землю.

И вторая возможная причина, которая упоминалась после установления прямой зависимости размеров Невельских поместий и выданных окладов в Полоцком повете. В Невельском уезде, Себежской и Обонежской пятинах многие дети боярские, с окладами от 100 до 400 четьи владели лишь небольшими именьями от 16 до 85 четьи. Они получили земли в пополнение их окладов при переселении в Полоцкий уезд в 1570 г.

Таким образом, мы видим, что правительство было заинтересовано в раздаче земель Полоцкого повета в поместное землевладение, чтобы выполнить свои обязательства относительно наделения окладами служилых людей и обеспечить безопасность границ.

Каковы же качественные и количественные характеристики окладов и раздач? В первую очередь раздавались пашни, которые имеют наибольшую ценность как обработанные земли. Затем при-

писывался перелог, который не менее ценен для земледелия как элемент трехпольной системы, используемой в то время. В книгах указывается площадь только одного пашенного и переложного поля, но имеется ввиду такое же количество земель в двух других полях «а в дву потомуж...». В результате 147 человекам было роздано 12411 четьи земель в одном поле, а в трех полях 37233 четьи = 186,165 кв. км. Следовательно, в среднем на 1 человека пришлось 1,2 кв. км = 120 га пахотной земли в трех полях, когда оклады составляли от 120 четьи (40 четьи в одном поле) = 0,6 кв. км до 1500 четьи (500 четьи в одном поле) = 3,75 кв. км. Поэтому, вследствие недостатка культурной земли, правительство наделяло детей боярских в счет недостающей пашенной земли («и не доидет в его оклад пашенные земли перелогу...») лесом («а дано ему против пашенные земли лесу пашенного...»). Было роздано 9473,5 десятин = 9,4735 кв. км пашенного леса и «непашенного» леса 1147,5 десятин = 11,475 кв. км, и смешанного пашенного и непашенного леса в сумме длин на 542 версты, и поперек на 234,5 верст. К примеру, во исполнение указа 1550 г. подмосковных поместий было роздано до 180000 десятин = 3600 кв. км пахотной земли на 1078 человек [8, с. 89], т.е. примерно 3,4 кв. км на человека, когда оклады их были значительно меньше полоцких. Скорее всего, это можно объяснить лишь территориально ограниченными возможностями правительства в Полоцком повете.

На розданных в поместья землях Полоцкого повета располагалось 979 населенных пунктов разного типа: 448 деревень и починков, и 531 селище с пустошами. Число покинутых людьми деревень и сел, т.е. селищ и пустошей, превышает количество «жилых» населенных пунктов, на 467 дворов которых приходится лишь 428 человек, отсюда как минимум 39 дворов остаются пустыми. Поэтому активно применяется пашня наездом, в которой могла быть задействована и целая волость, а обычно кто-нибудь пахал все наиболее близко лежащие к его двору пункты. Причиной обезлюденности земель была война, о чем говорит и автор писцовых книг: «люди разбежались для войны литовских людей бить...» [11, л. 13 об.].

Итоги по поместному землевладению: по 156 актам на имена 115 землевладельцев, в 11 волостях Полоцкого повета поместья получили 147 человек, общим фондом на 186,165 кв. км пахотной земли, леса пригодного и непригодного для пашни 20,9485 кв. км, и суммарное количество леса в длину и поперек 542 на 234 версты.

По обозначенным окладам предполагалось раздать 32451 четьи, но план был реализован частично – сумма недодач 11465 четьи примерно равна 1/3 от запланированного количества земель в окладах.

Теперь вкратце остановимся на церковном землевладении, т.к. в писцовых книгах содержатся 6 актов о наделении духовенства землями.

В 5 волостях Полоцкого повета: Нещерде, Усвяте, Непоротовской, Нищенской и Покровской, духовенству 6 церквей было роздано 35 населенных пунктов, с общим количеством пахотной земли на 371 четь = 1,855 кв. км, всего леса пригодного для пашни и непашенного 256 десятин = 2,56 кв. км. Точное число землевладельцев мы назвать не можем, потому как иногда они точно не указываются, зачастую деревни обозначаются просто как церковные [11, л. 310].

Такие незначительные церковные приобретения наверняка объясняются тем, что власть была заинтересована в повышенной милитаризованности региона, чтобы преимущественно его занимал военно-служилый контингент.

Также среди землевладельцев Полоцкого повета, наделенных землей, упоминаются посадские черные люди [11, л. 92]. В волости Озерище им была роздана 41 нива на 268 четьи = 1,34 кв. км земли, а на Усвяте было отделено 38 «посадских нив черных людей» [11, л. 137], общей площадью в 332 четьи = 1,66 кв. км. В целом было роздано 79 нив черным людям площадью в 600 четьи = 3 кв. км.

В розданных волостях Полоцкого повета, на 1563–1579 гг., имелось 3 вида землевладения: поместное, церковное и посадское. Доли двух последних по сравнению с поместным землевладением были минимальны – 96,8% земельного фонда этих волостей принадлежало помещикам – служилым людям русского войска.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России: Т. 1–5. – СПб.: Тип. II отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1846–1853. – Т. V: 1633–1699. – 1853. – 324 с.
2. Александров, Д.Н. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII–XVI веках / Д.Н. Александров, Д.М. Володихин. – М.: Аванта+, 1994. – 125 с.
3. Голенченко, Г.Я. Реестр книг Метрики Великого княжества Литовского 1623 г. / Г.Я. Голенченко // Исследования по истории Литовской Метрики: сборник научных трудов в 2 частях. – Ч. 2. – М.: Институт истории СССР, 1989(1990). – С. 341–356.
4. Книга Посольская Метрики Великого княжества Литовского. – Ч. 1. – М., 1843., Приложения, № 3. – С. 393–414.

5. Кобрин, В.Б. Власть и собственность в средневековой России / В.Б. Кобрин. – М. : Мысль, 1985. – 279 с.
6. Кром, М.М. Меж Русью и Литвой (западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI вв.) / М.М. Кром. – М. : Археографический центр, 1995. – 222 с.
7. Оглоблин, Н.Н. Карта Полоцкого повета и объяснительная записка к ней / Н.Н. Оглоблин // Сборник Археологического института. – СПб. : Типография Правительствующего Сената, 1880. – Кн. 3–4. Отд. II. – С. 3–53.
8. Павлов-Сильванский, Н.П. Государевы служилые люди / Н.П. Павлов-Сильванский. – М. : Крафт, 2001. – 293 с.
9. Петров, К.В. Книга Полоцкого похода 1563 г. Исследование и текст. / К.В. Петров. – СПб. : Изд. РНБ, 2004. – 72 с.
10. Полное собрание русских летописей: Т. 1–41. – М. : Наука, 1962–1995. – Т. 13: Патриаршая или Никоновская летопись. – М. : Наука, 1965. – V, 532 с.
11. Российский Государственный Архив древних актов. – Фонд № 389 (Литовская метрика). – Ед. хр. № 573. – 394 с.
12. Садилов, П.А. Очерки по истории опричнины / П.А. Садилов. – М.–Л. : Изд. АН СССР, 1950. – 592 с.
13. Хорошкевич, А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. / А.Л. Хорошкевич. – М. : Древлехранилище, 2003. – 335 с.

Приложение

Динамика раздачи поместий в Полоцком повете

Волость	Поместий невельских помещиков	Поместий себежских помещиков	Поместий казаков
Дрысецкая волость			8
Межевская волость	7		
Неведерская-Кубок			1
Неведринская волость	3		1
Непоротовская волость	5		
Нещерда	10	4	
Нищенская волость	14		
Покровская волость	12		4
Озерище	1	10	
Турунтовская волость	3		5
Усвят		4	

ПРАВАСЛАЎНЫЯ ЦЭРКВЫ І МАНАСТЫРЫ ГОРАДА ПОЛАЦКА (да 1582 г.)

Вывучэнне гісторыі царквы на беларускіх землях апошнім часам дасягнула прыкметных поспехаў. Лічба публікацый стала расце, паступова пашыраецца і праблематыка даследаванняў. Тым не менш кола праблем, якія патрабуюць самага ўважлівага разгляду, застаецца ўсё яшчэ вельмі шырокім. Да ліку такіх праблем належаць і дачыненні па колькасці прыходскіх цэркваў і манастыроў, якія існавалі ў тым ці іншым рэгіёне Беларусі ў той ці іншы гістарычны перыяд. Здавалася б, менавіта гэтыя факты трэба было высветліць у першую чаргу. Толькі потым, абапіраючыся на іх, можна рабіць падмацаваныя фактамі высновы ў самых розных галінах даследаванняў: ад самых разнастайных падлікаў да праблем рэлігійнасці. Аднак даводзіцца канстатаваць, што ў многіх выпадках не зроблены нават гэтыя, самыя першыя крокі. У якасці аб'екта падобнага кшталту даследаванняў абраны горад Полацк, які на працягу стагоддзяў з'яўляўся самым буйным рэлігійным цэнтрам Беларусі.

Спробы скласці спісы полацкіх праваслаўных цэркваў і манастыроў ужо рабіліся ў літаратуры¹, аднак большасць іх ужо састарэла, а іншыя патрабуюць удакладнення. Вельмі важным падаецца не толькі складанне такіх спісаў, але і забеспячэнне іх навукова-даведачным апаратам, бо старыя спісы такога апарату, як правіла, не маюць. Складанне спіса праваслаўных цэркваў і манастыроў горада Полацка, заснаванага на сведчаннях максімальна шырокага кола крыніц, і з'яўляецца задачай гэтага даследавання.

¹ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). Т. 1 / Подг. к печ. И.И. Григорович. Санкт-Петербург, 1846. Примечания. С. 7–8; Грыгаровіч І.І. Беларуская іерархія. Мінск, 1992. С. 87–97; Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. Санкт-Петербург, 1855. С. 105–106; [Говорский К.А.] Документы, служащие материалом для истории белорусской церкви // Вестник Юго-Западной и Западной России. 1862. Октябрь. Т. 2 (Кн. 4). С. 13–14; Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Санкт-Петербург, 1877. Стб. 504, 506–507; Сапунов А.П. Витебская старина (далее – ВС). Т. 1. Витебск, 1883. № 174. С. 543–545; Дэйніс І.П. Полацкая даўніна. Мінск, 2007. С. 142–150; Тарасаў С.В. Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія. Мінск, 1998. С. 171–176; Варонін В. Рэцэнзія на: Тарасаў С.В. Ук. сач. // Беларускі Гістарычны Агляд. 2000. Сш. 1 (12). С. 253.

Праца над тэмай натыкаецца на шэраг цяжнасцей. Для самага старажытнага перыяда галоўнай з іх з'яўляецца недахоп крыніц. Гэта сітуацыя, аднак, не з'яўляецца унікальнай толькі для Полацка, яна ўласцівая для ўсіх гарадоў старажытнай Беларусі, ды і не толькі Беларусі. Становішча мяняецца толькі са з'яўленнем масавых пісьмовых крыніц, гэта значыць з пятнаццатага ці хутчэй нават з шаснаццатага стагоддзя. Крыніцы XVI ст. ужо дастаткова шматлікія і рэпрэзентатыўныя, і для гэтага часу мы ўжо, бадай, не можам скардзіцца на недахоп крыніц. Падаецца, яны дастаткова поўна адлюстроўваюць сітуацыю. Мы валодаем, у прыватнасці, досыць шматлікімі актавымі матэрыяламі, якія паходзяць пераважна з Метрыкі Вялікага княства Літоўскага. Сярод публікацый актаў трэба асабліва адзначыць збор полацкіх грамат Г.Л. Харашкевіч², а таксама комплекс полацкіх і віцебскіх дакументаў 30-х гадоў XVI ст., які складае 16-ю кнігу Метрыкі³. Апрача таго, мы маем належным чынам яшчэ не ацэненую і не вывучаную рэвізію Полацкага ваяводства 1552 г.,⁴ у якой ёсць апісанне ў тым ліку царкоўных маёнткаў, а таксама спецыяльнае апісанне зямель полацкай праваслаўнай царквы рэвізорамі 1580 г.,⁵ якое, праўда, абавіраецца на звесткі той жа рэвізіі 1552 года. Істотнае значэнне мае таксама інвентар маёмасці полацкай архіепархіі (на той час ужо уніяцкай) 1618 г., у якім змешчаны пералік цэркваў і манастыроў⁶.

У артыкуле прадстаўлены матэрыялы ад самых першых сведчанняў пра існаванне хрысціянскіх храмаў у Полацку і да 1582 года. Верхняя храналагічная мяжа абумоўлена выданнем 20 студзеня 1582 г. каралём Стэфанам Баторыем прывілея, згодна з якім уся нерухомая маёмасць полацкіх праваслаўных цэркваў і манастыроў (за выключэннем зямель, якія належалі архіепіскапіі) была перададзена мясцоваму езуіцкаму калегіуму⁷. Як ужо неаднойчы адзначалася

² Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. / Подг. к печ. А.Л. Хорошкевич (далее – ПГ). Вып. 1–3. Москва, 1977–1980.

³ Беларускі архіў (далее – БА). Т. 2 / Падрыхт. Д.І. Даўгяля. Менск, 1928.

⁴ Полоцкая ревизия 1552 года / Подг. к изд. И.И. Лаппо (далее – ПР 1552 года). Москва, 1905.

⁵ Описание полоцких владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 года / Подг. к изд. И.И. Лаппо (далее – Описание ... 1580 года). Москва, 1907.

⁶ Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской (далее – ИЮМ). Вып. 2 / Сост. и ред. А.М. Сазонов. Витебск, 1871. С. 321–322.

⁷ ВС. Т. 5. Витебск, 1888. № 49. С. 69–75; Прибавления. № X. С. 535–540.

ў літаратуры, гэта быў процізаконны акт, які парушаў і ранейшае заканадаўства Вялікага княства Літоўскага (у прыватнасці, абласны прывілей Полацкай зямлі), і прывілеі самога Стэфана Баторыя. Зразумела, што азначаны год з'яўляецца да пэўнай ступені ўмоўнай граніцай. Маёмасць праваслаўных цэркваў і манастыроў далёка не адразу перайшла да езуітаў. Так, яшчэ ў 1585 г. Касмадзям'янскі манастыр па-ранейшаму валодаў сялом Дзевіца разам з сялянамі, але крыніцы ўжо адзначаюць: «тых езуиты заходять»⁸. Тым не менш рашэнне Стэфана Баторыя паступова ўвасаблялася ў жыццё, што стала для праваслаўных цэркваў і асабліва манастыроў вельмі балючым, а для некаторых смяротным ударам. Пазбаўленыя сродкаў для існавання, яны хутка прыходзілі ў заняпад. Гэта вельмі добра ілюструе інвентар 1618 г.: нават такія вядомыя манастыры, як Святога Юрыя “ў полі за месам” і Іаана Прадцечы на Востраве ператварыліся ў звычайныя цэрквы. Аднак усё ж трэба памятаць, што многія полацкія святыні пацярпелі яшчэ ў час Інфлянцкай вайны. Сам прывілей 1582 г. называе толькі 7 манастыроў і 8 цэркваў – намнога менш, чым было да вайны.

Зразумела, што прадстаўлены ніжэй спіс цэркваў не можа прэзентаваць на абсалютную паўнату. Частка храмаў не трапіла на старонкі вядомых на сённяшні дзень дакументаў. Тым не менш наўрадці такіх цэркваў было шмат. Выглядае на тое, што мы ведаем усе найбольш значныя гарадскія храмы, і ў любым выпадку агульная колькасць гэтых храмаў не магла ў разы перавышаць лічбу цэркваў, зафіксаваных у пісьмовых крыніцах. Так, з агульнай колькасці 26 вядомых нам полацкіх храмаў аднаразова ў крыніцах згаданы ўсяго 4 царквы (15%). Калі дапусціць, што такія самы працэнт цэркваў не трапіў на старонкі дакументаў, атрымліваем выніковую лічбу 30. Такім чынам, прыведзеныя ніжэй фактычныя даныя, а таксама падлікі дазваляюць сцвярджаць, што ў сярэдзіне XVI ст. у Полацку было трыццаць ці, магчыма, нават крыху больш праваслаўных храмаў. Падобныя ж лічбы даюць звесткі па гарадах, параўнальных з Полацкам. Немец Паўль Одэрборн, які наведваў Вільню і Полацк у 1581 г., паведамляе, што ў Вільні на той момант налічвалася каля 30 праваслаўных цэркваў – праўда, калі верыць гэтаму аўтару, у адрозненні ад Полацка, амаль усе яны былі мураванымі⁹. Гісторыкі

⁸ Варонін В.А. Рэстр путных баяр Полацкага ваяводства 1585 года. Мінск, 2009. С. 32.

⁹ Одэрборн П. Праўдзівы і грунтоўны аповед пра веру русаў // Беларускі Гістарычны Агляд. 2005. Сш. 1–2 (22–23). С. 172.

XIX ст. атрымалі крыху іншыя лічбы: у XVI ст. у Вільні было дваццаць праваслаўных цэркваў і тры манастыры (у канцы стагоддзя іх было ўжо пяць)¹⁰. З паслання Андрэя Курбскага да цара Івана Грознага вядома, што пад час аблогі Віцебска маскоўскімі ваяводамі ў 1562 г. тут на адных толькі пасадах згарэла 24 царквы¹¹. Маскоўскія летапісцы паведамляюць, што тады былі спалены ўсе віцебскія пасады¹². У такім выпадку ў горадзе Віцебску (на пасадах і ў двух замках) налічвалася, відаць, нешта каля трыццаці храмаў. Нарэшце, згодна з дадзенымі І.К. Лабуцінай, у Пскове на пачатку XVI ст. налічвалася 39 цэркваў¹³.

Цэрквы аб'ядноўвалі вакол сябе цэлыя вуліцы, арганізаваныя на штат абшчын. Кожная вуліца будавала сабе храм. Такім чынам, вуліцы адпавядалі яшчэ і царкоўным прыходам¹⁴ і нярэдка атрымлівалі свае назвы ад цэркваў. Гэты звычай, шырока распаўсюджаны ў гарадах сярэднявечнай Русі (ды і, бадай, усёй Еўропы), зафіксаваны ў XVI стагоддзі і ў Полацку. Захаваўся ён і ў пазнейшыя часы¹⁵. Храмы давалі назвы не толькі вуліцам, але і цэлым гарадскім раёнам. Так, Экіманскі пасад атрымаў сваю назву ад Экіманскай царквы.

Размяшчэнне цэркваў па раёнах горада выглядае наступным чынам. У замку знаходзілася 8 храмаў, на Вялікім пасадзе – 11(+1?), у Запалоцці – 3, на Экіманскім пасадзе – 1. Месцазнаходжанне яшчэ 2 цэркваў высветліць не ўдалося. Звяртае на сябе ўвагу вялікая канцэнтрацыя цэркваў у замку.

У спісе ўказаны таксама матэрыял, з якога пабудаваны храмы – зразумела, толькі ў тых выпадках, калі мы маем адпаведныя дакументальныя ўказанні. Пераважная большасць полацкіх цэркваў была

¹⁰ Памятники русской старины в западных губерниях империи. Вып. 5 / Изд. П.Н. Багюшков. Санкт-Петербург, 1872. С. 81–84.

¹¹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подг. текста Я.С. Лурье и Ю.Д. Рыкова. Москва, 1981. С. 108, 170.

¹² Лебедевская летопись: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 29. Москва, 1965. С. 298–299 («царя и великого князя боярин и воевода князь Ондреи Михайловичь Курбьской с товарищи ... посады у города у Витебска все пожгли»).

¹³ Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. Москва, 1985. С. 194–196, 197, 229.

¹⁴ Папков А.А. Древнерусский приход // Богословский вестник. 1897. Февраль. Отд. 2. С. 256.

¹⁵ Гл.: Актавая кніга полацкага магістрата 1650 г.: Зборнік дакументаў / Склаў і падрыхт. да друку Ю.М. Гардзееў. Мінск, 2006. С. 239–244.

драўлянай. Гэта выразна адзначана ў інвентары 1618 г.,¹⁶ пра гэта ж пісаў згаданы вышэй П. Одэрборн¹⁷. Ён адзначыў, сярод іншага, што на той момант у горадзе налічвалася ўсяго тры мураваных храма¹⁸. Гэта, канешне, не выключае таго, што драўляныя цэрквы маглі стаць на каменных падмурках.

На жаль, час заснавання большасці полацкіх цэркваў высветліць немагчыма. Выключэннем з'яўляецца хіба адзін толькі Сафійскі сабор, пабудаваны славытым Усяславам Полацкім у сярэдзіне XI ст. Л.В. Аляксееў нядаўна паспрабаваў удакладніць час стварэння помніка і прыйшоў да высновы, што Сафія была пабудавана ў 1062–1066 гг.¹⁹ Не пазней за XIV ст. быў заснаваны адзін з прыдзелаў Сафійскага сабора – Траецкі. Сярод яго ўкладчыкаў былі вялікія князі полацкія Андрэй (Альгердавіч), які кіраваў Полацкам у 1348–1377/1378 і 1381/1382–1387 гг., і Сямён (Лынгвень?). Траецкі прыдзел здаўна выконваў функцыі асобнай царквы, у якой быў свой святар. Так, у адным з запісаў XIV ст. забарона ўступацца ў падараваную храму маёмасць гучыць наступным чынам: «А хто имеет отнимати от Святое Троици, или вельможа, или попь имеет *продавати* [курсіў мой. – В.В.], да будет проклят в сиі векъ и въ будущи»²⁰. У XVI ст. Траецкі прыдзел называлі таксама дворнай царквой Святой Тройцы.

Існаванне двух прыдзелаў полацкай Сафіі (Траецкага і Ўсіх Святых) можа даць адказ на даўняе пытанне аб колькасці купалоў сабора. Па ўсёй верагоднасці, гэты крыжова-купальны храм першапачаткова меў пяць купалоў, і толькі з пабудовай двух прыдзелаў іх стала сем, што і зафіксаваў вядомы гісторыка-геаграфічны твор канца XIV ці пачатку XV ст. «Спіс рускіх гарадоў далёкіх і блізкіх»²¹.

У другой палове XIV ст. ужо існавала царква Святога Міколы ў замку, якой надаваў землі той жа Андрэй Полацкі.

У некаторых выпадках удаецца прасачыць сувязь цэркваў з пэўнымі сацыяльнымі групамі насельніцтва. Так, рэвізія 1552 г.

¹⁶ ИЮМ. Вып. 2. С. 321.

¹⁷ Одэрборн П. Праўдзівы і грунтоўны аповед пра веру русаў. С. 169.

¹⁸ Там жа. С. 182.

¹⁹ Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры: В 2-х кн. Кн. 2. Москва, 2006. С. 75–76, 84.

²⁰ ПГ. Вып. 1. № 28. С. 85.

²¹ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. 1952. Т. 40. С. 224.

паведамляе, што Пятніцкая царква – гэта “наданне ад даўніх часоў мяшчан полацкіх”.

Значна лепш за гісторыю цэркваў вывучана мінулае полацкіх манастыроў. Тым не менш і ў гэтым выпадку мы сутыкаемся з шэрагам дастаткова складаных праблем. Адною з іх з’яўляецца час зараджэння манастырскага жыцця на Полаччыне. Тут мы вымушаны абапірацца ці на легенды, ці, у лепшым выпадку, на адзінкавыя згадкі манастыроў у раннях пісьмовых крыніцах. Да легендарных сведчанняў трэба аднесці паведамленне старажытных скандынаўскіх саг аб заснаванні вікінгам Торвальдам Вандроўнікам недзе на Полаччыне на мяжы X–XI стст. манастыра ў гонар Іаана Хрысціцеля. Спробы звязаць гэты манастыр з манастыром Іаана Прадцечы на Востраве, які фіксуецца пісьмовымі крыніцамі XV–XVI стст., на сённяшні дзень можна кваліфікаваць толькі як гіпотэзу. У сваіх апошніх працах даследчыца гэтых сказанняў Т. Джаксан схіляецца да думкі, што заснаваны Торвальдам манастыр знаходзіўся недзе на Браслаўшчыне²². Больш надзейнымі з’яўляюцца звесткі жыцця Еўфрасінні Полацкай пра існаванне на пачатку XII ст. у Полацку ці ў яго ваколіцах жаночага манастыра. Аднак нават назва, а таксама далейшы лёс гэтай абіцелі нам невядомыя. Тым не менш мы можам канстатаваць сувязь гэтага манастыра, дзе ігуменнай была “княгіня Раманавая”, з мясцовай княскай сям’ёй.

З дзейнасцю полацкіх князёў было звязана заснаванне Барыс-глебскага манастыра на Бельчыцы, дзе, як лічыцца, знаходзілася загарадная рэзідэнцыя полацкіх князёў. Згодна з меркаваннем Л.В. Аляксеева, манастыр быў заснаваны на мяжы XI–XII стст. князем Барысам Усяславічам і першапачаткова быў адбудаваны з дрэва²³. Толькі пазней, у першай палове (магчыма, у першай чвэрці) XII ст. у ім з’явіліся мураваныя будынкі. Пляменніца Барыса і ўнучка Усяслава Брачыслававіча славутая Еўфрасіння Полацкая заснавала жаночы Спаса-Праабражэнскі манастыр (крыніцы найчасцей называюць яго Спаскім) і мужчынскі ў гонар Прасвятой Багародзіцы. Сярод іх першых манахаў было некалькі членаў полацкай княскай сям’і, а другой ігуменнай манастыра стала родная сястра Еўфрасінні Еўдакія.

²² Джаксон Т.Н. AUSTR Í GÖRÐUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. Москва, 2001. С. 136–140.

²³ Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. С. 50.

На падставе звестак жыцця Еўфрасінні Полацкай і іншых крыніц А. Мельнікаў выказаў гіпотэзу, згодна з якой Спаскі манастыр быў заснаваны Еўфрасінняй у 1126 г., а яго мураваны Спаскі храм пабудаваны ў 1133 г.²⁴ Той жа аўтар аднёс узнікненне манастыра Прасвятой Багародзіцы прыблізна да 1151 г., пабудову яго галоўнага мураванага храма да 1151–1154 гг., а яго асвячэнне да 1157 г.²⁵ Гэта версія, безумоўна, мае права на існаванне – як, зрэшты, і шэраг іншых, выказаных у літаратуры. Тым не менш, мы будзем прытрымлівацца больш шырокай даціроўкі заснавання манастыроў, якую дапускае жыцце святой: 20–50-я гг. XII ст. Згодна з жыццём, першым быў заснаваны Спаскі манастыр, а потым Багародзіцкі. Аднак Багародзіцкая абіцель узнікла не пазней за 1158 г., калі ў Полацку згадваецца царква Прасвятой Багародзіцы “старая”. Даследчыкі пытання неаднакроць заўважалі, што “новая” Багародзіца, якая ў такім выпадку павінна была існаваць у Полацку, – гэта і ёсць Багародзіцкі манастыр. Іх логіку цяжка аспрэчваць.

На сённяшні дзень, аднак, застаецца нявысветленым шэраг прынцыпова важных пытанняў, звязаных з гісторыяй заснаваных Еўфрасінняй манастыроў. Спаскі жаночы быў, бадай, самым вядомым з полацкіх манастыроў. Ён часта згадваецца ў гістарычных дакументах, а ад XVI ст. захавалася два апісанні яго зямельных уладанняў – у рэвізіях 1552 і 1580 гг. З іх вынікае, што Спаскі манастыр быў самым багатым полацкім манастыром, на землях якога жыло каля 300 “дымоў” сялян. Што ж датычыцца Багародзіцкага манастыра, дык ён згадваецца ў крыніцах вельмі рэдка, літаральна некалькі разоў. Прычым у гэтых рэдкіх дакументах мы не сустракаем згадак яго настаяцеляў. Адначасова ёсць некалькі вельмі выразных указанняў на шчыльную сувязь і нават адзінства Спаскага і Багародзіцкага манастыроў. Так, у загалюку жыцця Еўфрасінні Полацкай, які быў складзены, відаць, пазней за напісанне самага жыцця, чытаем: «Повесть жития ... Еуфросинии, игуменьи монастыря Святаго Спаса и Пречистыя Его Матере»²⁶. Нешта вельмі падобнае сустракаем у адным судовым запісе 1534 г., дзе гаворка ідзе аб

²⁴ Мельнікаў А.А. З неапублікаванай спадчыны. Мінск, 2005. С. 61, 72.

²⁵ Там жа. С. 7–980.

²⁶ Повесть жития и преставления святыя и блаженныя и преподобныя Еуфросинии, игуменьи монастыря Святаго Спаса и Пречистыя Его Матере, ижи в Полоцьске граде // Кніга жыцій і хаджэнняў / Уклад, прадм. і каментары А. Мельнікава. Мінск, 1994. С. 25.

«церквы Святога Спаса и Пречыстое Богоматери»²⁷. Акружны ліст караля Жыгімонта I Старога ад 29 красавіка 1539 г. зноў паведамляе пра наданне новай ігуменні Ульяне «ігуменства полоцкаго манастыра Святога Спаса и Пречыстое Богоматери»²⁸. Незразумела і тое, што ў дастаткова падрабязных і поўных апісаннях уладанняў полацкіх праваслаўных манастыроў мы не сустракаем апісання зямель Багародзіцкага манастыра – і гэта нягледзячы на тое, што манастыр дакладна меў зямельныя ўладанні²⁹.

Жыццё Еўфрасінні Полацкай выразна сведчыць, што святая за-снавала два манастыра: «Сама же блаженнаа Еуфросиния, положиши великое устроение обема манастырема, братии и сестрам...». Аднак з самага пачатку абодвума гэтымі манастырамі кіравалі спаскія ігуменні – спачатку сама Еўфрасіння, а потым Еўдакія. Жыццё паведамляе пра тое, што перад паломніцтвам у Святую Зямлю Еўфрасіння «даст дрэжати и рядити сестре своей Евдокеи оба манастыря». У дадатак да гэтага, манастыры знаходзіліся, відаць, зусім побач³⁰. Напрыклад, у дакуменце 1497 г. мы знаходзім згадку пра двор «подле церкви Пречистое Богоматери въ Полоцку, близко двора игуменина»³¹. Падвор'е ж ігуменні Спасакага манастыра знаходзілася, відавочна, на тэрыторыі самога манастыра. Названыя акалічнасці, відаць, і паспрыялі таму, што з цягам часу два манастыра фактычна ператварыліся ў адзін, які часцей за ўсё абазначалі як Спаскі. Прынамсі для шаснаццатага стагоддзя пра гэта можна гаварыць дастаткова ўпэўнена.

Манастыр Святога Пятра ў замку існаваў ужо ў другой палове XIV ст. У рэвізіях 1552 і 1580 гг. яго ўкладчыкам названы вялікі князь полацкі Міхаіл (сын Андрэя Альгердавіча?), полацкія ж князі тытулавалі сябе вялікімі толькі ў другой палове XIV ст. У сярэдзіне – другой палове XVI ст. гэты манастыр пачалі называць таксама Петрапаўлаўскім. Не выключана, што карэктыроўка назвы была нейкім чынам звязана са зменай статуса манастыра ў час

²⁷ БА. Т. 2. № 354. С. 252.

²⁸ Расійскі дзяржаўны архіў старажытных актаў (далей – РДАСА). Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 20. Арк. 275.

²⁹ Гл.: Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska. Kn. 9 (1511–1518) / Parengė K. Pietkiewicz. Vilnius, 2002. Nr 599. P. 331.

³⁰ Такая гіпотэза ўжо выказвалася ў літаратуры: Без-Корнилович М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. С. 105.

³¹ Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1 / Подг. к изд. Ф.И. Леонтович. Варшава, 1896. № 359. С. 141.

Інфлянцкай вайны. Так, грамата Стэфана Баторыя 1582 г. чамусьці адмыслова заўважае, што “манастыром Пятра і Паўла валодалі маскавіты” (*Moschi monasterium ss. Petri et Pauli habuerunt*).

У XV ст., апрача Праддечанскага манастыра, упершыню згадваюцца таксама манастыры Міколы на Лучне і Міхаіла на Гарадцы. Мікольскі манастыр знаходзіўся, відавочна, у раёне вёскі Лучна прыкладна за 12 кіламетраў на ўсход ад Полацка. Не так даўно была зроблена спроба выявіць яго рэшткі, аднак яна не прынесла чаканых вынікаў. Тым не менш на помніку Лучна-1 былі выяўлены багатыя археалагічныя матэрыялы канца X – пачатку XVI стст.³² Пры гэтым варта памятаць, што побач з манастырамі нярэдка размяшчаліся сёлы. Можна прывесці прыклады хаця б полацкага Спасакага манастыра ці Ануфрыеўскага манастыра на поўдзень ад Мсціслава, дзе такое спачатку безназоўнае сяло (сяльцо) з цягам часу магло стаць часткай традыцыйнай назвы абіцелі, а потым ператварыцца ў асобны населены пункт, які захоўваў за сабой назву Сяльцо, Сялец і г. д. Шчодрым укладчыкам у Мікольскі манастыр быў архіепіскап Сямён Наўгародзец, які займаў полацкую кафедру ў 40–50-я гг. XV ст. На высокі статус і, магчыма, старажытнасць Міхайлаўскага манастыра на Гарадцы ўказвае сан яго настояцеляў, якія былі архімандрытамі.

Ад XVI ст. да нас дайшлі першыя згадкі пра манастыр Святых Казьмы і Даміяна “у месце”, Уваскрасення Хрыстова ў замку і Святога Юрыя “у полі за месам”. Першы размяшчаўся, відавочна, на Вялікім пасадзе, а трэці крыху на ўсход ці паўночны ўсход ад Вялікага пасада – там, дзе ў XVII ст. знаходзілася Невельскае прадмесце.

Дадатковага высвятлення патрабуе факт існавання Пятніцкага і Узнясенскага манастыроў, вядомых нам фактычна толькі па згадках іх ігуменаў.

У апісаннях царкоўных зямель 1552 і 1580 гг. мы не знаходзім уладанняў гэтых манастыроў. Незразумела, чаму, па-першае, аказалася неапісанай маёмасць толькі гэтых манастыроў, а па-другое, калі яны не валодалі землямі, дык за кошт чаго існавалі? Ёсць некалькі магчымых адказаў на гэтыя пытанні. Сапраўды, у рэвізіях полацкіх царкоўных уладанняў няма апісанняў зямель

³² Клімаў М.В. Лучна-1: стратыграфія і храналогія феадальнай сядзібы // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 2003. С. 150–159.

Пятніцкага і Узнясенскага манастыроў, аднак ёсць апісанні зямель Пятніцкай і Узнясенскай цэркваў. Адначасова варта памятаць, што ігуменамі называлі не толькі настояцеляў манастыроў. Сан ігумена мог надавацца і прыходскаму святару – у тым выпадку, калі ён быў манахам. Такім чынам, адзінкавыя згадкі ігуменаў самі па сабе яшчэ не даказваюць факт існавання манастыра, што датычыцца ў першую чаргу Узнясенскага манастыра, бо яго ігумен згадваецца ў вядомых на сённяшні дзень крыніцах усяго адзін раз. У сувязі з гэтым Пятніцкі і Узнясенскі манастыры ўнесены ў спіс да пэўнай ступені умоўна – з улікам таго, што яны маглі быць ідэнтычнымі аднайменным цэрквам.

Згадку полацкага Траецкага манастыра мы знаходзім толькі ў спісе П.М. Строева. Пазней гэты спіс быў перадрукаваны А.П. Сапуновым. П.М. Строеў абапіраўся на згадку траецкага ігумена Сімона пад 1509 годам, аднак гістарычны дакумент – крыніцу гэтай сваёй інфармацыі – не падаў. Тым не менш, ведаючы кола крыніц, якімі звычайна карысталіся аўтары XIX ст., гэты дакумент, як здаецца, можна высветліць. У Правілах Віленскага сабора 1509 г. сярод яго ўдзельнікаў названы ігумен «троцкіі Пречыстыя Богоматэры Сімон» (у адной з копіяў – відавочна, памылкова, – «Троіцкіі Пречыстыя Богоматэры Сімон»)³³, які ўпісаны непасрэдна пасля архімандрыта полацкага манастыра Св. Міхаіла на Гарадцы Антонія. Строеў, па-першае, не разабраўся ў правільнай назве манастыра, а па-другое памылкова звязаў яго з Полацкам. Так у выніку непаразумення ў яго спісе і з'явіўся полацкі Траецкі манастыр, якога, відавочна, папросту не існавала.

Час і абставіны заснавання полацкіх манастыроў (за выключэннем Барысаглебскага і Спаскага-Багародзіцкага) дакладна невядомыя. Мы можам гаварыць толькі пра іх першыя згадкі ў пісьмовых крыніцах. Нават паведамленні рэвізіі 1552 і 1580 гг. пра тое, што той ці іншы манастыр ці царква з'яўляецца «наданнем» нейкай гістарычнай асобы, яшчэ не могуць быць надзейным доказам заснавання манастыра менавіта гэтым чалавекам. Так, напрыклад, у рэвізіях мы чытаем: «Манастырь Светыхъ Борыса Глеба на Бельчыцы, надане зямянь полоцких пановъ Корсаков всих». Аднак добра вядома, што Бельчыцкі манастыр быў заснаваны яшчэ ў XII ст. і таму шляхецкі род Корсакаў, пра які можна гаварыць

³³ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ). Т. 1 / Подг. к изд. И.И. Григорович. Санкт-Петербург, 1841. № 289. С. 525.

толькі з XV ст., не мог быць яго заснавальнікам. Іншая справа, што Корсакі маглі рабіць (і сапраўды рабілі) багатыя зямельныя падараванні гэтаму манастыру ці, напрыклад, аднавіць яго пасля разбурэння. Разбурэнне манастыроў, асабліва ў час войн, здаралася дастаткова часта. Дарэчы, некалі славыты Бельчыцкі манастыр у XVI ст. сапраўды знаходзіўся ў заняпадзе. Відаць, ён моцна пацярпеў у ходзе Інфлянцкай вайны, чаму ў прывілеі Стэфана Баторыя нават не згаданы.

Пэўную дапамогу ў высвятленні часу заснавання некаторых полацкіх храмаў і манастыроў могуць аказаць гістарычныя паралелі. Напрыклад, з гісторыі Пскова вядома, што асабліва актыўнае царкоўнае будаўніцтва разгарнулася там у 60–90-я гг. XIV ст.³⁴ Магчыма, аналагічныя працэсы адбываліся і ў Полацку. Пэўным доказам гэтаму можа служыць адразу некалькі ўказанняў на тое, што ўкладчыкамі ў манастыры і царквы былі полацкія князі Андрэй (Альгердавіч), Сямён і Міхаіл, якія кіравалі Полацкам менавіта ў другой палове XIV ст. Наўрадці гэта можа быць простым супадзеннем.

Месцазнаходжанне большасці манастыроў вядомае. На замку (з часоў Інфлянцкай вайны на Верхнім замку) размяшчаліся Пятроўскі і Увакрасенскі манастыры. На Вялікім пасадзе стаяў Касмадзямянскі манастыр. Усе астатнія аб'екты знаходзіліся па-за межамі горада. У бліжэйшых ваколіцах размяшчаліся Барысаглебскі, Прадцечанскі, Спаскі і Юр'еўскі манастыры. У далёкім наваколлі, на Лучне быў заснаваны Мікольскі манастыр. Канчаткова нявысветленым з'яўляецца месцазнаходжанне толькі Міхайлаўскага манастыра на Гарадцы. Традыцыйна, пачынаючы з К.А. Гаворскага лічыцца, што ён стаяў за Палатой, на невялікай адлегласці ад Запалоцкага пасада, на месцы могілак і царквы Св. Міхаіла Архангела. Рызыкаўна, аднак, абапірацца на адно толькі гэта сведчанне ці, хутчэй, проста здагадку аўтара XIX ст. – тым больш, што дасведчаны сучаснік Гаворскага М.В. Без-Карніловіч сумленна заўважыў адносна Міхайлаўскага манастыра: «где был, неизвестно».

У цэлым размяшчэнне большасці полацкіх манастыроў у горадзе і яго блізкіх ваколіцах адпавядае сітуацыі ў іншых гарадах. Так, з 36–38 манастыроў, якія існавалі на пачатку XVI ст. у Пскове і яго акрузе, 29 размяшчаліся ў горадзе і блізкай ваколіцы³⁵. Гэта

³⁴ Лабутіна И.К. Историческая топография Пскова в XIV–XV вв. С. 228.

³⁵ Там жа. С. 164–166, 169.

быццам бы супярэчыць сэнсу манастырскага жыцця, якое патрабуе адасобленасці, аднак трэба памятаць, што горад няўхільна рос і паступовапаглынаў навакольныя абіцелі. Нешта падобнае назіралася і ў Полацку, дзе Барысаглебскі, Праддечанскі і Спаскі манастыры ў сярэдзіне XVI ст. знаходзіліся ўжо фактычна ў гарадской рысе, а Юр'еўскі (і Міхайлаўскі Гарадзецкі?) аказаліся зусім блізка ад гарадскіх ускраін.

Пра тагачаснае манастырскае жыццё мы ведаем, на жаль, вельмі няшмат. Тым не менш можна сцвярджаць, што полацкія манастыры былі зусім невялікімі. Відаць, як і цэрквы, яны былі пераважна драўлянымі. Манахаў наўрадці было шмат. У самым багатым і вядомым полацкім манастыры – Спаскім жаночым – у 1570 годзе жыло 16 манахінь.

Цэрквы і манастыры расстаўлены ў спісе ў алфавітным парадку. Пададзены найважнейшыя звесткі з іх гісторыі са спасылкамі на першакрыніцы. Аўтар уключыў у спіс таксама імёны настояцеляў храмаў і манастыроў.

ЦЭРКВЫ

Афанасаўская на Вялікім пасадзе. Згадана ў 1533 г. (?)³⁶ і ў 1552 г.³⁷

Багародзіцкая “старая” у замку. Згадана ў 1107 г. (?)³⁸ і ў 1158 г.³⁹ У інвентары 1618 г. “старая драўляная царква Дабравешчання Прысвятой Багародзіцы” лакалізавана ў Верхнім замку⁴⁰.

Багаслоўская на Вялікім пасадзе. Згадана ў 1552 г.⁴¹

Багаяўленская на Вялікім пасадзе. Згадана ў пачатку XVI ст.⁴² і ў 1552 г.⁴³

Св. Васіля ў замку. Згадваецца ў 1500 г.: «дворъ въ замьку ... подле Светое Софеи, противъ Светого Василья»⁴⁴.

³⁶ БА. Т. 2. № 252. С. 181.

³⁷ ПР 1552 года. С. 15, 22.

³⁸ Тверская летопись [у:] ПСРЛ. Т. 15. Санкт-Петербург, 1863. Стб. 121.

³⁹ Ипатьевская летопись [у:] ПСРЛ. Т. 2. Санкт-Петербург, 1908. Стб. 495.

⁴⁰ ИЮМ. Вып. 2. С. 321.

⁴¹ ПР 1552 года. С. 6, 22.

⁴² Гранстрем Е.Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Ленинград, 1953. С. 44.

⁴³ ПР 1552 года. С. 21.

⁴⁴ Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. 27 / Подг. к публ. И.И. Лаппо. Санкт-Петербург, 1910. Стб. 802.

Св. Василя «у месце» на адным з пасадаў. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.⁴⁵ і 1580 г.⁴⁶ Згадваецца ў 1582 г. (templum s. Basilii in civitate)⁴⁷.

Дабравешчанская «у месце» на Вялікім пасадзе. Згадана ў 1534 г.⁴⁸ Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.⁴⁹ і 1580 г.⁵⁰ Згадана ў 1582 г. (templum in civitate Annunciationis)⁵¹.

Святары:

Андрэй, згаданы ў 1534 г.

Сямён, згаданы ў 1553 г.⁵²

Св. Дзмітрыя «у замку». Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.⁵³ і 1580 г.⁵⁴ Згадана ў 1582 г. (templum s. Demetrii in arce)⁵⁵.

Святар Андрэй, згаданы ў 1553 г.⁵⁶

Св. Духа (Сашэсця Св. Духа) на Запалоцкім пасадзе. Згадваецца ў 1504 г.⁵⁷ і 1552 г.⁵⁸ Драўляная⁵⁹.

Екіманская на Экіманскім пасадзе. Згадваецца ў 1552 г.⁶⁰

Ільінская (Св. Прарока Ільі) на Вялікім пасадзе («на вуліцы ў пасадзе»). Згадваецца ў 1552 г.⁶¹ Драўляная⁶².

Свв. Казьмы і Даміяна на Запалоцкім пасадзе. Згадана ў 1517 г.⁶³ Драўляная⁶⁴.

Святары:

Багдан Яцкавіч, згаданы ў 1517 г.

⁴⁵ ПР 1552 года. С. 176.

⁴⁶ Описание ... 1580 года. С. 13.

⁴⁷ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

⁴⁸ БА. Т. 2. № 344. С. 247.

⁴⁹ ПР 1552 года. С. 21, 176.

⁵⁰ Описание... 1580 года. С. 13.

⁵¹ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

⁵² Там жа. Т. 1. № 25. С. 50.

⁵³ ПР 1552 года. С. 175.

⁵⁴ Описание... 1580 года. С. 12–13.

⁵⁵ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

⁵⁶ Там жа. Т. 1. № 25. С. 50.

⁵⁷ Kodeks dyplomatyczny katedry i deoczej Wilieńskiej / Przyg. J. Fijałek, Wł. Semkowicz. Kraków, 1948. Nr 460. S. 538.

⁵⁸ ПР 1552 года. С. 24.

⁵⁹ ИЮМ. Вып. 2. С. 321.

⁶⁰ ПР 1552 года. С. 22, 26.

⁶¹ Там жа. С. 21.

⁶² ИЮМ. Вып. 2. С. 321.

⁶³ Lietuvos Metrika. Kn. 9. Nr 665. P. 361.

⁶⁴ ИЮМ. Вып. 2. С. 321.

Грыгорый, згаданы ў 1553 г.⁶⁵

Св. Міколы «дворная ў замку». Існавала ўжо ў 2-й палове XIV ст. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.⁶⁶ і 1580 г.⁶⁷ Згадана ў 1582 г. (templum s. Nicolai in arce)⁶⁸.

Св. Міколы («з места») на адным з пасадаў. Згадваецца ў 1552 г.⁶⁹

Св. Міколы «у замку на Палуцяце». Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.⁷⁰ і 1580 г.⁷¹ Згадана ў 1582 г. (templum s. Nicolai in Polupiecze)⁷².

«Служитель Светого Николы на Полуцяте, прото(по)па софеи-ский Зенов» згаданы ў 1507 г.⁷³

Св. Міхаіла на Вялікім пасадзе. Згадана ў 1505 г.,⁷⁴ 1533 г.⁷⁵ і ў 1552 г.⁷⁶

Святар Пётр, згаданы ў 1505 г.

Пакроўская на Запалоцкім пасадзе. Згадана ў 1505 г.⁷⁷ і ў 1552 г.⁷⁸

Святар Сямён, згаданы ў 1505 г.

Прачысенская (Багародзіцкая) на Вялікім пасадзе. Згадана на пачатку XVI ст.⁷⁹ і ў 1552 г.⁸⁰

Пятніцкая на Вялікім пасадзе. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.⁸¹ і 1580 г.⁸² Згадваецца ў 1582 г. (templum Piatnice in civitate)⁸³. Магчыма, тоесная **Пятніцкаму манастыру** (гл.)

⁶⁵ ВС. Т. 1. № 25. С. 50.

⁶⁶ ПР 1552 года. С. 174.

⁶⁷ Описание... 1580 года. С. 11-12.

⁶⁸ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

⁶⁹ ПР 1552 года. С. 9, 22, 25.

⁷⁰ Там жа. С. 5, 174.

⁷¹ Описание... 1580 года. С. 12.

⁷² ВС. Вып. 5. С. 73, 538.

⁷³ ПГ. Вып. 3. Москва, 1980. № 279. С. 19.

⁷⁴ Там жа. Вып. 2. Москва, 1978. № 261. С. 206-207.

⁷⁵ БА. Т. 2. № 268. С. 193.

⁷⁶ ПР 1552 года. С. 21.

⁷⁷ ПГ. Вып. 2. № 261. С. 207.

⁷⁸ ПР 1552 года. С. 25.

⁷⁹ Гранстрем Е.Э. Описание... С. 44. Указанне ускоснае: згадана толькі Багародзіцкая вуліца.

⁸⁰ ПР 1552 года. С. 21, 26.

⁸¹ Там жа. С. 22, 178.

⁸² Описание... 1580 года. С. 15.

⁸³ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

Ражства Хрыстова на Вялікім пасадзе («на месце пад замкам»). Згадана ў 1507 г.⁸⁴ і ў 1559 г.⁸⁵ Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.⁸⁶ і 1580 г.⁸⁷ Драўляная⁸⁸.

Святары:

Навум Вядзейка, згаданы ў 1507 г.

Сямён, згаданы ў 1553 г.⁸⁹ і ў 1559 г.

Сафійскі кафедральны сабор («Церковь Светого Софея в замку, соборная»). Пабудаваны ў сярэдзіне XI ст. у замку⁹⁰. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.⁹¹ і 1580 г.⁹²

Пратапопы:

Юрый, згаданы ў 1440 г.⁹³

Зяноў, згаданы ў 1507 г.⁹⁴

(?) Багдан Яцкавіч, згаданы ў 1517 г.⁹⁵

Феафан, згаданы ў 1563 г.⁹⁶

Два прыдзела:

Св. Тройцы (царква Св. Тройцы дворная). Згаданы ў трох укладных запісах XIV ст.,⁹⁷ у 1534 г.⁹⁸ і ў 1552 г.⁹⁹

Святары:

Максім, згаданы ў 1534 г.

Максім Васілевіч Екапсоў, згаданы ў 1552 г.¹⁰⁰

Пётр, згаданы ў 1553 г.¹⁰¹

⁸⁴ ПГ. Вып. 3. Москва, 1980. № 279. С. 19.

⁸⁵ Варонін В. Тэстамент полацкага бурмістра Давыда Панкова 1559 г. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 2003. С. 39.

⁸⁶ ПР 1552 года. С. 21, 175.

⁸⁷ Описание... 1580 года. С. 12.

⁸⁸ ИЮМ. Вып. 2. С. 321.

⁸⁹ ВС. Т. 1. № 25. С. 50.

⁹⁰ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв.: Каталог памятников (Свод археологических источников. Вып. Е1–47). Ленинград, 1982. С. 94.

⁹¹ ПР 1552 года. С. 165–167, 174.

⁹² Описание... 1580 года. С. 1–4.

⁹³ БА. Т. 2. № 180. С. 132.

⁹⁴ ПГ. Вып. 3. № 279. С. 19.

⁹⁵ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции / Подг. С.К. Шамбинаго и Н.Г. Бережков. Москва, [1915]. С. 432.

⁹⁶ Лебедевская летопись. С. 313.

⁹⁷ ПГ. Вып. 1. №№ 7, 28, 29. СС. 45, 85, 86.

⁹⁸ БА. Т. 2. № 326. С. 235.

⁹⁹ ПР 1552 года. С. 174.

¹⁰⁰ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 35. Арк. 100адв.

¹⁰¹ ВС. Т. 1. № 25. С. 50.

Усіх Святых. Згаданы ў 1552 г.¹⁰²

Стрэчання Хрыстова ў замку. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.¹⁰³ і 1580 г.¹⁰⁴ Згадана ў 1582 г. (templum Purificationis seu Wstrethenia dictum)¹⁰⁵.

Святар Ларыён, згаданы ў 1553 г.¹⁰⁶

Св. Тройцы і Св. Спаса «у рынку» на Вялікім пасадзе (?). Згадана ў 1552 г.¹⁰⁷ Драўляная¹⁰⁸.

Узнясенская на Вялікім пасадзе (“у пасадзе на вуліцы”). Згадана ў 1533 г.¹⁰⁹ Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.¹¹⁰ і 1580 г.¹¹¹ Згадваецца ў 1582 г. (templum Dominicae¹¹² Ascensionis in civitate)¹¹³. У 1559 г. пры царкве дзейнічаў шпіталь¹¹⁴. Драўляная¹¹⁵. Магчыма, тоесная **Узнясенскаму манастыру** (гл.)

Св. Юрыя (Георгія) на Вялікім пасадзе. Згадана ў 1505 г.,¹¹⁶ 1517 г.¹¹⁷ і ў 1552 г.¹¹⁸

Святар Астафій, згаданы ў 1505 і ў 1517 г.

МАНАСТЫРЫ

Свв. Барыса і Глеба на Бельчыцы. Самыя раннія мураваныя манастырскія будынкі (на сённяшні дзень іх вядома чатыры) датуюцца 1-й паловай (магчыма, 1-й чвэрцю) XII ст.¹¹⁹ З’яўляецца адраса-

¹⁰² ПР 1552 года. С. 174.

¹⁰³ Там жа. С. 21, 174.

¹⁰⁴ Описание ... 1580 года. С. 11.

¹⁰⁵ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

¹⁰⁶ Там жа. Т. 1. № 25. С. 50.

¹⁰⁷ ПР 1552 года. С. 5, 21.

¹⁰⁸ ИЮМ. Вып. 2. С. 321.

¹⁰⁹ БА. Т. 2. № 270. С. 196.

¹¹⁰ ПР 1552 года. С. 9, 21, 176.

¹¹¹ Описание... 1580 года. С. 13.

¹¹² Так у публікацыі, павінна быць “Domini”

¹¹³ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

¹¹⁴ Варонін В. Тэстамент полацкага бурмістра Давыда Панкова 1559 г. С. 39.

¹¹⁵ ИЮМ. Вып. 2. С. 321.

¹¹⁶ ПГ. Вып. 1. № 261. С. 206. У дакуменце, выдавочна, памылкова: «пан юревський Остафеи», павінна быць “поп юревський”.

¹¹⁷ Lietuvos Metrika. Kn. 9. Nr 680. P. 366-367.

¹¹⁸ ПР 1552 года. С. 22.

¹¹⁹ Воронин Н.Н. Бельчицкие руины (к истории полоцкого зодчества XII века) // Архитектурное наследство. Вып. 6. Москва, 1956. С. 9, 14, 17; Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. С. 98–99; Трусов. О.А. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI–XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. Минск, 1988. С. 20–23; Алексеев

там даравальнай граматы полацкага князя Яраслава Ізяслававіча 1396 г., аднак гэта грамата прызнана падробкай¹²⁰. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.¹²¹ і 1580 г.¹²² У 1618 г. тут знаходзілася «дзе царквы старых, мураваных, і адна новая, драўляная»¹²³.

Ігумены:

Варсанофій, 60-я гг. XV ст.¹²⁴

Іаакім, 70-я гады XV ст.¹²⁵ У 80-я гады – смаленскі епіскап.

Згадваюцца таксама (без указання дат) *архімандрэты* Аляксей і Іосіф¹²⁶.

Св. Іаана Прадцечы на Востраве ў Полацку, на беразе Дзвіны. З’яўляецца адрасатам укладнога запіса вялікага князя Ануфрыя, які тэрэтычна можа быць датаваны XIV–XV стст., аднак аўтэнтычнасць гэтага запісу аспрэчваецца¹²⁷. Згадваецца ў запісе 40–50-х гг. XV ст.¹²⁸ Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.¹²⁹ і 1580 г.¹³⁰ Згаданы ў 1582 г. (*monasterium sancti Ioannis Praecursoris, in insula, sub arce Polocensi in fluvio Dzwina*)¹³¹. Прышоў у заняпад да 1618 г., калі «за Дзвіной у Слабадскім пасадзе» згадваецца драўляная царква ў гонар Св. Іаана Хрысціцеля¹³², якая, відавочна, засталася ад манастыра.

Ігумены і архімандрэты:

Ігумен Яўфімій (у міру Яўстафій Іванавіч Таропка), згаданы ў 1507 г.,¹³³ удзельнічаў у працы Віленскага сабора 1508–1509 гг.¹³⁴

Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 2. С. 81–83.

¹²⁰ ПГ. Вып. 1. № 18. С. 65–66; там жа. Вып. 3. С. 172–176.

¹²¹ ПР 1552 года. С. 22, 27, 176–177.

¹²² Описание ... 1580 года. С. 14.

¹²³ ИЮМ. Вып. 2. С. 322.

¹²⁴ Долгов С.О. Хожение священноинока Варсонофия ко святому граду Иерусалиму в 1456 и 1461–1462 гг. // Православный Палестинский сборник. Вып. 45. Т. XV. Вып. 3. Москва, 1896. С. LX.

¹²⁵ Там жа. С. LX–LXI.

¹²⁶ ПР 1552 года. С. 177.

¹²⁷ ПГ. Вып. 1. № 5. С. 42–43; там жа. Вып. 3. С. 135–139.

¹²⁸ Там жа. Вып. 1. № 82. С. 171.

¹²⁹ ПР 1552 года. С. 10, 25, 170–171.

¹³⁰ Описание ... 1580 года. С. –89.

¹³¹ ВС. Т. 5. С. 73, 537–538.

¹³² ИЮМ. Вып. 2. С. 321, 322.

¹³³ ПГ. Вып. 2. № 279. С. 18; Воўк-Левановіч О.В. Кароткія ўвагі на некаторыя помнікі беларускае мовы // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 9. Працы клясы філёлёгіі. Т. 2. 1929. С. 156–157. Яўфімій Таропка паходзіў з г. Таропца з вядомай сваёй набожнасцю, відаць, мяшчанскай сям’і.

¹³⁴ АИ. Т. 1. № 289. С. 525.

Місаіл, згаданы ў 1515 г. як ігумен¹³⁵, у 1531 г. ужо як архімандрыт¹³⁶. У 1531–1535 гг. полацкі архіепіскап.

Сямён (у міру Сцяпан Васілевіч Рагоза), архімандрыт з 1531 г.¹³⁷ З 1535 г. Полацкі архіепіскап¹³⁸. Згодна з каралеўскім прывілеем 1537 г. атрымаў манастыр у пажыццёвае кіраванне¹³⁹. Памёр каля 1550 г.

Арсеній (Шышка), згад. у 1562 г.¹⁴⁰ У 1562–1563 гг. нарачоны полацкі архіепіскап.

Прывілеем караля Жыгімонта II Аўгуста ад 20 кастрычніка 1562 г. манастыр перададзены ў пажыццёвае трыманне гаспадарскаму двараніну Б.І. Корсаку з правам прызначэння архімандрытаў¹⁴¹.

Свв. Казьмы і Даміяна “у месце”. Згаданы ў 1534 г.¹⁴² Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.¹⁴³ і 1580 г.¹⁴⁴ Згаданы ў 1582 г. (monasterium s. Cosmae et Damiani)¹⁴⁵.

Ігумен (без указання імя), згаданы ў 1534 г.

Згадваецца таксама (без указання дат) *ігумен* Варсанофій¹⁴⁶.

Св. Міколы на Лучне. Згадваецца ў дакуменце 40–50-х гг. XV ст.¹⁴⁷ У 1496 г. вялікі князь літоўскі Аляксандр прызнаў манастыр гаспадарскім падаваннем¹⁴⁸. Моцна пацярпеў у час войн Вялікага княства Літоўскага з Масквой. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.¹⁴⁹ і 1580 г.¹⁵⁰ Згаданы ў 1582 г. (monasterium s. Nicolai Lucenskij)¹⁵¹.

¹³⁵ Гранстрем Е.Э. Описание... С. 44.

¹³⁶ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 17. Арк. 159адв. Ужо з’яўляючыся полацкім архіепіскапам, Місаіл заяўляў, быццам бы ў востраўскім архімандрытам 25 гадоў (БА. Т. 2. № 167. С. 125), што не зусім дакладна.

¹³⁷ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 17. Арк. 179адв.-180.

¹³⁸ Там жа. Арк. 586–586адв.

¹³⁹ Там жа. Адз. зах. 20 Арк.40адв.–41; тое самае: Адз. зах. 21. Арк. 79–79адв.

¹⁴⁰ АЗР. Т. 3. № 29. С. 114.

¹⁴¹ Там жа. С. 114–115.

¹⁴² БА. Т. 2. № 282. С. 203.

¹⁴³ ПР 1552 года. С. 174–175.

¹⁴⁴ Описание ... 1580 года. С. 12.

¹⁴⁵ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

¹⁴⁶ ПР 1552 года. С. 174–175.

¹⁴⁷ Пудалов Б.М. Загадка комиссионных грамот // Исторический архив. 2000. № 5. С. 203–204; ПР 1552 года. С. 177.

¹⁴⁸ ПГ. Вып. 2. № 214. С. 137–138.

¹⁴⁹ ПР 1552 года. С. 6, 22, 68 (?), 177–178.

¹⁵⁰ Описание ... 1580 года. С. 14–15.

¹⁵¹ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

Гумены і архімандрыты:

Гумен Каліст, згаданы ў 40–50-я гг. XV ст.¹⁵² Верагодна, полацкі архіепіскап у канцы 50-х – 60-я гг. XV ст.

Архімандрыйт Іёна, згаданы ў 1487 г.¹⁵³

Гумен Яфрэм, памёр паміж 1535 і 1544 гг.¹⁵⁴

Св. Міхаіла на Гарадцы (Гарадку). Згаданы ў 1496 г.¹⁵⁵ і ў 1497 г. («старица святого Михаила въ Полоцку на имя Фетинья») ¹⁵⁶. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.¹⁵⁷ і 1580 г.¹⁵⁸ Згаданы ў 1582 г. (monasterium s. Miahaelis¹⁵⁹ Horodziecki)¹⁶⁰.

Архімандрыйты:

Антоній, удзельнічаў у працы Віленскага сабора 1508–1509 гг.,¹⁶¹ згаданы таксама ў 1511 г.¹⁶² Верагодна, тоесны з архімандрыйтам манастыра Уваскрасення Хрыстова ў замку (гл.)

Дыянісій, згаданы ў 1551 г.,¹⁶³ памёр не пазней за 1555 г.¹⁶⁴

Каралеўскім прывілеем ад 7 студзеня 1555 г. манастыр перададзены ў пажыццёвае кіраванне полацкаму архіепіскапу Герману (Хрыптовічу)¹⁶⁵, які памёр у 1559 г.

Герасім (Г.І. Корсак), полацкі архіепіскап, кіраваў манастыром з 1558/1559 г., з правам прызначэння архімандрыйтаў¹⁶⁶.

Згадваецца таксама (без указання дат) архімандрыйт Іёна¹⁶⁷.

¹⁵² Пудалов Б.М. Загадка комиссионных грамот. С. 204.

¹⁵³ ПГ. Вып. 2. № 196. С. 113.

¹⁵⁴ АЗР. Т. 2. № 234. С. 403.

¹⁵⁵ ПГ. Вып. 2. № 216. С. 139.

¹⁵⁶ Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 359. С. 141.

¹⁵⁷ ПР 1552 года. С. 22, 171–172.

¹⁵⁸ Описание ... 1580 года. С. 9–10.

¹⁵⁹ Так у публікацыі, павінна быць Michaelis.

¹⁶⁰ ВС. Т. 5. С. 73, 538.

¹⁶¹ ДИ. Т. 1. № 289. С. 525.

¹⁶² ПГ. Вып. 3. № 314. С. 72.

¹⁶³ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 35. Арк. 46–46адв.

¹⁶⁴ Там жа. Адз. зах. 39. Арк. 79адв.; тое ж: Адз. зах. 43. Арк. 7.

¹⁶⁵ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 39. Арк. 79адв.-80; тое ж: Адз. зах. 43. Арк. 7–7адв.

¹⁶⁶ Адаведны прывілей быў выдадзены Жыгімонтам II Аўгустам 28 сакавіка 1558 г., яшчэ пры жыцці Германа, гл.: РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 43. Арк. 233адв.–234.

¹⁶⁷ ПР 1552 года. С. 174.

Пятніцкі. Магчыма, тоесны **Пятніцкай царкве** (гл.)*Гумены:*Іван, згаданы ў 1512 г.¹⁶⁸Кандрацій, згаданы ў 1553 г.¹⁶⁹Ігумен (без указання імя), згаданы ў 1559 г.¹⁷⁰

Св. Пятра (Свв. ап. Пятра і Паўла) у замку. Заснаваны не пазней за XIV ст. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.¹⁷¹ і 1580 г.¹⁷² Згаданы ў 1582 г. (monasterium s. Petri in arce, in arce ... superiori ... monasterium ss. Petri et Pauli)¹⁷³.

*Гумены і архімандрыты:*Ігумен Аляксей, удзельнічаў у працы Віленскага сабора 1508–1509 гг.¹⁷⁴Нафанаіл, згадваецца ў 1517 г. як ігумен¹⁷⁵ і ў 10–20-я гг. XVI ст. як архімандрыт¹⁷⁶. Верагодна, полацкі архіепіскап у 1523/24–1531 гг.Архімандрыт (без указання імя), згад. у 1539 г.¹⁷⁷Ігумен Іосіф, памёр паміж 1535 і 1544 гг.¹⁷⁸Архімандрыт Іёна (Данілевіч¹⁷⁹), згаданы ў 1551 г.¹⁸⁰ і ў 1553 г.¹⁸¹

Св. Спаса жаночы ў Сяльцы (Шарашкове). Заснаваны Еўфрасінняй Полацкай у перыяд з 20-х па 50-я гг. XII ст.¹⁸² Зямельныя

¹⁶⁸ Акты, издаваемые Виленской Археологической комиссией. Т. 11. Вильна, 1880. № 4. С. 8, 9.

¹⁶⁹ ВС. Т. 1. № 25. С. 49.

¹⁷⁰ Варонін В. Тэстамент полацкага бурмістра Давыда Панкова 1559 г. С. 36, 39.

¹⁷¹ ПР 1552 года. С. 173.

¹⁷² Описание ... 1580 года. С. 10–11.

¹⁷³ ВС. Т. 5. С. 73, 75, 538, 539.

¹⁷⁴ АИ. Т. 1. № 289. С. 525.

¹⁷⁵ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 35. Арк. 47, 48, 48адв.

¹⁷⁶ БА. Т. 2. № 405. С. 284.

¹⁷⁷ Там жа. С. 285.

¹⁷⁸ АЗР. Т. 2. № 234. С. 403.

¹⁷⁹ Описание рукописей, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. Т. 1 / Подг. к печ. А. Никольский. Санкт-Петербург, 1904. № 25. С. 7; Галенчанка Г.Я. Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV – сярэдзіны XVII стст. Мінск, 2008. С. 97.

¹⁸⁰ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 35. Арк. 46адв., 48адв.

¹⁸¹ ВС. Вып. 1. № 25. С. 49.

¹⁸² Повесть жития и преставления святых и блаженных и преподобных Еуфросинии, игуменьи монастыря Святого Спаса и Пречистого Его Матере, ижи в Полотыске граде. С. 30–34. Пра напастольны крыж, укладзены Еўфрасінняй у Спаскі манастыр у 1161 г., гл.: Рыбаков Б.А. Русские датированные надписи XI–XIV веков (Свод археологических источников. Вып. Е1–44). Москва, 1964. № 27. С. 32–33; табл. XXXII.

ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.¹⁸³ і 1580 г.¹⁸⁴ Згаданы ў 1582 г. (monasterium monialium Nihumienie dictum swiętego Spassa), прычым на той час мураваны манастырскі храм у гонар Спаса-Праабражэння быў ужо разбураны¹⁸⁵. У 1570 г. У манастыры жыло 16 манахінь¹⁸⁶.

Прсв. Багародзіцы (Прачысценскі) мужчынскі. Заснаваны Еўфрасінняй Полацкай у перыяд з 20-х па 50-я гг. XII ст.,¹⁸⁷ але пазней за **манастыр Св. Спаса** і не пазней за 1158 г. Згадваецца ў 1517 г.¹⁸⁸ і ў 1534 г.¹⁸⁹ Храм у гонар Прасвятой Багародзіцы мураваны.

Ігуменні:

Еўфрасіння Полацкая (Прадслава Георгіеўна, князеўна), сяр. XII ст.

Еўдакія (Гарадзіслава Георгіеўна, князеўна), 2-я палова XII ст.¹⁹⁰

Анастасія (Сапезына), згадана ў 1495 г.¹⁹¹ і ў 1497 г.¹⁹²

Анастасія (Каленікавічова), згадана ў 1523 г.¹⁹³ і ў 1533 г.¹⁹⁴

Анастасія (Горская, княгіня), з 1533 (?) г.¹⁹⁵

¹⁸³ ПР 1552 года. С. 167–170.

¹⁸⁴ Описание ... 1580 года. С. 4–8.

¹⁸⁵ ВС. Т. 5. С. 73, 537.

¹⁸⁶ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 573. Арк. 379адв.

¹⁸⁷ Повесть жития и преставления святых и блаженных и преподобных Еуфросинии, игуменьи манастыря Святаго Спаса и Пречистыя Его Матере, ижи в Полотъске граде. С. 25, 35.

¹⁸⁸ Lietuvos Metrika. Kn. 9. Nr 599. P. 331.

¹⁸⁹ БА. Т. 2. № 354. С. 252.

¹⁹⁰ Повесть жития и преставления святых и блаженных и преподобных Еуфросинии, игуменьи манастыря Святаго Спаса и Пречистыя Его Матере, ижи в Полотъске граде. С. 37.

¹⁹¹ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Metryka Litewska = Литовская Метрика. Кн. 6 (1494–1506) / Parengė A. Baliulis. Vilnius, 2007. Nr 134. P. 120.

¹⁹² Ibid. Nr 243. P. 167; тое самае: Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 359. С. 141. Настасся Сапега была маці гаспадарскага пісара Івана Сямёнавіча Сапегі.

¹⁹³ Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика. Кн. 12 (1522–1529) / Parengė D. Antanavicius ir A. Baliulis. Vilnius, 2001. Nr 228. P. 246. Настасся была ўдавой пана Дзебра Каленіковіча.

¹⁹⁴ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 17. Арк. 452адв. У каралеўскім прывілеі паведамляецца, што ігумення Анастасія «вже естъ при старости и вельми фора».

¹⁹⁵ РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 17. Арк. 452адв.–453. Прывілей караля і вялікага князя Жыгімонта I Старога Настассі Горскай на права заняць пасаду полацкай ігуменні быў выдадзены 17 чэрвеня 1533 г., яшчэ пры жыцці яе папярэдніцы – ігуменні Анастасіі (Каленікавічовай).

Ульяна (Міхайлавая Сяньковіча, у дзявоцтве Падбярэзская, князёўна), з вясны 1539 г.¹⁹⁶ Згадана ў 1551 г.¹⁹⁷ і ў 1552 г.¹⁹⁸

Федзя (Фядора (?)) Быкоўская, у дзявоцтве Галянчанка), з 1552 (?) г.¹⁹⁹

Еўфрасіння, згадана ў 1570 г.

Увакрасення Хрыстова Машаноцкі ў замку. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.²⁰⁰ і 1580 г.²⁰¹ Згаданы ў 1568/69 г.²⁰² і ў 1582 г. (monasterium Resurrectionis Domini nostri in arce, Mossosnecki dictum)²⁰³. У 1559 г. пры манастыры дзейнічаў шпіталь²⁰⁴.

Ігумены і архімандрыты:

Ігумен (без указання імя), згаданы ў 1533 г.²⁰⁵

Архімандрыйт Антоній, згаданы ў 1535 г.,²⁰⁶ памёр не пазней за 1544 г.²⁰⁷ Верагодна, тоесны з архімандрытам манастыра Св. Міхаіла на Гарадцы (гл.)

Ігумен Герасім (Левановіч), згаданы ў 1551 г.²⁰⁸

Ігумен (без указання імя), згаданы ў 1568/1569 г.

¹⁹⁶РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 20. Арк. 275 – апавяшчальны ліст Жыгімонта I Стараго «ко вьсім слугамъ путнымъ и людемъ тяглымъ игуменьства полоцького манасътыра Светого Спаса и Пречыстое Богоматеры» аб прызначэнні Ульяны ігуменнай (1539 г. красавіка 29, Кракаў); Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М.В. Ключко. 1533–1540 / Подг. В.А. Воронин, А.И. Груша, И.П. Старостина, А.Л. Хорошкевич. Москва, 2008. № 125. С. 226; № 132. С. 233.

¹⁹⁷РДАСА. Адз. зах. 35. Арк. 20адв. У прывілеі Жыгімонта II Аўгуста ад 8 ліпеня 1551 г. гаворыцца, што Ульяна «вжо есть в старости летъ своихъ и въ немалои форобе».

¹⁹⁸ПР 1552 года. С. 167.

¹⁹⁹РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 35. Арк. 20–20адв. Указаным вышэй прывілеем ад 8 ліпеня 1551 г. Жыгімонт II Аўгуст надаў пасаду полацкай ігуменні Федзі Быкоўскай у пажыццёвае трыманне – аднак толькі пасля смерці Ульяны.

²⁰⁰ПР 1552 года. С. 21, 173.

²⁰¹Описание ... 1580 года. С. 11.

²⁰²Щапов Я.Н. Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской Народной Республики. Ч. 1. Москва, 1976. С. 31; Там жа. Ч. 2. Москва, 1976. С. 111.

²⁰³ВС. Т. 5. С. 73, 538.

²⁰⁴Варонін В. Тэстамент полацкага бурмістра Давыда Панкова 1559 г. С. 39.

²⁰⁵БА. Т. 2. № 312. С. 226.

²⁰⁶Там жа. № 357. С. 255.

²⁰⁷АЗР. Т. 2. № 234. С. 403.

²⁰⁸РДАСА. Ф. 389. Воп. 1. Адз. зах. 35. Арк. 49, 51; Максимейко Н.А. Сеймы Литовско-Русского государства до Люблинской унии 1569 года. Харьков, 1902. Приложение. С. 113. Левановічы належалі да полацкага баярства.

Узнясенскі. Магчыма, тоесны **Узнясенскай царкве** (гл.)

Гумен Ферапонт, згаданы ў 1553 г.²⁰⁹

Св. Юрыя (Георгія) “у полі за месам”. Зямельныя ўладанні апісаны ў рэвізіях 1552 г.²¹⁰ і 1580 г.²¹¹ Згадваецца ў 1563 г.²¹² Прышоў у заняпад да 1618 г., калі на Невельскім прадмесці згадваецца аднайменная драўляная царква²¹³, якая, відавочна, засталася ад манастыра.

²⁰⁹ ВС. Т. 1. № 25. С. 49.

²¹⁰ ПР 1552 года. С. 175–176.

²¹¹ Описание ... 1580 года. С. 13.

²¹² Лебедевская летопись. С. 306, 308, 309 (“Егореи Святыи”, “меж Георгия Святого и Волова озера”, “у Георгия Великого”).

²¹³ Там жа. С. 321, 322.

МІЖКАНФЕСІЯНАЛЬНЫЯ КАНФЛІКТЫ Ў ПОЛАЦКІМ ВАЯВОДСТВЕ (1550–1618 гг.)

Сярод пытанняў гісторыі Беларусі да апошняга часу даволі слаба разглядаліся праблемы царкоўнай гісторыі і ўзаемаадносінаў кліра са свецкімі прадстаўнікамі розных канфесій у Полацкім ваяводстве за перыяд з пачатку пашырэння ў рэгіёне пратэстантызму ў палове XVI ст. да прызначэння полацкім арцыбіскупам Я. Кунцэвіча (1618–1623). Традыцыйна лічыцца, што гэты перыяд міжканфесійнага міру, але дадзены позірк хутчэй грунтуецца на меркаваннях ідэалагічнага зместу, а таксама на вельмі слабой захаванасці мясцовых пісьмовых крыніц канца XVI – пачатку XVII стст. Сярод аўтараў, якія пісалі на дадзеную тэму трэба адзначыць працы І.Д. Бяляева [1], А.П. Сапунова [2], П.М. Жуковіча [3], мітр. Макарыя [4], яны не хавалі сваёй прыхільнасці да праваслаўя і адмоўнага стаўлення да каталіцызму, што было абсалютна характэрна для гістарыяграфіі часоў Расійскай імперыі. Больш аб'ектыўныя артыкулы нашага часу: Л.С. Івановай [5, с. 199–200], Ш. Родэвальда [6], Т. Кемпы [7; 8; 9], А. Мірановіча [10], А. Жлуткі [11], аднак яны закранаюць толькі некаторыя аспекты канфесіянальнай гісторыі, а асобных навуковых распрацовак прысвечаных міжканфесіянальным адносінам і канфліктам у Полацкім ваяводстве 1550–1618 гг. да гэтага часу не было.

Полацкая праваслаўнае арцыбіскупства з'ўлялася другім па памерах і значнасці ў Рэчы Паспалітай, пасля галоўнага кіеўскага (мітраполіт звычайна жыў у Вільні) і займала тэрыторыю Полацкага, Віцебскага, Мсціслаўскага ваяводстваў, а таксама Браслаўскі павет Віленскага ваяводства. На 1563 г. ў Полацку былі цэрквы: Св. Сафіі, Багародзіцы, Св. Міхаіла, Св. Троіцы, Спаса-Праабражэнская, Св. Праскевы-Пятніцы ў Бельчыцкім манастыры, Св. Мікалая на Полупяце, Св. Дзмітрыя, Срэцення Хрыстова, Св. Пятра, Спаса ў горадзе, Свв. Казьмы і Дзям'яна на Запалосці. Налічвалася 12 праваслаўных манастыроў: Троіцкі, Барысаглебскі ў Бельчыцы, Св. Іаана на Востраве, Багаяўленскі, Спаса-Еўфрасіннеўскі, Міколы на Лучне, Св. Юрыя ў “полі за месам”, Свв. Пятра і Паўла на замку, Казьма-Дзям'янаўскі, Св. Міхаіла,

Гарадзецкі, Св. Уваскрасення ля вежы Машна. У ваяводстве налічвалася 41 праваслаўная царква. Разам з тым, пачынаючы з 1409 г. у горадзе існаваў касцёл падначалены Рыжскаму арцыбікупству, а з 1498 г. дзейнічалі каталіцкія манахі – бернардзінцы (мелі драўляны кляштар ў 1502–1563 гг. на Запалоцці пры ўпадзенні Палаты ў Дзвіну) [5, с. 201]. У сярэдзіне XVI ст. узнік кальвінісцкі збор [5, с. 165]. Большасць гараджан і жыхароў ваколiцы традыцыйна былі праваслаўнымі, але на сярэдзіну XVI ст. акрамя пануючай канфесіі тут пражывалі католікі, пратэстанты мясцовага і нямецкага паходжання, татары-мусульмане, жыды-іўдзеі.

Вярагодна падчас пашырэння Рэфармацыі ў ВКЛ паміж 1550 і 1560 г. узнік мяшчанскі пратэстанцкі збор у Полацку. На яго аказалі ўплыў не толькі дзеячы ВКЛ і сувязі з лютэранамі Рыгі, але і маскоўскія ўцекачы ераэыкі-іўдаізанты Феадосій Касы, Арцёмій і Фама. Адзін з іх Фама, “які быў найбольш красамоўны і дасвечаны ў Св. Пісанні”, ажаніўся з палачанкай і вярагодна быў мясцовым пратэстанцкім святаром-міністрам [5, с. 199]. Як і радыкальныя пратэстанты ў Еўропе, іўдаізанты заклікалі выкідваць з хат і царкваў іконы, адмовіцца ад манаскай аскезы, крытыкавалі абрады, якія, на іх думку, у афіцыйнай царкве падмянялі спасціжэнне літасці Хрыста. Па звестках маскоўскіх крыніц у гэты час адбываліся сутычкі пратэстатаў-іканабарцаў з праваслаўным святарствам і паствай [12, с. 75]. З-за дыструктыўнай дзейнасці “лотраў” летам 1562 г. у Полацку ўзнікла пагроза паўстання праваслаўных супраць іх [12, с. 76].

Пасля здачы Полацка войскам Івана Жахлівага 15 лютага 1563 г. тыя з жыхароў, хто адмовіліся хрысціцца ў праваслаўе: пяць манахаў-бернардзінцаў і мясцовыя татары – былі пасечаны мячамі, а іўдзеі і “ерэтык” Фама – патоплены ў Дзвіне [5, с. 200; 13, с. 196, 198]. У 1563–1579 гг. праваслаўныя іерархі полацкага арцыбікупства паспрабавалі быць лаяльнымі да маскоўскіх акупацыйных уладаў. Іван Жахлівы абяцаў абарону праваслаўным, вярнуў у Полацк крыж св. Еўфрасінні Полацкай. Святарства ў адкаг правяло набажэнства з падзякай за вызвалення ад “лютарскага насілавання” ў храме Св. Сафіі. Больш таго, з ўсіх катэгорый мясцовага насельніцтва, толькі святарству было дазволена жыць на Верхнім замку, а мясцовы пратапоп Феафан нават каардынаваў накірункі ўдараў маскоўскіх атрадаў у межах Полацкага ваяводства – на Дрысу, Лукомль, Беразвечча [12, с. 76–77]. Полацкія арцыбіскупы сталі аднымі з трох арцыбіскупаў маскоўскай мітраполіі

і пачалі прымаць актыўны ўдзел ва ўнутраным жыцці маскоўскай царквы. Полацкі арцыбіскуп Трыфан (1563–1566) удзельнічаў у саборы пасля смерці маскоўскага метрапаліта Макарыя, а з 1572 г. арцыбіскуп Антоні (1572–1577) быў абраны царкоўным сабрам маскоўскім метрапалітам, якім ён заставаўся да сваёй смерці ў 1580 г. [4]. У ВКЛ працягвалі існаваць і прызначацца асобныя полацкія арцыбіскупы.

Пасля Інфлянцкай вайны (1558–1582) пратэстанты перасталі быць значнай канфесіянальнай групай сярод мяшчан, але дзейнасць пратэстанцкага збору аднавілася ў 1579 г. па фундацыі кальвініста, полацкага ваяводы Мікалая Манівіда Дарагастайскага (1576–1597) [9, с. 34]. Некаторая частка мяшчанства і шляхты на тэрыторыі Полацкага ваяводства (Стаброўскія, Дарагастайскія, Друцкія-Саколінскія, Лукомскія, Цяпінскія) засталіся пратэстантамі, аднак захаваньня крыніцы больш не фіксуюць канфліктаў паміж імі і праваслаўнай большасцю. Больш таго, з наступленнем Контррэфармацыі пры Стэфане Баторы (1576–1586) і Жыгімонце Вазе (1588–1632) пачынаюцца спробы стварэння іх саюзу з дызунітамі. У 1589 г. адбыўся публічны дыспут кальвіністаў С. Буднага і Ф. Даманеўскага з полацкімі езуітамі. Пасля смерці М. Манівіда Дарагастайскага, К. Радзівіла, П. Стаброўскага і поспехаў Контррэфармацыі збор страціў моцнае эканамічнае заплечча. У 1622 г. мясцовы казнадзей Рыгор Страноўскі нават хацеў пакінуць горад з-за голаду, дзейнасці “непрыяцеля Маскавіціна” і адсутнасці падтрымкі ад паноў-патронаў [5, с. 200].

Пасляваенныя пусты, землі і маёмасць праваслаўнай царквы пачынаючы з 1580 г. Стэфан Баторы перадаваў ордэну езуітаў і касцёлу. У 1581 г. пачаў дзейчаць Полацкі калегіум. Паколькі полацкія землі былі вернуты “сілай зброі”, манарх-пераможца меў права імі распараджацца. Стэфан Баторы лічыў, што калі ён вярнуў уладанні прыватным асобам і кліру, то ў яго кампетэнцыі апынуўся лёс грамадскай маёмасці, якой “з часоў Полацкіх князёў” былі маёнткі гарадскіх цэркваў. 20 студзеня 1582 г. у даравальнай грамаце полацкім езуітам на маёмасць праваслаўных манастыроў і цэркваў кароль абазначыў прычыны сваіх дзеянняў: 1) перакананне ў ісцінасці каталіцкага веравызнання і распаўсюджанне яго ў “барбарскай схызматычнай краіне”, 2) адукацыя юнацтва, 3) падзяка Богу за перамогу над ворагамі. Паколькі царкоўная маёмасць была захопленая рознымі ўладальнікамі, кароль паабяцаў вярнуць яе праз спецыяльных інстыгатараў і суд, падтрымліваць езуітаў у спрэчках.

Акрамя таго Стэфан Баторы перадаў ім надзелы: на замку (каля Волкавай вежы на месцы манастыра Свв. Пятра і Паўла), ў горадзе (каля касцёла Св. Стэфана, які будаваўся) і на Востраве, а так сама дазволіў пабудаваць на Палаце, пад замкам млын і браць плату за праход на масце праз Дзвіну з Вострава ў горад [5, с. 208–210]. У 1588 г. пры езуіцкім калегіуме адчыніўся касцёл Св. Стэфана. Дзякуючы прывілеям на “кгрунты” за 80–90-я гады XVI ст. у іх руках апынуліся 322 надзелы, ў тым ліку надзел полацкага ўладыкі каля Сафіі [5, с. 165] і 10 з 12 манастыроў, разам з маёмасцю і ўсімі прыбыткамі. Ордэн стаў аднымі з буйнейшых землеўласнікаў у горадзе і рэгіёне. За праваслаўнымі засталіся толькі Св. Сафія, Барысаглебскі і Багаяўленскі манастыр і іх цэрквы. Маёмасныя інтарэсы ордэна сутыкаліся з інтарэсамі мяшчан і шляхты, што прыводзіла да шматлікіх судовых справаў, якія зафіксаваны ў комплексе дакументаў “Літоўскай метрыкі” (напрыклад у кн. 288 і 289).

Прыватныя асобы фундавалі з’яўленне іншых каталіцкіх ордэнаў у ваяводстве. Так, Яраш Львовіч Корсак 20 чэрвеня 1602 г. надаў фундуш і запрасіў у свае мястэчка Глыбокае кармелітаў босых [14, арк. 17–18аб.], а яго сваякі ў 40-х гг. XVI ст. – францішканаў.

Дзейнасць ордэна езуітаў у Полацку была паспяховай і прыносіла эканамічны плён, аб чым сведчыць факт выдачы ў 1597 г. полацкімі езуітамі сваім калегам у Рызе 310 злотых пазыкі [15, с. 52]. Езуіты паспяхова ажыццяўлялі і свае статутныя мэты па пашырэнні каталіцызма. Не гледзячы на тое, што ў Полацкім ваяводстве ў пачатку 80-х гадоў XVI ст. налічвалася толькі 7 сем’яў каталіцкай шляхты, а ў 1581 г. у калегіуме навучалася 5 дзяцей, колькасць вучняў у 1617/1618 г. складала ўжо 81 чалавек, прычым у іх ліку былі сын полацкага ваяводы – кальвініста Мікалая Манівіда Дарагастайскага і пляменнік полацкага праваслаўнага арцыбіскупа Феафана Рыпінскага (1576–1588) [5, с. 206]. Першым рэктарам калегіума стаў Пётр Скарга (1582–1586), які быў набліжаным да вялікіх князёў Стэфана Баторы і Жыгімонта Вазы. Тут выкладалі тэалог Я. Хазій, рытор і паэт–лацініст Мацей Казімір Сарбеўскі (1618–1620 і 1626–1627). Калегіум не меў універсітэцкай аўтаноміі і не мог прысуджаць навуковыя ступені, аднак дысцыпліны адпавядалі зместу вышэйшай адукацыі таго часу [11]. Езуіты заснавалі ў Полацку свецкае брацтва на заходнеўрапейскі манер – некалькі кангрэгацый Св. Марыі – і пачалі праводзіць рэлігійныя шэсці на каталіцкія святы [6]. Разам

з тым, праслаўныя брацтвы, якія развіліся з грамадска-рэлігійных абшчын, пад уплывам цэхавай арганізацыі і канфесійнай барацьбы ў 90-х гг. XVI ст. сталі асновай барацьбы за захаванне праслаўнай традыцыі ў ВКЛ [10, с. 207].

З канца XVI ст. пачынаецца змаганне за ўсталяванне царкоўнай уніі, ў якім полацкія арцыбіскупы адыгралі даволі значную ролю. Праслаўны арцыбіскуп Афанасі Цярлецкі (1588–1592) не падпісаў Бельскую дэкларацыю 1590 г., якая ўпершыню дэкларавала жаданне праслаўных да аб'яднання з Рымам [7, с. 6]. Аднак, яго наступнік Герман (Грыгоры) Загорскі (1595–1600) і П. Скарга з'яўляліся аднымі з ініцыятараў Берасцейскай царкоўнай уніі ў 1596 г. Арцыбіскуп Герман II зачытаў на Берасцейскім саборы папскую булу аб злучэнні цэркваў і падпісаў акт уніі. Аднак, гарлівы спачатку, настрой прызначаных уніяцкіх арцыбіскупаў Г. Загорскага і яго наступніка Гідэона Бральніцкага (1601–1618) змяняецца пасля іх прыезду ў Полацк. Крыніцы пачынаюць узгадваць аб талерантных адносінах уніяцкіх уладык да жыцця дызуніцкай паствы ў горадзе, што сведчыць аб мірным суіснаванні уніятаў і праслаўных у Полацку [16, с. 433]. У 1601 г. мітрапаліт І. Пацей крытыкаваў Г. Бральніцкага за адсутнасць спроб змяняць канфесійную сітуацыю ў горадзе, пасля канфлікту з полацкім святарствам узначаленым протапопам, якое адмовілася прызнаваць унію [7, с. 11] Толькі з прызначэннем на полацкаю арцыбіскупію Язафата Кунцэвіча (1618–1623) пачынаюцца спробы прымусовага пераводу насельніцтва на унію.

Складанасці канфесійнай сітуацыі ў горадзе і ваяводстве надавалі эканамічныя і судовыя канфлікты насельніцтва з мясцовымі свецкімі і царкоўнымі ўладамі. Полацкія ваяводы М. Манівід Дарагастайскі (1576–1597), ваявода і воіт полацкі Андрэй Паўлавіч Сапега (1597–1613) [17] – мала клапаціліся аб стане справаў у ваяводстве, перадавалі пасаду ў арэнду. Католік А.П. Сапега стала жыві ў Кракаве, дзе апекаваў езуітаў, а збор прыбыткаў ваяводства перадаў Паўлу Сапегу (ашмянскаму старасту-католіку, які быў ў канфлікце з дызунітамі і судзіўся з віленскім брацтвам за дамы ў Вільні ў 1598–1599 гг. [9, с. 134]), а той, у сваю чаргу, саступаў іх у субарэнду полацкаму лантвойту і каморніку Даніэлю Шчыту-Забельскаму, які вызначаўся злаўжываннямі пры абкладанні мыгам купецкіх і шляхецкіх тавараў [2, с. 226–227; 18, с. 43].

Спаслаўшыся на загад ад свайго пана, слугі М. Манівіда Дарагастайскага з узброенымі полацкімі казакамі на чале

са Станіславам Бароўскім 1–13 снежня 1588 г. не дапусцілі спецыяльна прызначанага камісара Ф.І. Годзецкага да апісання маёмасці ўладыцтва [19] У 1597 г. Г. Загорскі паспрабаваў адсудзіць назад маёнткі Полацкага Барысаглебскага манастыра, якія былі захопленыя Корсакамі, Саламярэцкім і Жышкевічам і іх жонкамі, народжанымі Корсак, аднак вырашэнне праблемы зацягнулася да 1619 г. [20]. Разам з тым, у 1600 г. гэты ўладыка пры абароне слугі, асуджанага за разбой у Полацку, ужыў сваіх татар-мусульман, якія ў сутычцы забілі аднаго з вязенных слуг і ахоўвалі злчынца [7, с. 9]. Уніята А. Корсак-Галубіцкі і Д. Корсак і іншыя прыхажане прасілі І. Пацея прыехаць у Полацк, не толькі з-за таго што “паган пры царкве Божай хаваюць”, але дзеля таго што з-за бяскарнасці Г. Загорскага “замак і могілкі каля цэрквы няраз крывёю памазаны” [7, с. 9]. Магчыма, у эмацыянальнасці ліста мы бачым адгалоскі маёмаснага канфлікту арцыбіскупа з Корсакамі, аднак парушэнне ўладыкам законнасці відавочна. Злаўжыванні свецкай і духоўнай адміністрацыі павялічвалі незадаволенасць каралеўскай палітыкай ў ваяводстве.

У адказ на адкрытую пракаталіцкую палітыку Жыгімонта Вазы, М. Манівід Дарагастайскі і кліент біржанскіх Радзівілаў, кашталян парнаўскі Пётр Стаброўскі, які паходзіў з роду полацкай шляхты – сталі аднымі з найбольш актыўных прыхільнікаў стварэння пратэстанцка-праваслаўнага саюзу супраць уніі, наступу касцёла і злоўжыванняў Жыгімонта Вазы ў РП. Абвяшчэнне Берасцейскай уніі ў 1596 г. выклікала пратэст праваслаўных. Полацкі соймак 1596 г. запатрабаваў ад караля неадкладнага ўхвалення працэсу варшаўскай канфедэрацыі 1573 г. (злчынствы на рэлігійнай глебе прыраўніваліся да крымінальных) і пазбаўлення пасад стваральнікаў уніі І. Пацея і К. Цярлецкага [9, с. 115].

Не гледзячы на тое, што ў 1597 г. просьбу аб наданні А.П. Сапегу пасады полацкага ваяводы Л. Сапега падмацоўваў жаданнем полацкіх мяшчан, ужо па прыбыцці для выканання абавязкаў новы ваявода на прадсоймавым з’ездзе полацкай шляхты 27 студзеня 1598 г. аспрэчыў інструкцыю, якая была напісаная ў інтарэсах рознаверцаў і прызначэнне абодвума пасламі ад ваяводства на сойм пратэстантаў. Узгаданая інструкцыя на Слонімскі галоўны соймак ВКЛ 1598 г. патрабавала “каб кожны па сумленні сваім пана Бога хваліць мог, гвалтам ніякім да паслушэнства не прымушалі і тое моцна сцярагчы (каб варшаўская) канфедэрацыя нічым у сумленне не была прывед-

зена,” паслы павінны былі “стаяць намертва да перамогі” супраць прызначэння Жыгімонтам Вазай паляка Б. Маціёўскага віленскім біскупам, абвінаваціла А.П. Сапегу ў прысваенні фальваркаў (Чарсвяты і Курылавічы), якія належалі Полацкаму замку [21]. Пачаўся канфлікт, і ваявода, атрымаўшы адмову на свае прапановы ад соймака, унёс пратэстацыю ў гродскія кнігі, спазніўся на вальны сойм і не выступаў там. Насуперак волі большасці паноў-рады і шляхты ВКЛ, А.П. Сапега падтрымаў прызначэнне Б. Маціёўскага. Аднак, яно не было рэалізавана, такія дзеянні паслабілі палітычныя пазіцыі полацкага ваяводы ў ВКЛ. У ліпені 1599 г. пасля спробаў А.П. Сапегі і яго слуг прымусіць праваслаўнае насельніцтва замыкаць крамы на каталіцкія святы і прытрымлівацца грыгарыянскага календара, замест традыцыйнага (праваслаўнага і пратэстанцкага) юліянскага, у Полацку пачаліся хваляванні [22, с. 173]. Мяшчане пагражалі адмовіцца ад парадкавання ваяводзе, спаліць замак і горад, разбурыць касцёл і калегіум і перасяліцца да маскоўскіх аднаверцаў [23, с. 221–222]. Выказванне сімпатыі да Маскоўскай дзяржавы мяшчанамі з’яўлялася сваеасаблівай гарантыяй ад спроб зменшыць уплыў праваслаўных на сацыяльна-палітычнае жыццё Полацка. Пастаянныя канфлікты з мясцовым насельніцтвам становяцца прычынай таго, што з 1600 г. А.П. Сапега пачаў шукаць пакупніка на пасаду ваяводы і з’ехаў з ваяводства. Узаемная антыпатыя палачан і А.П. Сапегі была настолькі моцнай што, калі ў 1609 г. ён вярнуўся ў Полацк, спрэчкі з мяшчанамі аднавіліся з новай сілай і зноў прымусілі яго пакінуць горад [22, с. 174].

У абстаноўцы рокаша Я. Зэбжыдоўскага – Я. Радзівіла 1606–1608 гг., пад уплывам агітацыі П. Стаброўскага на рэляцыйным соймаку 16 мая 1606 г., полацкая шляхта стала на бок ракашан і выслала дзвух паслоў на Люблінскі ракашавы сойм (Язэпа Есьмана і Фрыдрыха Неміровіча Шчыта). Інструкцыі Полацкага сейміка паслам была падпісана 30 шляхцічамі, ў асноўным некатолікамі [24; 9, с. 223]. Яркая і вострая крытыка П. Стаброўскім палітыкі караля, у тым ліку і адносна Полацка, на Люблінскім з’ездзе была адной з прычын абвяшчэння склікання рокашавага з’езду пад Сандамірам на 6 жніўня 1606 г. На грамічным з’ездзе 2 лютага 1607 г. 40 полацкіх шляхцічаў, галоўным чынам кальвіністаў і праваслаўных, накіравала ліст з падзякай за змаганне за іх правы да Я. Радзівіла [25; 9, с. 240]. На соймаку 19 сакавіка 1607 г. дайшло да падзелу полацкай шляхты. Адна частка запатрабавала

заканчэння рокашу і прызначыла на з'езд пад Енджэюв пасламі П. Стаброўскага, Д. Корсака, П. Конінскага [26]. Іншая група з удзелам Г. Бральніцкага і берасцейскага ваяводы К. Зяновіча сабралася некалькі дзен пазней і абрала пасламі Александра Тышкевіча і Д. Шчыта Забельскага, якім было даручана дамагацца ўраўнання вісліцкіх (каралеўскіх) і сандамірскіх (ракашовых) артыкулаў, пазбаўлення Віленскага праваслаўнага брацтва ад усялякага ўціску, прасіць караля аб зацвяржэнні наступнага полацкага ўладыкі, якога павінна была абраць сама полацкая шляхта і абароны маёмасці арцыбіскупа падчас вакансіі [27, с. 294]. Аднак з-за аддаленасці Польшчы і блізасці Маскоўскай дзяржавы полацкая шляхта не прыняла масавага ўдзелу ў баявых дзеяннях пад час рокашу, тым больш, што кароль паабяцаў задаволіць шмат з патрабаванняў рознаверцаў, а сойм 1607 г. абвесціў аб дзяржаўных датацыях на рамонт Св. Сафіі [28, с. 450].

У 1609 г. нізавое полацкае святарства адмаўлялася падпарадкоўвацца асуджанаму трыбуналу ВКЛ на пазбаўленне мітрапаліцкай годнасці І. Пацею і адпаведна яго прадстаўніку ў полацкай арцыбіскупіі Г. Бральніцкаму [7, с.12]. Варшаўскі вальны сойм 1609 г. абвесціў канстытуцыю “аб рэлігіі грэцкай”, якая забараняла уніятам рабіць перашкоды дызунітам, фактычна прызнаючы існаванне праваслаўных па-за межамі уніяцкай царквы ў РП [28, с. 465]. Полацкая інструкцыя на сойм 1611 г. загадвала паслу ад ваяводства П. Стаброўскаму дабівацца выканання канстытуцыі 1609 г. “аб рэлігіі грэцкай” і пакарання арганізаванага езуітамі ўдзельнікаў віленскага пагрому (тумульгу) 1609 г., падтрымлівала віленскіх мяшчан у іх барацьбе з І. Пацеем, прасіла выпусціць з вязніцы пісара віленскага брацтва Л. Карповіча і спыніць уніяцкія “інквізіцыі” ў дачыненні да праваслаўных. Пад дакументам падпісаліся, кальвіністы П. Стаброўскі, Міхаіл Друцкі Саколінскі, Фрыдрых Лукомскі і уніят Астафі Корсак Галубіцкі [9, с. 267; 10, с. 89].

Міжканфесійная напружанасць у РП была выкарыстана часткай мяшчанства для спробы змяніць раскладку сіл у полацкім магістраце. Згодна з прывілеем на магдэбургскае кіраванне ад 7 кастрычніка 1498 г., якое Полацк атрымаў па венскім узоры, з 20 гарадскіх раднікаў 10 былі католікамі і 10 праваслаўнымі, а вакансіі 2 бурмістраў таксама падзяляліся паміж вернікамі абедзвюх абшчын [5, с.135–136]. Аднак парытэт відавочна не задавальняў каталіцкую

абшчыну горада, якая яўна спадзявалася на падтрымку Жыгімонта Вазы, які вырашаў канфлікты накарысць католікаў. Напрыклад, у 1601 г. пасля адмовы жаўнераў-католікаў падпарадкоўвацца ўладзе гетмана-кальвініста К. Радзівіла – прызначыў “палкоўнікам войска ў Інфлянтах” Я.К. Хадкевіча [29, с. 87], у 1605 і 1609 г. прыняў бок В. Рудкага і І. Пацея ў канфлікце з Віленскім брацтвам, адмяніўшы рашэнні Трыбунала ВКЛ аб пазбаўленні іх сану [9, с. 255; 10, с. 86]. У 1611 г. полацкія радцы-католікі (М. Янігшэвіч, Я. Марціновіч, Я. Савіч, В. Сакалоўскі, Я. Іскаковіч) запатрабавалі для сябе або роўнага прадстаўніцтва ў магістраце, чаго было цяжка дасягнуць практычна з-за малалікасці “рымлян” ў горадзе, або асобнага самакіравання (рады) з радцамі “рускай веры” (П. Васілевічам, А. Грыгаровічам, Мелешкам Семенавічам Гедройцам, Я. Мацюшэвічам). Каралеўскі суд звярнуўся па вырашэнне праблемы да Жыгімонта Вазы і той захаваў старажытную роўнасць месцаў у магістраце, хаця і адзначыў дамінацыю праваслаўных у горадзе [30]. Спроба змяніць уладныя паўнамоцтвы ў горадзе пад прыкрыццём рэлігійных матываў правалілася, але яе наяўнасць сведчыць аб палітычнай актыўнасці каталіцкай часткі мясцовага насельніцтва.

Такім чынам, у разгледжаны перыяд у Полацкім ваяводстве адбылося некалькі вострых міжканфесійных канфліктаў: паміж пратэстантамі і праваслаўнымі (1552–1563 гг.), католікамі і праваслаўнымі (1598, 1599, 1609, 1611 гг.), уніятамі і праваслаўнымі (1601, 1609 гг.). Метадамі міжканфесійнай барацьбы былі пагрозы, дыспуты, рэлігійнае навучанне, адмова ад падпарадкавання ўладам, блакіроўка дзеянняў, пратэстацыі і судовыя працэсы. Падчас маскоўскай акупацыі 1563–1579 гг. існавала манаполія праваслаўных у канфесійным жыцці, аднак у наступныя дзесяцігоддзі ўлады паспрабавалі валонтарысцкімі метадамі пашырыць у рэгіёне каталіцызм і унію. У адказ на контррэфармацыйныя крокі цэнтральных улад на лакальным узроўні аформіўся палітычны саюз праваслаўных і пратэстантаў. Усе вядомыя інструкцыі полацкай шляхты так ці іначэй закранаюць пытанні прававых гарантый для разнаверцаў і міжканфесійнага спакою ў ВКЛ. Напружанне міжканфесіянальным адносінам надавалі злаўжыванні мясцовых улад і маёмасныя канфлікты. Адмова цэнтральных улад ад вырашэння пастаўленых пытанняў прыводзіць да радыкалізацыі настрояў шляхты і мяшчанства і падтрымкі часткай з іх рокашу 1606–

1608 г. За выключэннем езуіцкай адукацыі, якая мела папулярнасць, насельніцтва простых станаў супраціўлялася спробам наблізіць іх традыцыю да каталіцкай, і ў гэтым яго падтрымліваў мясцовы клір. Памежнае становішча рэгіёна, захаванне колькаснай перавагі дызунітаў і пратэстантаў і іх палітычную актыўнасць, трэба лічыць галоўнымі прычынамі “нерашучасці” полацкіх уладк ва ўвядзенні уніі і адноснага міжрэлігійнага спакою ў Полацкім ваяводстве ў 1550–1618 гг. і саступак праваслаўным у РП у 1609 і 1611 гг.

Спіс літаратуры

1. Беляев, И. Полоцкая православная церковь до Брестской унии / И. Беляев // Православное обозрение, 1870. – № 1–2. – С. 103–06.
2. Витебская старина: в 5 т. / сост. и изд. А. Сапунов. – Витебск : Витебский губернский статистический комитет, 1883–1888. – Т. 5. Ч. 1: Материалы для истории Полоцкой епархии. – 1888. – 650 с.
3. Жукович, П.Н. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией до 1609 г. / П.Н. Жукович. – СПб. : Типография Главного управления уделов, 1901. – Т. 1. – 609 с.
4. Митр. Макарий. История русской церкви. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rus.sky.com/church_his. – Дата доступа: 01.10.2008.
5. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск : БелЭн, 2002. – 912 с.
6. Родэвальд, Ш. Кантэксты дзеянняў як межы сацыяльных групаў: праваслаўныя і контррэфармацыя ў Полацку / Ш. Родэвальд // Беларускі гістарычны агляд, Снежань 2001. – Т. 8. Сшытак 1–2 (14–15). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lingvo.minsk.by/~bha/08/bha08idx.htm>. – Дата доступа: 01.10.2009.
7. Kempa, T. Prawosławie i unia we wschodnich województwach WKL w końcu XVI i pierwszej połowie XVII w. / T. Kempa // Białoruskie zeszyty historyczne Białystok. – 2004. – Т. 22. – S. 5–41.
8. Kempa, T. Fundacje monasterów prawosławnych w Rzeczypospolitej w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa // Życie monastyczne w Rzeczypospolitej. Red. F. Mironowicz i inn., Białystok, 2001. – S. 74–102.
9. Kempa, T. Wobec kontrreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. – Toruń : wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. – 624 s.
10. Мірановіч, А. Праваслаўная Беларусь / А. Мірановіч. – Беласток : Offset Print, 2009. – 352 s.
11. Жлутка, А. Езуіты на Беларусі: пошукі праўды / А. Жлутка. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://polotsk-history.iatp.by/lastow/bibl/ezuit.rar>. – Дата доступа: 01.10.2009.
12. Янушкевіч, А. Загадкі выправы Івана Грознага на Полацк / А. Янушкевіч // Архэ. Пачатак. – 2009. – № 4. – С. 74–80.

13. Купіш, Д. Полацк 1579 / Д. Купіш // Архэ. Пачатак, 2009. – № 4. – С. 155–287.
14. НГАБ. – Воп. 1. – Спр. 1778. Ч. 1. Кніга запісаў Полацкага земскага суда (1560–1632).
15. Дорошенко, В.В. Мыза и рынок. Хозяйство рижской иезуитской коллегии на рубеже XVI и XVII вв. / В.В. Дорошенко. – Рига : Зинатне, 1973. – 186 с.
16. Архив Юго-Западной России. – Киев : Типография И. и А. Давиденко, 1887. – Ч. I. – Т. 7. – 800 с.
17. НГАБ. – КМФ–18. – Спр. 289, арк. 213аб. Ліст мяшчан полацкіх да пана ваяводы полацкага ў крыўдзе яго ад некаторых мяшчан полацкіх. 18.03.1605, Полацк.
18. Inglot, S. Sprawy gospodarcze Lwa Sapehy / S. Inglot // Studia z Historii społecznej i gospodarczej, poświęconych profesorowi dr. Fr. Bujakowi. – Lwów : Nakład Wydawnictwa Polskiego, 1939. – S. 169–226.
19. 1588 декабра 13. Увязчій (вводный) ліст дворянина Гобебскаго епископу Полацкаму Афонасію Терлецкому на владения архиепископии с инвентарём // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна, 1867. – Т. 1. – С. 167–174. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pcb.biaman.pl/dlibra/doccontent?id=560&dirids=1>. – Дата доступа: 01.10.2009.
20. Вернікоўская, А. Супраціўленне праслаўных Полацкай епархіі ўвядзенню уніі і забойства Язафата Кунцэвіча // Беларускі гістарычны агляд, Снежань 2001. Т. 8. Сшытак 1–2 (14–15). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.lingvo.minsk.by/~bha/08/bha08idx.htm>. – Дата доступа: 01.10.2009.
21. BCz. – Rkps. 2234. – sygn. 51. Інструкцыя на сойм (Слонімскі) з Полацкага ваяводства (1598 г.).
22. Sapieha, E. Dom Sapieżyński / E. Sapieha, J. Tazbir. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe PWN, 1995. – 805 s.
23. Archiwum domu Sapiechów / wyd. A. Prochaska. – Lwów : Drukarnia zakładu narodowego imeni Ossolińskich, 1892. – Т. 1: (Listy z lat 1575–1606). – 577 s.
24. AGAD. – AR. – Dz. II. – sygn. 450. Інструкцыя шляхты Полацкага павета на з’езд любельскі ад 16.5.1606 г., Полацк.
25. AGAD. – AR. – Dz. II. – sygn. 507. Інструкцыя шляхты Полацкага павета ад 2.02.1607 г.
26. AGAD. – AR. – Dz. II. – sygn. 510. Інструкцыя шляхты Полацкага павета ад 19.03.1607 г.
27. Wisner, H. Litwa wobec rokoszu (1606–1607) / H. Wisner // Kwartalnik Historyczny. – Warszawa : Instytut historii PAN, 1972. – Т. 1. – S. 278–298.
28. Volumina legum: w 9 t. / nakładem i drukiem Jozofata Ohryzki. – St. Petersburg : przedruk zbioru praw staraniem xx. Pijarow w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego, Drukarnia J. Ohryzki, 1859. – Т. II: Ab anno 1550 ad annum 1609. – 472 s.
29. Herbst, S. Wojna inflancka 1600–1602 / S. Herbst. – Zabrze : Interfort, 2006. – 253 s.
30. НГАБ. – КМФ 18. – Спр. 292, арк. 261. Дэкрэт мяшчан полацкіх католікаў з руссю 1611 г.

КНЯЗЬ ВАСІЛЬ-КАНСТАНЦІН АСТРОЖСКИ І БРАЦКІ РУХ У КІЕЎСКОЙ МІТРАПОЛІ (АПОШНЯЯ ТРЭЦЬ XVI – ПАЧАТАК XVII ст.)

Асоба князя Васіля-Канстанціна Астрожскага, нягледзячы на пастаянную ўвагу да яе на працягу стагоддзяў, захоўвае лакуны, да якіх, перш за ўсе, патрэбна аднесці шматгранную рэлігійную дзейнасць ахоўніка Праваслаўя. Розныя аспекты рэлігійнай дзейнасці Васіля-Канстанціна Астрожскага актыўна абмяркоўваліся ў літаратуры, пачынаючы з канца XIX ст. [гл.: 1–11 і інш.]. У гістарыяграфіі брацкага руху, які таксама з'яўляецца адным з актуальных пытанняў гуманітарнай навукі Усходняй Еўропы ранняга Новага часу. Гістарыяграфія брацтваў даследуемага перыяду ў сувязі з генезісам Берасцейскай уніі разгледжана намі ў асобным артыкуле [12]. Сведчаннем актуальнасці праблемы ў сучаснай гістарыяграфіі з'яўляюцца найноўшыя манаграфічныя даследаванні [гл.: 13–15]. Але асноўныя моманты сувязяў Васіля-Канстанціна Астрожскага з брацкім рухам толькі згадваюцца.

Гісторыя царкоўных брацтваў у Кіеўскай мітраполіі ўтрымлівае ў сабе значную колькасць дыскусійных пытанняў. Так, у літаратуры неадназначна трактуюцца праблемы, звязаныя з паходжаннем брацтваў, іх тыпалогіяй, наданнем стаўрапігіяльных правоў, канфліктам з іерархіяй, прычынам трывалай і жорсткай барацьбы супраць уніі. На нашу думку, да сённяшняга часу адсутнічае поўная статыстыка брацкага руху, а сучасная гістарыяграфія працягвае пакутаваць ад цяжкай спадчыны атэістычнага мінулага, калі было зроблена ўсё магчымае, каб адлучыць гісторыю брацкага руху ад гісторыі царквы. Мяркуем, што трэба зыходзіць з таго, што самі брацтва былі рэлігійнымі арганізацыямі вернікаў, а ў іх гісторыі свецкія формы дзейнасці былі толькі аднымі са складальнікаў, якія характарызуюць даволі багатыя і разнастайныя формы і праявы брацкага руху. Сёння таксама зразумела, што брацкі рух быў даволі неаднароднай з'явай і захаваў значныя адрозненні царкоўна-юрыдычнага, рэлігійна-культурнага і рэгіянальнага характару. Напрыклад, А. Мірановіч лічыць, што ў адрозненні ад Украіны, на тэрыторыі Беларусі было менш брацтваў, значна меншым было і іх грамадскае значэнне, але

яны таксама адыгралі істотную ролю ў абароне Праваслаўя ад уніі [16, с. 216]. Да гэтага часу дакладна не высветлена праблема ролі свецкіх магнатаў у брацкім руху, акрамя абаронцы Праваслаўнай царквы Васіля-Канстанціна Астрожскага.

Цікавым, перш за ўсе, з'яўляецца пытанне пра самыя раннія звесткі аб падтрымцы Васілём-Канстанцінам Астрожскім дзейнасці брацтваў. Напрыклад, вядомым лічыцца факт асабістага звароту князя ў 1592 г. (разам з Ф. Скуміным-Гышкевічам) да Жыгімонта III Вазы з просьбай зацвердзіць патрыяршую стаўрапігію Львоўскага брацтва, а таксама права на адкрыццё школы і друкарні (што знайшло сваё адлюстраванне ў двух граматах Жыгімонта III Вазы ад 15.10.1592 г.) [17, № 251, с. 388, № 252, с. 390; 18, с. 54–56; 19, с. 45, 84; 20, с. 108–110]. Думка С. Лукашовай пра тое, што патрыяршая стаўрапігія львоўскага брацтва парушала права кіеўскага ваяводы, не мае відавочнага пацверджання [14, с. 234–235]. Відавочна, зусім невыпадкова найбольшую ўвагу князь надаваў менавіта Львоўскаму брацтву. Дарэчы, тэма сувязі князя з Львоўскім брацтвам мае даволі даўнюю гістарыяграфічную традыцыю. Да статкова ўзгадаць адну з першых крыніцзнаўчых публікацый Я. Галавацкага, які яшчэ ў 1866 г. апублікаваў дванаццаць лістоў князя, якія зберагаліся ў архівах Успенскага брацтва, у тым ліку і да львоўскіх братчыкаў [21]. Але публікацыя аўтарам дакументаў Васіля-Канстанціна Астрожскага выйшла за межы акрэсленай тэмы, пазней дакументы да гісторыі брацтва былі перадрукаваны ў іншых корпусных выданнях крыніц.

Першым дакументальна зафіксаваным фактам сувязі Васіля-Канстанціна Астрожскага з Львоўскім брацтвам з'яўляецца ліст ад 25 сакавіка 1588 г., у якім князь намагаўся прымірыць брацтва з Гедэонам Балабанам: як бачна з тэксту, за дапамогай звярнулася само брацтва, якое выслала да князя свайго прадстаўніка, Васіль-Канстанцін Астрожскі меў намер запрасіць да сябе епіскапа і прадстаўніка брацтва і памірыць варагуючыя бакі [22, № 179, с. 468–471; 23, № 97, с. 152–153]. У апошні раз ён звяртаўся да брацтва 1 сакавіка 1607 г. па справе элекцыі новага епіскапа [24, № 170, с. 257–258]. Напрыканцы 80-х – напачатку 90-х гг. XVI ст. актуалізавалася пытанне пра фундатарства/кцітарства князем львоўскага манастыра Св. Ануфрыя [7, с. 97–98], які, як вядома, быў аб'ектам спрэчак паміж брацтвам і львоўскім епіскапам. Падаецца, што пэўныя падставы ў правах на манастыр у князя былі: у 1585 г.

ён загадаў адбудаваць за яго кошт значную частку манастыра, які згарэў пад час пажару 1580 г. (манастыр заставаўся пад апекай брацтва). Інспіраваў справу Гедэон Балабан, які 13 ліпеня 1589 г. намагаўся давесці праз ігумена Унеўскага манастыра С. Барашоўскага, што фундатарам Ануфрыеўскага манастыра быў яшчэ нябожчык князь Канстанцін Іванавіч Астрожскі. Яго сын у час праўлення Стэфана Баторыя працягваў гэтую справу. Адсюль епіскап выводзіў сваю юрысдыкцыю на манастыр [17, № 111, с. 174; 14, с. 212]¹. Цікава, што ў справу ўмяшаўся патрыярх Іерэмія II Транос, які ў грамаце ад 26 жніўня 1589 г. абверг фундатарскія правы князёў Астрожскіх, так як гэта прадстаўляў Гедэон Балабан. Пасля манастыр мог застацца “пад благаславеннем” мітраполіі (на самой справе – замацоўваўся за брацтвам) [17, № 25, с. 199]. У выніку справа была агучана на Берасцейскім саборы 1590 г., які разглядаў канфлікт паміж брацтвам і епіскапам. Сінадальная грамата 22 чэрвеня 1590 г. асудзіла Гедэона Балабана, які нібыта захапіў манастыр, “атрымаўшы” ад караля прывілей “за прычынаю” князя Васіля-Канстанціна Астрожскага [17, № 159, с. 255].

Як вядома, барацьба брацтва супраць львоўскага ўладыкі скончылася поўным паражэннем апошняга (прыведзенае сцвярджанне (нібыта відавочнае) аргументавана паказала С. Лукашова, якая дакладна прасачыла этапы і змест канфлікту епіскапа з брацтвам) [14, с. 204–225; 25, с. 36–52]. У апошні раз пытанне кцітарства над манастыром згадваецца ў лісце кагосьці з найбліжэйшага атачэння князя да братчыкаў ад 24 верасня 1596 г., у якім асуджаліся паводзіны брацтва, якое не жадала паказаць Васілю-Канстанціну Астрожскаму прывілей патрыярха на адлучэнне князя ад кцітарства [17, № 427, с. 739]. Здаецца, што апекаванне князем Васілём-Канстанцінам Астрожскім манастыра Св. Ануфрыя не мела афіцыйнага характару, ці, прынамсі, не было своечасова дакументальна аформлена. Але, праблема не мела значнага ўплыву на стасункі князя з брацтвам.

Цікавым таксама з’яўляецца пытанне, на чым баку ў канчатковым выніку апынуўся Васіль-Канстанцін Астрожскі ў барацьбе Львоўскага брацтва з епіскапам Гедэонам Балабанам. Як справядліва заўважыў К. Лявіцкі, адносіны князя да канфлікту былі паслядоўнымі і прадметнымі: відавочна не падтрымліваючы ні адзін

¹ Аналізуючы сітуацыю канфлікту, у тым ліку і пытанне кцітарства, С. Лукашова безпадстаўна гаворыць аб тым, што Гедэон Балабан здолеў у 1589 г. атрымаць прывілей на манастыр ад князя.

з бакоў, ён бесперапынна намагаўся змякчыць канфлікт [2, с. 108]. Меркаванне Я. Ісаевіча што князь Васіль-Канстанцін Астрожскі стаў на бок Гедэона Балабана, а не брацтва, крыніцамі не пацвярджаецца [26, с. 48]. Цікава, што нягледзячы на нейтральную пазіцыю да моманту прымірэння з епіскапам (у 1596 г. у Астрозе паміж брацтвам і ўладыкам было падпісана мірнае пагадненне аб спыненні варажых і судовых спраў паміж бакамі, у выпадку парушэння згоды адным з бакоў прадугледжвалася пакаранне штрафам у памеры 1000 злотых), князь звяртаўся да Львоўскага брацтва з вялікай павагай і сімпатыяй [15, с. 418–419]. Вядома і яго пазіцыя адносна абароны брацтва і львоўскіх мяшчан ад уціскаў польскай адміністрацыі Львова на розных узроўнях. На маю думку, сама культурна-асветніцкая і рэлігійная дзейнасць Львоўскага брацтва была блізкай Астрожскаму, які сам зрабіў гэты напрамак вызначальным у сваёй праграме адраджэння Русі.

У старой гістарыяграфіі выказвалася думка, што князі Астрожскія былі сябрамі Львоўскага брацтва (першым быў, здаецца, Я. Галавацкі [21, с. 67, 69]). Паколькі згаданы тэзіс патрабаваў пацвярджэння ў крыніцах, дапускалася, што братчыкі падзяляліся на дзве катэгорыі: пачэсных і рэчаісных. Аднаводна, князю Васілю-Канстанціну Астрожскаму адводзілася роля пачэснага братчыка (пазней такім самым пачэсным членам брацтва быў быццам бы гетман П. Сагайдачны) [27, с. 66]². Аднак Я. Ісаевіч справядліва звярнуў увагу на той факт, што нават запісанья ў 1593 г. у Львоўскае брацтва магнаты не былі яго дзеючымі членамі [26, с. 48]. Акрамя таго, выяўлены рэдкія выпадкі, калі нават старэйшыны Львоўскага брацтва з-за нейкіх прычын не былі ўпісаны ў брацкі рэстр (напрыклад, у 1602 г. старэйшына С. Луцкій, у 1604 г. Бартнікевіч і інш.) [27, с. 66]. Акрамя сказанага, у вядомых мне спісках членаў Львоўскага брацтва імя Васіля-Канстанціна Астрожскага не згадваецца [28, с. 90–91; 29, с. 81–91; 30, с. X–XII].

Прывяду іншыя ярскравыя моманты, якія адлюстроўваюць сувязі князя з Львоўскім брацтвам. 1 снежня 1592 г. Васіль-Канстанцін Астрожскі ў вельмі давернай форме звяртаўся да львоўскіх братчыкаў за дапамогай у справе свайго сына Аляксандра, які пад уплывам езуітаў здзейсніў канверсію ў каталіцтва [17, с. 401]. Падтрымліваючы Львоўскае брацтва, князь абараняў

² У той самы час даследчык не прыводзіць імёнаў тых “пачэсных” членаў у рэстры і іх біяграфыя за 350 гадоў яго існавання, даданых да яго публікацыі.

яго інтарэсы, але напярэдадні Берасцейскага сабора 1596 г. сітуацыя змянілася. Львоўскае брацтва сканцэнтравалася на барацьбе з гарадской уладай Львова і канвентам мясцовых дамініканцаў [2, с. 118; 31, с. 108–113]. Цікава, што ў красавіку 1595 г. у абарону брацтва выступілі князі Адам Вішнявецкі і Кірык Ружынскі. Адначасова, ліст-папярэджанне да львоўскіх членаў магістрату напісаў Васіль-Канстанцін Астрожскі [31, с. 112]. Дарэчы, дзякуючы намаганням Астрожскага, епіскап Гедэон Балабан і брацтва (не так даўно – варагуючыя бакі) увайшлі ў адзіны антыуніяцкі лагер. Такім чынам, брацтва мела шырокае прадстаўніцтва на праваслаўным саборы 1596 г. (яно было прадстаўлена чатырма свецкімі дэлегатамі: Іванам Рагацінцам, Юрыем Рагацінцам, Мікалаем Дабранскім і Дзмітрыем Красоўскім). Як бачна, сувязі князя Васіля-Канстанціна Астрожскага з Львоўскім брацтвам грунтаваліся на агульных стратэгічных інтарэсах, звязаных не столькі з барацьбою брацтва з епіскапам Гедэонам Балабанам, колькі з арганізацыяй шырокага блоку супраць уніі [32, № VI, с. 18–19]³.

Васіль-Канстанцін Астрожскі ў лістах часта звяртаўся да львоўскіх братчыкаў у шаблоннай форме. Так у лісце да брацтва ад 12 студзеня 1599 г.: “Мои милые панове мещане львовские!” [17, № 471, с. 812]. Ён таксама інфармаваў брацтва пра тыя ці іншыя падзеі, якія датычыліся абароны правоў львоўскіх мяшчан, а таксама ўсёй праваслаўнай супольнасці. Так, у лісце ад 17 мая 1600 г. князь абмяркоўваў з братчыкамі падзеі на апошнім вальным сейме, выступлення там супраць праваслаўных, а таксама тактыку, якой патрэбна было прытрымлівацца на шляхецкіх сейміках [17, № 447, с. 852]. Князь таксама шырока карыстаўся патэнцыялам Львоўскага брацтва. Так, 17 ліпеня 1602 г. на яго просьбу Успенскае брацтва паслала Астрожскай друкарні грэчаскі шрыфт і накіравала туды ж друкара Касіяновіча для выдання прац александрыйскага патрыярха Мялеція Пігаса (гл. апошняе выданне ліста Васіля-Канстанціна Астрожскага [20, с. 127; 15, с. 211]).

Яшчэ адно брацтва, у падтрымку якога выступіў Васіль-Канстанцін Астрожскі, дзейнічала ў недалёкім ад Астрога Любліне пры царкве Прэабражэння (Спаса) Гасподняга. Час яго засна-

³ Гл., напрыклад, ліст князя Львоўскаму брацтву ад 20 кастрычніка 1603 г., у якім гаворыцца пра ўціск праваслаўных, а таксама пра дапамогу брацтву. У пачатку XVII ст. князь усё зрабіў для прымірэння епіскапа і брацтва, але ж, гэтак было на карысць барацьбы супраць уніі (прымірэнне было афіцыйна зацверджана 21 студзеня 1602 г. пры пасрэдніцтве малдаўскага лагафета Лукі Стройча).

вання даследчыкі традыцыйна адносяць да 1594 г., калі па просьбе мітрапаліта Міхаіла Разгозы Жыгімонт III Вазы зацвердзіў статут і права арганізацыі мясцовых свецкіх асобаў [14, с. 304; 26, с. 37]. У апошні час згаданая пазіцыя значна ўдакладнена, згодна з чым заснаванне брацтва адносяць да канца 80-х гг. XVI ст. (гл. дакладную аргументацыю з адпаведнымі архіўнымі пацверджаннямі [33, с. 45]). Князь Васіль-Канстанцін Астрожскі, які часта бываў у Любліне (тут засядаў Каронны трыбунал, адбываліся агульнадзяржаўныя сеймы), меў сувязі з мясцовай рускай грамадою. Такім чынам, князь выступіў на падтрымку мясцовага брацтва: 5.05.1601 г. разам з Рыгорам Сангушкам і Іакімам Карэцікам на чале вялікай групы валынскай шляхты, якая абяцала ахову і апеку інтарэсаў брацтва, а таксама матэрыяльную падтрымку братчыкам [33, с. 45 (спасылка 33); 34, с. 397–400].

Васіль-Канстанцін Астрожскі меў кантакты з Віленскім Свята-Троіцкім праваслаўным брацтвам. Даследчыкі гісторыі віленскіх брацтваў перакананы, што князь запісаўся разам з іншымі вядомымі прадстаўнікамі шляхты і магнатэрыі у сябры брацтва Святой Троіцы яшчэ да Берасцейскага сабора 1596 г. [35, с. 49]. Між тым у вядомым рэестры сябраў брацтва разам з імёнамі літоўска-рускай магнатэрыі і шляхты яго імя не значыцца (пералік членаў Віленскага брацтва, незважаючы на больш раннюю дату, засведчаны мітрапалітам Міхаілам Рагозай) [36]. Спісак інструкцый на сабор 1594 г., які падпісалі вядомыя літоўскія магнаты, таксама князем не падпісаны [37, № 168, с. 77].

Кантакты Васіля-Канстанціна Астрожскага з Віленскім брацтвам фіксуюцца яшчэ ў даберасцейскі перыяд, прычым яны актывізаваліся на аснове агульных інтарэсаў у барацьбе з уніяй. Так, яшчэ ў 1595 г. віленскія братчыкі прасілі князя пахадайнічаць перад каралём аб скліканні сабора для вырашэння пытання аб адступніках ад Праваслаўя [24, № 74, с. 105]. Яны прымалі ўдзел у саборы 1596 г. выключна на баку праваслаўных (брацкія святары Васіль Троіцкі і Герасім Накрываіла, дзевяць братчыкаў) [38, с. 180]. Віленскія братчыкі падтрымалі князя на сходзе з пратэстантамі ў Вільне ў 1599 г. [8, с. 155–156; 35, с. 50]. Новаму уніяцкаму мітрапаліту Іпацію Пацею, які распачаў сваё праўленне над мітраполіяй узмацненнем уціску на віленскіх праваслаўных, не падабалася падтрымка князем Васілём-Канстанцінам Астрожскім мясцовага брацтва. Так, у лісце ад 1 чэрвеня 1601 г. да Мікалая Крыштафа Радзівіла ён згадваў факт паездкі ў Львоў дэлегацыі віленскіх мяшчан, якая пры-

везла нейкі прывілей, зацверджаны ці то Канстанцінопальскім, ці то “Валынскім” патрыярхам (з гэтай непрыхаванай іроніі ўсе ж такі бачна, што Іпацій Пацей разумеў ролю Астрожскага ў Праваслаўнай царкве) [39, с. 160].

У сувязі з тым, што мясцовае праваслаўнае брацтва ў 1597 г. распачала будаўніцтва царквы Святога Духа, Васіль-Канстанцін Астрожскі ў 1604 г. падарыў яму маёнтак Славенск. Гэты факт пацвярджаецца ў лісце І. Пацея да Л. Сапері [40, № 538, с. 438]. Праз некалькі месяцаў пасля смерці Васіля-Канстанціна Астрожскага брацтва дало бліскучую характарыстыку яго дзейнасці на карысць Праваслаўнай царквы [41, стб. 1153–1154]. Далей праваслаўнае брацтва Святога Духа працягвала звяртацца да Януша Астрожскага (напрыклад, перад сеймам 1608 г. братчыкі звярнуліся па дапамогу ў справе канфлікту з мітрапалітам І. Пацеем) [42]⁴.

Адным з нявырашаных застаецца пытанне аб тым, чаму ў маёнтках Васіля-Канстанціна Астрожскага пры яго жыцці не былі заснаваны брацтвы (прынамсі, гэта датычыцца тэрыторыі Луцка-Астрожскай епархіі, межы якой практычна супадалі з абшарам княжацкіх уладанняў). У выніку распрацоўкі праблемы, знойдзена адзінае сведчанне пра заснаванне князем брацтва ў Цярнопалі [26, с. 24; 43, с. 37–40; 44, с. 46]⁵. Цікава, што Цярнопаль належаў да маёнткаў князя [45, с. 74], яго мясцовыя цэрквы ўваходзілі ў склад Львоўска-Камянецкай епархіі (дадзеныя візітацыі за 1732–1733 гг.) [46, с. 105]. Васіль-Канстанцін Астрожскі ў 1567 г. атрымаў Цярнопаль пасля шлюбу з С. Тарноўскай. У склад маёнтка ўваходзіў горад, фальварак і дзесяць вёсак. Да 1603 г. маёнткам кіраваў Аляксандр Астрожскі. Пры падзеле спадчыны Астрожскіх у 1603 г., цярнопальскі маёнтак дастаўся сыну князя Янушу. Пазней ён перадаваўся ў спадчыну ўнукам Васіля-Канстанціна Астрожскага. Пры больш падрабязным вывучэнні праблемы высвятляецца, што Васіль-Канстанцін Астрожскі тройчы фундаваў мяшчанскую арганізацыю міран у Цярнопалі [47, Воп. 1, Спр. 891]. Крыніцы фундацыі Васілія-Канстанціна Астрожскага ў Цярнопалі ў першы раз былі апісаны згаданым О. Терлецкім. У пачатку XX ст. яны захаваліся ў архіве «Заведення князя Остроўскага в Тернопілі». Гаворка вядзецца пра дзве граматы: 1560 і 1593 гг. Першая была арыгіналам з аўтографам князя, другая – тагачаснаю копіяй. Сучаснае месцазна-

⁴ Паддзена інфармацыя атрымана ад Т. Кемпа, за што яму вялікая падзяка.

⁵ Згаданы факт заснавання брацтва не ўвайшоў у манаграфію С. Лукашовай.

ходжанне апісаных крыніц/дакументаў не вядома. У Цэнтральным дзяржаўным гістарычным архіве Украіны ў Львове захоўваюцца копіі згаданых крыніц, зробленыя ў міжваенны перыяд.

Прааналізаваны дакументы-фундушы датаваныя 1560, 1570 і 1593 гг. З прычыны таго, што цярнопальскі маёнтак дастаўся Васілю-Канстанціну Астрожскаму ў спадчыну ад памерлай жонкі Сафіі Тарнаўскай у 1567 г. (апошнім уладальнікам Цярнопаля з роду Тарнаўскіх быў Ян Крыштаф “Амор”), а ў перыяд з 1579 па 1594 гг. усе правы на Цярнопаль належалі (як спадчына ад маці) яго сынам, то тут узнікаюць цалкам справядлівыя сумненні (да храналагічных неадпаведнасцяў можна дадаць моўныя – крыніца ж напісана па-польску). Звяртаю ўвагу на тую акалічнасць, што сын князя Януш згадваецца ў дакуменце 1593 г., а сын Аляксандр – у дакуменце пра пабудову царквы пад 1602 г. Трэба зазначыць, што Цярнопаль, заснаваны ў 1540 г. вялікім каронным гетманам Янам Тарноўскім, прывілеям ад 1548 г. атрымаў магдэбургскае права, пацверджанне і дазвол 1550 і 1574 гг. [48, с. 188, 189]. Як вядома, у гарадах, якія валодалі магдэбургскім правам, дзейнічаў так званы мяшчанскі патранат над царквамі, які адрозніваўся ад прыватнага (шляхецка-магнацкага). Прыкметнай рысай брацкага руху ў XVI ст. было ўзнікненне брацтваў менавіта ў гарадах з мяшчанскай формай патранату⁶. Магчыма, у выпадку Цярнопаля мы маем справу сумяшчэння дзвюх форм патранату.

Фундушам, датаваным 3 верасня 1560 г. (крыніца з’яўляецца неза-сведчанаю копіяй, зробленай з запісу ў цярнопальскіх магістрацкіх кніг ад 4 лютага 1792 г.), Васіль-Канстанцін Астрожскі ў адказ на просьбу цярнопальскіх мяшчан надаў “права” мясцовай царкве Нараджэння Хрыстова [47, воп. 1, спр. 891, арк. 5–6]. Згаданае наданне цікава ва ўсіх адносінах. Карыстаючыся неабмежаваным правам патранату, Астрожскі дазволіў сабе “паставіць” святара, дыякана, дзяка і прасвірніка. Прад’яўляліся патрабаванні да святара: “абы быў прыстойны і пільны да службы Божай, і вучыў людзей як належыць па-хрысціянску”. У той самы час, святар мог быць епіскапскім

⁶ Гл. даклад: Заикин В. Участие светского элемента в церковном управлении, выборное начало и «соборность» в Киевской митрополии в XVI и XVII веках. Варшава, 1930 (гэтаму пытанню прысвечаны сёмы раздзел працы «Опіка православнаго мішчанства над царквамі у містах», с. 43-48); Тимошенко Л. Парафіяльны і братскае самовярдуванне Київскай митрополіі в добу Берестейскай уніі (друга паловіна XVI–XVII ст.) // Рыхтуецца да друку в зборніку матэрыялаў Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў Люблінскім універсітэце Маріі Складоўска-Кюры.

пратапопам ці намеснікам. Паколькі такія святар належаў усе ж такі да епархіяльнай улады, князь прадугледзеў зносіны з львоўскім епіскапам. Вельмі характэрна, што ніхто не мог “адхіліць” святара. Значным таксама з’яўляецца ўказанне аб заснаванні шпіталю для “ўбогіх”, для якога выдзяляліся дзве “пашні” поля за горадам (з дакладным апісаннем іх межаў). Для дагляду, кіраўніцтва і пільнавання за выкарыстаннем грунту прызначаўся ўраднік, “дазорца князя”. Усім царкоўным прычтам, а таксама шпіталем магла кіраваць і загадаваць арганізацыя міран з васьмі асоб (імёны пералічваюцца). Фактычна, вядзецца гаворка пра адных і тых жа асоб: ураднікі, дазорцы князя і згаданая “васьмёрка” – гэта сінонім для абазначэння міранскай арганізацыі. Паўнамоцтвы яе членаў дакладна прапісаны: распараджацца шпітальнымі надзеламі і царкоўнымі рэчамі (срэбрам, апаратам і “пышнасямі”). У выніку смерці аднаго з сябраў арганізацыі, абшчына павінна яго замяніць шляхам выбараў. Эканамічная незалежнасць міранскай арганізацыі была дасягнута шляхам вызвалення ад усіх гарадскіх падаткаў. У той жа час, “патроны ці дазорцы” павіны былі рабіць справаздачу аб царкоўных даходах і выдатках. Міранская арганізацыя распараджалася яшчэ адной гарадской царквой Уздвіжання Пачэснага Крыжа.

Звяртаю ўвагу на тое, што ў крыніцы не ўжываецца тэрмін “брацтва”. Таксама, ён адсутнічае ў наступных дзвух дакументах. Тым не менш, гаворка вядзецца пра брацкую міранскую арганізацыю, не зважаючы нават на адсутнасць ва ўсіх аналізаваных крыніцах узгадак пра статут. Цікава, што першы даследчык гісторыі брацтва О. Цярлецкі без усялякага засцеражэння назваў арганізацыю брацтвам: на яго думку, з’явіўся “рід братства царковно-добродійнаго” ў Цярнопалі [43, с. 38]. Нават без інфармацыі пра брацкі статут, у крыніцах адзначаны дакладныя статутныя палажэнні брацкай арганізацыі: выбарнасць і падсправаздачнасць сябраў, іх абавязкі адносна царкоўнай маёмасці, шпіталю і надзелаў, пэўная незалежнасць святара, кантроль над усім царкоўным прычтам з боку “васьмёркі” і інш. Фактычна, князь Васіль-Канстанцін Астрожскі фундаваў арганізацыю міран з пакуль яшчэ недакладнымі рысамі стаўрапігіі.

Другі фондуш не захаваўся. Калі ў 1593 г. брацтва ў чарговы раз звярнулася да князя, то яно аргументавала, што папярэдні прывілей, менавіта 1570 г., згубіўся. Такім чынам, у прывілеі 1593 г. высветлены змест надання 1570 г. [47, воп. 1, спр. 891, арк. 7зв.–8]. Таксама ў ім вялася гаворка пра фондуш для “саборнай” царквы Нараджэн-

ня Хрыстова з зацвярджаннем васьмі “дазорцаў”, “старшых”. З гарадской арэнды ім прызначалася 10 злотых кожны год на шпіталь, пацвярджалася наданне надзелаў. Да новых абавязкаў належала кіраваць, разам са шпіталем, школай і царкоўнымі служкамі: дыяканам, дзякам, “вистрикушем”, прасвірніцай. Пацвярджаўся і парадак выбараў. У пераказе зместу надання 1570 г. не абумоўлена становішча святара.

Трэцяе (і апошняе) наданне датавана 4 верасня 1593 г. (крыніца з’яўляецца копіяй з копіі 1735, засведчана 1743 г.) [47, воп. 1, спр. 891, арк. 7 зв.–9]. Перш за ўсё, у ім сцвярджаецца, што Цярнопаль ужо знаходзіўся ва ўладанні Януша Астрожскага. Разам з пацверджаннем старых правоў на матэрыяльную падтрымку царквы і брацтва, колькасць арганізацыі павялічвалася да дзесяці (іх спіс таксама прыводзіцца). Удкладняліся паўнамоцтвы брацтва: яно павінна было даглядаць “усе ўнутраныя і знешнія царкоўныя парадкі”. Да ўліку аб’ектаў дагляду дадаваліся святарскі і дыяканскі будынкі, школа і інш. Фундаваныя маёнткі вызваліліся ад замкавай апекі і падаткаў.

Удкладнена права дагляду за святаром: братчыкі “пад сваім прызначэннем павінны мець святара і дыякана, у іх жыцці і навуцы”, за імі замацоўвалася права пакідаць вопытных святароў, або, у іншым выпадку, іх “адхіліць”. Адначасова, пацвярджаліся намесніцкія правы святара, які меў пад сваім духоўным кіраваннем іншыя царквы горада і акругі, якая прылягае. Фундатар таксама загадаў, каб яго просьба адносна паўнамоцтваў намесніка і святара да львоўскага епіскапа засталася ў моцы (епіскап даваў сваё благаслаўленне святарам і дыяканам), прынамсі, уладыка не павінен быў супрацьстаяць фундацыям князя. Гэты парадак пашыраўся на гарадскую царкву Уздвіжання Пачэснага Крыжа [47, воп. 1, спр. 891, арк. 1–4]. Дзейнасць брацтва ў астатнія гады жыцця князя паказвае яшчэ адзін дакумент, копія якога дадана да архіўнай справы. 15 чэрвеня 1602 г. са згоды князя Аляксандра Астрожскага і епіскапа Г. Балабана, мясцовае брацтва разам са святаром пратапопам Георгіям Гаўрыловічам заклала мураваны храм каля старога драўлянага. Будаўніцтва царквы Нараджэння Гасподняга было скончана 4 верасня 1608 г. 4 студзеня 1609 г. храм асвятціў новы львоўскі епіскап Іерэмія Цісароўскі.

Як бачым, прааналізаваныя фондушы Васіля-Канстанціна Астрожскага для цярнопальскай царквы маюць вялікае значэнне.

Па-першае, яны з'яўляюцца дакладнай ілюстрацыяй падтрымкі князем брацкага руху, прычым у яго страўрапігійнай форме. Падругое, больш выразна высвятляецца пытанне аб выкарыстанні магнатам права патранату ў сваіх маёнтках: заснаванне брацтва адбылося практычна незалежна ад епархіяльнай улады, а таксама свецкай улады Рэчы Паспалітай.

Звяртаючыся да пытання пра адсутнасць брацтваў на тэрыторыі Валыні, трэба ўлічваць і пазіцыю мясцовага ўладыкі Кірыла Цярлецкага, які, відавочна, непрыхільна ставіўся да брацкага руху [49, с. 6]. Як вядома, найстарэйшае на тэрыторыі Луцкай епархіі брацтва было заснавана пры царкве Уздвіжання Пачэснага Крыжа ў 1617 г., у 1618 г. быў пачаты брацкі памяннік. Цікава, што яго сусед (а з 1595 г. і канфесійны вораг) львоўскі ўладыка Гедэон Балабан, незважаючы на барацьбу з Успенскім брацтвам у Львове, усё ж такі засноўваў брацтвы на тэрыторыі свайго епархіі [50, с. 34]. Гедэон Балабан спрыяў заснаванню брацтваў: у 1589 г. пры царкве Св. Фёдара Цірона ў Кракаўскім прадмесце Львова, у 1602 г. у Галагорах, у 1603 г. у Адамкавіцах каля Берэжан, у 1605 г. пры Праэбражэнскай царкве ў Магілёве, у 1606 г. Свята-Мікалаеўскае брацтва ў Замосці. Хрэстаматычным лічыцца садзейнічанне Гедэона Балабана заснаванню ў 1586 г. брацтву пры царкве Нараджэння Багародзіцы ў Рагаціне, з якім ён не змог наладзіць супрацоўніцтва. Не былі выключэннем і іншыя суседнія ўладыкі (напрыклад, уладзімірскі епіскап Іпацій Пацей і перамышальскі Міхаіл Капысценскі), брацтва ўзніклі і на тэрыторыі Холмскай епархіі⁷. Нагадаю, што да пачатку 90-х гг. XVI ст. саюз князя з Кірылам Цярлецкім быў досыць паспяховы, што знайшло адлюстраванне ў выразных кроках епіскапа па шляху рэфармавання царквы [51].

Падводзячы вынікі, значным з'яўляецца тое, што сувязь князя Астрожскага з царкоўнымі брацтвамі яскрава характарызуе яго дзейнасць як пратэктара Праваслаўнай царквы. Між тым, зразумела, што гэты бок дзейнасці Васіля-Канстанціна Астрожскага не

⁷ Але не існуе ніякіх сведчанняў пра заснаванне ў XVI ст. брацтваў на тэрыторыі Пінска-Тураўскай епархіі, а таксама ў паўднёвай частцы мітрапаліччай епархіі з цэнтрам у Кіеве. Адносна Пінска-Тураўскай епархіі, першае брацтва ў Пінску ўзнікла ў час Пятра Магілы. Уяўленне С. Лукашовай пра тое, што Праэбражэнскае брацтва ў Слуцку, якое было заснавана ў 1586 г., належала да Пінскай епархіі (Лукашова С.С. Миряне и церковь. С. 298), з'яўляецца памылковым, таму што Слуцк заўсёды належаў да мітрапаліччай епархіі. У XVII ст. тут была рэзідэнцыя намесніка мітрапаліта.

трэба перабольшваць ці трактаваць аднабакова. Перш за ўсё, трэба памятаваць, што гаворка ідзе пра абарону правоў Праваслаўнай царквы, якой пагражала абвяшчэнне Берасцейскай уніі 1596 г. Трэба памятаць аб тым, што ў грамадстве позняга Сярэднявечча і ранняга Новага часу выкарыстоўваліся агульнапрынятыя (у той жа час – своеасаблівыя) метады аховы, якія лічыліся для таго часу цалкам “нармальнымі”. Адначасова прыведзены матэрыял пра фундаванне князем Васілём-Канстанцінам Астрожскім брацтва ў Цярнопалі патрабуе больш пільнай праверкі, таму што гаворка ідзе аб сведчаннях, якія з’яўляюцца старэйшымі за факты гістарыяграфіі адносна пачатку інстытуцыйнага развіцця брацтваў, звязаных з наданнем канстанцінопальскіх патрыярхаў.

(Пераклад з украінскай мовы А.С. Юнгіной)

Спіс літаратуры

1. Likowski, E. Unia Brzeska (1596) / E. Likowski. – Poznań, 1896.
2. Lewicki, K. Książę Konstanty Ostrogski a Unja Brzeska 1596 r. / K. Lewicki – Lwów, 1933.
3. Krajcar, J. Konstantine Basil Ostrozkij and Rome in 1582–1584 / J. Krajcar // *Orientalia Christiana Periodica*. – Rome, 1969.
4. Ісаевич, Я.Д. Літаратурна спадщина Івана Федорова / Я.Д. Ісаевич. – Львів, 1989.
5. Іларіон (митр.). Князь Костянтин Острозький і його культурна праця / Іларіон. – Луцьк, 1992.
6. Kempa, T. Dzieje rodu Ostrozkich / T. Kempa. – Toruń, 2002.
7. Kempa, T. Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1525–1608) wojewoda kijowski i marszałek ziemi wołyńskiej / T. Kempa. – Toruń, 1997.
8. Kempa, T. Wobec kontrreformacji: Protestanci i prawosławni w obronie swobod wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. – Toruń, 2007.
9. Гудзяк, Б. Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейскай уніі / Б. Гудзяк; переклад Маріі Габлевич, під ред. Олега Турія. – Львів, 2000.
10. Яковенко, Н. Топос «з’єднаних народів» у панегірыках князем Острозьким і Заславським (біля витокаў украінскай ідэнтычнасці) / Н. Яковенко // Яковенко, Н. Паралельны свет. Дасліджэння з історыі уявленя та ідэй в Украіні XVI–XVII ст. / Н. Яковенко. – Київ, 2002. – С. 234–239.
11. Тимошенко, Л. Князь В.-К. Острозький і укладення Берестейскай уніі / Л. Тимошенко // *Навуковы запіскі. Історычныя навукі / Нацыянальны ўніверсітэт «Острозька акадэмія»*. – Вып. 13: Князь Василь-Костянтин Острозький в історыі Украіны та Європы: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі; Острог, 15–17 жовтня 2008 р. – Острог, 2008. – С. 105–127.

12. Тимошенко, Л. Ставропігія церковних братств у контексті Берестейської унії. Історіографічний аспект / Л. Тимошенко // *Confraternitas*. Ювілейний збірник на пошану Ярослава Ісаєвича / Відп. Ред. М. Крикун. – Львів, 2006–2007. – Вип. 15: Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність / Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. – С. 250–267.
13. Mironowicz, A. Bractwa cerkiewne w Rzeczypospolitej / A. Mironowicz. – Białystok, 2003.
14. Лукашова, С.С. Миряне и церковь: Религиозные братства Киевской митрополии в конце XVI века / С.С. Лукашова. – М.: Институт славяноведения РАН, 2006. – 320 с.
15. Шустова, Ю.Э. Документы Львовского Успенского ставропигийского братства (1586–1788). Источниковедческое исследование / Ю.Э. Шустова. – М., 2009.
16. Мірановіч, А. Праваславная Беларусь / А. Мірановіч. – Беласток, 2009.
17. Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis. – Leopold, 1895. – Т.1.
18. Zubrycki, O drukarniach rusko-słowiańskich / O. Zubrycki. – Lwów, 1836.
19. Крыловский, А. Львовское ставропигальное братство. (Опыт церковно-исторического исследования) / А. Крыловский. – Київ, 1904.
20. Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI – перша половина XVII ст.): Збірник документів / Упор. Я.Д. Ісаєвич, О.А. Купчинський, О.Я. Мацюк, Е.Й. Ружицький. – Київ, 1975.
21. Головацкий, Я.Ф. Львовское ставропигийское братство и князь Острожский / Я.Ф. Головацкий // *Временник института ставропигийского с месяцесловом на год протый 1867*. – Львов, 1866. – Год четвертый. – С. 66–84.
22. Дополнения к актам историческим / Изд. А.И. Тургенев. – Спб., 1848.
23. Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590–1600). – Romae, 1974.
24. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846–1853. – Т.IV: 1588–1632. – 1851. – 529, 25, 20 с.
25. Лукашова, С.С. Конфликт епископа Гедеона Балабана и львовского Успенского братства в 80-х гг. XVI в.: попытки реформы церкви или борьба за имущественные интересы / С.С. Лукашова // *Славянский альманах: 1999 год*. – М. – 2000. – С. 36–52.
26. Ісаєвич, Я.Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVIII ст. / Я.Д. Ісаєвич. – Київ, 1966.
27. Ваврик, В.Р. Члены Ставропигиона за 350 лет / В.Р. Ваврик // *Временник: научно-литературные записки Львовского Ставропигиона на 1936 и 1937 годы*. – Ч. II: Юбилейный сборник в память 350-летия Львовского Ставропигиона. – Львов, 1937.
28. Список замечательнейших лиц, вписавшихся в книгу Львовского братства, со времени основания сего братства Антиохийским патриархом Иоакимом в 1586 году // *Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волыньском генерал-губернаторе*. – Киев, 1852. – Т.3.
29. Головацкий, Я.Ф. Хронологическая роспись вписных братий прежде братства Львовского Успения Пресвятыя Богородицы, ныне же Института Ставропигийского / Я.Ф. Головацкий // *Временник Института Ставропигийского с месяцесловом на 1864 год*. – Львов, 1864. – Р. 1. – С. 81–91.

30. Шараневич, И. Исторический очерк о Ставропигийской церкви Успения Пресвятой Богородицы во Львове. Введение / И. Шараневич // Юбилейное издание в память 300-летнего основания Львовского Ставропигийского братства. – Львов, 1886. – Т.1.

31. Капраль, М. Національні громади Львова XVI–XVIII ст. (соціально-правові взаємини) / М. Капраль. – Львів, 2003.

32. Голубев, С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Опыт исторического исследования) / С. Голубев // Материалы для истории Западно-Русской Церкви (Приложение к 1-му тому сочинения). – Киев, 1883. – Т. 1.

33. Gil, A. Chełmska diecezja unicka 1596–1810. Dzieje i organizacja / A. Gil. – Lublin, 2005.

34. Петрушевич, А. Сводная Галицко-Русская Летопись с 1600 по 1700 год / А. Петрушевич. – Львов, 1874.

35. Kempa, T. Wileńskie bractwo Sw. Ducha jako centrum obrony prawosławia w Wielkim Księstwie Litewskim w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII w. / T. Kempa // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2004. – Т. 21. – S. 47–69.

36. Реестр уписования братий братства церковного Святои Живоначальной Троицы, олтара Стретенія Господня, в месте Виленском, року от вположения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1584 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1859. – Кн. 3: Материалы славянские. – С. 29–40.

37. Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов. – СПб., 1897. – Т. I.

38. Тимошенко, Л. Берестейська унія 1596 р. / Л. Тимошенко. – Дрогобич, 2004.

39. Kempa, T. Współpraca prawosławnych i ewngelików na terenie Wilna w latach 1596–1603 // *Silva rerum nowa*. Штуды у гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі // Уклад. А. Дзярновіч, Альбіна Семянчук; рэдкал.: Алег Дзярновіч (адказны сакратар). – Вільня-Мінск, 2009.

40. Archiwum domu Sapiehów wydane staraniem rodziny / Opracował Dr. A. Prochaska. – Lwów, 1892. – Т. I : Listy z lat 1575–1606. – XXXV, 577 s.

41. Русская историческая библиотека издаваемая археографическою комиссиею: в 25 т. – СПб., 1872–1908. – Т. XIX. Кн. 3: Памятники полемической литературы в Западной Руси. – 1903. – XIII, 600, 104, 91 с.

42. Ліст братчыкаў да Януша Астрожскага 30 снежня 1608 г. з Вільны // Archiwum Główne Akt Dawnych. – Archiwum Publiczne Potockich. – Sygn. 9. – Т. 1.

43. Терлецький, О. Василь-Костянтин князь Острозький. Історія фундації князя Острозького в Тернополі / О. Терлецький. – Тернопіль, 1909.

44. Мицько, І. Острозька слов'яно-греко-латинська академія (1576–1636) / І. Мицько. – Київ, 1990.

45. Володіння князів Острозьких на Східній Волині (за інвентарем 1620 року) / Переклад, упорядкування і передмова Ірини Ворончук. – Київ-Старокостянтинів, 2001.

46. Скочиляс, І. Генеральні візитації Київської унійної митрополії XVII–XVIII століть. Львівсько-Галицько-Кам'янецька єпархія / І. Скочиляс. – Львів, 2004. – Т. 2: Протоколи генеральних візитацій.

47. Центральний державний історичний архів України у Львові. – Ф. 408. – Оп. 1.

48. Dzieduszycki, L. Tarnopol / L. Dzieduszycki // Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / Red. F. Sulimierski, B. Chlebowski, W. Walewski. – Warszawa, 1892. – Т.ХІІ. – S. 188–189.

49. Пом'яник. Волинське крайове Братство святого Апостола Андрія Первозданного (Луцьке Хрестовоздвиженське): Від року Божого 1618-го і далі / редкол. О. Бірюліна, А.Бондарчук, М.Хілько. – Луцьк, 2000.

50. Degiel, R. Protestanci i prawosławni / R. Degiel. – Warszawa, 2000.

51. Тимошенко, Л. Діяльність єпископа Кирила Терлецького на уряді Луцько-Острозької кафедри / Л. Тимошенко // *Studia z dziejów i tradycji metropolii kijowskiej XII–XIX wieku* / Red. A. Gil. – Т. 5 : *Studia i materiały do dziejów chrześcijaństwa wschodniego w Rzeczypospolitej*. – Lublin, 2009. – S. 193–211.

Любая А.А.

**АНТЫЧНАСЦЬ У СІСТЭМЕ
ГІСТАРЫЧНЫХ І ІДЭАЛАГІЧНЫХ УЯЎЛЕННЯЎ
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА
(СЯРЭДЗІНА XV – ПЕРШАЯ ПАЛОВА XVI ст.)**

Пошук пачаткаў усяго існага, першапрычын кожнай з’явы, нябачных сувязяў паміж мінулым і сучасным уласцівы свядомасці гістарычнага чалавека. Па-сутнасці чалавек тады становіцца гістарычным, калі пачынае аддзяляць сябе ў часе ад папярэдніх падзей, ад сваіх пачаткаў. Для калектыўнай гістарычнай і этнічнай свядомасці чалавека эпохі Сярэднявечча характэрна стварэнне этнагенетычных міфаў аб паходжанні асобных народаў. Гэтыя міфалагічныя канструкты фарміравалі пачуццё еднасці ў межах асобнай этнічнай групы і дапамагалі проста і зразумела патлумачыць чаму кожны народ адрозны.

Да XV ст. у славян Усходняй Еўропы ўжо сфарміраваліся этнагенетычныя міфалагічныя ўяўленні. З аднаго боку яны сведчылі пра агульнае паходжанне славян. Менавіта кроўна-роднаснае адзінства палякаў, чэхаў і русінаў падкрэслівае легенда пра Чэха, Леха і Руса (падрабязней аб месцы гэтай легенды ў палітычных і этнагенетычных уяўленнях славян гл. [1, с. 141–204]). З іншага боку кожны этнас меў сваіх культурных герояў, сваіх першапродкаў. А кожная правячая дынастыя стварала свой генеалагічны міф, які непарыўна нітаваў яе генезіс і развіццё з генезісам і развіццём дзяржавы, тым самым паглыбляючы ў свядомасці разрыў агульнаславянскай еднасці. Такой генеалагічны міф легалізаваў уладу Пястаў [2] у Польшчы і Рурывавічаў ва ўсходнеславянскіх княствах [3, с. 268]. Змест гэтых паданняў сведчыць пра іх архаічнае паходжанне і цесную сувязь са свядомасцю ўсходнееўрапейскіх славян. На гэтым фоне моцна выбіваецца этнагенетычны “ліцвінскі” міф, які ўяўляе сабой свядома створаны ідэалагічны канструкт, які абапіраецца на антычную гісторыю. Каб зразумець прычыны ўзнікнення гэтага феномена і яго месца сярод іншых ідэалагічных і гістарычных уяўленняў інтэлектуальнай і палітычнай эліты Вялікага княства Літоўскага, неабходна звярнуцца да зместу падання і высветліць умовы яго стварэння.

Час узнікнення легенды пра рымскае паходжанне набілітэту Вялікага княства Літоўскага можна аднесці да XV стагоддзя. Упершыню яна сустракаецца ў тэксце “Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae” Яна Длугаша. Польскі храніст двойчы звяртаўся да пытання аб паходжанні “ліцвінаў”. Паведамленні знаходзяцца амаль побач, у двух суседніх раздзелах яго хронікі, але яны крыху па рознаму падаюць гэту гісторыю. У першы раз аўтар піша, што “Lubo nie jest rzeczą dokładnie wiadomą, bo nie znajdujemy tego w żadnym pisarzu, kiedy i jak naród Litewski i Żmudzki przybył do tych krajów północnych [...] Litwini i Żmudzini są pokoleniem Latynów, i jeśli nie od Rzymian, przynajmniej od kiegoś szczepu Lатыńskiego pochodzą” (*Гэта дакладна невядома, бо не знаходзім ні ў воднага пісьменніка, калі і як народ Літоўскі і Жмудзкі прыбыў у гэты паўночны край [...] Ліцвіны і Жмудзіны з’яўляюцца пакаленнем Лацінаў, і калі не ад Рымлян, як менш ад якогасяці роду Лацінскага паходзяць*) (тут і далей пераклад аўтара – А.Л.) [4, с. 442–443]. Гэта значыць, што храніст дакладна не ведаў, ці рымляне былі продкамі народу Вялікага княства Літоўскага. У другі раз ён больш дакладна выказваўся на гэты конт: “Litwini, Żmudzini i Jadzwingowie, chociaż odmienne pozyskali nazwiska i na wiele osobnych podzielili się rodów, byli wszelako jednym ludem wywodzącym swój początek od Rzymian i Italów; a długo nieznani u obcych, w tym czasie dopiero z ciemności się wynurzyli” (*Ліцвіны, Жмудзіны і Ядзьвінгі (Ядзьвягі. – А.Л.), хоць па рознаму прыдбалі імёны і падзяліліся на шмат асобных родаў, былі ўсё ж такі адным народам, які выводзіць свае пачаткі ад Рымлян і Італаў, і доўга былі невядомымі сярод замежцаў, у тым часе толькі з цемры з’явіліся*) [4, с. 445]. Пэўная падвоенасць прысутнічае і ў тым, калі ж продкі ліцвінаў і жмудзінаў пакінулі Італію. У першым паведамленні тлумачыцца, што ў выніку грамадзянскіх войнаў, “якія вяліся паміж Марыем і Сулай, а затым Юліям Цэзарам і Пампеем і іх наступнікамі” частка насельніцтва Рыма была вымушана пакінуць свае дамы і адправіцца на поўнач [4, с. 443]. Такім чынам, працэс міграцыі быў працягнуты ў часе. У другім паведамленні Ян Длугаш прапанаваў зусім іншую канцэпцыю адначасовага перасялення рымлян у часы грамадзянскай вайны паміж Цэзарам і Пампеем. Ён сцвярджаў, што пасля паразы і смерці Пампея, частка яго сваякоў, якія “bliżej spokrewnieni byli z Pompejem, i stronę jego gorliwiej niż inni Rzymianie wspierali” (*знаходзіліся ў бліжэйшым сваяцтве з Пампеем і яго бок больш старанна чым іншыя Рымляне падтрымоўвалі*)

[4, с. 445], непакоючыся пра сваё жыццё, пакінулі Італію ў 714 годзе ад залажэння Рыму (sic! 39 г. да н.э. – А.Л.) і накіраваліся на поўнач. У гэтым выпадку аўтар не толькі дакладна называе абставіны, пры якіх продкі ліцвінаў і жмудзінаў былі вымушаны пакінуць сваю Радзіму і год, калі гэта адбылося. Ян Длугаш удакладняе паходжанне мігрантаў, звязваючы іх не з малавядомымі “szczepami Latyńskimi”, а з найвыбітнейшай і высакароднай постацю ў гісторыі Рыма.

Разыходжанні ў паведамленнях наводзяць на думку пра два варыянта легенды, якімі карыстаўся храніст. А гэта, у сваю чаргу сведчыць, што яна ўжо была пашырана ў сярэдзіне XV ст. Хаця магчыма, што легенда як раз і нарадзілася ў колах блізкіх Яну Длугашу. У гэтым выпадку на старонках хронікі мы назіраем за працэсам яе фарміравання і канкрэтызацыі. Звернем яшчэ ўвагу на два факта. Па-першае, легенда тлумачыць паходжанне выключна балтаў: ліцвінаў, жмудзінаў і, у другім варыянце, ячвягаў. Усходнеславянскае насельніцтва Вялікага княства Літоўскага, рутэнаў, ён яднае з палякамі і называе іх сарматамі. Па-другое, на старонках хронікі легенда ўзнікае не тады, калі Ян Длугаш у кнізе VI у раздзеле, прысвечаным кіраванню Уладзіслава Танканогога, упершыню ўзгадвае “Litwinów nieznanych świata” [5, с. 169], а ў кнізе X, калі аўтар апісвае гісторыю караля Ягайлы. Пры гэтым разважанні на конт паходжання ліцвінаў і гісторыя заснавання горада Вільні сюжэтна і храналагічна разрываюць апавяданне. Гэта можа сведчыць, што Ян Длугаш не столькі меў на ўвазе паходжанне ўсяго “ліцвінскага” народу, колькі хацеў узвысіць паходжанне польскага караля з літоўскай дынастыі.

Доказ італьянскага мінулага ліцвінаў ён бачыць у паходжанні этноніма “ліцвіны” ад этноніма “італьянцы”, маўляў у італьянскай мове перад многімі словамі ўжываецца літара “l”. Такім чынам “Itali” пераўтварыліся ў “Litali (Lithali)”, а суседнія палякі і русіны перавярнулі назву ў “Litwa” [4, с. 443]. Ян Длугаш бачыць падабенства паміж ліцвінамі і рымлянамі і ў рэлігійным жыцці: атаясамляе некаторых балцкіх і славянскіх багоў з Эскулапам, Дыянай, Юпіцерам, знаходзіць падабенства ў пакланенні агню, праўда сцвярджае, што некаторыя элементы рэлігійнага кulta пашыраны і сярод іншых народаў (“w zwyczaj u było nie tylko u Italów i Latynów, ale i u innych narodów”) [4, с. 444]. Многія даследчыкі (М. Улашчык, С. Грачыёцкі) лічаць, што паданне пра паходжанне ліцвінаў са Старажытнага Рыма ўзнікла ў коле наблітаванага

насельніцтва Вялікага княства Літоўскага [6, с. 158–169; 7, с. 71]. Але гэта супярэчыць храналогіі ўзгадак у наратыўных крыніцах пра легендарнае паходжанне ліцвінаў, а таксама агульнаму кірунку ідэалагічнай і палітычнай думкі Вялікага княства Літоўскага другой паловы XV – пачатку XVI ст.

Калі прыняць той факт, што легенда была шырока вядома ў сярэдзіне XV стагоддзя, і ўлічыць, што наступны раз яна ўзгадваецца ў “Трактаце пра дзве Сарматы” Мацея Мехавіта (выйшла ў Кракаве ў 1517 г.) [8, с. 98, 176], дзіўным падаецца пазіцыя стваральніка Супрасльскага летапісу [9]. Гэтая крыніца, створаная на самым пачатку XVI ст., у 1519 г., узнікла ў самім Вялікім княстве Літоўскім ужо пасля працы Мацея Мехавіта. Яе аўтар са спачуваннем адносіцца да літоўскай шляхты, але тут няма нават намёка на легенду пра рымскае паходжанне ліцвінаў. Справа ў тым, што традыцыі беларускага летапісання цесна звязаны з агульнымі тэндэнцыямі развіцця ўсходнеславянскага летапісання, для якога не характэрны антычныя сюжэты, калі яны не запазычаны са Святога Пісання або агіябіяграфічных твораў. Сюжэт пра рымскае паходжанне ліцвінаў блізкі па духу рэнесансным тэндэнцыям, якія ў гэты час набіралі сілу ў Заходняй Еўропе. Неабходна сказаць, крыху забягаючы наперад, што варыяцыі гэтай легенды, створаныя ў Вялікім княстве Літоўскім, больш блізкія да ўсходнеславянскай традыцыі летапісання з яе бясконцымі зваротамі да хрысціянскіх біблейскіх сюжэтаў.

Да таго ж сярэдзіна XV стагоддзя – мяркуемы час стварэння легенды – час вельмі спецыфічны. У 1440–1480-я гады ў значнай частцы грамадства Вялікага княства Літоўскага панавалі антыпольскія і антызаходнія настроі. Частка набілітэту, якая ў 1413 г. атрымала польскія шляхецкія гербы, адмовілася ад іх выкарыстання. Фларэнтыйская ўнія (1439 г.) не была прынята нават каталіцкімі коламі Вялікага княства Літоўскага [10]. На працягу гэтага перыяду палітычная эліта Вялікага княства Літоўскага імкнулася разарваць асабістую ўнію з Польскім каралеўствам. Тут можна ўзгадаць і абранне маладога Казіміра Ягайлавіча ў 1440-м годзе асобным манархам Вялікага княства Літоўскага, і няўдалы замах 1481-га года з мэтай пасадыць асобнага манарха ў Вялікім княстве Літоўскім з прадстаўнікоў роду Гедыміна [11, с. 243].

У гэты перыяд прывілеяваная частка грамадства Вялікага княства Літоўскага абапіралася на іншыя прынцыпы легітымізацыі ўлады і паходжання. Найбольш радавітымі лічыліся тыя, хто выводзіў сваё

паходжанне ад легендарнага варажскага правадыра Рурыка і яго нашчадкаў – Рурыкавічаў. Яны былі павязаныя шлюбнымі сувязямі з іншымі еўрапейскімі краінамі, але такія кантакты былі прыпынены ў татара-мангольскі перыяд. Другая частка найвышэйшага наблітэту выводзіла свой радавод ад вялікага князя літоўскага Гедыміна. З гэтага вынікае, што большая частка арыстакратыі не мела патрэбы ў такім раптоўным абгрунтаванні свайго высакароднага паходжання. Калі выказаць меркаванне, што легенда паўстала ў коле т.зв. “новай арыстакратыі”, якая ўзнікла ў выніку сацыяльных і палітычных змяненняў у Вялікім княстве Літоўскім у канцы XIV – першай палове XV ст., то прыйдзеца прызнаць за гэтым сацыяльным слоём групуваю самасвядомасць і высокі ўзровень адукацыі. Але гэта не падцярджаецца крыніцамі¹. Да таго ж, спосаб давесці сваю высакароднасць, апелюючы да антычных продкаў, не мог быць прызнаны легетымным без карэннай ломкі існуючага светапогляду. Нашчадкам радавога літоўскага наблітэту прасцей было б шукаць свае “легендарныя” карані сярод усходнееўрапейскіх герояў. Такім чынам, можна зрабіць выснову, што легенда не была патрэбна ніводнай групе арыстакратыі Вялікага княства Літоўскага для вырашэння праблем звязаных з грамадскім жыццём унутры дзяржавы.

Асобныя даследчыкі, напрыклад С. Грачыёцці, лічаць, што ўзнікненне легенды пра рымскае паходжанне ліцвінаў, гэта адказ на тэўтонскія легенды пра нізкае паходжанне самога вялікага князя Гедыміна [7, с. 72]. Сапраўды, зварот да антычных, асабліва рымскіх, сюжэтаў выглядае больш верагодным аргументам ў спрэчках з прадстаўнікамі заходнееўрапейскай каталіцкай культуры, чым з носбітамі праваслаўнага светапогляду, якія бачылі ў Рыме толькі цэнтр ненавіснага “лаціянства”. Але навошта вялікім князям літоўскім і іх атачэнню выдумляць quasi-антычную канцэпцыю

¹ На думку літоўскага даследчыка Рымвідаса Петраўскаса для літоўскай (маецца на ўвазе балцкай) арыстакратыі Вялікага княства Літоўскага ўвогуле не была характэрна гістарычная свядомасць і адчуванне пераемнасці пакаленняў. Пра гэта сведчыць досыць поздняе ўзнікненне, у дадатак да асабістых, родавых імёнаў. Такім чынам, сваяцкая сувязь адчувалася хутчэй ў межах аднаго пакалення вялікай разбудаваанай сям’і, чым праз яднанне продкаў і нашчадкаў. Тут варта ўзгадаць, што акцэптацыя гістарычнай свядомасці ў літоўскай арыстакратыі адбывалася пераважна праз запазычванне усходнеславянскай традыцыі выкарыстання імя па бацьку, якое з часам ператварылася ў родавае – Кежгайлавічы, Манцігірдавічы і г.д. (з выступлення Р. Петраўскаса на кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў БДУ 27 кастрычніка 2009 г.).

свайго паходжання, ды яшчэ ў адказ саслабеламу Ордэну, які пасля Вялікай вайны 1409–1411 гг. не прадстаўляў такой моцнай пагрозы, як то было ў папярэдні час? Больш верагодным прадстаўляецца, што легенда ўзнікла ў польскім атачэнні Казіміра Ягелончыка. Дынастыя Гедымінавічаў да канца XIV ст. не паспела інтэгравацца ў сістэму дынастычных сувязяў заходнееўрапейскіх дзяржаваў і не зацвердзіла там свой статус. Да таго ж, паходжанне дынастыі ад паганца з цмяным радаводам падрывала прэстыж дзяржавы ў каталіцкім свеце. У гістарыяграфіі выказвалася думка, што легенда пра рымскае паходжанне ліцвінаў тыпалагічна, генетычна і храналагічна стаіць паміж складаннем міфаў пра рымскае паходжанне прусаў і рымскімі каранямі рускіх князёў Уладзіміра і Івана IV. Але гэта не з’яўляецца доказам “літоўскага” паходжання самой легенды. Сумніўна, што ў інтэлектуальным асяродку Вялікага княства Літоўскага, які пераважна карыстаўся мовамі старабеларускай або царкоўна-славянскай, мелі абарачэнне нямецкія хронікі, якія і распавядаюць пра рымскае паходжанне прусаў. Больш рэальная магчымасць прачытаць, а галоўнае зразумець тэксты Пятра Дузбурга і, тым больш, епіскапа Хрысціана была ў польскіх інтэлектуалаў, што ўскосна пацвярджаецца ў “Хроніцы” Мацея Стрыйкоўскага.

Папярэднія даследчыкі, зыходзячы з таго, што змест падання цалкам легендарны, увогуле не разглядалі магчымасць “упісання” этнагенетычнага міфа ў рэальны гістарычны кантэкст. Але варта задаць пытанне, ці не мог стваральнік легенды для большай праўдападобнасці ўплесці рэальныя падзеі ў тканіну міфа? Тут мы можам абaperціся толькі на адпаведнасць гістарычных постацяў, пра якія распавядае легенда, час іх дзейнасці. У дадзеным выпадку асобнай увагі заслугоўвае постаць правадыра рымлян, які эмігрыраваў на паўночны ўсход Еўропы – Палемона.

На старонках хронікі Яна Длугаша Палемона няма. Ён ўзгадваецца ў “Хроніцы Вялікага княства Літоўскага і Жамойцкага” (час стварэння – 1520-я гг.), якая па сутнасці з’яўляецца другім агульнадзяржаўным летапісным зводам [12]. Але тут ў параўнанні з творам Яна Длугаша зменены гістарычныя абставіны перасялення рымлян у Італію: Палемон бяжыць ужо ад Нерона. Варта згадаць, што у “Хроніцы Быхаўца” (1530-я гг.) Палемон увогуле заменены на Апалона; уцёкі рымлян выкліканы не грамадзянскай вайной, а нашэсцем Атылы ў 401 г. [12, с. 128]. Такім чынам, на працягу першай трэці XVI ст. у летапіснай традыцыі Вялікага княства Літоўскага цалкам змяняецца першапачатковы кантэкст легенды.

У той жа час польскія храністы ў цэлым прытрымліваліся версіі Яна Длугаша. Вядома, што Мацей Мехавіт пры напісанні сваіх гістарычных прац карыстаўся “Гісторыяй” Яна Длугаша. Таму не дзіўна, што ён прытрымліваецца той жа версіі, хаця і спасылкаецца на старажытную традыцыю “па расповедах старых людзей”: некаторыя італійцы пакінулі Італію (“quidam Italici [...] deserentes Italiam”) з-за нязгоды з іншымі рымлянамі [8, с. 98, 176]. Наступны з польскіх храністаў, хто ўзгадвае пра легендарнае паходжанне ліцвінаў, быў Йост Людвіг Дэцый. Яго гістарычныя працы выйшлі ў Кракаве ў 1521 г. Сярод іх была “De Jagellonum familia” (“Пра фамілію Ягелонаў”), якая па сваёй сутнасці з’яўлялася апрацоўваннем асобных вытрымак з Мацея Мехавіта. У ёй Дэцый таксама закранае пытанне пра першапачатковую назву Літвы і ў адпаведнасці з Мацеем Мехавітам выводзіць яе ад назвы Італія. Гэту традыцыю працягнулі і іншыя польскія храністы.

Нарэшце ў творы Мацея Стрыйкоўскага “Хроніка польская, літоўская, жамойцкая і ўсёй Русі” (1582 г.) аб’ядноўваюцца абедзве традыцыі. Храніст вельмі ўважліва збіраў звесткі пра паходжанне “ліцвінаў”. На конт гэтага пытання ён падрабязна пераказвае версіі ўсіх сваіх папярэднікаў: Я. Длугаша, М. Кромера, Й.Л. Дэцыя, М. Бельскага, – аднак ніхто з іх пра Палемона не ўзгадвае. Мацей Стрыйкоўскі сцвярджае, што пра Палемона распавядаецца ў творах “некаторых літоўскіх летапісцаў” [13, с. 55].

Можна меркаваць, што польская гістарыяграфічная традыцыя XVI ст. карысталася варыянтам легенды, запісаным Янам Длугашам. Пры гэтым змест легенды не разбудоўваўся. У Вялікім княстве Літоўскім легенда моцна змянілася: іншы гістарычны час, узнікае правадыр, галоўны акцэнт робіцца на паходжанні асобных магнацкіх родаў. Такім чынам, аб’яднаць гэтыя дзве традыцыі можна толькі, калі дапусціць існаванне першапачатковага варыянта легенды, які быў створаны прыкладна ў той жа час, калі Ян Длугаш пісаў сваю “Гісторыю” – у 70-я гг. XV ст. Час узнікнення легенды пацвярджае яе варыятыўнасць у тэксце Яна Длугаша і адсутнасць у ім асобы правадыра рымлян – Палемона. З’яўленне Палемона не было вынікам пераасэнсавання легенды на глебе Вялікага княства Літоўскага. Па-першае, беларуска-літоўскія летапісы вельмі вольна абыходзяцца з гістарычным кантэкстам, мяняюць яго з цягам часу. Па-другое, адаптаванне этнагенітычнага міфа ідзе як раз за кошт Палемона, які пераўтвараецца ў “Хроніцы Быхаўца” ў Апалона.

З гэтага вынікае, што асоба Палемона існавала ў першапачатковым варыянце легенды разам з гістарычным кантэкстам грамадзянскіх войнаў часоў Юлія Цэзара, але калі Ян Длугаш запісаў легенду яна не была да канца аформлена.

Зараз вернемся да пытання ці вядома гістарычная асоба з імем Палемон, якая б жыла ў прамежку часу ад I ст. да н.э. да I ст. н.э.? У антычныя часы імя Палемон (грэчаскае – Πολέμων) не з’яўлялася вельмі рэдкім. Нам вядома каля дзесятка гістарычных асобаў з гэтым імем. Сярод іх некалькі філосафаў, граматык, мастак, трое македанян – ваенных дзеячоў перыяду паходаў Аляксандра Вялікага, і два цара, якія ўладарылі ў Панцыйскім і Басфорскім царстве. На нашу думку найбольш верагодным прататыпам героя падання пра паходжанне літоўскай шляхты можа быць асоба Палемона I Панцыйскага.

Палемон I Панцыйскі яшчэ вядомы як Палемон Піфадорас быў залежным ад Рыма царом Кілікіі, Понта і Басфора. Ён паходзіў з арыстакратычнай грэчаскай сям’і, якая пражывала ў горадзе Лаодзіка (сучасная тэрыторыя Турцыі). Разам з бацькам арганізаваў абарону свайго горада супраць войскаў рымскага рэспубліканца Квінта Лабіена і парфірскага царэвіча Пакора, падчас іх паходу ў Сірыю і Анатолію. За гэта Палемон атрымаў рымскае грамадзянства. Бацька Палеймона Зянон быў сябрам і саюзнікам трыумвіра Марка Антонія і адыграў значную ролю падчас уварвання парфіран у 40 г. да н.э. За дапамогу Зянона ў гэтай кампаніі Антоній у 39 г. да н.э. прызначыў Палемона залежным ад Рыма царом Кілікіі, а пазней і царом Понта. Палемон і надалей удзельнічаў у ваенных кампаніях Антонія супраць Парфіі. У 31 г. да н.э. ён заключыў саюз з трыумвірам Актавіянам. Калі той стаў імператарам, то ўзнагародзіў Палемона скіпетрам са слановай косці, вышытай трумфальнай манціяй і вітаў яго як цара, саюзніка і сябра. Усё гэта было традыцыйнай формай узнагароды рымскіх саюзнікаў. Другім шлюбам Палемон пабраўся з Піфадарыдай – унучкай Марка Антонія. Яна і заняла панцыйскі трон, пасля таго як Палемона забілі паўстанцы [14].

Для нас прынцыповымі з’яўляюцца дзве рэчы. Па-першае, Палемон I Панцыйскі жыў у той жа час, што і легендарныя рымляне з хронікі Яна Длугаша. Па-другое, Палемон I актыўна падтрымліваў аднаго з прэтэндэнтаў на ўладу ў Рыме, з якім сапраўды быў у сваяцтве, – Марка Антонія. Такім чынам, гіпотэза пра “упісанне” легенды ў рэальны гістарычны кантэкст атрымоўвае пэўнае пацвярджэн-

не і гэта дае нам магчымасць акрэсліць пэўныя рысы ўласцівыя яе аўтару. Відавочна, што ён быў чалавекам добра знаёмым з антычнай гісторыяй і меў схільнасці дзяржаўнага дзеяча. Пошукі аўтара легенды пра Палемона павінны стаць сюжэтам для асобнага даследвання, але пэўныя версіі можна выказаць ужо зараз.

На нашу думку, найбольш верагоднай кандыдатурай тут можа быць асоба Калімаха (сапраўднае імя – Філіп Буанакорсі) [пра яго жыццё і дзейнасць гл.: 15]. Ён нарадзіўся ў Італіі ў немажливнай купецкай сям’і, прыехаў у Польскае каралеўства на мяжы 60–70-х гг. XV ст. З 1474 г. з’яўляўся сакратаром і выхавателем дзяцей Казіміра Ягелончыка, у тым ліку і будучага вялікага князя літоўскага Аляксандра. Ён удзельнічаў у выпрацоўцы дзяржаўнай канцэпцыі Ягелонаў, выступаў за моцную каралеўскую ўладу, пісаў гістарычныя і палітычныя творы, у якіх першым у Польшчы выказаў гуманістычныя ідэі. Аднак, каб даказаць сувязь паміж Калімахам і легендай пра паходжанне літоўскай шляхты, варта было б высветліць, у якіх гістарычных творах ёсць згадкі пра Палемона I Панційскага, наколькі яны былі пашыраны ў Італіі ў сярэдзіне XV ст., як этнагенетычны міф і дынастычны міф Ягелонаў суадносіцца з ідэямі самога Калімаха.

Такім чынам, легенда пра рымскае паходжанне літоўскай шляхты ўзнікла не ў колах наблітаванага насельніцтва Вялікага княства Літоўскага. Найвышэйшая арыстакратыя: Рурывавічы і Гедымінавічы – не мелі патрэбы ў дадатковых сродках пацвярджэння свайго высакароднага паходжання, а так званай “новай” арыстакратыі яшчэ не былі ўласцівы гістарычная свядомасць і пачуццё саслоўнай еднасці. У беларускіх летапісах агульнанародныя і дынастычныя пафас легенды сыходзіць на другі план, саступаючы месца прыватным інтарэсам асобных магнацкіх фамілій, як то Гальшанскія, Гаштольды, менш Давойнаў і Манівідавічаў. Для палітычнай думкі Вялікага княства Літоўскага сярэдзіны XV ст. уласцівы “рускія”, славянска-візантыйскія канцэпцыі легалізацыі ўлады. Праз гэта на глебе Вялікага княства Літоўскага першапачатковы варыянт легенды падвергся моцнай адаптацыі закошт уключэння больш знаёмых усходнеславянскаму, праваслаўнаму чытачу сюжэтаў і канцэптаў. Гісторыя Нерона, якая згадваецца ў “Хроніцы Вялікага княства Літоўскага і Жамойцкага”, была шырокавядомай і ў праваслаўным свеце, а ідэя духоўнага “пераносу” Рыма, водгукам якой мог быць

сюжэт пра сыход Апалона з разбуранага войскам Атылы Рыма, хвалявала не толькі думкі маскоўскай палітычнай эліты, але выкарыстоўвалася правячымі коламі Сербіі, Балгарыі і Малдавіі.

Хутчэй за ўсё, існаваў невядомы нам, магчыма не запісаны, першапачатковы варыянт легенды, які ствараўся паралельна з апошнімі кнігамі “Гісторыі” Яна Длугаша дзесьці ў 70-я гг. XV ст. Ён уключаў у сябе гісторыю легендарнага Палемона, які пакінуў Рым пад час барацьбы нашчадкаў Юлія Цэзара. Супадзенне часу дзейнасці і асобных фактаў біяграфіі легендарнага Палемона і пантыйскага цара Палемона I наводзіць на думку, што аўтар легенды быў добра знаёмы з антычнай гісторыяй і наўмысна звязаў свой твор з сапраўднымі падзеямі.

Верагодна, легенда нарадзілася ў колах блізкіх Яну Длугашу, але не належыць аўтарству гэтага польскага храніста. Ян Длугаш вельмі няўпэўнена пераказвае гісторыю перасялення рымлян на поўнач Еўропы, блытаецца ў падрабязнасцях. Легенда не прыводзіцца адразу пасля першай згадкі “літвы” у тэксце кнігі IV, што было б лагічна і зразумела. Яна раптоўна, відаць адмыслова, але невельмі ўдала, упісана ў раздзел, прысвечаны кіраванню Ягайлы, польскага караля з літоўскай дынастыі. Пры чым тэкст легенды сюжэтна і храналагічна разрывае апавяданне пра візіт Ягайлы і Ядвігі ў Вялікае княства Літоўскае. З гэтага вынікае, што ў тэксце Яна Длугаша легенда спатрэбілася менавіта для стварэння больш пазітыўнага вобразу Ягайлы, чыё паходжанне ад паганцаў вялікіх князёў літоўскіх шкодзіла прэстыжу Польскай кароны ў заходнім каталіцкім свеце.

На нашу думку, самым верагодным аўтарам легенды пра рымскае паходжанне літоўскай шляхты мог быць Калімах (Філіп Буанакорсі), які як вядома быў прыхільнікам моцнай каралеўскай улады, удзельнічаў у працы над стварэннем дынастычнай палітыкі Ягелонаў і першым ў Польшчы пачаў пісаць гуманістычныя творы. Відаць, што ён меў прычыны і магчымасці стварыць прыгожую легенду, каб падняць прэстыж дынастыі Ягелонаў.

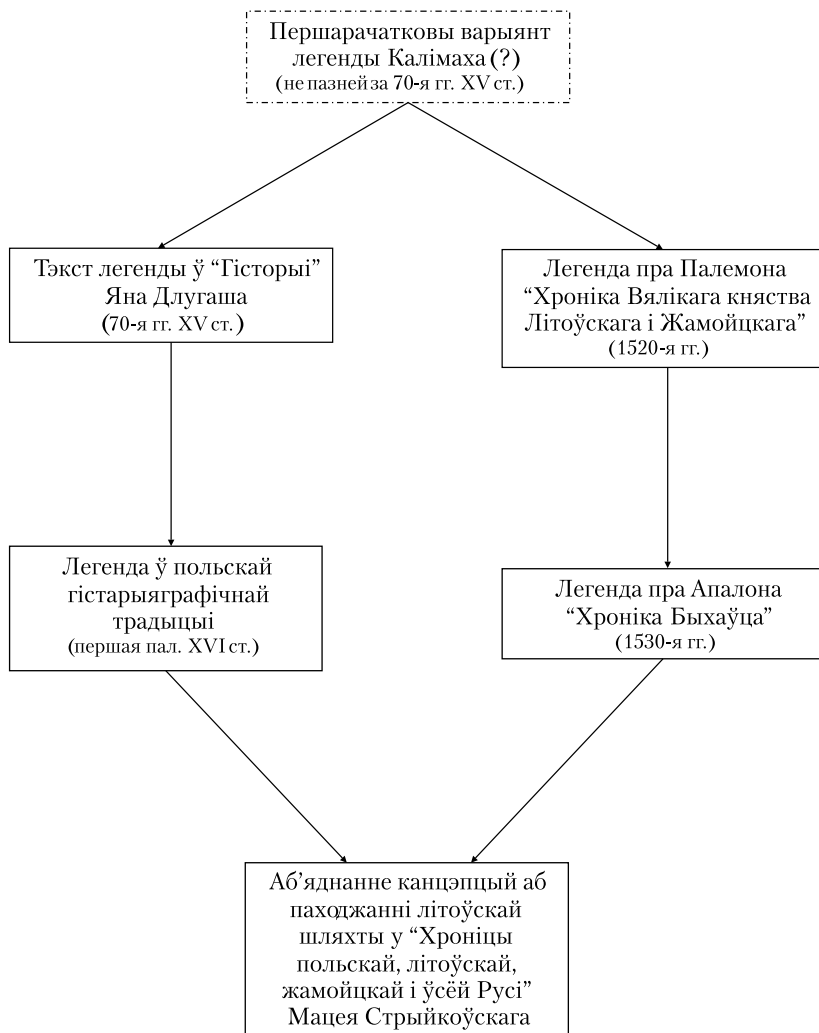
Такім чынам, легенда пра рымскае паходжанне літоўскай шляхты не з’яўляецца вынікам развіцця палітычнай думкі уласна шляхты Вялікага княства Літоўскага. Яна прадстаўляе сабой штучнаствораны пры польскім двары Казіміра IV канцэпт, які меў на мэце забяспечыць інтарэсы дынастыі Ягелонаў. Магнатэрыя Вялікага княства Літоўскага толькі прыстасавала гэту ідэю для ўласных мэтаў.

Спіс літаратуры

1. Мыльников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века / А.С. Мыльников. – СПб. : Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 320 с.
2. Аноним, Галл. Хроника и деяния князей и правителей польских / Галл Аноним // Славянские хроники / Сост. А.И. Цепков. – СПб. : Глаголь, 1996. – С. 325–412.
3. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией. Т. 1–33. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1841–1917. – Т. VII: Летопись по Воскресенскому списку / Предисл. Б.М. Клосса. – [Репр. изд.]. – М. : Языки русской культуры, 2001. – X, 345 с.
4. Długosz, J. *Dziejów Polskich. Książ dwanaście: w 5 t.* / J. Długosz; przekład Karola Macherzyńskiego. – Kraków : Czasu, 1868–1870. – Т. III, Ks. IX, X. – 1868. – 558, XXIII s.
5. Długosz, J. *Dziejów Polskich. Książ dwanaście: w 5 t.* / J. Długosz; przekład Karola Macherzyńskiego. – Kraków : Czasu, 1868–1870. – Т. II, Ks. VI, VII, VIII. – 1868. – 530, XXIII s.
6. Улащик, Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н.Н. Улащик. – М. : Наука, 1985. – 260 с.
7. Грачыёці, С. Фантастычная і рэальная Літва ў старажытных беларускіх хроніках / С. Грачыёці // Ад Полацка і Нясвіжа да Падуі і Венецыі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 101 с.
8. Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. – М. : Тип. им. Володарского, 1936. – 288 с.
9. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1980. – Т. 35: Летописи белорусско-литовские / Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков, составитель и ред. тома д.и.н. Н.Н. Улащик. – 306 с.
10. Любы, А.У. Улада і канфесіі на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага ў перыяд падрыхтоўкі і заключэння Фларэнтыйскай уніі / А.У. Любы // Научные труды Республиканского института высшей школы: сб. науч. ст. В 2 ч. / Под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2008. – Ч. 1. Вып. 6 (11) – С. 193–202.
11. Łowmiański, H. *Polityka Jagellonów* / H. Łowmiański. – Poznań : Wyd. Poznańskie, 1999. – XXII, 673 s.
12. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1975. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жомойтская и Быховца; летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков, сост. и ред. тома д.и.н. Н.Н. Улащик. – 235 с.
13. Strykowski, M. *Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi*: Т. 1–2 / М. Strykowski. – Warszawa : Nakł. G.L. Glucksberga, 1846. – Т. 1. – 1846. – 563 s.
14. Полемон, царь // Брокгауз и Ефрон: Энциклопедия в 86 томах с иллюстрациями и дополнительными материалами. [Электронный ресурс: 6 CD]. – М. : ИДДК-групп, 2004. – 1 электрон. Опт. Диск (CD-ROM). – № 2.
15. Garbacik, J. *Kalimach, jako dyplomata i polityk* / J. Garbacik. – Kraków : PAU, 1948. – 162 s.

Дадатак

Развіццё легенды пра Палемона ў пісьмовых крыніцах

САЦЫЯЛЬНА-ПАЛІТЫЧНЫЯ ІДЭІ Ў АНАНІМНЫМ ТВОРЫ «РАЗМОВА ПАЛЯКА З ЛІТВІНАМ»

Сярэдзіна XVI ст. адзначаецца актывізацыяй сацыяльна-палітычнага жыцця ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага, што садзейнічала таксама развіццю адпаведнай інтэлектуальнай рэфлексіі. У разглядаемы перыяд паўстае першы вядомы ў гісторыі Беларусі твор, спецыяльна прысвечаны грамадска-палітычнай праблематыцы – «Размова Паляка з Літвінам». Дадзены твор быў надрукаваны ананімна на польскай мове і ўяўляе з сябе палеміку з працай вядомага польскага грамадска-палітычнага і рэлігійнага дзеяча Станіслава Ажахоўскага «Квінкункс» (S. Arzachowski, «Quincunx», 1564). Змест працы прадстаўлены як дыялог Паляка, які прытрымліваецца ў асноўным поглядаў С. Ажахоўскага, з Літвінам, з якім атаясамліваецца аўтар. Год і месца выдання твору пазначаны не былі. Тэкст «Размовы Паляка з Літвінам» перавыдадзены ў 1890 г. у Кракаве польскім гісторыкам Юзэфам Кажэнёўскім [1].

У гісторыка-філасофскай літаратуры існуюць розныя падыходы пры вызначэнні аўтарства і даты выдання разглядаемага твору. Польскія гісторыкі XIX ст. К. Асалінскі і М. Балінскі лічылі аўтарам «Размовы Паляка з Літвінам» вядомага прадстаўніка грамадска-палітычнай і рэлігійна-філасофскай думкі ВКЛ Андрэя Волана. У якасці доказу гэтага ўказвалася наяўнасць у друкаваным выданні вершу, падпісанага ініцыяламі «A. W.» [2, s. 12; 3, s. 96]. Аднак дадзеная версія выклікае вялікія сумненні, паколькі вядома, што А. Волан быў актыўным дзеячам евангеліцка-рэфармацкай (кальвінісцкай) царквы, а «Размова Паляка з Літвінам» напісана з выразна пракаталіцкіх і антыпратэстанцкіх пазіцый. Упершыню дадзеная акалічнасць была заўважана польскім гісторыкам літаратуры А. Брукнерам, які выказаў меркаванне, што аўтарам ананімнай працы быў віленскі войт, актыўны дзеяч контррэфармацыйнага руху ў ВКЛ Аўгустын Ратундус [4, s. 161]. У далейшым дадзеная версія знайшла абгрунтаванне ў працах польскіх навукоўцаў Ю. Кажэнёўскага і М. Барычовай [1, s. VII; 5, s. 133–141]. Апошняя быў указаны шэраг падабенстваў, якія сустракаюцца ў творах

А. Ратундуса і ў «Размове Паляка з Літвінам». Дадзеная версія знайшла шырокае распаўсюджанне ў навуковай літаратуры [6, с. 107–115; 7, с. 169; 8, с. 271–272]. Аднак у той жа час іншыя даследчыкі сцвярджаюць, што дадзеныя падабенствы яшчэ не даюць падстаў лічыць А. Ратундуса аўтарам твору і лічаць аўтарства невядомым [9, с. 104]. Няма адзінства сярод навукоўцаў і наконт даты выхаду «Размовы Паляка з Літвінам». Ю. Кажэнёўскі датуе твор 1564 г.; М. Барычова ўказвае на тое, што ён быў выдадзены ў 1565 ці 1566 г. [1, с. VI; 5, с. 135–136]. Наконт месца выдання большасць даследчыкаў прытрымліваюца думкі, што гэта была Берасцейская друкарня Радзівілаў [6, с. 107; 10, с. 65].

Сацыяльна-палітычная праблематыка «Размовы Паляка з Літвінам» не знайшла дастатковага асвятлення ў гісторыка-філасофскай навуцы. Змест твору разглядаецца ў працы польскага гісторыка М. Барычовай у кантэксте творчасці А. Ратундуса, які абвясчаецца аўтарам «Размовы Паляка з Літвінам». У яе працы ўказваецца на аналіз форм дзяржаўнага праўлення, абарону спадчыннай манархіі, крытыку шляхецкага самаўладства, умовы магчымай уніі паміж Польскім каралеўствам і ВКЛ у ананімным творы. Аднак дадзены разгляд мае пераважна апісальны характар [5, с. 133–147, 167–168].

У беларускай гісторыка-філасофскай навуцы вядучае месца ў даследаванні сацыяльна-палітычнай праблематыкі ў творы «Размова Паляка з Літвінам» належыць С.Ф. Сокалу [9, с. 102–115; 11, с. 88–89]. У яго працах падкрэсліваецца ўплыў рэнесансна-гуманістычных ідэй на фарміраванне поглядаў аўтара «Размовы Паляка з Літвінам». С.Ф. Сокал робіць акцэнт на разуменні аўтарам свабоды ў грамадскім жыцці як рэалізацыі гуманістычнага прынцыпу агульнай карысці. Сцвярджаецца наяўнасць у разглядаемай ананімнай працы абгрунтавання абсалютнай манархіі, хаця пры гэтым указваецца крытыка яе крайнасцяў у форме тыраніі. У той жа час некаторыя сацыяльна-палітычныя праблемы, змешчаныя ў ананімным творы (узаемаадносіны дзяржавы і рэлігійных інстытутаў, роля Рады ў сістэме дзяржаўна-палітычнага ўладкавання) не знайшлі дастатковага аналізу.

Такім чынам, існуе неабходнасць у далейшым даследаванні сацыяльна-палітычнай праблематыкі ў «Размове Паляка з Літвінам».

Падобнае даследаванне патрабуе вывучэння сацыяльна-палітычнага і ідэйна-культурнага кантэксту ўзнікнення разглядаемага

твору. «Размова Паляка з Літвінам» паўстае ў пераломны момант гісторыі ВКЛ ва ўмовах падрыхтоўкі уніі з Польскім каралеўствам. Унія азначала не толькі абмежаванне суверэнітэту Вялікага княства, але і істотныя трансфармацыі яго грамадска-палітычнага ладу. Другая палова XV – першая палова XVI ст. былі адзначаны паступовым аслабленнем манархічнай улады вялікага князя і ўзмацненнем ролі Рады ВКЛ (паноў-рады). Разам з тым у гэты час фарміруецца парламенцкі інстытут улады – вальны сойм. Аднак да сярэдзіны XVI ст. галоўная роля на соймах належала панам-радзе, якія фактычна прымалі ўсе соймавыя рашэнні.

З сярэдзіны XVI ст. прадстаўнікі шляхты пачынаюць выступаць з самастойнымі палітычнымі патрабаваннямі. На соймах 1540–1550-х гг. шляхта патрабавала правядзення рэформ у галіне судаводства, адміністрацыйнага кіравання, падаткаабкладання. Рэфармаванне грамадска-палітычнай сістэмы ў інтарэсах шляхецкага стану павінна было суправаджацца ўзмацненнем ролі сойму ў дзяржаўнай сістэме: на сойме 1551 г. станы прасілі, каб сілу закона мела толькі тое, што будзе ўстаноўлена на вальным сойме з ведання вялікага князя і Рады [12, с. 235]. Грамадска-палітычныя настроі шляхты гэтага перыяду былі адлюстраваны ў працы Міхалона Літвіна «Аб норавах татар, літоўцаў і масквіцян» (каля 1550). У маралізатарскай форме аўтар названай працы выказвае канкрэтныя патрабаванні грамадскіх пераўтварэнняў: рэфармаванне судаводства шляхам яго набліжэння да нормаў польскага права з выбарнасцю шляхтай мясцовых судоў, ліквідацыя практыкі займання адной асобай некалькіх дзяржаўных пасадак, рэарганізацыя дзейнасці вялікакняскай канцылярыі і войска, увядзенне прапарцыянальнага зямельнага падаткаабкладання [13]. Вынікам палітычнай актывізацыі шляхты ў пэўнай ступені сталі рэформы 1564–1566 гг. Адначасова ў 1550–1560-я гг. у ВКЛ назіраецца працэс хуткага развіцця рэфармацыйнага руху, да якога далучылася значная частка шляхты. Фарміраванне новых канфесій на базе Рэфармацыі прывяло да ўскладнення міжканфесійнай сітуацыі ў ВКЛ. Вынікам гэтага стала прыняцце Віленскага прывілею 1563 г., згодна з якім адбылося палітыка-прававое ўраўнаванне шляхты ўсіх хрысціянскіх веравызнанняў.

Важным фактарам грамадска-палітычнага жыцця ВКЛ да 1569 г. з'яўлялася праблема ўзаемаадносін з Польскім каралеўствам, з якім Вялікае княства было звязана персаналісцкай уніяй. У 1560-я гг. праблема больш шчыльнай дзяржаўнай інтэграцыі

выходзіць на першы план. Гэта было абумоўлена шэрагам фактараў: няўдалы для ВКЛ пачатак Інфлянцкай вайны; патрабаванні польскай шляхты ва ўмовах актывізацыі экзекуцыянісцкага руху (унія ВКЛ з Польшчай у форме інкарпарацыі была адным з патрабаванняў польскіх экзекуцыяністаў); абвастрэнне супярэчнасцяў у межах палітычнай эліты ВКЛ. Пачынаючы з Пётраўскага кароннага сойму 1562/1563 г., польскі кароль і вялікі князь літоўскі Жыгімонт Аўгуст выразна выступіў з падтрымкай экзекуцыянісцкай праграмы.

Праблема аб'яднання дзюх дзяржаў займала важнае месца на Варшаўскім каронным сойме 1563/1564 г., на якім прысутнічала дэлегацыя ад ВКЛ на чале з маршалкам земскім, канцлерам і віленскім ваяводам Мікалаем Радзівілам «Чорным». На дадзеным сойме адлюстраваліся істотныя разыходжанні ў разуменні уніі паміж палітычнымі элітамі Польшчы і ВКЛ. Польскія паслы, сярод якіх дамінавалі экзекуцыяністы, прадставілі праект інкарпарацыі, паводле якога ВКЛ цалкам ліквідавалася і далучалася да Польскага каралеўства. Прадстаўнікі ВКЛ распрацавалі праект уніі, які прадугледжваў стварэнне агульных соймаў Польскага каралеўства і ВКЛ для правядзення супольных выбараў караля і вялікага князя і вырашэння ключавых пытанняў знешепалітычнай бяспекі пры захаванні, аднак, асобных соймаў, Рады, дзяржаўных пасадак, судаводства, войска і скарбу [14, с. 639–673; 15, с. 42–43; 16, с. 304–305]. У той жа час шляхта ВКЛ выказвала схільнасць да больш шчыльнага аб'яднання з Польшчай. Адлюстраванем гэтага з'яўляюцца патрабаванні вядомага шляхецкага з'езду, які адбыўся ў верасні 1562 г. у вайсковым лагеры пад Віцебскам.

Акрамя рэалізацыі грамадска-палітычных мерапрыемстваў у барацьбе вакол планаў уніі выкарыстоўваліся і ідэалагічныя сродкі. У першую чаргу гэта звязана з прапагандысцкай дзейнасцю прадстаўнікоў польскага экзекуцыянісцкага руху, адрамананай перадусім для шляхты ВКЛ. Галоўным яе накірункам была рэклама Польскага каралеўства як дзяржавы, у якой цалкам ажыццёўлены грамадзянскія і палітычныя правы і прывілеі шляхты. У супрацьвагу гэтаму становішча шляхты ў ВКЛ разглядалася як несвабоднае, залежнае ад магнатэрыі.

Найбольшую вядомасць ў ідэалагічнай прапагандзе інкарпарацыйнага праекту уніі мелі працы ўзгаданага ўжо Станіслава Ажахоўскага. Сярод іх вылучаюцца творы «Квінкункс», напісаны падчас пасяджэнняў Варшаўскага кароннага сойму 1563/1564 г., на

якім аўтар непасрэдна прысутнічаў, а таксама «Паліцыя Каралеўства Польскага» («*Policyja Królestwa Polskiego*», 1565).

У сваіх творах С. Ажахоўскі супрацьпастаўляе каралеўства і княства як дзве радыкальна адрозныя формы дзяржаўнага ўладкавання. Сутнаснай характарыстыкай каралеўства вызначаецца свабода, а княства – няволя. Свабода ў каралеўстве забяспечваецца, папершае, выбарным характарам каралеўскай улады, у выніку чаго грамадзяне добраахвотна прымаюць падданства караля [17, s. 22–23; 18, s. 80]; па-другое – наяўнасцю каплана, які здзяйсняе караначыю і ў далейшым выступае гарантам захавання права ў дзяржаве, кантралюе дзейнасць караля і ў выпадку неабходнасці ажыццяўляе санкцыі, аж да дэтранізацыі манарха [17, s. 38–39, 51–53, 74–77, 92–94; 18, s. 80–84]. У княстве ўлада манарха, на думку С. Ажахоўскага, нічым не абмежаваная, мае тыранічны характар: «У княствах супраць крыўды пана-уладара падданых не маюць ніякай абароны, валадарыць імі вярхоўны пан як хоча, забівае падданых, калі хоча, прадае і закладае іх каму хоча і калі хоча». Літва разглядаецца як прыклад такога тыранічнага княства нароўні з Турцыяй, Масковіяй, Валахіяй [18, s. 66–67, 72].

На аснове здзейсненага тэарэтычнага размежавання паняццяў С. Ажахоўскі характарызуе дзяржаўна-палітычны лад Польскага каралеўства як узорны. Ён вызначаецца паняццем «паліцыя», пад чым разумеецца тып дзяржаўнага ўладкавання, у якім арганічна спалучаюцца элементы манархіі, арыстакратыі і дэмакратыі ва ўзаемадзеянні трох «палітычных станаў»: караля, сената і шляхты [17, s. 25–26]. Вялікае месца ў творчасці С. Ажахоўскага займае апалогія «польскай свабоды»: фіксуецца падпарадкаванасць шляхты аднаму праву з каралём, абмежаванасць каралеўскай улады шляхтай, роўнасць у межах шляхты, гарантыі яе грамадзянскіх і палітычных правоў. Гэта прыводзіць да гармоніі ў грамадска-палітычных адносінах [17, s. 74–75; 18, s. 70, 73]. У супрацьвагу гэтаму грамадскае жыццё ў ВКЛ разглядаецца выключна ў змрочных фарбах, як сінтэз тыраніі і няволі. Таму, сцвярджае С. Ажахоўскі, у ВКЛ адсутнічае сапраўдная шляхта, паколькі галоўнай яе ўласцівасцю з’яўляецца грамадзянская і палітычная свабода, якая ў княстве адсутнічае. А гэта азначае, што ніводзін нават самы высокапастаўлены арыстакрат ў ВКЛ «не з’яўляецца сапраўдным шляхціцам, і не мае ніякага пэўнага права»; «кожны літвін, які б ён не быў найяснейшы і найпершы, не параўнаецца з найніжэйшым палякам» [18, s. 70, 73].

Апошняя сцвярджанне было скіравана перадусім на тое, каб прынізіць арыстакратычную эліту ВКЛ, якая выступала галоўным праціўнікам інкарпарацыі. Пагардлівае стаўленне да эліты ВКЛ праявілася таксама ва ўказанні на характар ўзаемаадносін паміж манархам і падданымі ў ВКЛ. С. Ажахоўскі сцвярджае, што паколькі ў аснове княства знаходзяцца тыранія і няволя, то падданыя-«нявольнікі» ненавідзяць тыранічную ўладу і імкнуцца пазбавіцца ад няволі, якая супярэчыць натуральнай чалавечай прыродзе; таму яны выказваюць лаяльнасць у адносінах да ўлады толькі з-за страху пакарання; аднак, пры кожнай магчымасці падданыя схільныя да здрады ўладару [18, s. 75–78].

Дадзены аналіз адрозненняў каралеўства і княства падводзіў да высновы пра тое, што адзіным шляхам пазбаўлення ад няволі для падданных ВКЛ з'яўляецца далучэнне да Польскага каралеўства. Пры гэтым сцвярджаецца нават своеасаблівая ідэя шляхецка-дэмакратычнага месіянізму Польшчы: «О, нявольны літвіне! Паслухай мяне, вольнага паляка (...) Не для сябе, а для цябе самога зраблю цябе, нявольніка, вольным, як раней зрабіў такога ж нявольнага русіна¹ вольным і свабодным панам і роўным сабе ва ўсім (...)» [18, s. 74]. Шлях да рэалізацыі уніі С. Ажахоўскі бачыць у адмаўленні вялікага князя ад сваіх спадчынных княскіх правоў у ВКЛ і перадачы іх Польскаму каралеўству, г.зн. фактычна інкарпарацыі. Пры гэтым спецыяльна агаворваецца тое, «што нявольная Літва з вольнаю Польшчай ніякім чынам аб'яднаная быць не можа, да тых часоў, пакуль вялікі князь літоўскі, прыродны і спадчынны пан не зробіць яе вольнаю (...), абы такім чынам вызваленая з прыроднай сваёй няволі Літва магла б аб'яднацца з Польскай дзяржавай як вольная з вольнай» [18, s. 67]. Тым самым адмаўляўся праект уніі, які прадугледжваў захаванне дзяржаўнай самастойнасці Вялікага княства.

«Квінкункс» С. Ажахоўскага, апублікаваны ў хуткім часе пасля Варшаўскага кароннага сойма 1563/1564 г., атрымаў шырокую вядомасць і стаў своеасаблівым ідэйным выклікам палітычнай эліце ВКЛ. Менавіта ў якасці адказу на яго паўстае «Размова Паляка з Літвінам».

Незалежна ад розных меркаванняў наконт аўтарства і даты выдання дадзенага твору можна сцвярджаць, што яго напісанне

¹ Маецца на ўвазе Галіцкая Русь, далучаная да Польскага каралеўства ў сярэдзіне XIV ст. Пры пашырэнні на яе тэрыторыю польскага права ў 1434 г. галіцкая шляхта атрымала ўсе правы і прывілеі, якімі валодала польская шляхта.

і выданне прыходзіцца на перыяд паміж 1564 і 1566 гг., а сама праца была інспіравана прадстаўнікамі палітычнай эліты ВКЛ. Існуе меркаванне, што непасрэднымі ініцыятарамі стварэння «Размовы Паляка з Літвінам» былі Радзівілы [6, с. 109; 16, с. 303]. Пацвярджэннем гэтаму можа быць змяшчэнне ў межах твору верша Андрэя Волана «Да Палякаў і да Літвы», які на той час быў сакратаром у вялікага гетмана і трэцкага ваяводы Мікалая Радзівіла «Рудога». Радзівілы названы першымі пры пераліку паважаных арыстакратычных родаў у ВКЛ; асаблівы акцэнт робіцца на іх высакародным паходжанні [1, с. 29, 68–69]. Пэўным засцеражэннем супраць гэтага можа быць тое, што аўтар твору пазіцыянуе сябе як перакананы каталік і вораг Рэфармацыі, у той час як Радзівілы былі галоўнымі апякунамі пратэстантызму ў ВКЛ. У «Размове Паляка з Літвінам» нават маюцца крытычныя выказванні ў адрас літвінскіх магнатаў-«ератыкоў» [1, с. 32–33]. Гэта наводзіць на думку пра тое, што даследуемы твор выйшаў з колаў каталіцкай іерархіі ВКЛ. Аднак тут неабходна ўлічваць тое, што паводле праблемы уніі, якая стала галоўнай прычынай стварэння «Размовы Паляка з Літвінам» і займае цэнтральнае месца ў змесце працы, прадстаўнікі вышэйшага каталіцкага духавенства, што займалі важнае месца ў Радзе ВКЛ, выступалі салідарна з Радзівіламі і блізкімі да іх прадстаўнікамі свецкай арыстакратыі. Сведчаннем гэтага з’яўляецца *votum* віленскага біскупа Валерыяна Пратасевіча на Берасцейскім сойме 1566 г. У ім агучваліся погляды на праблему уніі, блізкія да праекта літвінскай дэлегацыі, прадстаўленага на Варшаўскім каронным сойме 1563/1564 гг. [16, с. 3053–06]. У гэтай сувязі можна меркаваць, што стварэнне «Размовы Паляка з Літвінам» стала сумеснай акцыяй дзеячоў духоўнай і свецкай эліты ВКЛ, якія, нягледзячы на рознагалоссі ў рэлігійнай сферы, узгоднена выступалі на палітычнай арэне.

Неабходна ўказаць таксама ідэйна-тэарэтычныя крыніцы сацыяльна-палітычнай канцэпцыі, выкладзенай у «Размове Паляка з Літвінам». Сярод іх неабходна вылучыць наступныя:

- рэлігійная літаратура: Біблія і творы «айцоў царквы» (Амвросія Медыяланскага, Аўрэлія Аўгусціна);
- антычная філасофская і сацыяльна-палітычная думка, інтэрпрэтаваная ў значнай ступені ў духу рэнесанснага гуманізму (працы Платона, Арыстоцеля, Дэмасфена, Цыцэрона, Авідзія, Сенекі, Лактанцыя Фірмана);

- рэнесансна-гуманістычная сацыяльна-палітычная літаратура (працы Эразма Ратэрдамскага, Нікола Макіявелі);
- гістарычная літаратура (польскія і літоўскія хронікі).

Важна адзначыць таксама тое, што аўтар ананімнага твору прытрымліваўся канцэптальных устаноў контррэфармацыйнага руху, а таму пры аналізе праблем талеранцыі, узаемаадносін дзяржавы і рэлігійных інстытутаў можна заўважыць падабенства яго поглядаў з ідэямі дзеячоў тагачаснай контррэфармацыйнай думкі, што дае магчымасць меркавання аб добрым веданні аўтарам «Размовы Паляка з Літвінам» контррэфармацыйнай літаратуры.

Пераходзячы непасрэдна да аналізу сацыяльна-палітычнай праблематыкі ў «Размове Паляка з Літвінам» можна вылучыць тры асноўныя праблемы, на якіх сканцэнтравана ўвага аўтара: дзяржаўна-палітычнага ўладкавання; рэалізацыі уніі паміж ВКЛ і Польскім каралеўствам; талеранцыі і ўзаемаадносін дзяржавы і рэлігійных інстытутаў у грамадстве.

1. Праблема дзяржаўна-палітычнага ўладкавання

Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» прыводзіць вызначэнне дзяржавы, пазначаючы пры гэтым, што яно ім запазычана, без указання, аднак, крыніцы: «Дзяржава – гэта аб'яднанне людзей пад адным Богам, правам, панам дзеля агульнага добра» [1, s. 59]. Дадзенае вызначэнне ўказвае на тэлеалагічны аспект дзяржавы, сцвярджаючы якога замацавалася ў еўрапейскай сацыяльна-палітычнай думцы з часоў сярэднявечча пад уплывам палітычнай канцэпцыі Арыстоцеля. Пры гэтым адзначаецца, што яно істотна не адрозніваецца ад таго, што прыводзіць С. Ажахоўскі ў «Квінкунксе» [1, s. 59–60].

Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» пагаджаецца з С. Ажахоўскім у тым, што каралеўства з'яўляецца лепшай формай дзяржаўнага праўлення [1, s. 7]. Аднак у той жа час ён крытыкуе апошняга за абстрактнасць і катэгарычнасць высноў. Памылка С. Ажахоўскага, на думку аўтара «Размовы Паляка з Літвінам», заключаецца ў імкненні даць сутнасную характарыстыку пэўнай дзяржавы, зыходзячы са спецыфікі знешняй формы праўлення, а не з аналізу рэальнай грамадскай практыкі [1, s. 8–9]. На аснове шырокага выкарыстання гістарычнага матэрыялу паказваецца тое, што ў рэальнасці ў каралеўствах не заўсёда панавала свабода, а каралі часта былі жорсткімі тыранамі. Асаблівы акцэнт пры гэтым робіцца на прыкладах з гісторыі сярэднявечнага Польскага каралеўства [1, s. 8–23]. Разглядаючы ролю каплана-каранатара як гаранта права

ў каралеўстве, з дапамогай тых жа гістарычных прыкладаў указваецца на тое, што далёка не заўсёды прадстаўнікі вышэйшага духавенства мелі рэальны кантроль над каралямі, а нярэдка самі становіліся ахвярамі рэпрэсій апошніх [1, s. 17].

Праведзены ў «Размове Паляка з Літвінам» крытычны аналіз дуалістычнай тэарэтычнай схемы С. Ажахоўскага «каралеўства-княства» рэзультуецца высновай: «Regnum [каралеўства] і ducatis [княства] не супрацьлеглыя рэчы, паколькі не кожнае каралеўства з’яўляецца свабодным (...), і не кожнае княства выступае нявольным» [1, s. 58–59]. Такім чынам, каралеўства і княства – гэта два варыянты аднаго тыпу дзяржаўнага ўладкавання – манархіі.

Манархія разглядаецца ў «Размове Паляка з Літвінам» як найлепшая форма дзяржавы. Ідэальны тып манархічнай дзяржавы атаясамліваецца з паняццем «вольнай дзяржавы» («wolne państwo»). Галоўнай сутнаснай характарыстыкай «вольнай дзяржавы», як і каралеўства ў канцэпцыі С. Ажахоўскага, з’яўляецца свабода. Калі ў працах С. Ажахоўскага свабода асацыіруецца найперш са шляхецкімі правамі і прывілеямі, то аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» сцвярджае са спасылкай на Цыцэрона: «Сапраўдная свабода там, дзе людзі (...) ўсе свае думкі, справы і імкненні скіроўваюць да агульнага добра, бо яно лепшае, чым уласнае» [1, s. 37]. У гэтым сэнсе крытэрыем свабоды выступае стварэнне ўмоў для забеспячэння грамадскай бяспекі, або «грамадская карысць» [9, с. 108; 10, с. 67]. Так, выхад шляхты паводле загаду манарха на вайну, што з пункту гледжання ідэй шляхецкай дэмакратыі з’яўляецца прыкметай няволі, не супярэчыць прынцыпу свабоды, паколькі накіраваны на рэалізацыю грамадскай бяспекі [1, s. 38–39, 42–43]. У гэтай сувязі ВКЛ у сваім гістарычным мінулым разглядаецца як узор рэалізацыі свабоды: яе адлюстраваннем стала паспяховае абарона краіны (пры гэтым асабліва падкрэсліваліся заслугі літвінскіх паноў). Апошняя стала магчымай дзякуючы ажыццяўленню грамадскай згоды пад кіраўніцтвам вярхоўнай дзяржаўнай улады [1, s. 30–31].

У супрацьвагу гэтаму «польская свабода», заснаваная на прынцыпах шляхецкай дэмакратыі, разглядаецца як несапраўдная свабода, як сваволя, што культывуе крайні індывідуалізм у грамадскім жыцці. Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» са шкадаваннем гаворыць пра недахоп уладных паўнамоцтваў у караля і сената ў Польшчы, што вядзе да поўнай безадказнасці і параліча ўлады: ва ўмовах вострай знешняй небяспекі з боку варожых дзяржаў польская шляхта зай-

маецца не абаронай краіны, а працяглымі дыскусіямі наконт збору падаткаў на вайсковыя патрэбы. З гэтага робіцца выснова, што шляхецкая сваволя не толькі не забяспечвае сапраўднай свабоды, але і ў выніку занябдання грамадскіх інтарэсаў можа прывесці да падзення дзяржавы і ўстанаўлення няволі [1, s. 36–37, 40–43, 48–49].

Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» аналізуе таксама прыкметы свабоднай дзяржавы, якія С. Ажахоўскі прыпісваў выключна каралеўству – абмежаванне манархічнай улады капланствам і яе выбарнасць. Што датычыць ідэі аб абмежаванні свецкай улады духоўнай, то тут аўтар ананімнай працы ў прынцыпе падтрымлівае С. Ажахоўскага: «Вымушаны пагадзіцца, што кожнае хрысціянскае каралеўства атрымлівае ўладу, панаванне і моц ад найвышэйшага рымскага каплана праз сваіх намеснікаў, пастаўленых ім у кожным каралеўстве» [1, s. 8]. Таксама ён пагаджаецца са сцвярджаннем С. Ажахоўскага, што вольнай можа лічыцца толькі тая дзяржава, у якой ёсць ісцінная вера, царква, алтар, каплан [1, s. 26–27, 60; 18, s. 40]. Аднак аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» не можа далучыцца да той думкі, што абмежаванне манархічнай улады з боку духоўнай магчыма толькі ў каралеўстве. Сцвярджаецца, што пасля прыняцця каталіцызму ВКЛ з’яўляецца «хрысціянскім княствам»; у якім прывіляванае становішча займае ісцінная каталіцкая царква. Указваецца на тое, што «паднясенне на вялікае княства» ажыццяўляецца пры ўдзеле вышэйшага прадстаўніка каталіцкага духавенства; вялікі князь атрымлівае з яго рук уладу гэтак сама, як кароль атрымлівае ўладу з рук каплана [1, s. 3, 24–27].

Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» не пагаджаецца з С. Ажахоўскім ў тым, што выбарнасць манарха, якая ўстаноўлена ў Польскім каралеўстве, выступае прыкметай «вольнай дзяржавы». Найлепшай формай дзяржаўнага праўлення, на яго думку, з’яўляецца спадчынная манархія. Дадзеная ідэя абгрунтоўваецца сцвярджаннем таго, што манарх-ураджэнец сваёй краіны больш прыносіць карысці, чым выбарны манарх-чужаземец. Далей аўтар прыводзіць доказ на карысць дадзенага сцвярджэння: кожны чалавек натуральна больш прыхільна ставіцца да свайго, а не да чужога, а таму, з аднаго боку, манарх-ураджэнец сваёй краіны заўсёды будзе больш пільна дбаць пра інтарэсы дзяржавы, чым чужаземец, з другога, падданья будуць больш старанна падпарадкоўвацца кіраўніку дзяржавы, які з’яўляецца іх земляком, чым іншаземцу. Характэрна, што абарона спадчыннай манархіі суправаджаецца спасылкай

на Н. Макіявелі [1, s. 62–65]. Спадчынны характар манархii не з'яўляецца нагодай для таго, каб абвясчаць дзяржаву такога тыпу нявольнай. Галоўнае пры гэтым тое, каб у дзяржаве эфектыўна функцыянавала права; у якасці прыкладу ўказваюцца спадчынныя манархii ў шэрагу еўрапейскіх краін [1, s. 76].

Тэарэтычная аргументацыя на карысць спадчыннай манархii суправаджаецца зваротам да дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ. У дадзеным кантэксце ўсяляк улаўляюцца заслугі дынастыі Ягелонаў. Пры гэтым пастуліруюцца яе «літоўскі» характар; сцвярджаецца, што ў ВКЛ Ягелоны выступаюць як карэнныя правіцелі, а ў Польшчы як запрошаныя з замежжа [1, s. 72]. У выніку даводзіцца, што адносіны паміж манархам і падданымі ў ВКЛ як прадстаўнікамі аднаго народу больш прыязныя і канструктыўныя, чым у Польшчы.

Важнае месца ў «Размове Паляка з Літвінам» займае разгляд структуры дзяржаўна-палітычнага ладу ў «вольнай дзяржаве». Вялікая ўвага пры гэтым надаецца становішчу манарха. Ацэнтуецца ідэя моцнай манархічнай улады: «Няхай кіруе кароль, а каралём не кіруе ніхто, толькі Бог і права» [1, s. 50]. Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» крытычна ацэньвае слабасць каралеўскай улады ў сучаснай яму Польшчы: «Не можа зараз кароль накіраваць грамаду на вайну, толькі тады, калі яна таго захоча, не можа нічога загадаць, нічога зрабіць для паправы дзяржавы, толькі калі грамада таго захоча (...)» [1, s. 40]. На гэтай падставе некаторыя даследчыкі сцвярджаюць тое, што ў «Размове Паляка з Літвінам» змяшчаецца ідэя абсалютнай манархii [5, s. 167–168; 9, с. 109; 10, с. 67]. Аднак дадзенае сцвярджанне нельга лічыць аб'ектыўным, паколькі, па-першае, аўтарам даследуемага твору пастуліравалася права духоўных асоб на кантроль за дзейнасцю манарха (ва ўсіх канцэпцыях абсалютызму ў еўрапейскай думцы ранняга Новага часу, наадварот, сцвярджаўся прырытэт манархічнай улады перад духоўнай); па-другое, аўтар лічыць неабходным абмежаванне ўлады манарха правам, тлумачэнне якога павінна належаць арыстакратычнай радзе (усе абсалютысцкія канцэпцыі, хаця і прызнавалі аўтарытэт права, аднак яго тлумачэнне і рэалізацыю адносілі да кампетэнцыі суверэннага манарха).

У «Размове Паляка з Літвінам» падкрэсліваецца вялікая роля ў дзяржаве рады. Узгаданая фраза «Няхай кіруе кароль, а каралём не кіруе ніхто, толькі Бог і права», якую можна палічыць за доказ схільнасці аўтара да абсалютызму, мае далейшы працяг: «А каб ведаў [кароль], што кажа Бог і чаму вучыць права, яму дадзе-

ны паводле старажытнай і добрай пастановы дзве рады – духоўная і свецкая, якія называюцца сенатам» [1, s. 50]. Дзве рады павінны дапамагаць манарху ў кіраванні дзяржавай на аснове ўсталяваных прававых норм. У тэксце, аднак, няма канкрэтных указанняў на прынцыпы ўзаемаадносін паміж манархам і радай. У той жа час у «Размове Паляка з Літвінам» у панегірычным стылі распавядаецца пра слаўныя традыцыі літвінскіх паноў. У значнай ступені падобны расповяд быў абумоўлены неабходнасцю адказу на зняважлівую характарыстыку С. Ажахоўскім маганатаў ВКЛ як нявольнікаў. Адказ гучыць наступным чынам: «Гэтыя нявольнікі збіралі вакол сябе грамады, амаль цэлыя войскі людзей абодвух народаў, служылі ім высокародныя і палякі і літвіны. Вакол іх знаходзілася шмат людзей рознага стану і народу; іх двары выязджалі, як двары князёў ці нават каралёў (...) Яны сурова выступалі супраць непрыяцеляў, не чакаючы падаткаў, бедных серабшчын і высмажаных пабораў, не чакаючы мізэрнага земскага рушэння» [1, s. 29–30]. Усё гэта павінна было прадэманстраваць вялікае значэнне арыстакратыі ў сістэме дзяржаўна-палітычнага ладу ВКЛ, што забяспечвае яе эфектыўнасць. Дадзеная эфектыўнасць абгрунтоўваецца тым, што кіраванне дзяржавай патрабуе адпаведных ведаў, вопыту, пэўнай палітычнай культуры. Таму выканаць задачы ў разглядаемай сферы могуць толькі належным чынам падрыхтаваныя людзі [1, s. 50–51]. Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» адмаўляе ідэю роўнасці шляхты. На яго думку, паны як «старшая брацця» павінны займаць дамінуючае становішча ў сацыяльна-палітычным жыцці ў адносінах да шляхты.

Ідэалу «вольнай дзяржавы», структура ўладкавання якой у агульных рысах прадстаўлена ў «Размове Паляка з Літвінам», супрацьпастаўляюцца, з аднаго боку, тыранія, з другога, шляхецкая дэмакратыя.

Пад тыраніяй разумеецца тып дзяржаўнага ўладкавання, пры якім правіцель не прытрымліваецца норм усталяванага права. У тыранічнай дзяржаве адсутнічае свабода, паколькі няма гарантый бяспекі для яе падданых, што з'яўляюцца закладнікамі ірацыянальнай волі ўладара. У «Размове Паляка з Літвінам» змяшчаецца ідэя аб праве падданых на супраціўленне дэспатычнай уладзе: «Такога б [тырана] Літва не цярпела б, нават, калі той меў паходжанне з яе крыві. Старалася б знайсці іншага, лепш нават чужаземца» [1, s. 66–67]. У якасці прыкладу супраціўлення тыраніі ў гісторыі ВКЛ прыводзіцца забойства вялікага князя Жыгімонта Кейстутавіча

ў 1440 г. Гэты акт абвяшчаецца доказам існавання традыцый свабоды ў палітычнай культуры грамадства ВКЛ, якая не дапускае магчымасці трывалага ўкаранення тыраніі [1, s. 47–48]. Ідэя аб праве падданных на супраціўленне тыраніі была шырока распаўсюджана ў еўрапейскай сацыяльна-палітычнай думцы сярэднявечча і Новага часу. Галоўны сэнс яе актуалізацыі ў «Размове Паляка з Літвінам» палягае ў тым, што манарх абавязаны прытрымлівацца ўстаноўленага ў дзяржаве права і ўлічваць інтарэсы палітычнай эліты.

Таксама негатыўная ацэнка прысутнічае ў адносінах да шляхецкай дэмакратыі, якая разглядаецца як «сваволя», анархія, што вядзе да крызісу ўлады, пазбаўляе грамадзян бяспекі і абароны з боку дзяржавы. Адмоўную рэакцыю ў аўтара раглядаемага твору выклікае заняцце пануючага становішча ў сацыяльна-эканамічным і сацыяльна-палітычным жыцці польскага грамадства прадстаўнікамі сярэдняй шляхты, якія паступова адсоўвалі на задні план старыя арыстакратычныя роды: «У вас хто ўзвысіцца з дапамогай або гаспадаркі, або шлюбу, спадчыны, паводзінамі, красамоўствам, парушэннем правоў, той пан!» У супрацьвагу гэтаму станоўча ацэньваецца прыклад ВКЛ, дзе трэба падпарадкоўвацца некалькім нямногім высокародным панам, а не кожнаму самавольнаму шляхціцу [1, s. 48]. Такім чынам, робіцца выснова, што шляхецкая дэмакратыя, таксама як і яе супрацьлегласць – тыранія, заснавана на сваволі (рознiца ў тым, што тыранія – гэта сваволя аднаго, а дэмакратыя – сваволя мас), якая па сутнасці прыводзіць да няволі. Негатыўна аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» ацэньвае ўзрастанне палітычнай актыўнасці шляхты ў ВКЛ у сярэдзіне XVI ст. У гэксце з асуджэннем узгадваецца пра рэфарматарскія патрабаванні шляхецкага руху; у супрацьвагу гэтаму сцвярджаецца, што ў мінулым «не пыталіся, як хто жыве дома, як судзіць, як кіруе, ці годны пасады або не той, каго на яе прызначыў Бог праз уладара» [1, s. 32]. Непажаданая палітычная эмансiпацыя шляхты з’яўляецца, на думку аўтара твору, вынікам польскага уплыву.

Крытыкуючы шляхецкую «сваволю», аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» таксама асуджае ўзмацненне эксплуатацыі сялянства і ўціск правоў мяшчан з боку шляхты.: «Ніжэйшыя станы ўціскаеце, проста за нішто для сябе маеце, мяшчанскі і земляробчы станы ледзве людзьмі лічыце, часам больш пагардліва да іх ставіцеся, чым да яўрэяў; больш клапаціцеся пра яўрэйскую, чым пра іхнюю свабоду» [1, s. 51–52]. Такім чынам, тут заўважаны той факт, што развіццё

шляхецкіх вольнасцяў суправаджалася адначасовым павелічэннем залежнасці сялянства ад шляхты як у Польшчы, так і ў ВКЛ. Аднак, можна меркаваць, што аўтар твору наўрад ці быў перакананым праціўнікам феадальнай эксплуатацыі, а толькі выступаў супраць яе крайнасцяў. Падобная пазіцыя дазваляла арыстакратыі ВКЛ, інтарэсы якой адлюстроўваў аўтар «Размовы Паляка з Літвінам», пазіцыяніраваць сябе ў якасці абаронцы ніжэйшых станаў ва ўмовах запрыгоньвання сялянства.

Такім чынам, у «Размове Паляка з Літвінам» у якасці найлепшага тыпу дзяржаўнага ўладкавання пастуліруецца манархія, абмежаваная духоўнай і свецкай арыстакратыяй, засяроджанай у спецыяльным органе дзяржаўнага кіравання – Радзе. Патрабаванні рэфармавання дзяржавы з боку шляхты ацэньваюцца рэзка адмоўна. У гэтай сувязі можна пагадзіцца са сцвярджэннямі тых даследчыкаў, якія адзначаюць кансерватызм і традыцыяналізм разглядаемага твору [5, s. 168; 16, с. 303]. У цэлым ідэі дзяржаўна-палітычнага ўладкавання, выказаныя ў «Размове Паляка з Літвінам», адлюстроўваюць інтарэсы магнатэрыі ВКЛ. Узнікае, аднак, пры гэтым пытанне, чаму аўтар акцэнтуюе ўвагу найперш на аўтарытэце манархічнай улады ва ўмовах калі ў 1560-я гг. фактычна мела месца пэўнае супрацьстаянне паміж манархам і Радай паводле пытання уніі. Патлумачана гэта можа быць дзвюма прычынамі. Па-першае, пастулаты шляхецкага руху па сутнасці былі накіраваны на аслабленне ўлады не толькі Рады, але і вялікага князя, а таму абарона годнасці манархічнай улады, якая ў свядомасці людзей сярэднявечча і ранняга Новага часу мела асаблівы статус, можа разглядацца ў дадзеным кантэксце як сімвал абароны ўсталяванага дзяржаўна-палітычнага ладу, заснавага на сумесным кіраванні манарха і арыстакратычнай рады. Па-другое, акцэнтаванне аўтарытэту ўлады вялікага князя можна разглядаць як пэўны заклік да Жыгімонта Аўгуста аб супрацоўніцтве з магнатэрыяй, у тым ліку і паводле пытання уніі ВКЛ з Польскім каралеўствам.

2. Праблема рэалізацыі уніі паміж ВКЛ і Польскім каралеўствам

Адносіны да уніі ў «Размове Паляка з Літвінам» маюць неадназначны характар. З аднаго боку, аўтар твору падкрэслівае пазітыўны характар самой ідэі уніі: «Хочам быць з вамі разам». Гэтая ідэя некалькі разоў узнаўляецца ў творы [1, s. 1, 49, 76–77]. Аднак праект інкарпарацыі рашуча адмаўляецца. ВКЛ разглядаецца

як самадастатковая «вольная дзяржава». Сцвярджаецца ідэя дзяржаўнага суверэнітэту: «Хочам карыстацца свабодай, у якой з ласкі Божай даўно знаходзімся, але сваю, здаўна ўсталяваную і добра ўладкаваную дзяржаву, далучыўшы да вашай, страціць не хочам (...)» [1, s. 1]. У гэтай сувязі унія бачыцца магчымай толькі на раўнапраўнай аснове, пры захаванні адметнага дзяржаўнага ладу ў ВКЛ. Польскі праект уніі выклікае перасцярогі ў сувязі з заганамі грамадска-палітычнага жыцця ў Польскім каралеўстве: «Калі хочаце, каб мы былі з вамі сапраўды аб'яднаныя (...), не навязвайце нам празмерную сваволлю вашай дзяржавы, трымайце ў пашане ўладара і раду» [1, s. 50]. Як прыклад адмоўнага ўплыву «польскай свабоды» на грамадскае жыццё ў ВКЛ прыводзяцца свавольныя паводзіны польскіх жаўнераў, што знаходзіліся на тэрыторыі ВКЛ ва ўмовах вайны з Масковіяй [1, s. 44–45].

Магчымасць рэалізацыі уніі ВКЛ з Польскім каралеўствам бачыцца аўтару «Размовы Паляка з Літвінам» пры выкананні пэўных умоў. Падкрэсліваецца неабходнасць забеспячэння «згоды», стабільнасці ў грамадстве, каб унія магла стварыць па-сапраўднаму трывалае аб'яднанне. Асабліва акцэнтуюцца пры гэтым пытанне рэлігійнага адзінства. Аўтар працы сцвярджае, што дзяржаўная унія можа мець эфект толькі ва ўмовах монаканфесійнага грамадства: «Дзе з Богам няма аб'яднання, не будзе аб'яднання і з народам; Бог раз'яднае тых, хто не мае з ім адзінства» [1, s. 79]. У гэтым кантэксце аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» як прадстаўнік кантэррэфармацыйнага руху і адначасова абаронца суверэнітэту ВКЛ імкнуўся давесці, што пытанне уніі з'яўляецца неістотнай ў параўнанні з праблемай захавання пануючага статусу каталіцкай царквы ў абедзвюх дзяржавах.

У «Размове Паляка з Літвінам» выстаўлена таксама цалкам прагматычная ўмова заключэння уніі – вайсковая дапамога з боку Польшчы Вялікаму княству ў Інфлянцкай вайне. Пра гэта аўтар выказваецца вельмі катэгарычна: «Цягнеце нас да уніі, на колькіх соймах праводзіце дыскусію вакол яе; лепш вызваліце нас з рук неспрыяцеля, які ў Смаленску і Пскове, а перад тым у Ноўгарадзе Вялікім і Северы, а год таму ў Полацку, нібыта на шыі ўсеўшыся, душыць нас, а вы нас да сябе за ногі хапаеце, замест адзінства вы нас не тое што раздвоіце – разарвеце на шматы» [1, s. 44–45].

Такім чынам, погляды на праблему уніі паміж ВКЛ і Польскім каралеўствам, выкладзеныя ў «Размове Паляка з Літвінам», уяўляюць з сябе фактычна рэпрэзентацыю праекта інтэграцыі,

выпрацаванага ў Радзе ВКЛ у 1560-я гг. Унія разглядаецца як аб'яднанне дзвюх суверэнных дзяржаў на раўнапраўнай аснове, пры захаванні адметнасцяў дзяржаўна-палітычнага ладу.

3. Праблема талеранцыі і ўзаемаадносін дзяржавы і рэлігійных інстытутаў у грамадстве

«Размова Паляка з Літвінам» становіцца першым творам, што паходзіць з тэрыторыі ВКЛ, у якім адлюстраваны контррэфармацыйны падыход да разглядаемай праблемы. М. Барычова адзначае паслядоўнае адстойванне інтарэсаў каталіцкай царквы ў гэтым творы як адзін з доказаў таго, што яго аўтарам з'яўляецца А. Рагундус, вядомы як актыўны дзеяч контррэфармацыйнага руху ў ВКЛ [5, s. 137]. Незалежна ад таго, хто быў аўтарам «Размовы Паляка з Літвінам», у дадзеным творы выразна прасочваюцца ідэі, характэрныя для польскай контррэфармацыйнай думкі ў 1550-1560-я гг. (С. Гозій, М. Кромер, С. Ажахоўскі). Характэрна, што, праводзячы вострую палеміку з С. Ажахоўскім паводле праблем дзяржаўна-палітычнага ўладкавання і уніі, аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» займае амаль ідэнтычныя з ім пазіцыі ў вырашэнні рэлігійных праблем.

У межах даследуемага твору пастуліруецца ідэя монаканфесійнасці ў грамадстве, у сувязі з чым выкарыстоўваецца шырока распаўсюджаны ў контррэфармацыйнай думцы канцэпт «згоды», у кантэксце якога стабільнасць у грамадстве звязваецца з наяўнасцю агульных рэлігійных перакананняў. Са спасылкай на антычнага аўтара Лактанцыя Фірмана сцвярджаецца, што адзіная рэлігія – гэта галоўны фактар грамадскага адзінства [1, s. 77–78]. Такой адзінай рэлігіяй павінен быць каталіцызм. Панаванне каталіцкай царквы, атрыманне манархам улады з рук каплана выступаюць крытэрыем «вольнай дзяржавы».

Пры разглядзе ўзаемаадносін дзяржавы і каталіцкай царквы актуалізуецца ідэя «капланскага каралеўства», якая сфарміравалася ў заходнеўрапейскай думцы эпохі сярэднявечча і знайшла абгрунтаванне ў дыскурсе польскага контррэфармацыйнага руху ў сярэдзіне XVI ст. Сутнасць яе палягае ў сцвярджэнні мадэлі арганічнага адзінства свецкай і духоўнай улады пры прыярытэце апошняй. Асноўнай функцыяй дзяржаўнай улады абвешчаецца захаванне грамадскага спакою; пры гэтым свецкая ўлада павінна абараняць царкву і не мае права прымаць самастойныя рашэнні паводле рэлігійных пытанняў. У выпадку, калі свецкая ўлада не выконвае сваіх абавязкаў у сферы абароны пануючай рэлігіі,

духоўны кіраўнік мае права санкцыянаваць непадпарадкаванне падданных манарху, нават дэтранізаваць апошняга і выконваць пры пэўных умовах функцыі свецкай улады [18, s. 4–63, 80–111; 19, k. 47–52].

Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» цалкам падтрымлівае канцэпцыю «капланскага каралеўства», прапанаваную С. Ажахоўскім (нязгодна ў яго выклікае толькі адмаўленне наяўнасці рыс «капланскага каралеўства» у ВКЛ) [1, s. 8]. Пры аналізе функцый Рады ў сістэме дзяржаўнага апарату падкрэсліваецца роля яе духоўнай часткі: «Ад духоўных кароль няхай даведваецца волі і права Божага (...), а як ад духоўных, так і ад свецкіх – грамадзянскіх правоў, якія называюцца *politicis leges*; бо духоўны стан з’яўляецца найбольш значным (...)» [1, s. 50–51]. Каталіцкае духавенства, на думку аўтара «Размовы Паляка з Літвінам», выступае гарантам непарушнасці права ў дзяржаве. У выпадку, калі б духоўны стан адсутнічаў, «не будзе нікога, ад каго б кароль мог навучыцца волі Божай, без якой не будзе ведаць і свецкіх правоў» [1, s. 51].

Узнікае, аднак, пытанне, якое месца ў грамадстве павінны займаць некаталіцкія канфесіі? У «Размове Паляка з Літвінам» выкарыстоўваецца дыферэнцыраваны падыход у адносінах да іх. Стаўленне да Прусаў дастаткова талерантнае: указваецца на тое, што паводле права ВКЛ падданыя могуць належаць «або да рымскай, або да грэчаскай царквы» [1, s. 7]. Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» адмоўна ставіцца да Віленскага прывілею 1563 г., паводле якога прусаўным было дазволена займаць вышэйшыя дзяржаўныя пасады, аднак, адзначае, што талеранцыя ў дачыненні да прусаўных – меншае зло ў параўнанні з талеранцыяй да рэфармацыйных вызнанняў. Вызначаецца статус Прусаўнай царквы як царпімай канфесіі са спасылкай на аўтарытэт Фларэнтыйскага сабору [1, s. 28].

У той жа час стаўленне да рэфармацыйных вызнанняў, якія кваліфікуюцца як «ерасі», у «Размове Паляка з Літвінам» мае крайне негатыўны характар. У адносінах да прадстаўнікоў рэфармацыйнага руху ўжываюцца інвектывы, характэрныя для рэлігійнай палемікі таго часу, кшталту «чарнакніжнікі», «няшчасная і ядавітая секта» [1, s. 29, 79]. У кантэксте палемікі з С. Ажахоўскім сцвярджаецца, што распаўсюджанне «ерасяў» у ВКЛ звязана з польскім уплывам, паколькі асноўныя прапаведнікі «новай веры» з’яўляюцца ў ВКЛ з Польшчы [1, s. 29, 32]. Рэфармацыя ўваходзіць у адзіны кантэкст

з уплывам польскай шляхецкай дэмакратыі ў Вялікім княстве. Аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» акцэнтуюе значнасць уплыву рэфармацыйнага руху ў Польскім каралеўстве і ў той жа час змяншае істотнасць дадзенага ўплыву ў ВКЛ. Адзначаецца, што ў ВКЛ правы і прывілеі каталіцкага духавенства захоўваюцца ў большай ступені, чым у Польшчы. Рэзка асуджаецца рашэнне Пётркоўскага кароннага сойму 1562/1563 г., паводле якога адмяняўся абавязак дзяржаўных ураднікаў прыводзіць у выкананне пастановы духоўных каталіцкіх судоў аб справах «ерасі». У супрацьвагу гэтаму ўказваецца на адсутнасць падобных рашэнняў у ВКЛ². Адначасова аўтар «Размовы Паляка з Літвінам» выказвае шкадаванне з прычыны пераходу ў пратэстантызм прадстаўнікоў літвінскай магнатэрыі. Рэфармацыя разглядаецца як прычына дэфармацыі дзяржаўна-палітычнага ладу, падзення аўтарытэту манарха і Рады. У гэтым кантэксце ўказваецца на адзінства рэфармацыйнага і шляхецкага палітычнага руху [1, s. 28, 32–33].

У «Размове Паляка з Літвінам» ажыццяўляецца агульная крытыка «ерасяў». На тое, якія павінны выкарыстоўвацца санкцыі ў дачыненні да «ератыкоў», не ўказваецца. У сацыяльна-палітычных абставінах 1560-х гг. было немагчыма з боку нават найбольш радыкальных прадстаўнікоў контррэфармацыйнага руху патрабаваць увядзення прымусовых санкцый супраць іншаверцаў. Ліквідацыя «ерасяў» у ВКЛ разглядаецца хутчэй як ідэальнае пажаданне, чым праграма дзеянняў. У канкрэтных умовах, як ужо было паказана, іерархі каталіцкай царквы вымушаны былі супрацоўнічаць з пратэстанцкімі лідэрамі Рады ў справе захавання суверэнітэту Вялікага княства. Крытыка Рэфармацыі ў «Размове Паляка з Літвінам» адрасавана была ў значнай ступені пратэстанцкай магнатэрыі як заклік вярнуцца да каталіцкай царквы, паколькі адыход ад яе выклікае праблемы, якія пагражаюць усталяванаму грамадска-палітычнаму ладу ў дзяржаве. Такім чынам, з улікам сацыяльна-палітычнай сітуацыі ў ВКЛ фактычна рэпрэзентуецца згода на неафіцыйнае прызнанне адноснай рэлігійнай цягнёмасці як часовай дадзенасці.

Падсумоўваючы, можна зрабіць наступныя высновы на аснове аналізу сацыяльна-палітычнай праблематыкі ў «Размове Паляка з Літвінам»:

² Неабходна адзначыць, што права каталіцкага духоўнага суда перадаваць выкананне сваіх рашэнняў у дзяржаўныя установы ў ВКЛ на практыцы амаль не выкарыстоўвалася; таму пытанне пра яго адмену тут не мела актуальнага значэння, у адрозненне ад Польшчы [20, s. 49].

1. «Размова Паляка з Літвінам» паўстае ў кантэксце ўзаемазвязаных працэсаў, якія адбываліся ў грамадскім жыцці ВКЛ у сярэдзіне XVI ст.: палітычная эмансипацыя шляхты, ускладненне міжканфесійнай сітуацыі, падрыхтоўка уніі паміж ВКЛ і Польскім каралеўствам. Ідэйна-тэарэтычнымі перадумовамі фарміравання твору сталі, з аднаго боку, рэнесансна-гуманістычная традыцыя, з другога боку, контррэфармацыйная ідэалогія.

2. Пры аналізе праблемы дзяржаўна-палітычнага ўладкавання ў якасці найлепшага тыпу дзяржавы пастуліруецца манархія, абмежаваная духоўнай і свецкай арыстакратыяй. Падобная мадэль дзяржаўнага ўладкавання разглядаецца як найбольш эфектыўная. У якасці пагроз для дадзенай мадэлі разглядаюцца тыранія і шляхецкая дэмакратыя.

3. Разгляд праблемы уніі паміж ВКЛ і Польскім каралеўствам адлюстроўвае праекты інтэграцыі, выпрацавання палітычнай элітай ВКЛ у 1560-я гг. Унія разглядаецца як аб'яднанне дзвюх суверэнных дзяржаў на раўнапраўнай аснове, пры захаванні адметнасцяў дзяржаўна-палітычнага ладу.

4. Праблема талеранцыі і ўзаемаадносін дзяржавы і рэлігійных інстытутаў у грамадстве вырашаецца ў межах контррэфармацыйнага падыходу. Галоўным яго накірункам выступае сцвярджанне ідэі «капланскага каралеўства».

Спіс літаратуры

1. Rozmowa Polaka z Litwinem. 1564 / wyd. J. Korzeniowskiego. – Kraków : Dr. UJ, 1890. – [VIII], 91 s.
2. Baliński, M. Pisma historyczne: w 3 t. – T. III.: Andrzej Wolan, jego życie uczone i publiczne. – Warszawa, 1843. – 209 s.
3. Ossoliński, J.M. Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiej, o pisarzach polskich, także postronnych [...]: w 4 t. – T. III, cz. II. – Kraków : J. Matecki, 1822. – [VIII], 391 s.
4. Brückner, A. Tarnowski S. Pisarze polityczni XVI wieku (Recenzja) / A. Brückner // Archiv für slavische Philologie. – Bd. XII. – 1889/1890. – S. 160–164.
5. Baryczowa, M. Augustyn Rotundus, wójt wileński, pierwszy historyk i apologeta Litwy / M. Baryczowa // Ateneum Wileńskie. – R. 10. – 1936. – S. 7–196; R. 11. – 1937. – S. 117–172.
6. Кавалёў, С. Першы ўзор палітычнай паэзіі / С. Кавалёў // Спадчына. – 1998. – № 3. – С. 107–115.
7. Лабынцаў Ю. Пачатае Скарынам. Беларуская друкаваная літаратура эпохі Рэнесансу / Ю. Лабынцаў. – Мінск : Маст. літ., 1990. – 333 с.

8. Nowak-Dłużewski, J. Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce: czasy Zygmuntownskie / J. Nowak-Dłużewski. – Warszawa : PAX, 1966. – 423 s.
9. Сокол, С.Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии II половины XVI века / С.Ф. Сокол. – Минск : Наука и техника, 1974. – 144 с.
10. Дзяржаўнасць і права Беларусі са старажытных часоў да канца XVI ст.: в 4 ч. – Ч. 4: Палітычная і прававая думка Беларусі XVI–XVII стст. / Падокшын С.А., Сокол С.Ф.; НАН Беларусі; Інстытут філасофіі і права. – 2 выд., дап. – Мінск, 1999. – 115 с.
11. Сокол, С.Ф. Политическая и правовая мысль Белоруссии XVI – первой половины XVII вв. / С.Ф. Сокол. – Минск : Наука и техника, 1984. – 188 с.
12. Любавский, М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М.К. Любавский. – 2-е изд. – СПб. : Наука, 2004. – 311 с.
13. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян / Михалон Литвин; пер. В.И. Матузовой; отв. ред. А.Л. Хорошкевич. – М. : Изд. МГУ, 1994. – 151 с.
14. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм. Опыт по истории учреждения в связи с внутренним строем и внешнею жизнью государства / М.К. Любавский. – М. : Универ. Типография, 1900. – 850, [232], [LXXII] с.
15. Рахуба, А. Вялікае княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569-1763 гг. / А. Рахуба; пер. М. Раманоўскі; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск : Медысонт, 2008. – 424 с.
16. Янушкевіч, А.М. Вялікае княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. / А.М. Янушкевіч. – Мінск : Медысонт, 2007.
17. Orzechowski S. Policyja Królestwa Polskiego na kształt Arystotelesowych Polityk napisana / S. Orzechowski. – Przemysł; Rzeszów : Krajowa Agencja Wydawnicza, 1984. – 142 s.
18. Orzechowski, S. Quincunx, to jest wzór Korony Polskiej na cynku wystawiony / S. Orzechowski; wyd. K.J. Turowskiego. – Warszawa : Wyd-wo Biblioteki Polskiej, 1858. – 113 s.
19. Hosius, S. Księgi o jasnym a szczyrym słowie Bożym (...) Sygmunтови Augustowi (...) przypisane / S. Hosius. – Kraków : L. Andrusowic, 1562. – [4], 147 k.
20. Kutrzeba, S. Historia ustroju Polski w zarysie / S. Kutrzeba: w 2 t. – T. 2: Litwa. – Wyd. 2. – Lwów-Warszawa : Prasa, 1921. – [8], 170 s.

КАНСТРУЯВАННЕ ВОБРАЗУ МІНУЛАГА Ў ТВОРАХ МАЦЕЯ СТРЫЙКОЎСКАГА

Творчая спадчына Мацея Стрыйкоўскага (1547 – каля 1590), аўтара «Хронікі польскай, літоўскай, жамойцкай і ўсяе Русі» і шэрагу іншых прац, з’яўляецца дастаткова распаўсюджаным сюжэтам у гістарыяграфіі [1, с. 5]. Увага пры гэтым, у асноўным, акцэнтуюцца на дапаўненні біяграфічных дадзеных пра першага гістарыёграфа Вялікага княства Літоўскага [1; 2; 3; 4; 5], на крыніцазнаўчым аналізе твораў храніста [2; 3; 4; 6; 7], а таксама на яго палітычнай арыентацыі [1; 3; 5 і інш.]. Сучасны польскі даследчык З. Вайтквяк адзначыў заганнасць такога звужэння тэматыкі. У сваім даследаванні ён, аддаўшы належнае вышэйзгаданым тэмам, звярнуўся да паглыбленага разгляду таго асяроддзя, у якім працаваў Стрыйкоўскі [1, с. 9, 11]. Але на гэтым не сканчваецца поле магчымых даследаванняў спадчыны М. Стрыйкоўскага. Так, беларускі даследчык С.А. Падокшын у артыкуле «Філасофія історыі Матея Стрыйковскаго» акрэсліў стаўленне храніста да гісторыі, адзначыўшы яго рэнесансавы характар [8, с. 56–57]. Мэтазгодна спыніцца на пытанні канструявання храністам вобразу мінулага: на тым, што арганізавала гістарычны наратыў Стрыйкоўскага. Гэтая тэма будзе карысна ў тым ліку і для асэнсавання палітычных пераваг храніста – пытанні дыскусійным у гістарыяграфіі [гл.: 3, с. 69–74].

Мацей Стрыйкоўскі быў не толькі храністам, а таксама паэтам і публіцыстам, але найбольш вядомы ён дзякуючы адной з дзвюх сваіх гістарычных прац – «Хроніцы польскай, літоўскай, жамойцкай і ўсяе Русі» (1582). Згодна з традыцыямі тагачаснага хранікальнага жанру, Стрыйкоўскі ў пачатку сваёй «Хронікі» размяшчае «Зварот да яснавяльможных князёў, паноў-сенатараў і ўсяго слаўнага чыннага рыцарства і праўдзівых айцоў Айчыны» [2, с. XXX–XLVIII]. Гэты зварот падкрэслівае значэнне гісторыі і апісвае працу храніста, а праз гэта служыць і для абароны ад магчымых крытыкаў. Падобны зварот змяшчаецца, напрыклад, у «Рочніках» польскага храніста XV ст. Яна Длугаша [9, с. I–XI]. Але такі ўступ у «Хроніцы» Стрыйкоўскага мае спецыфічныя рысы. Падчас пералічэння вартасцяў гістарычных ведаў Стрыйкоўскі асабліва звяртае ўвагу на

значэнні гісторыі як стымула да годнага жыцця, выдатных учынкаў і перадусім да цнотаў [2, с. XXXIV]. Сама па сабе эксплікацыя гісторыі як заахвочвальніцы да годнага жыцця не з'яўляецца вынаходніцтвам М. Стрыйкоўскага. Падобнае сцвярджаў Длугаш [9, с. III], і наогул гэтая ідэя ўзыходзіць да Цыцэрона і была шырокавядома ў Сярэднявеччы [10, с. 108]. Трохі пасля аўтар піша пра сучасныя яму часы як «часы апошняй старасці света, якая ўжо меней сапраўдных цнот нараджае» [2, с. XLIII]. Гэта таксама неарыгінальная ідэя: у сярэднявеччы меркавалі, што чалавецтва дасягнула т. зв. «шостага ўзросту», састарэла, наогул гісторыя бачылася карцінай заняпаду [11, с. 202–203]. Варта прасачыць, як дзве гэтыя агульныя ідэі ўплывалі на фармаванне вобразу мінулага ў тэкстах Стрыйкоўскага.

Канцэпцыя заняпаду грамадства прыняла ў Стрыйкоўскага выгляд супрацьпастаўлення «дрэннай рэчаіснасці» і «добрага мінулага». Напрыклад, яна развіваецца ў вершаваным творы 1574 г. «Ганец цноты». Аўтар адзначае, што «цноту ў той час лепей, чым зараз, ведалі» [12, с. 513]. Гісторыя Вялікага княства Літоўскага ў тэксце «Хронікі польскай, літоўскай, жамойцкай і ўсяе Русі» прасякнута яскравымі супрацьпастаўленнямі мінулага і сучаснасці. З мінулым звязвае Стрыйкоўскі веліч, з цяперашнім часам – слабасць: «тады ад іх удалых і слаўных спраў назвалі іх славянамі альбо славакамі, а нас бы, нашчадкаў, назвалі слабакамі ад слабасці, бо мы вельмі паслабелі» [2, с. 102]. Гэты фрагмент – прыклад канстатацыі факта, якая не акцэнтуюе ўвагу на пэўным аспекце дрэнных зменаў. Такія агульныя выступленні М. Стрыйкоўскага супраць сучасных яму парадкаў па некаторых параметрах напаўняюцца канкрэтыкай. Адзін з самых папулярных матываў – супрацьпастаўленне поспехаў продкаў у адносінах з татарамі і туркамі і сучаснай храністу выплаты ім даніны [2, с. 250; 12, с. 153, 175, 197, 215, 217, 231, 287, 337, 535, 554]. М. Стрыйкоўскі адзначае і псаванне нораваў: «рэдка сёння такую міласць і шчырасць паміж братамі знайсці», якая была паміж Альгердам і Кейстутам [12, с. 3].

Таксама храніст акцэнтуюе ўвагу на такія недахопы, якія характэрны для сучаснасці і якіх не было ў мінулым. Напрыклад, выдаткі на найманне жаўнераў [12, с. 12], доўгачасовае соймаванне [12, с. 237], непавага да розуму [12, с. 487], знешнепалітычная немач [12, с. 537].

Але неабходна сказаць, што ў цэлым Стрыйкоўскі не ідэалізуе мінулыя часы, ён паведамляе пра няўдалае кіраванне [12, с. 54],

пра паражэнні [12, с. 311], пра эпідэміі і голад [2, с. 350]. Ён нават прыводзіць думку Длугаша і Кромэра, што Літва ў часы Віленска-Радамскай уніі (1401) без магутных і мудрых «сенатараў» была «ў сапраўднай няволі» [12, с. 118]. Больш за тое, адзначае часы, калі рыцарская справа была занядбаная, калі вышэйшыя колы грамадства праяўлялі глыбейшую цікавасць да прыватных спраў, чым да дзяржаўных [12, с. 277, 331]. Такім чынам, у мінулым, згодна з М. Стрыйкоўскім, таксама былі перыяды заняпаду, але літвіны здолелі іх пераадолець [2, с. 307]. У сваю чаргу і песімізм Стрыйкоўскага ў дачыненні да сучаснай яму сітуацыі ў Вялікім княстве Літоўскім не такі ўжо і неабсяжны. Разуменне велічы, хоць і зменшанай, дзяржавы прысутнічае ў тэксце «Хронікі»: «сёння Вялікае княства Літоўскае шырока ўключае ў сябе, хоць перад тым больш шырока ўключала» [2, с. 27]. Сама па сабе (без параўнання з мінуўшчынай) сучаснасць не ўяўляецца М. Стрыйкоўскаму такой страшэннай: адзначаюцца і выдатныя перамогі [12, с. 436], і ўдалая дзейнасць «паноў і рыцарства ўсяго Вялікага княства Літоўскага» [12, с. 428]. Гэта можна растлумачыць тым, што Стрыйкоўскі пісаў сваю «Хроніку» па звестках з іншых крыніц (летапісы, хронікі), наяўнасць якіх ён падкрэсліваў і лічыў неабходнай [2, с. XLV]. Наогул менавіта павагай да аўтарытэтаў, а не крытычнасцю метаду, можа быць растлумачаны пастаянны акцэнт М. Стрыйкоўскага на крыніцы сваіх звестак.

Негатыўныя прыклады з мінулага, якія Мацей Стрыйкоўскі прыводзіць у сваёй «Хроніцы», адыгралі таксама і ролю вышэйадзначаных стымуляў. Так, Вялікае княства Літоўскае ў 1264 годзе адчула «страшэнныя забойствы і ўнутраныя нязгоды» з-за адсутнасці ўладара. Пасля гэтага Стрыйкоўскі рэпрэзентуе прыклад пазітыўнага вырашэння крызіснай сітуацыі: паны зразумелі патрэбу ў адзіным уладары [2, с. 399]. Гэты аповяд быў актуальны для Рэчы Паспалітай часоў Стрыйкоўскага, якая ў 70-я гг. XVI ст. перажыла два міжкаралеўя. Яшчэ больш яскрава пабуджальная роля мінулага прасочваецца ў творы «Слыннага ўезду ў Кракаў і памяці годнай каранацыі Генрыха Валуа... апісанне» (1574), у прадмове да якога аўтар заклікае Аляксандра Хадкевіча «ісці шляхам цнот святых, продкаў сваіх слынных, // Якія значныя мужнасцю і рашэннямі з часоў даўніх. // Якія каралям, Айчыне, Рэчы Паспалітай, // Надалі сваім рыцарствам славы знакамітай» [12, с. 441]. У гэтым фрагменце заключаны яшчэ дзве важныя для светапогляду М. Стрыйкоўскага

катэгорыі: пераемнасць («ідзі шляхам цнот святых, продкаў сваіх слынных») і даўніна («з часоў даўніх»). Неабходнасць пераемнасці падкрэсліваецца і ў «Ганцы цноты». У ім Стрыйкоўскі дае пазітыўную праграму дзейнасці для шляхціча: яна абапіраецца менавіта на спадкаемства продкам («мусіць у іх цнотах жыць» [12, с. 503]).

Таксама храніст адзначае непарыванасць генеалагічных сувязяў па мужчынскай лініі ад легендарнага Палемона да апошняга Ягелона [2, с. 357]. Гэта, дарэчы, не лепшым чынам характарызуе сучаснасць у вачах храніста, бо гэтая сувязь ужо знікла, таму што апошні прамы нашчадак Ягайлы па мужчынскай лініі – Жыгімонт II Аўгуст – памёр у 1572 годзе. Ідэя пераемнасці распаўсюджваецца і на дзяржавы: Кіеўская дзяржава «свой столец перанесла» да Літвы [2, с. 216]. Сюжэт пераносу «сталца» з Кіева ў Літву вызначае таксама і структуру «Хронікі». Да часу «пераносу» раздзелы кнігі называюцца па імені кіеўскага князя, пасля – па імені літоўскага князя. Таму, відаць, што вялікая ўвага да Кіеўскай Русі ў «Хроніцы» абумоўлена не столькі знаходжаннем гэтых зямель у складзе Вялікага княства Літоўскага, спрэчкамі з-за іх паміж Польшчай і Літвой і фактарам Лівонскай вайны, як лічыў А. І. Рогаў [4, с. 37], колькі наяўнасцю ў тагачаснай свядомасці своеасаблівага варыянта канцэпцыі «*translatio imperii*» – з Кіева ў Літву, што, між іншым, і легітымізавала ўладу Вялікага княства Літоўскага над часткай Русі.

У частцы пра Кіеўскую дзяржаву і Вялікае княства Літоўскае існуе і антытэза «пераемнасці» – «змяненне» («*odmiana*»): «Так манархіі, дзяржавы змяняюцца, // Нявольнікі над панамі вяршэнства маюць» [2, с. 219]. Таксама змяніць можа і шчасце [2, с. 227]. «Змяненне» адбываецца не толькі з людзьмі, але і з прыродай [2, с. 177], гарадамі (напрыклад, Кіеў [2, с. 155], Кернава [2, с. 355]).

«Змяненне» прысутнічае і пры разглядзе М. Стрыйкоўскім сацыяльнай структуры грамадства. Яе ён выводзіць з біблейскіх часоў, а змены («як цяпер у нас робіцца з вялікай шкодай Рэчы Паспалітай») прыводзяць да таго, што «ніводная манархія, ніводнае каралеўства праіснаваць доўга не можа» [2, с. 8]. Падобныя ж думкі выказаны і ў «Ганцы цноты» [12, с. 483–484]. Дарэчы ў «Ганцы цноты» «зменлівасць» («*odmienność*») супрацьпастаўляецца «трыванню ў цноце» [12, с. 479].

З пераемнасцю альбо змяненнем звязана і катэгорыя даўніны. Гэта яскрава праяўляецца ў пытанні мовы. Так, «рускую, маскоўскую» мову Стрыйкоўскі лічыць «уласнай мовай славянскай», у той час

як астатнія змяніліся, а найбольш польская, «так, што нас слухна simias, protheos et chamaleones кожны назваць можа» [2, с. 107–108]. Наогул даўніна ў творах Стрыйкоўскага з'яўляецца ганаровым аргументам, які сведчыць на карысць апісанай падзеі, з'яве, прадмету: мова славянская старадаўняя [2, с. 96], «нябожчыкі старыя пісары так папросту, трымаючыся праўды, сцвярджалі» [12, с. 118], «здаўна рыцарскімі справамі слаўных» [12, с. 169]. Для М. Стрыйкоўскага надзвычай важная катэгорыя старадаўнасці: менавіта з-за гэтага храніст настойліва падкрэслівае і шукае пацверджанняў, што Літва такая ж старажытная, як Русь і Польшча [2, с. 216].

З павагі да даўніны можа вынікаць і адносна прыязнае стаўленне да праваслаўя католіка М. Стрыйкоўскага. Ю. Бардах тлумачыў такую пазіцыю салідарнасцю храніста з палітыкай, якую праводзілі наконт праваслаўя апошнія Ягелоны і Стэфан Баторый [3, с. 74]. Аднак, падаецца, што асноўнай прычынай прыязнасці было даўняе існаванне праваслаўя на тэрыторыі Вялікага княства Літоўскага [2, с. 134]. У той жа час Стрыйкоўскі з'яўляўся аўтарам вершу супраць арыян [3, с. 74]. Заўважым, што арыяне (маюцца на ўвазе, пратэстанты-антытрынітары) былі новай, а не даўняй для Вялікага княства Літоўскага рэлігійнай групай.

Развіццё ад добрага мінулага да кепскай сучаснасці ў Стрыйкоўскага не лінейнае. Храніст вылучае эпохі, найбольш плённыя для Вялікага княства Літоўскага: «літвіны звярынае насамрэч жыццё з даўніх часоў вялі, // Да таго як Жывібунд і Мантвіл на княствы селі» [2, с. 221]. Адсюль пачынаецца развіццё гаспадаркі ў літвінаў. У мінулым вылучаецца адрэзак часу, да якога храніст найчасцей звяртаецца ў параўнаннях. Гэта часы Альгерда і Кейстута, Ягайлы і Вітаўта. І гэты час не паказваўся толькі як станоўчы, але на яго прыпадае шэраг яркага апазіцый з сучаснасцю. «У той час нашы і ваявалі, і перамагалі, і грошаў дастаткова мелі, так, што іх вялікім манархам пазычалі, а цяпер усё наадварот» [12, с. 147]. Вітаўт традыцыйна адносіўся да найбольш значных постацей гісторыі Вялікага княства Літоўскага [гл.: 13], існавала і тэндэнцыя ўзвялічвання Ягайлы (напрыклад, у творах польскага публіцыста XVI ст. Станіслава Ажахоўскага [14, с. 35, 49, 65, 73]). Але Стрыйкоўскі зусім не схільны абмяжоўвацца толькі адным-двума ідэальнымі вобразамі. Наадварот, ён выступае супраць прыпісвання Вітаўту заслуг Альгерда [12, с. 12–13], Кейстута [12, с. 36] і наогул у Вялікім княстве Літоўскім выдатных князёў «каля тысячы было». Можна пагадзіцца з меркаваннем Ю. Бардаха,

што Стрыйкоўскі меў на мэце падвышэнне гістарычнага прэстыжу Вялікага княства Літоўскага [3, с. 72–73]. Але не варта адкідваць магчымасць, што стварэнне серыі вобразаў выдатных уладароў з гісторыі сваёй дзяржавы павінна было стаць стымулам для сучаснікаў храніста. Нездарма ж Стрыйкоўскі заклікае «не глядзець на яе [мужнасць] у іншаземцаў» [12, с. 526], маючы на ўвазе наяўнасць уласных прыкладаў.

Такім чынам, сканструяваны Стрыйкоўскім вобраз мінулага (а разам з ім і сучаснасці) можа быць апісаны праз шэраг апазіцый:

станоўчае – адмоўнае

мінулае – сучаснасць

пераемнасць – змяненне

даўніна – новае

Можна меркаваць, што для Стрыйкоўскага рэчаіснасць падаецца адмоўнай менавіта з-за характэрнай для яе зменлівасці і схільнасці да ўвядзення новага. Сапраўды, XVI ст. часта характарызуюць як «стагоддзе рэформ» [15, с. 115–117; 16, с. 120]. Вельмі паказальна ў гэтым плане ўжо адзначанае непрыняцце Стрыйкоўскім сацыяльнай мабільнасці, парушэння станавай прыналежнасці. У «Ганцы цноты» аўтар сцвярджае: «Рэч Паспалітая ад усіх шкод зберагалася, // Калі кожны трымаў свой урад // Прызначаны. [...] Але сёння з тых трох станаў [маецца на ўвазе класічная сярэднявечная схема грамадства – уладары/воіны, святары і сяляне/рамеснікі] ужо адзін стан зусім змярцвелы. // Усе станы ў адно мяшаюцца» [12, с. 482, 484].

Ідэя аб перавазе мінулага над сучаснасцю была дастаткова папулярнай у грамадскай думцы Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. Так, яшчэ Мікола Гусоўскі [17, с. 50–51, 63–64, 76–77] і Міхалон Літвін [18, с. 63–66, 85–86] узвядлічвалі часы Вітаўта і крытыкавалі сваю сучаснасць. «Культ мінулага», адзначаны для польскага грамадства XVI ст. [19, с. 2–10; 20, с. 101], прысутнічае і ў творах аўтараў з Вялікага княства Літоўскага – Аўгустына Ратунда, Андрэя Воляна, публіцыстаў часоў першага бескаралеўя. Прынцыповае адрозненне Стрыйкоўскага ад гэтых аўтараў у тым, што ён пісаў менавіта гістарычны твор, таму ствараў «універсальную» карціну мінулага, а не выбіраў з яго асобныя факты.

Пазітыўнай праграмай, якую выкладае Стрыйкоўскі ў сваіх працах, з’яўляецца вяртанне і трыманне ўзораў даўніны. Такое бачанне ролі мінулага, як і ўласна станоўчае стаўленне да яго характэрны для ідэалогіі сарматызму [21, с. 57–64, 103, 167–168]. Але блізкая па форме да сармацкай канцэпцыя Стрыйкоўскага адрозніваецца

ад яе па змесце. Храніст падкрэслівае рымскія, а не сармацкія карані літоўскай шляхты і перадусім яе вышэйшых прадстаўнікоў (асабліва гэта бачна ў «Ганцы цноты» [12, с. 536–538], дзе літоўская генеалагічная легенда выкладзена адасоблена ад асноўнага, пераважна польскага «сармацкага», матэрыялу). Можна меркаваць, што «літоўская» канцэпцыя Стрыйкоўскага магла быць канкурэнтам «польскай» сармацкай тэорыі ў ідэалагічнай прасторы Вялікага княства Літоўскага. Ідэя аднаўлення звычайў слаўных продкаў і «літоўская» канцэпцыя мінулага маюць важнае значэнне для акрэслення таго палітычнага і сацыяльнага кола, погляды якога супадалі з меркаваннямі храніста. Даўніной і пераемнасцю, славай у мінулым магла пахваліцца магнаты, прадстаўнікі найбольш моцных і знатных родаў Вялікага княства Літоўскага. Заўважым, што новае, зменлівае (роўнае адмоўнаму ў Стрыйкоўскага) звязана было ў XVI ст. з рухам шляхты, якая змагалася за выхад з-пад уплыву магнатаў [15, с. 116]. Магчыма, думкі Стрыйкоўскага былі сугучныя меркаванням значнай часткі магнатаў Вялікага княства Літоўскага, што абумовіла адзначанае З. Вайтковіякам [1, с. 174] шырокае кола мецэнатаў храніста.

Але важна падкрэсліць іншае. Стрыйкоўскі, незадаволены сучаснасцю, канструяваў вобраз мінулага, у якім стварыў антыпод зменлівай, непастаяннай рэчаіснасці. Пры гэтым ён прапагандаваў свае думкі (перадусім вяртанне да старога, а не змяненне) з дапамогай гістарычных прыкладаў, якія ацэньваў вышэй за філасофскія развагі [2, с. XXXV]. Такім чынам, дзве ідэі – «гісторыя як стымул» і «добрае мінулае» – адыгралі вызначальную ролю ў дыскурсе Мацея Стрыйкоўскага.

Спіс літаратуры

1. Wojtkowiak, Z. Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kalendarium życia i działalności / Z. Wojtkowiak. – Poznań : Wyd-wo Nauk. Uniw. im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 1990. – 248 s., 20 il., 1 k.

2. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego: 2 t. / M. Strykowski; przedmowy M. Malinowskiego i I. Daniłowicza. – Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glüksberga, 1846. – T. 1. – 1846. – LXIX, XLIX, 392 s.

3. Bardach, J. Maciej Strykowski i jego twórczość w świetle najnowszych badań / J. Bardach // Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVII wieku / J. Bardach. – Białystok–Warszawa, 1970. – S. 68–83.

4. Рогов, А.И. Русско-польские культурные связи эпохи Возрождения (Стрыйковский и его хроника) / А.И. Рогов; отв. ред. М.Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1966. – 312 с.

5. Семянчук, А. Мацей Стрыйкоўскі ў Вялікім княстве Літоўскім / А. Семянчук // Спадчына. – 1995. – №1. – С. 2–10.
6. Budka, W. Do źyciorysu Macieja Strykowskiego / W. Budka // Ruch Literacki. – 1969. – Z. 52. – S. 31–33.
7. Улащик, Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н.Н. Улащик; отв. ред. В. И. Буганов. – М. : Наука, 1985. – 264 с.
8. Подокшин, С.А. Философия истории Матея Стрыйковского / С.А. Подокшин // Беларуская думка ў кантэксце гісторыі і культуры / С.А. Падокшын; навук. рэд. А.С. Майхровіч; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск, 2003. – С. 54–60.
9. Długosz, J. Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście: 4 t. / J. Długosz; przekład K. Mecherzyńskiego. – Kraków : W drukarni «Czasu» W. Kirchmayera, 1867-1869. – T. 1. – Ks. I, II, III, IV. – 1867. – XI, VIII, 519, XXV s.
10. Dobrowolski, K. Studia nad ideologią nauki i jej metodami w Polsce w wiekach średnich i w epoce Odrodzenia / K. Dobrowolski // Studia z pogranicza historii i socjologii. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy im. Ossolińskich; Wyd-wo PAN, 1967. – S. 84–193.
11. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф; пер. с фр. под общ. ред. ВА. Бабинцева; послесл. А.Я. Гуревича. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – 560 с.
12. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego: 2 t. / M. Strykowski. – Warszawa : Nakład Gustawa Leona Glüksberga, 1846. – T. 2. – 1846. – 568 s.
13. Mickūnaitė, G. Making a great ruler: Grand Duke Vytautas of Lithuania / G. Mickūnaitė. – Budapest–New-York : CEU Press, 2006. – XX, I, 337 p.
14. Orzechowski, S. Dyalog, albo rozmowa około exekucyi Polskiej korony, przez Stanisława Orzechowskiego / S. Orzechowski; wyd. K. J. Turowskiego. – Kraków : Nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1858. – 106, IV s.
15. Błaszczuk, G. Litwa na przełomie średniowiecza i nowożytności, 1492–1596 / G. Błaszczuk. – Poznań : Wyd-wo Poznańskie, 2002. – 336 s.
16. Ochmański, J. Historia Litwy / J. Ochmański; 3 wyd. – Wrocław etc. : Ossolineum, 1990. – 396 s.
17. Гусоўскі, М. Песня пра зубра: паэма / М. Гусоўскі; пер. с лацінск. мовы і паслясл. Я. Семяжона; іл. А. Кашкурэвіча – Мінск : Маст. літ., 1973. – 108 с.
18. Литвин, М. О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин; пер. В.И. Матузовой; вступ. Ст. М.В. Дмитриевой; коммент. С.В. Думина и др. – М. : Изд. МГУ, 1994. – 149 с.
19. Suchodolski, B. Kult przeszłości wśród szlachty polskiej XVI wieku. Zagadnienia i wyniki / B. Suchodolski // Pamiętnik Literacki. – 1927. – R. 24. – S. 1–13.
20. Świdarska-Włodarczyk, U. Mentalność szlachty polskiej XV i XVI wieku / U. Świdarska-Włodarczyk. – Poznań : Księgarnia Świętego Wojciecha, 2003. – 240 s.
21. Лескинен, М.В. Мифы и образы сарматизма: Истоки национальной идеологии Речи Посполитой / М.В. Лескинен; отв. ред. Л.А. Софронова. – М. : ИСлРАН, 2002. – 180 с.

**«ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ
ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ»
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК:
ФАКТЫ, ОБРАЗЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Василий Осипович Ключевский, исследовав, могут ли древнерусские жития святых рассматриваться как исторический источник, пришел к выводу, что, поскольку писатель «не ставил воспроизведения факта главной задачей своего труда и искал самой надежной опоры для своего повествовательного авторитета не в свойстве фактических источников», то, «как бы ни было житие богато живыми подробностями, оно не удовлетворит историка... Житие и историческое повествование различно относятся к предмету и второе не может брать явление в том виде, в каком дает их первое» [1, с. 337, 339, 355].

Однако, относясь к своему предмету изображения не так, как историческое повествование, житие, думается, тем не менее четко и адекватно фиксирует все значимые для духовного преображения своего героя события исторической действительности (то же в иконе с житием) и в изображении этих событий никогда не погрешает, хотя и описывает их не «в рабьем зраке» (Фил. 2: 6–7), а в логосном. Правда, происходит это при одном существенном условии – если житие создано согласно христианскому художественному канону¹. Всякое отступление от принципов святоотеческой иконологии приводит к искажению образа реальности (как исторической, так и метафизической). По наблюдению В.О. Ключевского, уже к XV в. многие агиобиографы отступили от художественного канона христианской культуры и при написании и/или редактировании житий святых стали ставить «чисто историографическую цель», что было

¹ Подробнее о художественном каноне христианской письменности см. напр.: Левшун, Л.В. Категория художественного канона в информационно-образовательном пространстве церковной культуры / Л.В. Левшун // Материалы X Международных Кирилло-Мефодиевских чтений, посвященных Дням славянской письменности и культуры: в 2 ч. / Институт теологии им. свв. Мефодия и Кирилла, Бел. гос. ун-т культуры и искусств; отв. ред. и сост. А.Ю. Бендин. – Минск, 2005 – Ч. 2. – С. 175–183; Левшун Л.В. Категория жанра в средневековой восточнославянской книжности: жанр и канон // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – № 4(26) – М., 2006. – С. 101–116.

«переходом от жития к простой биографии» [1, с. 300]. Неизбежное при этом наложение и отождествление в художественном изображении двух реальностей – временной и вечной – приводило к закономерному искажению образа и той, и другой. А поскольку в распоряжении Василия Осиповича было немного житий, сохранившихся в более ранних (то есть до XIV в.) редакциях и списках, то его вывод о ненадежности житийных повествований для историка следует считать закономерным и вполне обоснованным, но, думается, не абсолютно верным. Ведь и сам Василий Осипович показал в своем блестящем исследовании, как, несмотря на особенности житийного повествования, адекватная научная интерпретация может восстановить истину канонического жития, сняв с него покровы позднейших редакторских правок, и что эта истина по существу не противоречит историческому факту, как не противоречит земному «рабьему зраку» подвижника его изображение на иконе.

Опираясь на это методологическое открытие ученого, рассмотрим повествование о начале Спасо-Преображенского монастыря в «Житии преподобной Евфросинии Полоцкой». При анализе жития мы воспользуемся списками, представляющими все известные его редакции, в издании: Мельникаў А.А. «Еўфрасіння Полацкая» [см.: 2].

Первый вопрос – о времени ухода Евфросинии в Сельце – на основании содержания жития выясняется довольно легко и точно: с одной стороны этот срок ограничен смертью правящего полоцкого князя Бориса Всеславича весной 1128 г. [3, с. 81–82], присутствовавшего на передаче преподобной «церковки Спаса», а если согласиться с доводами А.А. Мельникова, что уход был совершен в ночь под Преображение Господне, то есть 6 августа 1127 г., то переселение преподобной в Сельце ограничивается именно этим сроком, поскольку до августа 1128 г. Борис Всеславич не дожил. С другой – фактом пострига Грядиславы Святославны, которую Евфросиния позвала в Сельце «по неколице времени» жизни там [2, с. 214, 230, 250, 264, 276, 285, 294, 301]. В связи с последним следует учитывать:

1. Грядислава, как видно из текста жития во всех его редакциях, пострижена ранее прихода в Сельце Звениславы Борисовны – та пришла «по неколице времени» [2, с. 215, 232, 251, 264, 277, 291] или же «по сем» [2, с. 285] после пострига Грядиславы;

2. княжна Звенислава могла придти к Евфросинии, скорее всего, после смерти своего отца, но до ссылки полоцких князей с их семьями в Византию (1129 г.);

3. согласно церковным правилам, перед постригом предполагался трехлетний «испыт» (правило 5 Двукратного Константинопольского собора), который, однако, мог быть сокращен «по нужде» или из-за угрозы девству;

4. постригать девицу полагалось епископу, а коль скоро и Грядислава, и Звенислава, как сообщает житие, пострижены иереем, то случилось это по всей вероятности между 1126 и 1130 гг., когда епископ Илия, по-видимому, уже умер, а нового епископа Полоцку поставить было некому, поскольку митрополичья кафедра в Киеве в этот период пустовала, и этот факт существенно подтверждает наши хронологические расчеты;

5. князь Святослав-Георгий Всеславич мог, приехав в Сельце, укорять Евфросинию в самочинном поступке не позднее августа 1128 г., когда полоцкие князья вынуждены были отражать удар объединенных войск киевского князя Мстислава Владимировича.

Таким образом, уход преподобной в Сельце случился не ранее 5 августа 1124 г. и не позднее 5 августа 1127 г. Наиболее вероятным представляется 1125 г., когда преподобной исполнился 21 год² и она перешла в 4-ю седмицу человеческой жизни – юность, время уже взрослого бытия.

² Хронологической «зацепкой», позволяющей определить год рождения Предславы, является сообщение о том, что княжна, уйдя из дому от неминуемого брака, оказалась у «черницы/игумении Романовой». Романова – вдова князя Романа Всеславича, постригшаяся, вероятнее всего, вскоре после его смерти: «в се же ль(то) престависа Романъ Всеславичъ» (Ипат, 6624/1116 г., одно из последних сообщений за этот – ультрамартовский в Ипатьевской летописи – год. Правда, в иных источниках встречается и 1118 г., думается, из-за различия в хронологических стилях). Поскольку Предславе, пришедшей к «чернице Романовой», таким образом, не раньше начала 1116-го года, недавно минуло 12 лет, то она не могла родиться ранее 1104 г.

Еще одно обстоятельство, сообщенное в житии, позволяет уточнить эту дату. Речь идет о том, что, согласно всем редакциям жития, Предславу постриг священник, а не епископ, как то положено по церковным правилам. Случиться это могло по причине отсутствия полоцкого епископа. Известно, что св. Мина Полоцкий скончался летом (в июне или июле) 1116 г. и, значит, постриг княжны происходил вскоре после этой даты (ведь, согласно 25 правилу IV Вселенского и 89 правилу Карфагенского соборов, новый епископ должен был быть избран в течени трех месяцев). А поскольку монашеское имя Предслава получила, скорее всего, в честь преп. Евфросинии Александрийской [см.: 2, с. 48], то постриг, по-видимому, был совершен в день осенней памяти этой подвижницы – 25 сентября (старого стиля) 1116 г. Но это значит, что Предслава Святославна родилась не позднее начала лета 1104 г., хотя вряд ли гораздо раньше этого времени: сватовство, совершеннолетие, сговор княжны, ее уход к «чернице Романовой» и постриг изображены в житии очень плотно и ни разу не перемежаются даже выражением «по сем», указывающем на небольшой временной промежуток между связываемыми им событиями.

Второй вопрос: что собой представляла метохия Св. Софии, переданная во владение Евфросинии? Житие доносит до нас слова епископа Илии: «То се есть церковьца Святаго Спаса в Селци, идеже братья наша лежат – преже нас бывши епископи» [2, с. 213, 228, 249, 263, 275, 300], то есть определение «идеже братья наша лежат» относится, как можно думать, не собственно к «церковьце Святаго Спаса», а к Сельцу, которое является метохией Святой Софии и в котором находится и епископская усыпальница, и Спасова церковка. В редакции Димитрия Ростовского добавляется: «церковь малая деревяная» [2, с. 284].

Стоит, однако, заметить, что в обеих проложных редакциях ничего не говорится о том, что этот маленький деревянный (и уже довольно ветхий) храм был епископской усыпальницей. «Бысть ей божественное повеление... преселитися к церкви Спаса всех в Селцо» [2, с. 291: РНБ, Тит. № 239, л. 395об.]; «по извещению же аггелову изыде... идеже церква Святаго Спаса, метохиа Святыа Софии» [2, с. 294: ЦБ АН Литвы. Ф. 19–98, л. 356об.]. Последнее обстоятельство, если учитывать историю развития текста жития [см. 2, с. 116–194], думается, дает основания предполагать следующее:

1) Собственно «церковьца Святаго Спаса» не являлась епископской усыпальницей, а находилась неподалеку от нее, как и не входила в метохию Св. Софии, а располагалась в непосредственной близости с ней.

2) Храм-усыпальница в Сельце, чьи археологические остатки обнаружены вблизи Спасо-Преображенской церкви, построенный в начале XII века, внушительных размеров и прекрасно декорированный (освящен, как предполагается, что во имя св. Георгия), не входил в епископское «дание» преподобной, хотя и являлся частью «метохии Св. Софии».

Наиболее точно, как видится, будущее место подвизания преподобной описано в редакции Димитрия Ростовского (несмотря на все иные неточности этого повествования): «Место, нарицаемое Селце, идеже метохиа Святыа Софии и церковь малая деревяная» [2, с. 284], то есть Евфросиния должна отправиться в Сельце – туда, где располагается метохия Св. Софии и где (*вместе, рядом с метохией*) находится малая деревянная церковь «Спасителява». И далее уточняется, что епископ передает монахине не собственно «метохию Св. Софии» с усыпальницей полоцких владык, а конкретно «место Святаго Спаса на Сельце» [2, с. 285]. «Бе бо преже метохиа Святыа София» [2, с. 291], – указано в Проложной I.

3) Отождествление храма-усыпальницы с «церковкой Спаса», произошедшее, видимо, при позднейших редактурах протографа, является, таким образом, ошибочным. Последнее следует из самого текста жития: епископ Илия надеется, что Евфросиния Божиим поспешением «возградит место то велико» [2, с. 213], то есть предполагается, что оно давно заброшено. Но можно ли считать таковым большой, замечательно украшенный храм, возведенный в начале XII в., то есть – современника самой преподобной? Отождествление «церковьцы Спаса» и храма-усыпальницы епископов нужно считать ошибочным и из того обстоятельства, что новая каменная церковь, построенная Евфросинией в Сельце (о чем ниже), «вне сомнения... мыслилась как храм-усыпальница» [4, с. 16]. А то, что в Спасской «девичьей обители» оказывается в результате одновременно два храма-усыпальницы, – мужской и женский, епископский и монастырский – вряд ли возможно.

4) Наконец, четвертое, что принуждает считать ошибочным включение Селищанского храма-усыпальницы в епископское «дание» Евфросинии, а тем более отождествление «церковьцы Спаса» с усыпальницей полоцких епископов, – редкость (если не исключительность) прецедента: можно ли в истории Русской церкви припомнить еще хотя бы один факт, когда епископская усыпальница и, по-видимому, резиденция (и то, и другое предполагает наличие мужского монастыря) была отдана под управление монахини? (Напомню, что, согласно сведениям жития, Евфросинии было отказано даже в погребении в мужском монастыре Св. Саввы!)

К тому же, называть «святым» и «великим местом» епископскую усыпальницу – не преувеличение ли, ведь в это время в Полоцке мог почитаться как святой лишь недавно (1116 г.) умерший и, по-видимому, погребенный в Сельце епископ Мина. Поэтому представляется вполне вероятным предположение, что Евфросинии отдана была собственно «церковька Спаса» с непосредственно прилегающим к ней участком земли («местом Святого Спаса», как указано у Димитрия Ростовского [2, с. 284, 285]), граничащим с владеньями (бывшей?) епископской резиденции. И в памяти полочан сохранялось представление о святости этого места (не отсюда ли в 1007 г. «принесени ст̑ии въ ст̑ую Бц̑ю» (Ипат. 6515) «старую»?). А.А. Мельников, в частности, отметил, что в одном из списков жития (РГБ, Ф. 299, № 631), как и в проложных редакциях, указывается на передачу Евфросинии лишь Спасской церкви [2, с. 60,

прим. 13]. Возможно, особое замечание епископа Илии – «по моем животе никтоже не посудит моего даниа» [2, с. 214 и др.] – было вызвано именно тем, что монахине было отдано место в непосредственной близости от епископской усыпальницы и, по-видимому, существовавшего при этом храме мужского монастыря. Такое «дание» могло показаться неблагочестивым, хотя и имело свой священный прототип – в житии Евфросинии Александрийской, небесной покровительницы преподобной. Но, думается, именно наличием этого священного прототипа объясняется и радость полоцкой княжны-монахини, и готовность (как со стороны подвижницы, так и со стороны епископа Илии) как можно скорее исполнить Божие повеление, и озабоченность полоцкого владыки, чтобы по его смерти «никто не посудил его даниа».

Следующее, что помогает выяснить житие преподобной Евфросинии Полоцкой при внимательном его чтении, это какво было количество насельниц Спасского монастыря в начальный период его существования. Димитрий Ростовский своей редакцией жизнеописания полоцкой игуменьи заложил традицию, согласно которой утверждается, что после прихода Евфросинии в Сельце монастырь начал быстро расти, так что вскоре понадобилось построить для обители каменный храм: «И возградиша монастырь девам... И бысть преподобная Еуфросиниа *многим девам и женам*, отрицающимся мира и во иночество приходящим, наставница и предводительница ко спасению, на еяже добродетельнаго жития образ взираючи, вельми пользовахуся и поощряхуся на подвиги богоугодныя... Виде же преподобная *день от дне умножающися сестры и разпространяющуюся обитель*, умысли создати церковь камену во имя Спасителево» [2, с. 285, 286].

Однако ничего подобного в более ранних редакциях не отыскивается: все они, включая и относительно поздние редакции Степенной книги и Великих Миней-Четий, сообщают, что Евфросиния пришла в Сельце, «поимши с собою *едину черноризицу*» [2, с. 214 и др.]. Через «неколько время» преподобная призвала к себе сестру Грядиславу, принявшую вскоре монашеский постриг. Причем, отмечается: «Той же пришедше к ней и пребываючи *у неа* (а не в монастыре, не в монастырской школе, не среди сестер и т.д. – *Л.Л.*), учаше *ю* (ее одну, а не вкупе с другими девицами. – *Л.Л.*) божественному Писанию» [Проложная I; см. 2, с. 291 и др.], а после пострига Евдокия пребывала в монастыре, «повинующися сестре своей» [2, с. 215, 301]. Заметим, чуть выше о самой Евфросинии, принявшей постриг

в обители «Романовой», говорится, что она осталась там, «повинуящиеся игумении и сестрам всем» [2, с. 212]. Значит, есть основания предполагать, что иных насельниц, кроме сестры Евфросинии, в Селищанском «девичьем монастыре» к моменту пострига Грядиславы не было. Возможно, черноризица, с которой преподобная пришла в Сельце, уже скончалась. Не исключено, что именно смерть сокелейницы и была для Евфросинии поводом позвать к себе сестру Грядиславу.

Еще «по неколице времени» к сестрам пришла их кузина Звенислава Борисовна и также вскоре была пострижена (см. выше). «И тако начаста пребывати в манастыри в едину мысль в молитвах яже к Богу. И тако бяше видети, яко едина душа в дву телесу» [2, с. 215]. И здесь даже намек нет на других насельниц Селищанской обители. Так что, как видится, можно с большой степенью уверенности предполагать, что к моменту высылки в Византию полоцких князей иноческую девичью общину в Сельце составляли лишь эти три сестры-монахини. И малая деревянная «церковка Спаса» была вполне для них поместительна.

Почему же начинается строительство Спасо-Преображенской церкви? И на этот вопрос житие преподобной (если освободить его от позднейших некорректных редактур) дает весьма вразумительный ответ, который органически связан с ответом еще на один спорный вопрос: когда это происходит? Время строительства указывается достаточно точно: «и по сем», говорится во всех редакциях Сборников и в 1-ой Проложной [2, с. 215, 232, 251, 265, 291]; во 2-й Проложной находим тождественное по смыслу выражение «последидже» [2, с. 294].

Выражение «по сем» («последидже»), особенно в сравнении с дважды употребленным выше «по неколице времени», очевидно указывает на чрезвычайно краткий временной промежуток между двумя событиями. Согласимся, что о событии, происшедшем через несколько (а тем более – через несколько десятков!) лет вряд ли возможно сказать «по сем». Итак, по сюжету жития закладка каменной церкви происходит вскоре после пострига Звениславы (см. выше): «По сем блаженная Еуфросиния заложи церковь камену Святаго Спаса, и от начатка доспе за 30 недель».

Обращает внимание глагол «заложи» – нейтральный в смысле определения того, кто являлся инициатором данного действия. В 1-й Проложной редакции – аналогично нейтральное «сзда» [2, с. 291]. А вот во 2-й Проложной (что принуждает считать ее более

поздней и/или менее точной, чем 1-я) читается «умысли... създати», что ясно указывает на Евфросинию как на инициатора строительства. Однако показательно, что вместе с тем во 2-й Проложной редакции опущено и чудо о приставнике Иоанне.

То же «умысли», но здесь – противоречащее дальнейшему повествованию, находим в редакциях Степенной книги, Великий Миней-Четий [2, с. 277–278, 301–302] и Дмитрия Ростовского (см. выше).

Однако содержание жития отвергает утверждение о создании Спасо-Преображенской церкви по умыслу преподобной Евфросинии. Для доказательства этого обратимся к повествованию о двух чудесах, происшедших при постройке храма³. В первом, как известно, речь идет о призвании зодчего Иоанна, «к нему же приходиле многажды глас свитающу дни, глагола: О Иване, востани и поиди на дело Вседръжителя Спаса!» [2, с. 215], что живо напоминает о том, как, согласно патериковому рассказу, Богородица Влахернская призвала зодчих строить Успенский храм Киево-Печерского монастыря. Обращает внимание тот факт, как правило не замечаемый исследователями, что преподобная Евфросиния, к которой пришел Иоанн получить задание, *ничего не знала* о том и, как можно предположить, даже *и не думала строить храм* в данное время.

«Ты ли, госпоже, присылаеш понужати мене на дело? Она же рече: ни» [2, с. 215, 232, 251, 265, 277–278, 301–302]. И это понятно: в монастыре всего три (или четыре?) насельницы; в монастырской казне – лишь приданое («утварь золотая и ризы многоценны») княжны Звениславы-Евпраксии (впрочем, можно предположить и некоторую часть приданого самих Святославлен, оставленную их отцом); полоцкие князья – в бессрочной ссылке в далекой Византии; на по-

³ Само включение в житие этих чудес очевидно нарушает стройность повествования. По логике изложения и в соответствии с реально бывшим, рассказ о чудесах должен был бы развивать предыдущую фразу: «по сем блаженная Евфросиния заложи церковь камени Святаго Спаса» – описание чудес – «и от начатка доспе за 30 недель». Прибавленный же после сообщения о завершении строительства храма рассказ о происшедших чудесах выглядит как позднейшая, причем чужеродная, вставка. Ведь сам оборот «и се хошу вам, братие, чудо сказати», вводящий в текст жития описание чудес, – явно не житийного, во всяком случае не синаксарного, типа. Возможно, здесь мы имеем дело со вставкой из какого-то недодшедшего, но скорее всего современного архетипу жития, полоцкого источника: патерика, например, или монастырской летописи; и вставка эта, вполне возможно, была сделана при написании древнего минейного (или паремийного?) биоса, который не сохранился в аутентичном виде, но оставил «след» в сохранившихся поздних редакциях «Жития Евфросинии Полоцкой».

лоцком столе – чужой князь (хотя и приходящийся Святославам кузеном по материнской линии), не заинтересованный в храмо-роительстве в чужой земле. Все эти обстоятельства никак не могли возбудить «умысел» о немедленном строительстве монастырской церкви. Однако, «рассмотривши, мудрая жена» решила послушать «прилежно и со тщанием Того, Кто призывает на таковое дело». По-видимому, исходя из наличных средств (о чем ниже), новая каменная церковь была спроектирована весьма скромных размеров, что, впрочем, соответствовало и реальному количеству насельниц Селищанской «девичьей обители».

Храм Спаса, таким образом, был заложен преподобной по чудесному повелению свыше, а не по ее «умыслу» или расчету, и вряд ли потому, что умножившиеся насельницы монастыря перестали помещаться в малой «церковце Спаса». «Малые размеры и стесненное внутреннее пространство Спасской церкви, скорее, говорят в пользу того, что она не была рассчитана на многолюдные богослужения. Вне сомнения, церковь мыслилась как храм-усыпальница, предназначенная, вероятнее всего, для захоронения игумений обители» [4, с. 16].

Второе чудо, приведенное в житии, подтверждает эти замечания. Для завершения храма, даже столь небольшого, не хватило плинфы: «нечим бяше верха скончати». Обращается внимание на то, что «искавши же блаженная прилежно и не обретоша» [2, с. 215, 233, 252, 278, 302]. Очевидно, что Евфросиния искала не кирпичи, а средства, чтобы купить недостающий строительный материал, и не найдя, обратилась к Богу: «Даровавый си нам болшая, то дай нам и меньшая, имже свершится церковь Твоя!» Утром недостающие плинфы были найдены в печи для обжига, так что храм в тот же день достроили «и крест возставиша. Преподобная же Еуфросиния видевше совершenu церковь, возрадовася душею».

Недостающие кирпичи, отмечается в житии как важная деталь, поместились в печи для обжига. И, значит, не хватало всего-то около 50 плинф. Но и на них не нашлось денег – настолько сильно была ограничена в средствах преподобная! Безусловно, если бы в Полоцке в это время сидел князь местной династии, а «девичий монастырь» был многолюден и славен в Полоцкой земле, такой недостачи не произошло бы.

Приведенное далее безликое описание освящения храма – «бысть тръжество велие и праздноваша дни многи!» – видится поэтому не

более как плодом риторического распространения и украшения первоначального текста по аналогии с описанным выше эпизодом передачи Сельца. Ведь всякое «велие тръжество» требует и «велиих» издержек. А если не нашлось, как ни искали, средств даже для покупки пяти десятков плинф, чтобы закончить строительство, то возникает вопрос: откуда могли быть взяты средства на «велие тръжество»?

Сообщается также, что на освящении якобы присутствовали «князи и сильные мужи» Полоцка (но, что показательно, не упомянуто присутствие епископа!). Однако редакторы не смогли назвать по имени ни одного из них (а в описании передачи Сельца названы, напомним, двое князей!). Да и трудно поверить, чтобы правящий князь полоцкой династии мог допустить недостачу стройматериалов в столь благочестивом деле. Отсюда можно с большой долей уверенности предположить: древний автор умолчал о князьях потому, что они не участвовали ни в постройке, ни в освящении этого храма.

К тому же достаточно только войти в Спасо-Евфросиниевскую церковь в Полоцке (ее наос в плане имеет не более 60 квадратных метров [4, с. 14]), чтобы убедиться, что никакие «князи и силнии мужие, иноки и инокиня, и прости людие», якобы присутствовавшие на освящении монастырской «каменной церкви», никак не смогли бы там поместиться, – написать так мог лишь человек, никогда не бывавший в этом храме.

Последние данные, сообщаемые архитекторами-реставраторами Спасо-Преображенского храма, также подтверждают предложенную датировку: выяснено, что в изначальном плане храма не было кельи Евпраксии, она пристраивалась уже после завершения строительства. Этот факт дает основания предположить, что закладка и возведение «каменной церкви» происходили сразу после прихода Звениславы в Сельце, и мысль поселиться в соседних кельях на хорах храма пришла подвижницам, зажившим, «яко одна душа в двух телах», позднее, когда строительство храма уже подходило к концу.

На это же время строительства (период испытания Звениславы перед постригом) указывает и факт открытия двух «аркосолиев, размещенных в южной и северной стенах вплотную к боковым алтарным аркам и даже чуть заходящих в пространство жертвенника и дьяконника, что, согласно древней традиции, говорит об их предназначении для погребения духовных лиц, каковыми, в первую очередь, являлась сама основательница монастыря Евфросиния, а также ее младшая сестра Евдокия» [4, с. 16].

Таким образом, все указывает на то, что храм мог быть построен не после 1132 г. (август 1133 г.), как предполагал А.А. Мельников, приняв позднейшую вставку (о присутствии полоцких князей на освящении храма) за аутентичный текст [см.: 2, с. 70–73], и тем более не в конце жизни преподобной [4, с. 16], а между 1129 и 1130/1131 годами, когда полоцкие князья находились в ссылке (1129–1139), Василько Святославич/Георгиевич, занявший отчий стол в 1132 г., был еще не у дел (и, по-видимому, мал для княжения), покровительствовавший Евфросинии епископ Илия уже умер, а поставить другого епископа было некому (до 1130 г.).

Еще один до сих пор окончательно не проясненный вопрос – о названии построенного Евфросинией монастырского храма – должен разрешаться также при учете тех данных (впрочем, не очень богатых), которые отыскиваются в житии преподобной. Как следует из повествования, новая каменная церковь Святого Спаса [2, с. 215, 232, 251, 265, 294, 301] или «Спаса всех» в 1-й Проложной [2, с. 291] была заложена в Сельце в замещение обветшавшей, как приходится предположить, «малой деревянной» [2, с. 284; см. также у Дмитрия Ростовского] «церквицы Святого Спаса» [2, с. 213, 227, 247, 262, 274, 277, 294, 299], а, значит, и освящена была, по-видимому, так же. Лишь в 1-й Проложной о новой церкви говорится «Вседржителя Спаса» [2, с. 291], а в части списков редакции Степенной книги – «Всемилоствига Спаса» [2, с. 300]. Приставник Иоанн также зван неизвестным «на дело Вседржителя Спаса» [2, с. 215, 232, 251, 265, 277, 302]; в редакции Дмитрия Ростовского – «на дело Вседержителя храма» [2, с. 286]. Однако, думается, в последних случаях мы имеем дело не с названием храма, а с постоянными эпитетами Господа; они встречаются в молитвах преподобной: «слава Тебе, Владыка Вседржительно... милостивый Господи» [2, с. 215, 216; 233, 252], «слава Тебе, Вседржительно Владыка... Вседержителю Боже» [2, с. 265, 287, 302].

А.А. Мельников, оспориная все иные мнения, утверждает, что оба храма были освящены во имя Преображения Господня [2, с. 69]: обветшавший храм был заменен новым. Исследователь основывается на том, что до XVI в. отсутствуют какие-либо данные о пересвящении этой церкви, вместе с тем в некоторых списках XVI в. Степенной книги церковь Спаса Полоцкого женского монастыря называется Преображенской, а 9 июля 1654 г. произошло, как известно, «священие церкви Преображение Спасово» (точнее – ее пересвящение после того, как монастырь побывал у иезуитов) при царе Алексее Михайловиче.

В подтверждение мысли А.А. Мельникова можно, думается, привести и внелитературные факты.

Иконографическая программа Полоцкой Спасовой церкви, по мнению специалистов, «оказывается у основ нового программного направления, которое во второй половине XII века будет иметь на Руси самое широкое распространение» [4, с. 45–46]. Показательно, что другой образцовый в этом смысле храм – собор Мирожского монастыря во Пскове (ок. 1140) – также был освящен во имя Преображения Господня. Направление это, отраженное в иконографических программах обоих храмов, созвучно, как отмечает В.Д. Сарабьянов, богословским диспутам, происходившим в Византии всю первую половину XII в. и касавшихся проблемы соединения во Христе Божественной и человеческой природ [4, с. 35–36]. Соединение во Христе двух природ подтверждается-иллюстрируется известными эпизодами Богоявления: Крещение, Преображение, Вознесение. Причем, Преображение наряду с Вознесением, согласно святоотеческой экзегетической традиции, устойчиво воспринимаются как символы Второго пришествия Господа. И именно Вознесение, а не традиционное изображение Пантократора, расположено в куполах как Полоцкого, так и Псковского Спасских храмов.

«Другой характерной чертой, – характеризует В.Д. Сарабьянов это новое направление в храмовых иконографических программах, проявившееся, прежде всего, в росписях Спасо-Преображенских храмов Полоцка и Пскова, – является усиление жертвенного символизма, включение и интерпретация сюжетов, расширяющих тему евхаристической жертвы» [4, с. 114]. Эта последняя находит свою проработку и в проповедях преподобной, фрагменты или парафразы двух из которых приведены в житии. Причем, объединить фрагменты обеих проповедей позволила, думается, именно общая для них тема Преображения, хотя преподобная не столько напоминает и объясняет евангельский рассказ о Преображении Господа, сколько призывает сестер к ежедневному и трудному преображению-обождению, в процессе которого христианин очищается от всего греховного, затемняющего божественное его подобие. «А нивы ваша во едину меру стоят, не растуще ни поступающе горе, а год приспевает во свершение и лопата на гумне лежит (ср.: Мф.3:10, 13). Но боюся, егда будет плевел в вас и предани будете огню негасимому. Потщитесь, чада моя, убежати сих всех и сотворитесь пшеница чиста, и смелитесь в жрънвовах смирением и молитвами и постом, да хлеб чист принесетесь на трапезу Христову».

Упоминание хлебных «нив», «приспевающего года», «лежащей на гумне лопаты» и «пшеницы, мелющейся в жерновах», здесь, думается, не случайно: именно в день Преображения освящается созревший урожай – злаки и плоды, хлеб и вино, предназначенные и для евхаристической жертвы: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся». Но и все члены Церкви есть Тело Христово – то самое, которое приносится в бескровной жертве под видом хлеба. А жить в христианском понимании (источник жизни – Бог, и отпадение от Бога – небытие) собственно и значит быть частью Тела Христова, то есть как раз – «приноситься хлебом чистым на трапезу Христову», как выразилась преподобная. Но стать этим евхаристическим хлебом можно, только очистившись, освятившись через труд духовного возрастания/преображения – «смоловшись в жерновах смирением и постом и молитвами». Таким образом, художественные символы, использованные преподобной Евфросинией в поучении сестрам, представляются еще одним аргументом в пользу того, что новый храм освящался в честь Преображения Господня.

Еще одним аргументом в пользу того, что храм задумывался и освящался как Спасо-Преображенский, могут, думается, служить и его архитектурные особенности. В частности, трехлопастные кокошники, каковыми была декорирована церковь Спаса, в символическом плане могли прочитываться как три скинии, предложенные Петром на Фаворе Христу и двум его величайшим пророкам. А отсутствие сюжета Преображения в иконографической программе фресковой росписи [см.: 2, с. 26–172] может свидетельствовать как раз о том, что этот образ был храмовым и находился в праздничном ряду иконостаса и на аналое.

Примечательно также, что полоцкий, а впоследствии первый тверской епископ – Симеон (1271–1289), происходивший, вероятно, из полоцкого княжеского дома, после восхождения на тверской стол Михаила Ярославича благословляет постройку в Твери кафедрального собора во имя Преображения Господня (1285). В связи с этим трудно удержаться от мысли, что делалось это в память о построенном святой родственницей – игуменьей Евфросинией – Спасо-Преображенском храме Полоцка.

Остается, наконец, определиться с началом игуменства преподобной Евфросинии: можно ли утверждать, что уже епископ Илия, передавая преподобной Сельце, благословил ее быть игуменьей (имея в подчинении одну черноризицу?), или она стала игуменьей позднее.

Моление Евфросинии о сестрах, думается, рисует нам картину самого начала монастыря: «Призри на храм Свой, яже создах во имя Твое... призри на мя, на рабу Твою Евфросинию и на рабыня Твоя сия, яже собрах во имя Твое, да приемше иго Твое легкое на выя, пойдут в след Тебе...». Обращает внимание будущее, а не ожидаемое настоящее время: собранные «во имя Твое... рабыня Твоя» *пойдут* «в след Тебе», что может описывать лишь ситуацию *начала*. Помолившись, Евфросиния обращается с проповедью к сестрам-насельницам. Этот эпизод также подтверждает предположение о том, что описание широкого празднества при освящении храма добавлено позднее и является если не выдумкой, то «биографической гипотезой» редакторов: преподобная Евфросиния обращается не ко князьям (которые весьма ценили мнение игуменьи и прислушались к нему, как это видно из дальнейшего повествования), не к «сильным мужам», не к простому люду, якобы во множестве собравшемуся на праздник, а только к сестрам-насельницам новообразованного монастыря: «Се собрах вы, яко кокош птенца под креле свои и в паствину, яко овца, да пасетеса в заповедех Божиих, да и аз веселым сердцем подвизаюся учить вас...»; что буквально означает: «*чтобы вы паслись* в заповедях Божиих, *чтобы и я подвизалась* веселым сердцем *учить вас*», то есть являет нам ту же ситуацию *начала*, а не продолжения действия.

Реконструированное таким образом повествование жития дает нам более точную (во всяком случае, более логичную), чем утвердилась в научном обиходе, картину происходившего в Сельце: по переселении в Сельце преподобная Евфросиния некоторое время жила там с одной только черноризицей при «церковьце Спаса», вскоре к ним присоединились Грядислава-Евдокия и Звенислава-Евпраксия. Вероятнее всего, что само упоминание о *монастыре* в Сельце, где были пострижены Грядислава и Звенислава, – не более как поздняя вставка (и логика позднейшего редактора тут вполне ясна: где же, как не в монастыре, могут принять постриг девицы?). Представляется более вероятным, что до постройки каменной церкви Спаса в Сельце не было «девичьего монастыря» как такового, а проживали при ветхом деревянном храме три монахини-княжны. Оттого-то преподобная и не думала о строительстве храма (и оттого-то столь небольшим он был построен)! Но храм *велено* было строить, а тем самым и велено было собрать для него молельниц «яко... птенца под креле». К сестрам вскоре могли присоединиться несколько

послушниц, не исключено, что это могли быть кто-то из полоцких боярынь, овдовевших из-за событий 1125–1129 гг. Освящение же Спасо-Преображенского храма и было, собственно, началом Евфросиниева монастыря, когда преподобная (достигшая в это время – к 1129–1130 гг. – канонического 25-летнего возраста) впервые выступает в роли полноправной игуменьи: она молится о собранных «под крыле птенцах» и она принимает на себя подвиг учительства сестер, за которых отныне ответственна перед Богом...

Список литературы

1. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В.О. Ключевский. – Москва : Астрель, 2003. – 395 [5] с.
2. Мельнікаў, А. А. Еўфрасіння Полацкая / А. А. Мельнікаў // 3 неапублікаванай спадчыны / А. А. Мельнікаў. – Мінск : Четыре четверти, 2005. – С. 14–315.
3. Загарульскі, Э. М. Заходняя Русь IX–XIII стст. / Э.М. Загарульскі – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 240 с.
4. Сарабьянов, В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиниева монастыря и ее фрески / В.Д. Сарабьянов. – Москва : Северный паломник, 2007. – 176 с.

СООБЩЕНИЯ

НЕВЯДОМЫ АРЫГІНАЛ ГРАМАТЫ ВАСІЛЯ НАРЫМОНТАВІЧА КАНЦА XIV ст.

Да нядаўняга часу мяноўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча Паўлу Катовічу на “востраў” (тут і далей пад “востравам” маецца на ўвазе эксплуатаемы ў тым ліку пад ворыва лясны ўчастак) “Ветелье” у Жыдзечскай воласці за “востраў” на р. “Ступви” была вядома навуковай грамадскасці толькі па спісе, надрукаваным у XIX ст. у “Рэвізіі пушч і пераходаў звярыных у былым Вялікім княстве Літоўскам...” (*Ревизия пушч и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пушчи и на земли, сост. старостою мстибговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 г. с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворяном и священникам Пинского повета, составленной в 1554 году*. Вильна, 1867). Аб існаванні арыгінала нічога не было вядома. Між тым, з 1938 г. ён захоўваецца ў Музеі беларускага Палесся ў Пінску (Пом. 1134).

Грамата выраблена з тонкага жоўтага пергаміну; яе памеры 22,1x5,7x23,3x6,7. Скура мае форму трапецыі, верхні бок якой некалькі ўрэзаны ўнутр. Захаванасць дакумента здавальняючая. Тэкст напісаны на “рускай” мове ўставам. Ад мацавання прывешанай пячаткі захавалася чырвоная (не плеченая) пасма, канцы якой прасунуты ў два прарэзы выцягнутай формы з патаўшчэннем на адным з канцоў (зроблены лязом нажа). На адвароце граматы захаваліся паметкі і надпісы XVI(?)–XX стст.

Вьяўленне арыгінала дазваляе ўпэўнена ўстанавіць від юрыдычнага акту, які фіксавала грамата; вызначыць бакі, што ўдзельнічалі ў гэтым акце і прадмет рэгламентацыі. Грамата фіксуе акт абмену ўладанняў паміж князем Васілём Нарымонтавічам і Паўлам Катовічам. Паводле фармуляра граматы, князь Васіль Нарымонтавіч “улюбил” “востраў” “на Ступви”, які належыў Паўлу Катовічу (маючы намер паставіць там сабе двор), і абмяняўся з ім на “востраў” Вятэльє ў Жыдзечскай воласці.

У адрозненні ад “юрыдычнага” аўтара граматы, аб другім контр-агенце здзелкі – Паўлу Катовічы нічога не вядома. Аб’екты здзелкі

лакалізуюцца на тэрыторыі Піншчыны. Дакладнае датаванне граматы ўскладнена адсутнасцю ўказанняў на час складання граматы ў яе фармуляры. Матэрыял для датавання даюць палеаграфічныя і дыпламатычныя асаблівасці граматы, звесткі аб князі Васілю Нарымонтавічы і рэаліях, якія яна зафіксавала. Верагодней за ўсё, яна была складзена ў Пінску ці Піншчыне альбо ў Вільні ў 1390 г.

Навуковая значнасць і каштоўнасць граматы заключаецца ў тым, што гэта адзіная крыніца, якая захавала імя па бацьку былога пінскага князя Васіля: Нарымонтавіч. Гэта дазваляе гаварыць аб тым, што Васіль быў унукам, а не праўнукам Гедыміна. У князя Васіля Нарымонтавіча быў сын Фёдар. Форма яго імя “Фядушка” сведчыць аб яго маладым, хоць, відавочна, і паўналетнім веку (паводле інфармацыі граматы ён меў пячатку). Той факт, што Васіль Нарымонтавіч збіраўся паставіць двор на зямлі, атрыманай у выніку абмену, сведчыць аб тым, што Васіль не абмяжоўваўся толькі спананнем даніны з яго ўладанняў, але меў намер весці таксама ўласную гаспадарку. Грамата фіксуе імёны шэрагу баяр, відавочна, пінскіх. Уладальніцкі характар празвання аднаго з баяр (ад назвы населенага пункта), можа ўказваць на тое, што некаторым з іх у канцы XIV ст. належылі цэлыя сёлы (магчыма, атрыманыя ў дараванне ад пінскага князя).

Грамата – адзін з нешматлікіх арыгінальных актаў ВКЛ гэтага часу; адзін са старажытнейшых даравальных актаў удзельных князей літоўскага паходжання; адзін з нешматлікіх найстаражытнейшых актавых крыніц, якія фіксуюць факт прыватнага, не княжацкага землеўладання; для архівазнаўства важна і тое, што гэта – найстаражытнейшы з вядомых на сённяшні час арыгінальных дакументаў у беларускіх архівасховішчах, якія маюць непасрэдныя адносіны да Беларусі.

Грамата ўводзіць нас у эпоху пачатку фарміравання пісьмовай культуры ў свецкай сферы ВКЛ. Структура яе фармуляра, асаблівасці пісьма, некаторыя іншыя прыкметы граматы гавораць аб адсутнасці працяглай, добра апрабаванай практыкі выкарыстання дакументаў, складанне і афармленне якіх было б рэгламентавана пэўнымі правіламі. Пры самім акце большае значэнне мелі рытуальна-сімвалічныя дзеянні і наяўнасць сведкаў. Тое, што грамата мае мацаванне толькі для адной пячатак, указвае на тое, што сведкі не прывешвалі да граматы сваіх пячатак; такім чынам, яны сведчылі здзелку, а не дакумент. Сведкі з’яўляліся не толькі гаран-

там правоў бакоў, якія ўдзельнічалі ў заключэнні здзелкі, але таксама экспертамі, кантралёрамі і ўдзельнікамі рытуальна-сімвалічных дзеянняў, выкананне (і правільнасць выканання) якіх служылі яе прававой (дакладней, рэлігійна-прававой) падставай.

Грамата была складзена праваслаўным свяшчэннікам. Гэты факт з'яўляецца адным са сведчанняў таго, што пашырэнне дзелавой пісьменнасці ў свецкай сферы ішло з царкоўных сцен. Тое, што на мяжы пераходу ў гэтай сферы ад вуснай культуры да пісьмовай перапісчыкам і складальнікам граматы з'яўлялася духоўная, а не свецкая асоба, было не выпадковым фактам, а хутчэй звычайнай з'явай. Ва ўмовах рацыяналізацыі грамадскіх адносін хрысціянская рэлігія, заснаваная на *пісьмовай* традыцыі Святога пісання, падказвала больш дасканалы сродак працяглага захавання аб'ектыўнай інфармацыі, зручны з пункту гледжання яе выкарыстання, чым памяць сведкаў.

ИСТОЧНИКИ

Баранкова Г.С.

**«ПОВЕСТЬ О БЕСПЕЧНОМ ЦАРЕ
И ЕГО МУДРОМ СОВЕТНИКЕ»
КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО
В РУССКОЙ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ**

Кирилл, епископ Туровский, выдающийся писатель и проповедник Киевской Руси XII в. (по одним данным скончался в 1182 г., по другим оставил епископскую кафедру до 1183 г., но продолжал писательскую деятельность [ППИДР: 2003 124; Поньрко 1992: 155]), оставил большое творческое наследие, в составе которого торжественные слова, молитвы, притчи и сказание. Несмотря на большое число работ, посвященных творчеству этого писателя, некоторые вопросы, касающиеся его произведений, до сих пор остаются не решенными. Сказанное относится прежде всего к текстологическому и лингвистическому анализу повествовательных аллегорических сочинений туровского епископа («Притча о душе и теле», «Повесть о беспечном царе и его мудром советнике» и «Сказание о черноризском чине»).

Наибольший вклад в изучение сочинений Кирилла Туровского внес И.П. Еремин [Еремин 1955–1958, 1962]. Лингвотекстологический анализ слов Кирилла Туровского, находящихся в хранилищах Москвы, был проведен Т.А. Алексеевой [Алексеева 1974, 1976], изданием и исследованием молитв Кирилла Туровского занималась Е.Б. Рогачевская [Рогачевская 1999].

Из трех нарративных сочинений Кирилла «Повесть о беспечном царе и его мудром советнике» (другие ее названия: «Повесть о белоризце и о мнишестве», «Повесть о беспечном царе, не любившем ратного оружия») является наименее изученной, так как со времени Еремина не предпринималось ни текстологических, ни лингвистических исследований этого памятника.

И.П. Еремину было известно 8 русских списков этого произведения: ГИМ, собр. Барсова № 1419 (Бар-1419), XVI в., лл. 161–166об.; собр. Уварова № 740 (Ув-740), XVI в., лл. 218об.–230; РНБ, ОСРК Q.I.214, XVI в., лл. 16об.–28об.; ОСРК Q.I.233, XVII в., лл. 1–45об.; собр. Титова № 522 (Тит-522), XVI в., лл. 304–320; собр. Титова № 2152 (Тит-2152), XVII в., лл. 152об.–157об.; собр. Погодина

№ 801 (Пог-801), XVII в., лл. 251об.–256об.; БАН, 21.5.7, XVI в., лл. 22об.–29об. Кроме того, в связи с заглавием памятника И.П. Ереминым был упомянут еще один список – ГИМ, собр. Синодальное № 935 (Син-935), XVI в., лл. 72–81об., однако по неизвестным причинам он не был включен Ереминым в перечень всех известных ему рукописей этого произведения и никак не отражен в его исследовании. Вероятнее всего, Еремин не видел этого списка, а пользовался только статьей А.В. Горского, опубликовавшего из сборника Син-935 «Послание некоего старца к Василию архимандриту Печерскому» [Послание 1851]. Кроме того, Ереминым были указаны еще два отрывка (первый из них, по нашим наблюдениям, можно рассматривать как полноценный список «Повести»): это сербский список по пергаменной рукописи XIII–XIV в., собр. Сречковича, опубликованный М.И. Соколовым [Соколов 1902] и отрывок из «Повести» под названием «Слово о скороминувшемь семь житьи» – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры № 11 (Тр-11) (в составе сборника «Златая цепь», изданного М.С. Крутовой [Крутова 2003]).

К известным на сегодняшний день по работам Еремина спискам следует добавить еще семь: РНБ, собр. Погодина № 796 (Пог-796), XV в., лл. 308–315; РГБ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря № 504 (Вол-504) XVI в., лл. 138об. – 151об.; № 492, XVI в. (Вол-492) и № 525 (Вол-525), XVII в., лл. 158об. – 172; ГИМ, собр. Епархиальное, № 345 (Еп-345), кон. XV – начала XVI в., лл. 30об. – 42об.; № 399 (Еп-399), XVI в., лл. 120–135; в том числе упоминаемый Ереминым, но не введенный в научный оборот список Син-935, XVI в. Примечательно, что среди этих списков нами обнаружен полный список первой половины XV в. (Пог-796), тогда как ранее считалось, что известные старшие русские списки памятника относятся к XVI в.

И.П. Ереминым был издан текст «Повести» по списку Тит-522 как наиболее исправному с привлечением разночтений по Белградскому списку (по изданию Соколова), отрывку из Тр-11 и Ув-740. Взятые для разночтений списки полностью не отражают рукописную традицию памятника, так как не были выбраны на основании их текстологической группировки и не представляют редакций этого произведения.

Среди найденных списков «Повести» наибольший интерес вызывает Син-935, текст которого отличается от всех остальных ее списков. Его можно рассматривать как особую редакцию «Повести». В настоящий момент текстологическая группировка списков памятника представляется нам в следующем виде. Существует три

редакции «Повести». Первой из них является *Синодальная*, сохранившаяся в единственном списке Син-935. Она характеризуется наличием полного текста памятника, отсутствием заголовков-скреп, в ряде случаев по сравнению со списками других редакций в ней отсутствуют библейские цитаты или их текст более краток, чем в остальных списках. Наблюдаются некоторые текстологические различия на уровне пропуска предложений или их частей (что более вероятно, эти предложения являются вставками в списках других редакций).

Вторая полная редакция памятника, названная нами по ее наиболее исправному представителю Пог-796 *Погодинской*, включает в свой состав следующие списки: Пог-796, Пог-801, Тит-522, Вол-504, Вол-492, Вол-525, Еп-345, Еп-399, Q.I.214, Q.I.233, Ув-740. В целом ее можно считать расширенной за счет наличия заголовков, вставок библейских цитат и добавления слов и предложений.

Списки, входящие в эту редакцию, можно разбить на несколько групп: *Титовскую* (в нее входят Пог-796, Тит-522, Пог-801, Q.I.233), *Волоколамскую* (Вол-504, Вол-492, Вол-525, Еп-345, Еп-399 и Q.I.214) и *Уваровскую* (Ув-740).

Наконец, выделяется третья редакция «Повести», представленная тремя списками: БАН 21.5.7, Тит-2152 и Бар-1419. Эту редакцию можно назвать *Краткой*, так как входящие в нее списки не содержат конца «Повести» (примерно одной третьей ее части). При этом текст «Повести» явно сокращен, а не утрачен, так как в концовке списков присутствует обычное для памятников завершение: **бг҃у нашому слава** (Бар-1419, л. 166об.); **ем҃у^ж подобаетъ всака слава чѣть поклоннне шцѣ и сн҃у и ст҃му дх҃оу ннѣ и рно и въ вѣки вѣкомъ аминь** (Тит-2152, л. 157об., БАН 21.5.7, л. 29). Сокращение в списках проведено по-разному: в Бар-1419 текст сокращен сильнее и заканчивается после слов: **х҃ъ съ ст҃ыми аг҃лы веселитса. радость бо рече вывае^т и любовь бг҃у нашому слава**. В Тит-2152 и БАН 21.5.7 текст заканчивается после слов: **аки ѿ постава оумницѣ ваше^м шествомъ нѣм҃юще вашу веселне^м любовь. ем҃у^ж подобаетъ всака слава...** (Тит-2152, л. 157об., БАН 21.5.7, л. 29). В двух последних списках сокращение полностью касается толкований, связанных с монашествующим чином, и похвалы мнихам.

Примечательно, что после тех же слов, которыми заканчивается Повесть в Тит-2152 и БАН 21.5.7, в списках второй редакции следуют киноварные заголовки: **Познаніе \hat{c} хвы блг^дти и въшествие въ вертепъ сирѣ^ч пострищиса ѿ прѣрчскыхъ писании скажемъ** (Пог-796, л. 312об., Q.I.233, л. 35), **А се похвала стѣхъ мчнкѣ и познаніе хвы блг^дти и въшествїе вѣ вертепъ сирѣ^ч пострищиса ѿ писанїи скажѣ^м** (ОСРК Q.I.214, л. 27, Вол-504, л. 146), **А се похвала мннх^{мб} и познаніе \hat{c} хвы блг^дти и вшествїе в вертепъ, сирѣ^ч пострищиса ѿ прѣрчкы^х писанїи скажемъ** (Тит-522, л. 313об.).

Наличие этих заголовков в списках второй редакции подчеркивает смысловое ограничение следующего далее текста от предыдущего, что является лишним подтверждением того, что за ним следует относительно самостоятельный фрагмент текста, посвященный отдельной теме монашествующих, и что сокращение этого текста в списках третьей редакции было проведено целенаправленно. Барсовский же список, оканчивающийся еще раньше, сохраняет всю сюжетную линию повествования и основные толкования, связанные с христианской символикой.

Третью редакцию памятника можно разделить на две группы: *Барсовскую* (Бар-1419) и *Академическую* (БАН 21.5.7, Тит-2152). Следует отметить, что Барсовский список является наименее исправным из числа всех сохранившихся списков «Повести». Его приметой являются многочисленные ошибки и искажения текста: **вы^с** вместо **вѣсть**, **нх мощи** вместо **нмѣщи**, **морщаго** вместо **творащаго**, **съ черью** вместо **съ дѣчерью**, **ра^{ди}** вместо **гра^д**, **пита** вместо **питаа**, **и(х)** вместо **х^с** и т.п. Учитывая, что уже в списках краткой редакции представлен в полном объеме текст библейских цитат и в ряде случаев наблюдаются те же дополнения, что и в списках второй редакции, логично предположить, что эта краткая редакция по своему происхождению имела общий протограф со списками второй редакции и так же противостояла первой Синодальной редакции по своему происхождению. Примечательно, что значительных языковых различий между списками третьей и второй редакций не наблюдается.

Приведем наиболее существенные примеры текстологических различий текстов трех редакций.

После слов **сѣдѣннѣ^ж безмоуѣ аламе^т** (Син-935, л. 76а 3) в списках 2-й и 3-й редакций добавлены две библейские цитаты из Псалтири (с разночтениями по группам списков): **рѣ^х бо съхраню пѹти мога да не согрѣшѹ газыко^м мои. онемѣ^х и смѣрнѣ^х оумолчахъ ѿ блгъ** (Пс. 38: 2-3) и **па^к аз же аки глухъ не слы[ша] и аки нѣ^м не ѿверзохъ оустъ своихъ и проказа подобна симъ** (Пс. 37:14; Пог-796, л. 311).

К тексту Мф. 10:11 **пріемлаи праведника во има праведниче мзу праведничю пріемле^т** (Син-935, л. 78б 13) в списках второй редакции (текст третьей редакции закончился ранее) добавлены еще две евангельские цитаты: **и проказа и па^к приемли рѣ^ч ва^с мене приемле^т** (Мф. 10:40) и **прирѣ^ч не бонса малое стадо. тако блгволи оцъ мои дати ва^с цртвнѣ немое** (Лк. 12:32; Пог-796, л. 313об.) и **прочаа...** (Ув-740, Тит-522), и **прочаа. и паки пріемла рѣ^ч ва^с мене пріемле^т. и паки рече не бонса малое мое стадо. тако блгволи ѿцъ мои дати ва^с цртво немое** (Q.I.214, Вол-504).

Текст Син-935 (л. 80а 6–12): **Аще выхъ^м вѣт^т постризаніа съхранили. то не токмо грехо^в ѿцыщеніе пріали выхо^м. но и землю вставльше на нѣо пріидемъ. и со агглы пребывае^м вкѹпе** в списках второй редакции существенно изменен и расширен вставкой (с вариациями по группам), ср.: **аще выхомъ овѣт^т постриганья нашего съхранили то не токмо грѣховъ очищение и земнѹю чтъ пріали выхо^м. тако стни ваши оци чюдтворци. имже цри и князи па^{ше} поклоннша^с. но и въ нѣнѣмъ цртвнѣ видѣли выхо^м вѣе лице. сирѣ^ч елико выхо^м въ млтвѣ просили. и скоро сугубо пріали** (Пог-796).

После слов Пс. 61:11 **но бгатествои(ж) мимо тече^т не прилоганте срѣца** (Син-935, л. 76б 5–6) в списках второй и третьей редакций (кроме Уваровской группы) представлены еще две цитаты из Псалтири (вторая цитата обрвана): **не помилѹю бо встѣ^х творащи^х безаконіе. того ра^д рѣ^ч забвѣ^х снѣсти хлѣвъ** (Пс.61:11) **ѿ гла^с въздыханна мое^г** (Пс. 101:5; Пог-796, л. 311об.).

После слов **а выстрѣи оумо^м. и прѣ^ж сказаніа си вѣдаль** (Син-935, л. 73а 6) в списках остальных двух редакций (с разночтениями по

группам) читается предложение: **послѣдокъ^ж слова подробнѹ рече^м** (Пог-796, л. 308об.).

После слов **всака власть ко грѣхѹ причтена естъ** (см. Син-935, л. 78а 11) в списках второй редакции (в третьей текст закончился) добавлено: **А торгюющимъ егда купла сдѣтса тѹ и грѣхѹ свершаетса** (Пог-796, л. 313), после слов **ко спнію** (Син-935) в списках второй редакции добавлено **къ спнію семью и домъ** (Пог-796, л. 313).

Наиболее полными и исправными списками второй редакции являются списки Титовской группы, среди которых самый ранний сохранившийся список «Повести» (Пог-796, XV в.). Также достаточно исправный текст находится в списке Тит-522, хотя некоторые языковые черты и текстологические разночтения сближают его с более поздними списками.

Списки Волоколамской группы представляют следующую ступень в развитии текста этой редакции (их отличают некоторые расширения библейских цитат и индивидуальные чтения): **смыслѣ^н иже оувѣда житїа сего земнаго пѹстошнѹ жизнь** (Син-935, л. 736 11–12) – **смрѣтны иже оувѣда житїа сего смыслъ** (Пог-796) – **смысленъ и^ж оувѣдѣ житїа сего разс^м** (Ув-740) – **смрѣтенъ и^ж въ адѣ житїе его и смыслъ** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **смрѣть** (Син-935, л. 736 18) – **смрѣть в праздникъ вес покагания** (Пог-796), – **смрѣть в празні** (Ув-740) – **смрѣть въ грѣсѣ^х ни в праздникъ** (ОСРК Q.I.214, Вол-504). После слов: **земнага телеса нша просадѣтса угне^м мѹчима** (Син-935, л. 81а 11) в списках Волоколамской группы добавлено и **скрежета зжвнаго исполнена и тмы кромѣшнага и тартаръ не сѣгрѣемын** (ОСРК Q.I.214). Имеются и искажения текста: **зарю** (Син-935 л. 726 8) – **ризоу** (ОСРК Q.I.214, Вол-504), **победнѣ^т** (Син-935, л. 806 4) – **погжви^т** (ОСРК Q.I.214, Вол-504). В списках этой группы имеются некоторые незначительные по величине пропуски, например: **аки ѿ постава ѹмицѣ и сїа преоузѣки^и плете^м аки дѣтнице пре^д вашн^м вчѣство^м немѹюще, вашу весели^м любо^в и ѿ сѣ^м да глнмъ** (см. Син-935, л. 78а 3–5); **вн^ж поражднн^х словѣ^с слагж и не мните мене кромѣ стѹ^т кнн^т си вземлюща** (см. Син-935, л. 80а 6–8).

Заметно проведенное по спискам этой группы редактирование языка (здесь и далее в примерах на первом месте стоят лексемы из Син-935 и остальных списков, противопоставленные лексическим разночтениям из списков Волоколамской группы): **раТЬ** (Син-935, л. 72а 16) – **брань** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **браніе** (Син-935, л. 73а 2) – **събраніа** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **пастоу^х** (Син-935, л. 796 18, 80а 3) – **пастырь** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **игъмена** (Син-935, л. 76а 14) – **настагателя** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **житію** (Син-935, л. 776 15) – **жительствъ** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **белоризе^п** (Син-935, л. 76а 5) – **козмникъ** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **мни^х** (Син-935, л. 80а 18) – **нноцѣ^х** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **мниси** (Син-935, л. 80б 12) – **нноци** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **рекіше** (Син-935, л. 786 18) – **сирѣ^ч** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **телесе** (Син-935, л. 73а 8) – **вбраза** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **постигне^т** (Син-935, л. 736 18) – **достигне^т** (Пог-796, Тит-522, Тит-2152, Бар-1419, БАН 21.5.7) – **възмѣ^т** (ОСРК Q.I.214, Вол-504) – **восхитить** (Ув-740); **непремѣнно** (Син-935, л. 816 8) – **непрестайно** (ОСРК Q.I.214, Вол-504); **чернечьскїи** (Син-935, л. 76а 2, БАН 21.5.7) – **черноризьчьскыи** (Пог-796, Бар-1419) – **нночєскыи** (ОСРК Q.I.214, Вол-504) – **мнїшьскыи** (Ув-740); **калѣгеръ** (Син-935, л. 786 8, Пог-796, Тит-522) – **мниховъ** (ОСРК Q.I.214, Вол-504) – **черноризецъ** (Ув-740); **вѣжерелными** (Син-935, л. 776 3, Пог-796, Бар-1419, Тит-2152, Тит-522, БАН 21.5.7) – **чѣтymi** (ОСРК Q.I.214, Вол-504) – **непрестанymi** (Ув-740).

Следует отметить, что списки Волоколамской группы примечательны тем, что они входят в состав сборников, в которых представлены все три повествовательных произведения Кирилла Туровского – две притчи и «Сказание о черноризском чине», при этом все три этих сочинения представляют собой особые текстологические редакции соответствующих сочинений: так, в числе текстологических особенностей «Сказания», представленного в волоколамских списках – дополнительная глава (**Ѧ аггльствѣ^м вбразѣ мнїшьствѣ^м оуказъ**), наличие которой отличает только списки Волоколамской группы (это третья редакция памятника, согласно классификации И.П. Еремина). Книжники Иосифо-Волоколамского монастыря проявляли особый интерес к

творчеству туровского епископа: именно в этом монастыре был составлен сборник всех сочинений этого автора, в котором впервые были объединены повествовательные сочинения и восемь «слов», посвященных двенадцатым праздникам и воскресным дням пасхального цикла. Очевидно, что протографом списка Еп-345 был именно такой сборник.

Существенными особенностями не только со стороны текста, но и со стороны языка отличается от других списков второй редакции Уваровская группа, представленная единственным списком Ув-740. Из текстологических разночтений Уваровской группы наиболее существенными являются следующие: в ней наблюдается пропуск текста между словами **прѣ^{жк} почи́шамъ стѣмъ – да се естъ подобно время** (см. Син-935, л. 74б 5–14 (пропуск 9 строк)), а также цитаты апостола Павла: **не во разꙋмѣнїѣ^т павла гл҃ща безъ подвига никтоже не венчае́тсѧ^т нїкто^{жк} во сп҃сѧ побѣдї^т, ни лѧнѧнѧ сп҃тсѧ^т може^т** (см. Син-935, л. 80б 2–5). Еще один небольшой пропуск зафиксирован между словами: **да не устанѣ^т – Рѣ^чже цр҃ь...** (см. Син-935, л. 78б 1–5, в Ув-740 пропущено 4 строки). Пропущен также текст **мене^{жк} аки и ꙗса молю вы не прѣзрїте, но и зѣдѣ и во стѣхъ мѧтѡвѧ^х поманїте. вѧшеѧ тоа стѣмъ трапезы крѣпїцѣ поверзїте** (см. Син-935, л. 81б 14–17). Кроме того, вместо текста, представленного в Син-935 и других списках: **вни во и сю всю ѡвою вставѡше волю бжїю, и игꙋменю повиню́тсѧ повелѣнїю** (Син-935, л. 79а 10–11) в Ув. читается: **внї ѡво вжїю повелѣнїю повиню́тсѧ. сїи же вставѡше волю житенскы^х попеченїи да^ѧ его къ игꙋменю повиню́тсѧ.** Отсутствует в Ув-740 и заголовок-скрепа, представленный в списках Титовской и Волоколамской групп (см. Син-935, л. 78а 5), наблюдается пропуск отдельных предложений или их частей (см., например Син-935, л. 76а 18–19). Ув-740 характеризуется значительным числом мелких разночтений, например, **а рꙋкама несытъѣство бранїе богатьѣствѣ тѣворить** (Син-935, л. 73б 1–2) – **а ѡтробѣ несытость творить** (Ув-740); **по аплѡ** (Син-935, л. 80б 1) – **по аплѡскѡ оꙋченїю** (Ув-740); **новосѣцны^х мнї^х** (Син-935, л. 80а 18) – **новоначалны^х мнїхъ** (Ув-740); **ѡвѣща** (Син-935, л. 80а 3) – **сиа же ѡвѣщавъ рѣ^ч** (Ув-740); **ѡвоевольства** (Син-

935, л. 75б 17) – **своеа вола не има^Т** (Ув-740); **впыганіе** (Син-935, л. 76а 5) – **вклетаніе** (Ув-740); **по нем** (Син-935, л. 79б 3–4) – **во слѣ^Д мене** (Ув-740); **паки** (Син-935, л. 74б 19) – **паки съ нѡвѡ^М** (Ув-740); **вщыщеніе** (Син-935, л. 80а 10) – **вставленіе** (Ув-740). Существенно отредактирован язык Ув-740. В нем устранены гапаксы и устаревшие слова.

Проведенное лингвотекстологическое исследование показало, списки второй и третьей редакции имели общий протограф. Однако остается открытым вопрос, какая из редакций лучше всего отражает авторский текст Кирилла Туровского. С определенной долей вероятности можно предположить, что список Син-935 более близок протографу Кирилла Туровского, так как сокращение библейских цитат в тексте памятника вряд ли могло быть проведено редактором текста, тогда как расширение цитат, а также добавление их из Псалтири на определенном этапе представляется весьма вероятным.

Одним из наиболее интересных расхождений является текст с упоминанием Феодосия Печерского, представленный в первой и второй редакциях памятника (третья редакция не доходит до упомянутого текста Кирилла Туровского).

Син-935, л. 7864-7	Пог-796, Ув-740 (с разночтениями)	Q.I.234, Вол-504
<p>тако и мни^Х и се авѣ^Г естѣ. Ѡ^Г фев^Д сѣа печерска иг^Рмена. како бгъ его ра^Д и мѣсто прослави^Н и мана^Рсты^Ч славе^Ж створи па всѣ^Х и в р^Сси</p>	<p>тако и мнихи не мана- стырь славны творить но добродѣтель мнишьс- каа и мана^Рстырь славенъ творить. и се авѣ^Г естѣ Ѡ^Г федосыа печерска^Г иг^Рмена иже в киевѣ^Г понеже нелицѣ- мѣрно мнишьствова. възлюбивъ ба и братью яко своя оуды. тѣмъ же и бѣ^Г възлюбви и мѣсто е^Г ра^Д прослави па всѣ^Х иже в р^Сси мана^Рстыревъ</p>	<p>тако и иноки не мана^Встырь сланы творн^Т но добрадѣ- тель мнишьскаа и мана- стырь славенъ творн^Т. и се авѣ^Г е^С Ѡ^Г фев^Д сѣа печерскаго иг^Рмена. и в^К киевѣ^Г градѣ нача^Лника вещем^Д житію понеже нелицемѣрно мнишь- ствова. възлюбн^Н бга и братію свою тако оуды. тѣ^М же и бѣ^Г възлюбви и. и мѣсто его ра^Д и прослави па всѣ^Х иже в р^Сси мана^Рстыревъ.</p>

Как видно из данных таблицы, наиболее кратким является текст в списке первой редакции, в списках второй редакции он расширен

за счет прославления Феодосия Печерского, при этом наиболее полным является текст в списках второй редакции Волоколамской группы. Эти примеры также могут свидетельствовать в пользу того, что текст о преп. Феодосии, представленный в Син-935, первичен, а в списках второй редакции неоднократно пополнялся и редактировался.

Ниже публикуется текст «Повести о беспечном царе и его мудром советнике» по рукописи Син-935, не введенной в научный оборот до настоящего времени. Согласно правилам лингвистического издания он передается буква в букву и строка в строку. Издаваемый текст Син-935 отличается рядом индивидуальных чтений, например: **злоє** (Син-935, л. 80б 16) – **лоукавага** (остальные списки); **прошає^т** (Син-935, л. 80а 12) – **вопрошаєть, въспрашаєть** (остальные списки); **вѣгающе в̑ запѣскъ** (Син-935, л. 81а 3) – **текѣще в стадѣ** (остальные списки); **може^т** (Син-935, л. 74а 16) – **возможе^т** и ряд других.

Обращает на себя внимание тот факт, что Син-935 сохраняет ряд древних чтений по сравнению с остальными списками: **вѣсть** (“зрение”, Син-935, л. 73а 10) – **видѣ** (Пог-796); **видѣнїе** (Тр-11) – **очи** (Q.I.214, Вол-504); **вѣство** (Син-935, л. 73б 15) – **вѣгство и вѣжство** (остальные списки); **искрь** (Син-935, л. 76а 19) – **влизъ** (остальные списки) и т.д. Нередки случаи употребления в Син-935 прилагательных с приставкой **пре-**: **премѣтвѣ**, **пречтѣ**, **престын** **премртѣ** и т.п. (при наличии в остальных списках **мѣтвѣ**, **чистѣ**, **стѣн**, **мѣдрость**).

Из архаических древнерусских грамматических особенностей Син-935 укажем наличие значительного числа кратких форм прилагательных: **в̑ велицѣ** (72б 11), **пѣстошнѣ** (73б 12), **красѣ^н** и **высо^к** (72б 15), **праведничю** (78б 13), **смагла и добра** (79б 12), **црѣвѣ** (79б 17), **по гнѣю** (11), **оумнѣ** (79а 2), **хѣды** (творительный падеж множественного числа мужского рода; 72б 12) и т.п., употребляемых в том числе в косвенных падежах; в рукописи отмечается имперфект единственного числа 3 лица с аугментом –**тъ**: **предстоашет̑** (остальные списки **предстоаше**), сохраняются формы двойственного числа: **видѣста**

(72б 10), **оузрѣста** (72б 8), **вчима** (73а 18), **рѣкама** (73б 1), **оустнѣ** (75а 14), **крылѣ** (двойственное число винительный падеж; 81а 13) и т.п. На архаичность языка списка указывает употребление причастных форм на *-jь* действительного залога прошедшего времени с основной инфинитива на *-i-* по сравнению с более редким употреблением вторичных форм на *-въ*: **похожьше** (72б 2), **поставльше** (73а 4), **вставьше** (79а 10, 80а 10), **заблѣжьше** (79б 19), **заблѣжьша**^Г (80а 10) и т.п.

Син-935 характеризуется наличием русизмов в правописании, довольно последовательно проведено в нем написание с *ж* на месте этимологического сочетания **dj*: **слажьши** (72б 13), **вхоженіе** (75б 1), **вдежами** (73а 16), **исхоженіе** (75б 1), **нѣжею** (75б 3), **всѣженіе** (76а 4) и т.п., имеются единичные случаи написаний с *ч* на месте этимологического сочетания **tj*: **печеры** (72б 9), написания с начальным *о*: **одн**^Н (74а 9).

В правописании списка отражается акающий говор писца: **некатора**^М (72а 3), **поха**^Т (73а 18), **дасады** (76а 5), **дазрима** (75б 6), **вѣраю** (74б 17), **добротаю** (76б 9), **единою** (женский род единственное число творительный падеж; 75б 19), **добрамѣ** (80а 5), о том же могут свидетельствовать гиперкорректные написания: **без поколнїе** (73б 18), **подовами** (77а 2), **поколнїе**^М (77а 10), **поколнїа** (79б 14), **прилоганте** (76б 5). Нередки случаи мены *ѣ/ѣ*: **зело** (72а4, 12, 73а 13, 76б 12), **приседаше** (72б 13), **венчевахѣ** (72б 17), **венчаеѣса** (80б 4), **светлѣа** (73а 2), **грѣха** (74а 8, 77а 15), **грѣхж** (78а 11), **ѡвеща** (79а 18), **сверепѣства** (73б 3), **вбещах ...са** (80а 3), **немѣюще** (78а 5), **нищете** (72б 12, 76а 2, 78а 12), **граде** (72б 1), **в страсе** (72б 2), **целѣи** (80а 6) и др.

Список литературы

1. *Алексеева 1974* – Алексеева Т.А. К лингвотекстологическому изучению произведений Кирилла Туровского // Памятники русского языка. Вопросы исследования и издания. М., 1974. С. 157–170.
2. *Алексеева 1976* – Алексеева Т.А. Слова Кирилла Туровского как источник для исторической лексикологии // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 80–90.
3. *Еремин И.П. 1955–1958* – Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ, 1955. Т. 11. 342–367; ТОДРЛ, 1956. Т. 12. С. 340–361; ТОДРЛ, 1958. Т. 15. С. 331–348.

4. Еремин 1962 – Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского // ТОДРЛ, 1962. Т. 18. С. 50–58.
5. Крутова 2003 – Златая Цепь (по Троицкому списку): Тексты. Исследования. Комментарии / Сост., вступ. статья, изд. текста, коммент. М.С. Крутовой. М, 2003.
6. Поньрко 1992 – Эпистолярное наследие Древней Руси. XI–XII вв. / Подгот. к изданию Н.В. Поньрко. СПб., 1992.
7. Послание 1851 – Послание к Василию архимандриту Печерскому XII столетия. Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 10. М, 1851. С. 346–357.
8. ППИДР – Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания. СПб., 2003.
9. Рогачевская 1999 – Рогачевская Е.Б. Цикл молитв Кирилла Туровского. Тексты и исследования. М., 1999.
10. Соколов 1902 – М.И. Соколов. Некоторые произведения Кирилла Туровского в сербских списках // Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1902. Т. III. С. 223–234.

«ПОВЕСТЬ О БЕСПЕЧНОМ ЦАРЕ И ЕГО МУДРОМ СОВЕТНИКЕ»

(по рукописи ГИМ, собр. Синодальное № 935, XVI в.)

[л. 72 а]

В некатора^М црѣ бы-
 тѣна^Г вроу^Ж не имѣ^Ш. Повесть чю^Д на. в че-
 рноричѣ^Х. нѣ в ко^М градѣ баше црѣ
 зело блгѣ. кроток же и млтвѣ. добрѣ
 смотрѣ в свои люде^Х. сим же точною еди-
 нѣ^М не бѣ раз^Жменѣ. понѣ не боаше^С бѣста^В
 ни ратнаго^Ж др^Жжаше вр^Жжѣ. не мнѣше бо
 иноу на нь во^Дстати. имѣше бо при себѣ
 црѣ тон многи др^Ддги и советѣтники. и еди-
 нѣ дщерь мжжеоу^Ммнѣ. в тѣ^Х же советѣтни-
 цѣ^Х, един бѣ¹ м^Дрь и бл^Ггораз^Ммѣ. иже скорѣ-
 ше зело. в небож^Знствѣ црѣвѣ. вбаче и-
 скаше бремене нс^Хода и потрѣб^{НА}. како бы
 емж гл^{ТИ} црю да бы са^Г готови^А на ра^Т. во еди^Н
 ча^С ноци · в^Знезап^В бы^С мо^Лва по градѣ вели-

¹ бѣ: ѣ исправлено из о теми же чернилами.

ка. и рѣ^ч црѣ ко свои^м съвѣт^нико^м. изыде^м
походи^м по градѣ, негли обрѣтѣше немѣ

[л. 72б]

тѣвораща^г въ наше^м граде матѣ^ж село въ велицѣ
есѣмь страсе ннѣ^б. и ише^дше же всюде похожыше,
ничто^ж въбретоша. но точію движаніа градѣ
всѣмъ же совѣт^нико^м въ оу^дныни^н бывшимъ,
и во се^м недомыслащимъса. ѿ бл^ггоразумныи со-
вѣт^нни^к пон^м црѣ, и съ дщерию его. к велицен
приведе горѣ. имжши многа и различна врѣ-
жѣа. въ ней^ж оу^жрѣста свѣтлѣ зарю. вконце^м
ѿ пещеры исходащю. и к томъж приникну-
вша вконцѣ. видѣста в^ндѣръ вертепа
жилище. въ немъже сѣдѣаше моу^ж въ послѣднѣ^н
нищете жива хѣды ѿволче^н рѣбы. емоу^ж
присѣдѣаше искры своа жена. слажыши
брашна поуще пѣ^с прѣстогашетъ же емѣ,
красе^н нѣкѣтѣ. и высо^к на тѣверде камени,
питаа и вино черпаа. и мѣжъ чашю прии-
мшю тогда похвалами венчевахѣ многою
растѣію мѣжа. си же вса съгладѣ^в црѣ
призва^в своа дрѣгы и рѣ^ч имѣ. влѣ чю^д мон дрѣ-

[л. 73а]

зи видите. како хѣдоє се и потаеное житіє чѣ^с-
тнѣа ншеа дрѣжвы веселитѣса и свѣтлѣа
внѣшнн^х вноу^трнн^аа сїаютъ. зѣдѣ слово
постѣавльше на прѣренѣа^д возвратимъса. ра-
зрѣшающе притѣа. съоу^зъ оу^спѣха ра^д про-
стѣвши^х. а выстрѣи оумо^м. и прѣ^ж сказаніа си
вѣдѣать. Гра^д оубо естѣ братіє. соста-
вленіє члвчѣаго телесе. емоу^ж тѣворецъ и

зижитѣ ^аб̄. а иже в̄ не ^млюдіе. чювьствє-
 ныа оуды нарицаѣ ^м. слв̄^х. вєстѣ швонан-
 ніе. в̄кѹшеніе, шєлзаніе и нижнаа те-
 плоты с̄верьпѣство. Цр̄ь же є ^соумъ,
 в̄ладааи в̄сѣ ^мтѣлѣ ^мсєло же єстѣ бл̄гъ
 и крото ^к и прєматв̄ъ. ш̄ своѣ ^мво телєси па ^ч
 в̄сєго печет̄са. томѹ во ища потрєбны ^х.
 и крєса є шдежами. добрѣ же с̄мотрн̄ ^т сво-
 и ^млюдє, ш̄ слышаніа во добра высит̄са.
 а ш̄ зла млт̄са². шчима ^жпох̄а ^тс̄творитѣ,
 швонанію желаніе исполнитѣ. оустомъ ^ж

[л. 73б]

швєаденіе дає ^т. а рѹкама несыгѣство
 браніе богатѣствѹ т̄воритѣ. с̄ тѣми и
 нижнаго с̄верепѣства с̄вр̄шає ^тпох̄ѹ. чи-
 м̄же єдинѣ ^мне в̄б̄ разѹменъ понє ^жне тако
 печашє ш̄ д̄ши іакоже ш̄ телєси. не помы-
 шлєт̄ во безконєчныа живѹщи ^мзлѣ ^тзлѣ
 мѹки. ни готовит̄са на бѹдѹщаго в̄б̄^к,
 пр̄авєдникѹ оуготова жинь того ра ^{ди} и
 павє ^апиша рє ^ч. миръ в̄с̄ во злѣ лежи ^т. не
 слышит̄ во солѹмана гл̄ща. бл̄жн̄ъ и ^жш-
 брѣтє пр̄мр̄ ^дтѣ и с̄мыслє ^н иже оувѣда жи-
 тїа сєго земнаго пѹстѹшн̄ жинь. с̄в-
 вѣт̄ници же с̄в̄т̄ъ и др̄ѹзи житєєски
 мысли. не дадоѹще ны ни ш̄ см̄рти помы-
 слити. в̄в̄ст̄во во к̄ниги см̄рти нари-
 цають. иво х̄ ^сжидом гл̄ше да не бѹдет̄
 в̄в̄ст̄во ваше зимѣ ни в̄ с̄вѹтѹ сирєч̄, да
 не пост̄гн̄т̄ т̄а см̄рт̄ъ без̄ покоаніє, ра-
 т̄нага ^жвр̄ѹжїа сє с̄жт̄ъ. пост̄т̄ млт̄ва

² млт̄са: так в рукописи, вм. млт̄тєса.

[л. 74а]

ЧТОТА ТЕЛЕНАМ. БЕГНѢВІЕ. ВОЗЬМЕТЕ БО
 РЕ АПЛѢ ВСА WRЪЖІА БЖІА. ДА ВОЗЬМОЖЕТЕ
 ПРотивитиса въ днѣ лю, но сего wrъжїа
 не любн мирѣстїи члвци дрѣжати, но-
 щь же естѣ свѣта сего матежь. в не-
 мже акн во тмѣ матѣщеса. држ чре
 дрѣга в погнвѣ сами себе поревае. или акн
 снѣ wдржимн, не възѣвѣне ѿ грѣха. а еже
 в одн ча бы по всемѣ граѣ моѣва. то е нечаема-
 л на члвкн напасть. ли недоу. ли потѣ. ли
 лѣва, ли ѿ властїи wбїда зла тогда бо
 всн wстану житѣискїа мысли. и wстѣ-
 пленїа оума бывае. еже естѣ црѣвъ стра. ше-
 стѣе же по граѣ. и неwбрѣтенїе тѣвораща
 кн, ннктора w хнтрѣстѣ прѣменнн
 може бжїа попущенїа. точїю стѣ моу
 мѣтва. петра бо ѿ цркѣн за нь бывющїа
 мѣтва ѿ темннцы и вернї изѣавн. слы-
 шнї же и павла к рнмлянѣ глѣца па чї силы w-

[л. 74б]

сѣорбнша на⁵ во асїи акѣ не надѣлн^с,
 на живота. но бѣ изѣавн ны вашнми
 мѣтвамн. аще ли не бѣдоу достѣоннн
 живїи wбщнн бга оумолннн. прнзы-
 вае прѣ почнвшам стѣм мѣжа. свѣдѣ-
 тел же семѣ нсаїа прркѣ, иже смртѣ
 незнкѣннѣ ѿ бга повѣда. и пакн не
 токмо здравїе томоу незнкнн прнне-
 се ѿ бга. но и граѣ⁶ изѣавленїе. но сн тн

³ граѣ: аѣ – лигатура.

⁴ граѣ: аѣ – лигатура.

⁵ на: так в рукописи, вм. насѣ или ны.

⁶ граѣ: аѣ – лигатура.

ре дарова бѣ два раба моего ра^{ди}. тако и
 трѣе ѿтроцы молаху^г глше. абраама
 ра^{ди} возлюбленна ѿ тебе. и исака раба
 ти. и изла стго твоего. того ради
 и во плененіи не изгорѣша. да се естъ
 по^{до}бно время много бг^оразумна^т совѣ-
 тника. ѿ не исати чаро^в ни волхвъ но
 вѣраю глти блго мнѣ яко смирил ма
 еси да наочюся в^правданіе^м твое^м. и
 паки^ж яко годѣ бы^с гви. тако и бы^с. гь

[л. 75а]

живи^т и мртви^т. смире^т и выси^т. и ѿ волѣ-
 зни оустраблме^т немощным. гора естъ
 монасты^р в немже дх^внаа^т врѣжїа на
 противна^т диавола. си сѣ^т постъ млт^ва
 слезы воздержаніе чг^ота любви. сми-
 реніе любовтрѣдїе. и неснисканіе бг^а-
 теѣства. к тон горѣ бг^оразумнымъ съ-
 вѣтнн^к приводи^т цр^а сире^ч оума к мона-
 стырю. то бо е гора бжїа гора тѣчнаа гора
 сырена. гора юже блговолн бѣ жити
 в неи. прих^д же к горѣ се е ѿвѣт^ное ко бг^ж
 слово. вѣщанте бо са ре^ч и возда^{ди}те. и
 паки возда^м тебѣ вѣты моа. іа^ж изреко-
 сте оустнѣ мон. и глша оуста моа в печа-
 ли мои, и приниченіе же къ вконцѣ^ж, ѿ
 слышати дшеполезное оученіе. сказа-
 нїе бо ре^ч словѣ твое^х просвѣщае^с и разс^м да
 мл^днцѣ^м, пишеть бо са возвед^х учи^х мон в го-
 ры, ѿнюдж^ж приде помощь мнѣ. іа^к тѣ

[л. 75б]

рещи съ дв^м. гь съхрани^т вхоженіе твое и и-
 схоженіе твое ѿселе и во вѣки. никог^ж бо хь

нѣжею приводи^т к покаянїю, но вещьми раз^м даеть. да ѿ то^о познавши^х его. въ нѣно^е вводи^т цр^тво. пещера^ж гл^бока. цр^кви^е мастырьска. прр^ки дазрима. аплы оу^сстроена. и еу^лнсты оукрашена, а и^ж ѿ нем свѣ^тлаа сияющи зар^а бг^оухвалнага жрт^ва, немолч^наа алл^бга, пшл^стїи гласи, в но^ще^х бо ре^ч възд^джете рѣки ваша во ст^ага, и бл^гвте^г га. и паки пол^ноши воста^х исповѣ^вдати⁷ тебѣ. тако бо рече. да пр^освѣ^титса свѣ^т ва пр^е чл^вки. тако да оузр^а добра^а дѣла ваша и прослава^а ѿца ваше^е иже е^с на нѣ^б. вн^тренни^ж верте^е оуста^а гл^ю апль^ска пр^еданїа, келенна^а житїа в^с неже ни^кто^ж св^оевольства не има^т. по^с всѣ^м вса вѣ^тща с^втъ. с^ж бо вси по^д иг^умено^м, аки оуди телеснїи по^д еднаю главою, с^др^жими

[л. 76а]

д^хвными жилами. а и^ж в^с не^м сѣ^дди моу^ж. в^с посл^днен жива нищете, се е^с весь чернечскїи ч^н, сѣ^днїе^ж без^молвїе м^бла^е, а посл^дна^а нищеты житїе, сир^ч ѿ белориз^е в^сд^женїе. дасады укори^зны. х^улы по^смѣси впы^танїе не бо тако м^на^а. тако бг^ж работающа м^нхи. но аки пр^елест^ники. того ра^ди павель гл^ше. бѣ ны аплы посл^дна^а ави, аки на^смрт^ники. та позор^у бых^о в^сем^ж мир^у, и паки мы оуро^ди^а х^а дѣла. вы^ж м^рїи ш^хе. а и^ж х^удыми вѣ^лче^ни рѣбы. се без^пр^нт^ча слово т^у бо в^ласница и с^вк^нана вдежа. и ѿ ко³ни ко^ж в^солченїа, в^сака бо добра риза и пл^о

⁷ исповѣдати: так в рукописи, слог вѣ ошибочно повторен дважды.

⁸ по: ошибочно вм. но.

ѣкое оукрашеніе. чюже ѿ нгѹмена. и все мь-
нишеѣскаго оуставленіа. и бо ре хъ макъ-
каа носѣ въ домѣхъ црѣски сжѣ. но сжѣть мни-
си цѣломрїе мволчени. правдою помса-
ни. смиренїемъ оукрашени. приседаше ж
нскрь ѣвоа емѹ жеа. се еѣть не-

[л. 76б]

ѡлѹчающагаа смртнаа памѣ. сно слакъ-
ю поюще пѣ. гла расти и веселїа въ селѣхъ пра-
вѣни. праведницы бо въ вѣки живи сѹ-
тъ. и мѹа имѣ ѡ га. смртъ правѣникѹ поко",
но бгѣтество и мимо течѣ. не прилоган-
те срца престоан же емѹ внѣ присны" хъ
еѣть блї въ гѣ всѣхъ боащїса его. хотѣнї
си исполни, и мѣтвѹ нхъ оуслыши, се
красѣ добротая паче снѣвъ члѣвѣскъ. ще-
дръ во еѣть⁹ и мѣтвѣ гѣ. не приидѣ бо рече
да ми послѹжа. но да послѹжю и положю
дшю ѣвою ибавленне за многы. село ж вы-
со^к еѣть. поне ж снѣ вѣнї, и воплоти нше^р
ра^{ди} спнїа. и бы члѣвкъ да члѣва вбожи, сто-
нть же на тѣрдѣ мншеа вѣры камени
в семѣ бо амѣ іеремѣа послѹшеѣтвѣтъ.
амѣ гѣтъ се члѣвкъ висо^к стоаше на тѣверь-
де камени. призываа страны и питаа
ѣвоа. іеремїа же ре члѣвкъ еѣть и кто оувѣ-

[л. 77а]

еѣть и. но да авнїса страна тако бѣ еѣть,
питааи ж и чрѣплаа вино всѣм вѣрны м подова-
ли чтное свое тѣло во вставленїе грехѹ. стѹ-
ю крѹ^в въ жїзнь вѣчнїю. возбраняющи га дрѹж-
гаа ѣвоа комѹждѣ совѣтъ. вопнѣтъ бо па-

⁹ еѣть: е вставлено над строкой другим почерком.

вѣ^а. и кто гастъ хлѣ^б сен. и пиетъ чашю гню
 недостон^н сы, грѣхъ себе лѣтъ и пиетъ
 повинѣ^н естъ тѣлж и крови гни. а егда
 прїимѣ^т мж^ж чашю похвалами венчаеъ^т ѣ,
 се разумѣи^и вчтгившихса покаянїе^м, и при
 нїши^х животворнїю чашю въ свщїнїе дѣ
 ши. и во вчищенїе телеси. тогда бѣ^д вѣцъ
 хвали пррческими глсы, блжнни нмже ѿ
 пущена сж^т безаконїа. нмже прикрывша^с
 грѣси. нмже не вмени^т гь греха, и паки ве
 селитѣ^с в гдѣ. и радїте^с¹⁰ праведнїи. венча
 етъ же прѣстѣын дхъ^к та почивае^т на прчты^х
 причастнїцѣ^х. оуже бо та вѣрѣте себе до
 стонны съсжды и вселиса в нїа. измыша

[л. 77б]

во храмы своа слезами. постлаше^{лю} бо трѣ^д
 ными млтвми оукрашиша добродѣтелїю
 накалиша бежерелными водыханїи. мно
 гими^ж ра^{до} стми. хъ стми агглы веселитѣс^а.
 ра^{до} сть во ре^ч бывае^т на нби. в едино^м грѣшнїи
 цѣ кающїмса радїтес^а¹¹ во ре^ч со мною
 іако вѣрѣто^х изгнѣшжю драхмѣ. си^ж вса
 съглад^а црѣ. призва своа дрѣги, съглад
 данїе помышленїе естъ блго. ѣ встати^с
 ѿ греховны^х ввычан. и наоучити^с бгооуго
 днымъ, со^{бра} ти же сего свѣтна^т житїа по
 мыслы, и скаати се^т свѣта лестна^т кра
 снїа, и рѣчи соломанѣски, в свѣта сжето
 ю бдетъ всакъ бо члвкъ си^х ра^{ди} житѣнскї^х
 нждитѣс^а и чю^{ди} тѣс^а аггльскомѣ житїю
 бгонабдимомѣ иноческомѣ, и тѣ самѣ
 телеснжю печаль. нстошїтѣс^а вса^к члвкъ,

¹⁰ радїте : аѣ – лигатура.

¹¹ радїтес^а: аѣ – лигатура.

по и́скѹшеніи теле́сны^х вещен. ѡ дѣши пещи^с,
 симъ же сице́ сказаны^м, и прое́ бѣ^ч разꙋма

[л. 78а]

да не ѡста́не^т не бо мы сен пове́сти тѣворѹцы
 е́смы но ѡ бѣгодѹхове́нны^х вѣзимающе писа-
 нии аки ѡ постава оꙋмни́цѣ и сѣа преоꙋзѹки^и
 ꙗ́летѣ^м аки дѣтище. прѣ^д ваши^м ѡчѣство́ѡ
 немѹюще, вашу весели^м люבו^в и ѡ се^м да глѣмѣтъ,
 ре^ч же цѣрь, како хꙋдо́е се и потае́нное житіе,
 чѣгнѣе нѣшеа дѣржавы веселитѣса. и свѣ-
 тѣла вѣнжѣрѣнага вѣнѣшнн^х сѣлю^т, се^ж е́сть
 оꙋмни^х члѣвкѣ помановеніе дѣши, не спѣтъ
 бо^с ре^ч цѣрь мѣногою силою, и всака вѣла́сть ко
 гѣрехѹ причѣтена е́сть. и нны вса житен-
 скыа вещи. в ницете^ж и вѣ гѣтѣ стѣвѣ.
 спонꙋ имѹ ко спнїю, то ра^ди апа^с гѣтъ ѡ-
 женивыиса печѣтѣса женою како оꙋго^ди
 женѣ, а не ѡ женивыиса печѣтѣса како
 оꙋгодити бѣж. ѡна печаль веде^т в мѹкѹ,
 а си печа^а во вѣчнꙋю жи́знь. хꙋдо́е^ж житіе
 и потае́ное мни^{ше} стѡ авѣлаетѣ. на сѣми-
 реніе бо и покореніе кождо в не граде^т. то-

[л. 78 б]

кѣмо ѡ вѣзѣ^в веселитѣса чѣтно по свои^м тѣрѹдо^м,
 ѡ бѣга мѣ^дж прїемлѣган. а ѡ члѣвкѣ хꙋвалꙋ дре-
 во бо не возроста дѣла высока. но плода
 ра^ди хꙋвалима е́сть, тако и мни^х. и се авѣ
 е́сть ѡ фѣѡсѣа печѣска^р игꙋмена. како
 бѣгѣ его ра^ди и мѣсто прѣслави. и мана́сты^р
 славе^н стѡвори па^ч всѣ^х и в рꙋси. сѣа вѣнѣтрѣ-
 нага доврѣдѣтели стѣ^х калꙋгерѣ житї –
 а па^ч мирѣскѣа вѣлможе сѡю поклѣнаю^т
 главо мнихо^м. ꙗко бѣжи^т оꙋго́дникѣ^м, до-

стоинѹ въздающе чѣть по гнѹ словеси.
 глшю, прѣмлаи праведника во имѹ
 праведниче мзѹ праведничю прѣмлет,
 и паки реѹ иже встави тѣща и мѣрь и имѣ-
 нїе. имени мое ра^{ди} стократницею прин-
 меть. и жизнь вѣчнѹю наслѣди^т си ра^{ди}
 вѣщанїи всѹ крѣпани нѣднѣса,
 понесѣти гарѣ гнѣ. рекше иноскынѣ вѣра^з
 на сѹ възати. да рѣмѣ оуже вно црѹ при-

[л. 79а]

хѹ^д пон^м бо свою единорѣчию дщѣ^р. вѣнж-
 трѣ вниде вертепа дщѣрѣ же оумнѣ ра-
 зѹмѣн дшю. оуморѣтелна бо естѣ и в-
 бщина агглов^м чино^м, тѣвори бо рѣ агглы
 своѹ, дѹхи и слѹгы своѹ вгнѣ палашѣ,
 дѹхѣ бо на всю добродѣтель водѣрѣ. и скѹ^р
 на теченїе бѣгоугодна. но плоть не-
 мощна, вѣаче всѹ сѹжѣва аггльскаѹ, и мни-
 шескаѹ едино естѣ, но правобѣрны^х мни^х
 вни бо и сѹ всю свою вставѣше волю бжїи-
 ю, и игѹмену повинжѹтсѹ повелѣнїю,
 имже сѹ гѣ мзѹвоздѣ^л прѣтивѣ трѣдѹ^м и^х,
 и бо рѣ дшю свою погжви^т мой^х ради^с словѣ.
 вѣрашѣ^т ю вѣвѣчно^м животѣ. то оу^ж моу^ж
 мрыи ко вѣнѣтрѣ стошцемѹ глѣть, вѣвѣр-
 зи ми брата правы. и вше^д в на исповѣ-
 мсѹ гви. тако взыскающїи его не лиша-
 тсѹ, всѹко^т блга вѣвѣща прѣстоли^д внѣ
 си брата гна прѣвнїи внидѣ^т в на, и гѣ

[л. 79б]

не лишн добра ходѹщи^х незлобою зѣ^д, ты^ж
 кто еси тако дѣрзѹющи. и тако рѣ дщи
 оубо есмь црѣва прїведѹтсѹ рѣ црѹ дѣвы по

неи ѿвѣща стоаи, слыши дщи ви^ж и при-
 клони оухо твое. и завоу^{ди} лю^{ди} твоа и до^м
 ѿца твоего. и восхоуше^т црь добротѣ
 твоеи, аще и черна еси; сирѣ^ч доудѣ^ж бо
 и члвкъ не встанетса телены^с похотен
 и житенски^х печален, дша со бгмъ не
 смиритса. не может бо ре бгж работа-
 ти и мамонѣ, чернотъ же есть грѣ^х,
 смагла ре есмь и добра. смагла первы^х ра^{ди}
 съгрѣшенїи. ѿ^ж в мирѣ житенски^х ве-
 щен добра же бы^х скорога ра^{ди} покоанїа, че-
 рна есмь миродржавнаго сана властїю
 добра^ж мнишеска^г ра^{ди} постриженїа, вса
 во слава дщери црве вндтрѣдѣж, ты^ж
 кто еси. азъ ре есмь пастоу^ч ѿвѣца^м. вста-
 вивы на гора^х. ч. и .ѿ. и снидо^х заблѣж-

[л. 80а]

шее нсца здѣ но аще мене послѣшаешн,
 то лицѣ твоемѣ помолатса бгати лю^{ди}-
 е. ѿвѣща вѣщах ти са, вѣча во ти есмь
 словеснаго стада. и к тебѣ прибего^х пасты-
 рю добрамѣ. възыщи мене заблѣжша^г, и
 целѣи ма ѿ лозанїа оустъ ви^ж порадни^х
 словѣ^с слѣгж, и не мните мене кромѣ^х сты^х
 кни^г. си въземлюща. аще вых^м вѣ^т
 постризанїа схранїи. то не токмо гре-
 хо^в вцыщенїе прїали выхо^м. но и землю в-
 ставльше на нѣо прїидемъ. и со агглы
 превывае^м вкѣпе. вваче аще стоаща^г про-
 шае^т глщи. аще пастж^х еси не встави
 мене не встѣпи ѿ мене, ѿ^к скорѣь бли^з,
 слыша^х бо нсаю в тебѣ глща, и то^г ѿ^к па-
 стоу^ч оупасе^т ста^{до} свое, и в рѣцѣ своен сверѣ^т

агнѣца, но во оутробрѣ имѹщаа оутѣши^Т,
се нововсвѣщны^Х мни^Х аще не ѡ слова то мы-
сли. дрѣжаща бо са шѣѣта. и ѡ славоѣти

[л. 80б]

не долѣвшѣ стѣнѣ проса^Т. писанїа почи-
тающе бѣ подвига вела^Т гви спѣтиса. не
бо разѹмѣю павла гаша бѣ подвига никто-
же не венчае^тса, никто^Ж бо спа поведи,^Т
ни лениса спѣтиса може. тѣба не раска-
лни сѣ бжїи дарове, посла^Ж бо си на нѣе^{СХ}
вѣре. и тѣне спае^Т мнишескїи чн. са бо
за ны молнѣса гла. ѡче стѣи не ш ми-
ре молю, но ш си га да^А еси мнѣ, съблѹдаа
во има твое, да идѣ^Ж бѹда азъ. тѣж и си бѹдо^Т
со мною. и никтоже ѡ ни^Х погнѣ то^Кмо снѣ
погнѣвели. си^Ж имѣще шѣѣщанїа ш мниси по^Д-
византеса. пѹбае^Т же и в нынешни^Х аплѣ^Х
нюдѣ быти но ко^Д ва^С братїе и ѡци блѹ^Дте
сами себе, не продадим бжїа ѡлова на лжи. кра-
дѹще грабаше на нгѹмена зло^С 12мыслаше, и
клатвою са шправдающе, имѣнїе берѹще
вѣ сыгости. ниже распнѣ^М ха недоѡтннѣ
прїстѹпающе ко причтнїю стѹхъ тани. но ш

[л. 81а]

всѣ^М себе соѡтавляюще по аплѹ. в терпѣнїи
мнозе ѡвое содѣвающе спнїе, га бїа слугы га^К
кони бѣгающе вѣзапѹскъ дрѣ дрѹга рѣташе^С
прѣспѣваю. тако вы ревнжнїте стѹхъ ш^Д пови-
гѹ. и дрѣ дрѹга прѣиспѣванте, во алканїи
во бѣдѣнїи во млтѣва^Х, во ѡлѹжебны^Х трѹдѣ^Х
да не раславише швыденїемъ и пьаньствѣ^М,

¹² зло^С: ^С написано над строкой другим почерком.

РЕЦЕНЗИИ

Дзярновіч А.І.

СЛАБАСЦЬ У МОЦЫ: РЭЧ ПАСПАЛІТАЯ І РАСІЯ ПЕРАД АБЛІЧЧАМ НОВАЙ ЭПОХІ

(Камінскі А. С. Рэспубліка супраць Аўтакратыі:
Рэч Паспалітая і Расія ў 1686–1697 гадах / пер. з англ.
А. Мартынаў. – Мінск : Логвінаў, 2009. – 350 с.)

Першы пераклад

Адметнасць гэтай новай кнігі для рынку гістарычнай літаратуры Беларусі ў тым, што пераклад па-беларуску стаў увогуле першым яе перакладам на іншыя мовы. Праца польска-амерыканскага гісторыка, прафесара Джорджтаўнскага універсітэту (Georgetown University) у Вашынгтоне Анджэя Сулімы Камінскага выйшла з друку ў 1993 г. у Кембрыджы (штата Масачусэтс) пад назвай “Republic verso Autocracy”¹. Але пры ўсёй сваёй грунтоўнасці, нават у Польшчы, на Радзіме аўтара, спасылка на гэтую кнігу можна сустраць няшмат. Усё ж такі моўны фактар можа служыць бар’ерам.

У вузкім сэнсе манаграфія Камінскага прысвечана разгляду палітыка-дыпламатычных зносін Рэчы Паспалітай і Расіі на працягу даволі сціслага перыяду – ад “Вечнага міру” 1686 г. паміж гэтымі дзяржавамі да абрання ў 1697 г. на трон Польшка-Ліцвінскай дзяржавы караля з Саксонскай дынастыі Аўгуста II. За гэтым даследаваннем стаіць грунтоўная архіўная праца. Але не менш цікавы і спосаб, з дапамогаю якога аўтар прапаўзе зірнуць на рэаліі канца XVII ст. – праз параўнаўчае апісанне парадкаў, нормаў і традыцыяў у двух дзяржавах, так цесна звязаных ваеннай і дыпламатычнай гісторыяй. Каго цікавяць, чым былі Рэч Паспалітая і Расія ў канцы XVII ст., сапраўды могуць знайсці ў працы Анджэя Камінскага вельмі лагічны выклад унутранага ладу, патэнцыялу і фобіяў гэтых дзяржаў.

Змена вектараў

¹ Kamiński, Andrzej Sulima. Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697. Cambridge, Massachusetts, 1993. 312 p. Водгук на арыгінальную версію: Сагановіч Г. Kamiński, Andrzej Sulima, Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania and Russia, 1686–1697, Cambridge, Massachusetts 1993 // Беларускі Гістарычны Агляд, Том 3, Сшытак 2, (Снежань 1996). С. 289–292.

Трэба сказаць, што за тое дзесяцігоддзе канца XVII ст., якое прааналізаванае ў працы, адбыліся сапраўды радыкальныя змены ў адносінах паміж дзяржавамі – і не столькі ў правілах фармальнага дыпламатычнага этыкету, а нават на ўзроўні ментальнага ўспрыняцця. Рэчы ў тым, што з прыходам да ўлады Пятра I у 1689 г. змянілася закладзеная яшчэ Васілём III мадэль камунікацыі Расіі з Захадам, якая адбывалася праз Рэч Паспалітую.

Напрыканцы XVII ст. Рэч Паспалітая ўсё яшчэ заставалася для расіянаў краінай палітычнага прытулку, логавішчам “клятага” лацінізма і ўвасабленнем незразумелай дзяржаўнай мадэлі, якая збольшага атаясамлялася расіянамі з вялікалітоўскай алігархіяй. Акрамя таго, Рэч Паспалітая была сур’ёзным супернікам Маскоўскай дзяржавы ў барацьбе за спадчыну Кіеўскай Русі. А праз усё XVII ст. галоўнымі “еўрапейцатарамі” Масквы былі беларусы ды ўкраінцы – выпускнікі езуіцкіх калегій і праваслаўнай Кіева-Магілянскай акадэміі. Сярод такіх культуртрэгераў быў і Сімяон Полацкі, які памкнуўся ў Маскву ці то баючыся пераследу з боку ўладаў Рэчы Паспалітаў за супрацоўніцтва з расійскімі ўладамі пад час вайны 1654–1667 гг., ці то жадаючы зарабіць сваёй адукацыяй і ведамі грошай. Стараабрадцы ж працягвалі ратавацца ад расійскай артадоксіі на землях Вялікага княства Літоўскага яшчэ праз усё XVIII ст.

Цяпер жа, у канцы XVII ст. паводле волі Пятра, дзверы для сармацкай культуры Польшка-Ліцвінскай Рэспубліцы будуць для Расіі раз і назаўсёды зачыненыя. Ад пятроўскага часу “вакном” для замежнага гандлю Расіі стане Балтыка.

Узаемнае неразуменне

У рэчаіснасці, суседзяў па абодва бакі ад Дняпра нямала што звязвала – агульнае для Рэчы Паспалітай і Расіі было тое, што і першая, і другая цягам XVII стагоддзя яны перажылі вялікія крызісы: Расія – Час Смуты (1604–1613 гады), Рэч Паспалітая – “Патоп” (1654–1660 гады). Іх выжыванне ў значнай ступені залежала ад здольнасці розных слаёў насельніцтва аб’яднацца, каб супрацьстаяць знешняй пагрозе і абараніць сваю дзяржаву ад знішчэння. Таксама для абодвух дзяржаў казацтва было фактарам унутранай нестабільнасці.

На гэтым, аднак, як піша Камінскі асноўнае падабенства Расіі і Рэчы Паспалітай заканчваецца. Адрозненні паміж імі, асабліва ў сферах дзяржаўнага кіравання, наяўнасці і функцыянавання грамадскіх інстытутаў і палітычнай культуры, заставаліся вялізарнымі. У Расіі

аўтакратычны цар сімвалізаваў парадак, справядлівасць, выратаванне душаў сваіх падданных і атаясамляўся з дзяржавай як такой. Падмуркам грамадска-палітычнай сістэмы Рэчы Паспалітай былі шляхецкія вольнасці ў спалучэнні з вяршэнствам закона. Калі ў Расіі за кошт паўнамоцтваў Земскага Сабора і ўплыву Праваслаўнай царквы падвышалася ўлада абсалютнага манарха, у Рэчы Паспалітай Сойм і мясцовыя соймікі мелі значныя заканадаўчыя паўнамоцтвы і паспяхова супрацьстаялі спробам узмацніць уладу караля. У адрозненне ад буйных расійскіх землеўладальнікаў і дзяржаўных чыноўнікаў, якія ўсе заставаліся царскімі слугамі, шляхта Рэчы Паспалітай і палітыкі адчуваліся сябе свабоднымі грамадзянамі, спадкаемцамі рэспубліканскай спадчыны Рыма.

Палітычны лад Рэчы Паспалітай заўжды быў незразумелы расіянам. Сама прырода канстытуцыяналізму Рэчы Паспалітай была для іх не тое што экзатычнай, але выклікала здзіўленне – як такі вялікі дзяржаўны механізм можа функцыянаваць пры тым, што так шмат людзей выказваюць свае правы на кіраванне ім? Для маскоўскіх службоўцаў падобныя прынцыпы ўяўляліся анархіяй і праяваю слабасці. Падобныя погляды з XVII і XVIII ст. прайдуць потым ў расійскую гістарыяграфію XIX ст. ды гратэска замацуюцца ў савецкай гістарыяграфіі. Вось адкуль паходзіць кплівае стаўленне многіх расійскіх гісторыкаў і публіцыстаў да вольнасцяў Рэчы Паспалітай.

Расійскія паслы ў XVII ст., паводле стэрэатыпаў уласнай краіны, засцерагаліся кантактаваць з прадстаўнікамі розных фракцый шляхты, а шукалі аўдыенцыі толькі ў караля. Але гэта насцярожвала шляхту, якая бачыла ў дыпламатычнай актыўнасці манарха прыкметы ўмацавання каралеўскай улады.

У сваю чаргу ў Рэчы Паспалітай Расію ўспрымалі амаль як Персію ці Атаманскую імперыю, то бок дзяржаву з таталітарным, а не дэмакратычным дзяржаўным ладам. Больш за тое, праз свой тыпова заходні светапогляд польска-ліцвінскія палітыкі нават не спрабавалі зразумець Расію. Іх расійскія калегі, наадварот, у значна большай ступені цікавіліся ўнутранымі справамі Рэчы Паспалітай, праўда, застаючыся ў палоне ўласных стэрэатыпаў.

Дзве школы польскай гістарыяграфіі

Каб лепей зразумець стрыманую энергію, прыхаваную за вонкава нейтральнымі радкамі тэксту Анджэя Камінскага, трэба прыгадаць

традыцыі польскай гістарыяграфіі, якія склаліся яшчэ ў другой палове XIX ст. А гэта быў перыяд жорсткай дыскусіі паміж дзвюма школамі – Кракаўскай і Варшаўскай. Тых гісторыкаў, якія жылі і працавалі ў падуладнай Аўстра-Венгрыі Малапольшчы і Галіцыі часам вінавацяць у кансерватызме і блізкасці да клерыкальных колаў. Між тым, погляды прадстаўнікоў Кракаўскай школы на гісторыю дзяржавы нашых продкаў былі вельмі крытычныя. Такія вялікія польскія гісторыкі, як Юзаф Шуйскі, Валерыян Калінка, Міхал Бабжынскі адзначалі нетрываласць дзяржаўнага і палітычнага ладу Рэчы Паспалітай і ўскладалі віну за падзелы краіны на эліты і ўвесь палітычны народ Польшка-Ліцвінскай федэрацыі².

Варшаўская гістарычная школа была звязаная з ліберальна-буржуазнымі коламі Каралеўства Польскага ў складзе Расійскай імперыі. Буйныя прадстаўнікі гэтай школы Тадэвуш Корзан і Уладзіслаў Смаленскі спавядалі так званы “аптымістычны” погляд на гісторыю Рэчы Паспалітай, насуперак “песімістычнаму” кракаўскаму. Варшаўскія гісторыкі пісалі пра той пералом у гаспадарчым, культурным і інтэлектуальным жыцці дзяржавы ў другой палове XVIII ст. Не адмаўляючы негатыўных бакоў ладу Рэчы Паспалітай, яны бачылі прычыну падзелаў краіны ў агрэсіўных дзеяннях суседніх дзяржаў.

Палеміка паміж гэтымі дзвюма школамі не прынесла перавагі ніводнаму з бакоў. Да пачатку XX ст. дыскусія паступова вычарпала сябе, а ў гістарыяграфіі з’явіліся новыя кірункі. Але розгалас тае палкай палемікі усё ж дасягае сучаснасці. Падобна, што Анджэй Суліма Камінскі, які сам нарадзіўся ў Кракаве, хоць маленства правёў ў Наваградку, у сваіх крытычных і антыаўтарытарных поглядах не толькі на гісторыю Расіі, але і Рэчы Паспалітай, блізкі да сваіх папярэднікаў менавіта з Кракаўскай школы.

Суседкі-закладніцы

Камінскі піша, што далучэнне да Маскоўскай дзяржавы Украіны сталася першым крокам на шляху да адбудавання Расійскай імперыі. Расклад сілаў паміж Варшавай і Масквой пачаў змяняцца, калі эканамічны і чалавечы патэнцыял Рэчы Паспалітай яшчэ пераўзыходзіў расійскі. Масква, аднак скарысталася сваёй

² Smoleński, Władysław. Szkoły historyczne w Polsce / Opacował M. H. Serejski. Wrocław – Warszawa : Zakład Narodowy im. Ossolińskich – De Agostini, 2006. S. 73–74; Историография истории нового времени стран Европы и Америки / А. В. Адо, И. С. Галкин, И. В. Григорьева и др.; под ред. И. П. Дементьева. М. : Высшая школа, 1990. С. 320–322.

выключнай здольнасцю мабілізаваць людскія рэсурсы. Кіраўнікі ж Рэчы Паспалітай выявіліся няздольнымі эфектыўна выкарыстаць чалавечы патэнцыял сваёй дзяржавы. У адрозненне ад іх, цару трэба было толькі выдаць загад – і, нягледзячы на адсутнасць імпэту ў выканаўцаў ды неахайнае кіраванне, у Расіі фармаваліся войскі, ствараліся мануфактуры ды закладаліся гарады.

Пры аналізе прычынаў знешнепалітычных няўдачаў Рэчы Паспалітай неабходна браць пад увагу выключную палітычную недабачлівасць і самападман яе палітычнага саслоўя. Безумоўна, памылковыя рашэнні прымаліся і ў Расіі. Маскоўскія дыпламаты бачылі ворагаў ва ўсіх сваіх суседзях і падазрона ставіліся да любых сяброўскіх прапаноў. У той час, як грамадзяне Рэчы Паспалітай хаваліся ад рэчаіснасці за беспадстаўным аптымизмам, маскоўская палітыка грунтавалася на песімістычным бачанні стасункаў паміж дзяржавамі.

Такім чынам, напрыканцы XVII ст. у абедзвюх краінах назіралася поўная адсутнасць паразумення паміж палітычным кіраўніцтвам і грамадствам, неабходная для належнага функцыянавання дзяржавы. У Расіі палітычнаму кіраўніцтву бракавала грамадскіх інстытутаў, якія б дапамагалі яму ажыццявіць неабходныя рэформы. У Рэчы Паспалітай сацыяльныя інстытуты, тое, што з пазіцый сённяшняга дня можна назваць грамадзянскай супольнасцю, былі нагэтулькі моцнымі, што ўраду проста не ставала паўнамоцтваў, каб прасоўваць свае палітычныя ініцыятывы.

Ідучы ўслед за бліскучым выкладам аўтара і мы можам паставіць уласнае пытанне – хто выйграў у тым спаборніцтве рацый? Так, мы ведаем, што ў канцы XVII ст. Рэч Паспалітая страціла ініцыятыву, а ў канцы стагоддзя наступнага гэтая дзяржава была бясслаўна падзелена суседзямі. Але ці не сталася пераможная тады Расія вечнай закладніцай уласнай моцы, пабудаванай на аўтарытарнай уладзе і татальнай мабілізацыі? Гэтыя прынцыпы дзяржаўнага кіравання вельмі глыбока ўвайшлі ў палітычная цэла Расіі ды не даюць пакою яе суседзям і па сённяшні дзень. У той жа час са спадчыны парламентарызму Рэчы Паспалітай мы можам вынесці тыя гнуткія мадэлі кіравання, які адпавядаюць прынцыпам сучаснай дзяржавы. Але тут важна атрымаць урокі з гісторыі. Абодвум бакам.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КУЛЬТУРА І ГІСТОРЫЯ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў АКАДЭМІІ МАСТАЦТВАЎ

Па ініцыятыве Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў і Інстытуту мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі 19 сакавіка 2009 г. у памяшканні Акадэміі мастацтваў на праспекце Незалежнасці, 81 прайшлі “ІІІ Няфёдаўскія чытанні” – рэспубліканская навукова-творчая канферэнцыя “Беларускае мастацтва: гісторыя і сучаснасць”. Кафедрай гуманітарных дысцыплін было прапанавана правядзенне секцыі “Вялікае княства Літоўскае ў культуры і гісторыі Беларусі”, якая павінна была прыцягнуць увагу шырокай творчай і навуковай грамадскасці да эвалюцыі дзяржаўнасці і культуры Беларусі на працягу XIII–XVIII стст.

На запрашэнне адгукнуліся вядомыя даследчыкі спадчыны Вялікага княства Літоўскага і Усходняй Еўропы з розных навучальных і навукова-даследчых устаноў Беларусі. Удзел прынялі доктар С.В. Марозава (кафедра гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы), П.А. Лойка і А.Р. Дзянісава (кафедра гісторыі Беларусі старажытнага часу і Сярэдніх вякоў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта), В.Ф. Голубеў (Інстытут гісторыі НАН Беларусі), А.В. Мартынюк і А.А. Любая (кафедра гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы), І.А. Бортнік і В.У. Якубаў (кафедра сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта), У.А. Падалінскі (кафедра эканамічнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта), А.У. Казакоў (Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт), а таксама Н.А. Скеп’ян (Нацыянальны мастацкі музей Беларусі) і А.М. Сцебурака (Нацыянальная бібліятэка Беларусі). Свае рэфераты зачыталі С.М. Салей (Гродзенскае абласное грамадскае аб’яднанне маладых навукоўцаў ВІТ), Л.Л. Лаўрэш (Ліда), айцец А. Крот (Гродна). Выступілі таксама аспіранты профільных кафедраў БДУ і РІВШ Л. Казакоў, А. Кісялёў, А. Голубеў, А. Юнгіна. Функцыі старшыні секцыі выканаў А.У. Любы (загадчык кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў).

Дакладчыкі закраналі дыскусійныя пытанні усходнееўрапейскай гісторыі і спрэчныя праблемы гістарычнага развіцця беларускіх зямель ў XIII–XVIII стст. Былі агучаны рэфераты па праблемах развіцця адносінаў з грамадствам і дзяржавай розных хрысціянскіх канфесій: Праваслаўнай і Уніяцкай цэркваў; абмяркоўваліся праблемы развіцця шляхецкай гаспадаркі і гарадоў; пытанні асобных этапаў

дыпламаты Вялікага княства Літоўскага і міграцыйнай палітыкі дзяржавы ў ардынскім і маскоўскім накірунках. Асобна трэба адзначыць выступленне С.В. Марозавай “Кіеўскія уніяцкія мітрапаліты (1596–1839 гг.)”, пасля якога адбылася жывая дыскусія па асобных гістарыяграфічных падыходах да вывучэння Уніяцкай царквы на рубяжы XX і XXI ст. У паведамленні С.М. Салея “Гравюра Мацея Цюндта “*Vera designatio urbis in Litauia Grodnae*” як крыніца па гісторыі дыпламаты Вялікага княства Літоўскага” звярталася увага да праблемы выкарыстання візуальных крыніц. У рэфератаце А.Я. Голубева “Сведчанні візантыйскага гісторыка Нікіфара Грыгары пра Вялікае княства Літоўскае” была прадстаўлена крыніца візантыйскага паходжання, якая утрымлівае звесткі па гісторыі Вялікага княства Літоўскага другой паловы XIV ст., але да гэтага часу мала выкарыстоўвалася навукоўцамі. У рэфератах У.А. Падалінскага “Мецэнацкая дзейнасць палітычнай эліты Вялікага княства Літоўскага ў канцы XVI – пачатку XVII ст. (канфесійны аспект)”, А.С. Юнгіной “Дзейнасць Віленскага царкоўнага брацтва да 1596 года і яго ўклад у культурнае развіццё Вялікага княства Літоўскага” і А.М. Сцебуракі “Пытанні адукацыі ў кантэксце міжканфесійнай барацьбы ў творах палемічнай літаратуры ў канцы XVI – першай палове XVII ст.” былі агучаны праблемы развіцця айчынай гістарыяграфіі культуры Беларусі канца XVI – пачатка XVII ст. Вялікую цікавасць аўдыторыі прыцягнула выступленне В.Ф. Голубева “Паганскія і хрысціянскія традыцыі ў паўсядзённым (сямейным) жыцці сялян Беларусі ў XVI–XVIII стст.”.

Па сутнасці вынікі, падведзеныя пры закрыцці работы секцыі, пацвердзілі чаканні арганізатараў. Вывучэнне праблемаў культурнага развіцця Беларусі ў XIII–XVIII стст. мае вялікае значэнне ва ўмовах звароту мастацкай і навуковай інтэлігенцыі да адзначэння т.зв. “Міленіума Літвы”, павышанай увагі да падрыхтоўкі адзначэння 600-годдзя Грунвальдскай бітвы неабходна дакладнае асэнсаванне месца беларускай культуры і гісторыі, беларусаў у дзяржаўным аб’яднанні Вялікае княства Літоўскае, патрэбна разбурэнне міфаў, створаных за эпоху рамантычнай гісторыіпісання. Прыемна адзначыць сам факт працягнення функцыянавання старых цэнтраў вывучэння гісторыі Вялікага княства Літоўскага і з’яўленне новых маладых даследчыкаў гэтай эпохі ў гісторыі Беларусі.

Вынікі работы секцыі былі апублікаваны ў пашыраным тэматычным фармаце ў зборніку навуковых артыкулаў “Вялікае княства Літоўскае ў гісторыі і культуры Беларусі”, выдадзеным у Беларускай дзяржаўнай акадэміі мастацтваў у 2009 годзе.

А.У. Любы

**ДРУГАЯ МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ
КАНФЕРЭНЦЫЯ “ВЯРХОЎНАЯ ЁЛАДА, ЭЛІТА
І ГРАМАДСТВА Ё РАСІІ ХІV – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ
ХІХ СТАГОДДЗЯ. РАСІЙСКАЯ МАНАРХІЯ
Ё КАНТЭКСЦЕ ЕЎРАПЕЙСКІХ І АЗІЯЦКІХ
МАНАРХІЙ І ІМПЕРЫЙ” І ПРАБЛЕМАТЫКА
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА**

Міжнародная навуковая канферэнцыя “Верховная власть, эліта і общество в России ХІV – первой половины ХІХ века. Российская монархия в контексте европейских азиатских монархий и империй”, якая адбывалася 23–25 чэрвеня 2009 г. у Маскоўскім Крамлі, была арганізавана праз Міністэрства культуры Расійскай Федэрацыі, Федэральную дзяржаўную ўстанову культуры “Дзяржаўны гісторыка-культурны музей-запаведнік Маскоўскі Крэмель” і Інстытут усеагульнай гісторыі РАН ужо ё другі раз (першая прайшла ё 2007 г.).

Па праўдзе, магчыма было б расказаць пра форум і без акцэнта на даследаванне гісторыі Вялікага княства Літоўскага. І ўсе ж увага да гісторыі Вялікага княства Літоўскага ё Расійскай Федэрацыі становіцца часткай адной з аглядных тэм гісторыі Расіі ці Еўропы. Пераглядаючы сучасную расійскую гістарыяграфію не знойдзеш новых гісторыкаў, якія б узяліся за праблематыку гэтай дзяржавы і яе ролі ё рэгіёне. Вялікае княства Літоўскае пакрысе знікае з поля бачання расійскіх калег, застаючыся тэмай класікаў савецкай гістарыяграфіі і прэрагатывай кафедраў, якія вывучаюць гісторыю славянскіх народаў. Праблема не толькі ё сучаснай расійскай гістарычнай навуцы, але і ё т.зв. “літуаністыцы” цалкам. Яна паступова знікае з універсітэтаў і навуковых устаноў Польшчы, змяняючыся “арыенталістыкай”, якая не акцэнтуюе ўвагі на гісторыі рэгіёна бліжэй за Цэнтральную Азію. Ва Украіне праблематыка Вялікага княства Літоўскага мае дакладныя храналагічныя, тэматычныя і тэрытарыяльныя інтарэсы. І толькі ё Літве і Беларусі праблема гісторыі Вялікага княства Літоўскага не губляе актуальнасці, але разглядаецца праз прызму развіцця нацыянальнай дзяржаўнасці.

Вернемся да самой канферэнцыі. Арганізатары змаглі сабраць даследчыкаў гісторыі ёлады, эліт і грамадства рэгіёну Усходняй Еўропы з розных краін. Акрамя даследчыкаў з навуковых і навучальных устаноў Расіі, свае даклады і паведамленні прачыталі навукоўцы з Беларусі, Украіны, ЗША, Вялікабрытаніі, Швейцарыі, Японіі, Германіі, Эстоніі. У пленарным паседжанні свае тэмы прэзентавалі Б.Н. Флоры, С.М. Каштанаў і У.Д. Назараў (Інстытут усеагуль-

най гісторыі РАН), А.П. Паўлаў (Санктпецяярбургскі дзяржаўны ўніверсітэт), С.П. Арленка (Музеі Маскоўскага Крамля), В.Г. Агеева (Інстытут расійскай гісторыі РАН), П. Бушкавіч (Йельскі ўніверсітэт), А.У. Любы (Беларуская дзяржаўная акадэмія мастацтваў), М. Пэры (Бірмінгемскі ўніверсітэт), У. Бераловіч (Універсітэт Жэневы). На працягу трох дзён работа двух секцый адбывалася ў стрыманай атмасферы Міраваранай палаты Патрыяршага палацу і Дзяржаўнай Збройнай палаце Маскоўскага Крамля (23–24 чэрвеня), а таксама ў будынку Расійскай акадэміі навук (25 чэрвеня). Разглядаліся пытанні цырыманняльнай традыцыі манаршага двара, яе элементаў, візантыйскага і заходнееўрапейскага ўплыву на маскоўскі двор і рускае грамадства XVI–XVIII стст.

Асабліваці палітычнай культуры Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай знайшлі сваё адлюстраванне толькі ў некаторых выступленнях удзельнікаў. Так свае тэмы прэзентавалі А.В. Мартынюк (Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы) “Уладары Вялікага княства Літоўскага ў мініяцюрах Ліцэвога летапіснага зводу XVI стагоддзя”, які звярнуў увагу на новае прачытанне каштоўнай візуальнай крыніцы па пытанню манаршай улады Вялікага княства Літоўскага, паказаў разуменне рускімі кніжнікамі XVI ст. прамежкавага становішча Вялікага княства Літоўскага паміж усходам і захадам. У выступленнях Н.А. Скеп’ян (Нацыянальны мастацкі музей Беларусі) “Віленскі ваявода і канцлер Вялікага княства Літоўскага як суправіцель вялікага князя ў першай палове XVI ст.” і А.У. Любага “Согопа рэгіі ў палітычнай культуры Усходняй Еўропы (XIV–XV стст.)” знайшлі адлюстраванне новых погляды на праекты афармлення сістэмы ўлады ў дзяржаве ва ўмовах шчыльнага саюза з Польскім каралеўствам у першай трэці XV – першай палове XVI ст. Звярнулі на сябе ўвагу тэмы прапанавання А.В. Блануца (Інстытут гісторыі Украіны НАН Украіны) “Зямельныя ўладанні надворнай эліты Жыгімонта II Аўгуста” і В.С. Мерсо (Санкт-Пецяярбург) “Царкоўная семіётыка і семантыка абраду вячання на прастол у Маскоўскай Русі і Каралеўстве Польскім: параўнаўчы аналіз”.

Тэзісы выкладзеныя на сайце арганізатараў (Музеі Маскоўскага Крамля) і раздадзеныя ў друкаваным фармаце яшчэ да пачатку пасяджэнняў толькі часткова адлюстравалі ўсю палітру праблемаў, узятых удзельнікамі канферэнцыі. Не хапала і візуальнага матэрыялу, які быў прынцыповы для данясення сваіх поглядаў да шырокай навуковай грамадскасці. Спадзяемся, што матэрыялы па выніках праведзенай канферэнцыі ўбачаць свет і падвядуць рысу пад праведзенай працай.

А.У. Любы

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранкова Галина Серафимовна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова Российской академии наук (Москва)

Бортник Игорь Александрович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета (Полоцк)

Воронин Василий Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и Средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Глинский Евгений Станиславович – студент исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск)

Груша Александр Иванович – кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Беларуси Средних веков и начала Нового времени Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Дернович Олег Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Ермак Виолетта Юрьевна – студентка исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Левшун Любовь Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы Национальной академии наук Беларуси (Минск)

Любая Алена Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Любый Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств (Минск)

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Осипян Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Краматорского экономико-гуманитарного института (Краматорск)

Слиж Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Белорусского института правоведения (Гродно)

Темушев Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Тимошенко Леонид Владимирович – кандидат исторических наук, профессор, декан исторического факультета Дрогобычского государственного педагогического университета имени И. Франко (Дрогобыч)

Тищенко Виктор Васильевич – кандидат исторических наук (Минск)

Якубов Виктор Владимирович – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета (Полоцк)

РЕЗЮМЕ

(в квадратных скобках – дата поступления статьи в редакцию)

Осипян А.Л. *Описание Комании Гетума из Корикоса как источник по истории степей Восточной Европы* [3.09.2009]

В статье анализируется описание степного региона Восточной Европы, принадлежащее Гетуму из Корикоса, представителю правящей династии Киликийской Армении. Данный источник датируется 1307 г. и содержит важную информацию для изучения истории Золотой Орды и соседних государств. В приложении к статье дается перевод фрагмента с описанием Комании (Северного Причерноморья).

Мартынюк А.В. *Герб Литвы: взгляд из Европы XIV века* [14.09.2009]

В статье рассматривается малоизвестный памятник исторической географии XIV века – испанский трактат «Книга знаний о всех королевствах, землях и владениях, которые есть в мире». Данный трактат содержит значительный массив информации географического, политического, этноконфессионального и геральдического характера, относящейся к Восточной Европе. Особое внимание уделено изображению герба Литвы – первому подобному изображению в европейской геральдической традиции.

Дернович О.И. *Ab ovo: что появилось раньше – великий князь литовский или Великое княжество Литовское?* [8.10.2009]

В статье прослежена эволюция титулатуры правителей Великого княжества Литовского – от отдельных упоминаний различных титулов литовских правителей (король, князь, герцог и т.д.) в иностранных источниках к складыванию официального государственного названия Великого княжества Литовского. Окончательное оформление государственного названия ВКЛ произошло в начале XV в. – в период правления великого князя Витовта.

Темушев В.Н. *Пограничные города Великого княжества Литовского: Дмитровец в XV в.* [2.10.2009]

Статья представляет собой историко-географическое исследование, посвященное Дмитровцу – пограничному городу ВКЛ, игравшему важную роль в системе стратегической обороны княжества. Город неоднократно становился объектом противоборства во время

московско-литовских войн, информация о нем отразилась в письменных и картографических источниках. Изменение границы в начале XVI в. привело к утрате Дмитровцом его стратегического значения и постепенному упадку города.

Тищенко В.В. *Аспекты административно-хозяйственной и судебной практики великих князей в Великом княжестве Литовском (конец XV – первая треть XVI в.)* [26.08.2009]

В статье рассматривается практическая деятельность великих князей литовских Александра и Сигизмунда Казимировичей в административной, хозяйственной и судебной сферах и ее соответствие правовым нормам государства. Автор приходит к выводу, что во время правления названных монархов великокняжеская власть в ВКЛ реально была существенно ослаблена и не соответствовала не только декларируемому, но даже официально определенному, ограниченному статусу.

Ермак В.Ю. *Землевладение российских помещиков в Полоцком повете в 1563–1571 гг. по данным писцовых книг* [17.08.2009]

После взятия войсками Ивана IV Полоцка, российская сторона пыталась закрепить за собой полученные земли путем раздачи поместий служилым людям. Весь этот процесс фиксировался в писцовых книгах, которые были созданы русскими чиновниками по поручению центрального московского правительства в 1563–1572 гг. Информация, содержащаяся в них, дает возможность изучить земельную политику Российского государства на примере Полоцкого повета, выявить как общие тенденции, так и местную специфику. Можно сделать вывод, что Полоцкий повет в 1563–1579 гг. был органической частью Российского государства.

Воронин В.А. *Православные церкви и монастыри города Полоцка (до 1582 года)* [10.09.2009]

В статье дан историко-статистический обзор полоцких православных церквей и монастырей, начиная с первых упоминаний о них в XI веке и до 1582 года, когда король Стефан Баторий передал земельные владения, принадлежавшие православной церкви, иезуитам. В подавляющем большинстве случаев время основания храмов и монастырей установить не удастся, можно говорить лишь о первых письменных упоминаниях о них. Особенно большое количество та-

ких упоминаний относится к XVI веку, когда состояние источников позволяет нарисовать достаточно полную статистическую картину церквей и монастырей города Полоцка и его ближайших окрестностей. Накануне Ливонской войны в Полоцке насчитывалось более 30 православных храмов и около 10 монастырей. В дальнейшем, как в результате военных действий, так и в результате мероприятий властей Речи Посполитой, эти цифры заметно уменьшились.

Якубов В.В. *Межконфессиональные конфликты в Полоцком воеводстве (1550–1618 гг.)* [2.10.2009]

Статья посвящена рассмотрению проблем межконфессиональных конфликтов в Полоцком воеводстве в 1550–1618 гг. В данный период произошло несколько острых межконфессиональных столкновений между протестантами и православными в 1552–1563, между католиками и протестантами (1598, 1599, 1609, 1611 гг.), униатами и православными в 1601 и 1609 гг. Главной экономической причиной для борьбы была собственность Полоцкого архиепископства, оспариваемая королем и местной шляхтой после войн 1559–1583 гг., Контрреформации и церковной унии, а политической – злоупотребления местной власти. Основными методами межконфессиональной борьбы в этот период были угрозы физической расправы над конкурентом, публичные дебаты, религиозное обучение, отказ от подчинения местной власти, блокировка активности, судебные протестации и процессы. Геополитическое расположение региона, численное превосходство и политическая активность православного и протестантского населения, были главной причиной «нерешительности» полоцких архиепископов во введении церковной унии в Полоцком воеводстве в 1595–1618 гг. и уступок центральных властей православным в 1609 и 1611 гг.

Тимошенко Л.В. *Князь Василий-Константин Острожский и братское движение в Киевской митрополии (последняя треть XVI – начало XVII в.)* [30.09.2009]

В многогранной религиозной деятельности князя Василия-Константина Острожского, которая недостаточно исследована в историографии, заметна роль, которую отыграл протектор Православной церкви в развитии братского движения. В статье прослеживается связь Василия-Константина Острожского с Львовским, Люблинским и Виленским церковными братствами, а так же мало-

известные факты финансирования князем братства в Тернополе – родовом имении Острожских. Автор приходит к выводу, что таким образом осуществлялась охрана Православной церкви, которой угрожало заключение Брестской унии в 1596 г.

Слиж Н.В. *Каноническое право о регулировании семейно-брачных отношений протестантов ВКЛ (XVI–XVII вв.)* [4.09.2009]

В зарубежной и белорусской историографии рассматривались только отдельные аспекты канонического права в протестантизме. Основное внимание исследователей было обращено на историю самого протестантского движения. Оно пришло из Европы на территорию Великого княжества Литовского в первой половине XVI в. Идеи Мартина Лютера и Жана Кальвина были приняты тут с учетом местных особенностей. Это демонстрирует Катехизис Симона Будного. Унификация церемоний, в том числе и венчаний, в Речи Посполитой и в Великом княжестве Литовском произошла в издании 1637 г. Брак выполнял ряд функций: избавлял человека от одиночества, способствовал продолжению рода и охранял от искушения. Муж и жена должны были быть вместе во всех жизненных ситуациях. При этом муж должен быть примером для жены. Однако, если совместная жизнь была невозможной из-за предательства, болезни или другой причины, то каноническое право разрешало развод. Синод рассматривал дела, связанные с семьей и браком.

Любая А.А. *Античность в системе исторических и идеологических представлений Великого княжества Литовского (середина XV – первая половина XVI в.)* [16.09.2009]

Статья посвящена проблеме генезиса легенды о происхождении шляхты Великого княжества Литовского. Автор предполагает, что содержание легенды отражает некоторые реальные сюжеты античной истории, и в этой связи затрагивает вопрос об авторстве легенды, а так же пытается определить время создания данного этногенетического мифа, его первоначальный вариант и анализирует развитие в исторических сочинениях конца XV – первой половины XVI веков. В итоге автор приходит к выводу о том, что время создание протографа легенды следует относить к 70-м годам XV века, ее автор был хорошо знаком с античной историей. В частности, некоторые особенности жизнеописания легендарного вождя римлян Палемона повторяют известные факты биографии понтийского

царя Полемона I. Возможным автором легенды мог быть итальянский гуманист и дипломат Каллимах, воспитатель детей польского короля Казимира Ягеллончика.

Бортник И.А. *Социально-политические идеи в анонимном произведении «Разговор Поляка с Литвином»* [1.09.2009]

Социально-политическая проблематика в «Разговоре Поляка с Литвином» относится к числу недостаточно исследованных тем в рамках истории философии. Создание данного произведения было инспирировано комплексом социально-политических и идейно-культурных процессов в ВКЛ в середине XVI в. В «Разговоре Поляка с Литвином» выделяются три основные проблемы: государственно-политического устройство, реализация унии между ВКЛ и Польским королевством, толерантность и взаимоотношения государства и религиозных институтов в обществе. В целом рассматриваемое произведение отражает социально-политические установки аристократии ВКЛ накануне Люблинской унии.

Глинский Е.С. *Конструирование образа прошлого в произведениях Матвея Стрыйковского* [10.09.2009]

В статье рассматриваются идеи, с помощью которых хронист XVI в. Матвей Стрыйковский оформляет свою концепцию прошлого Великого княжества Литовского. В результате автор приходит к выводу, что Стрыйковский являлся противником перемен и сторонником возврата к «добродетелям прошлого», что проявляется в идее противопоставления «плохой современности» и «хорошего прошлого». Эта мысль могла быть позитивно воспринята частью магнатов Великого княжества Литовского, так как именно в это время происходила их борьба за политическое могущество со средней шляхтой, являвшейся сторонницей перемен. Еще одна центральная идея Стрыйковского – использование исторических примеров как стимула для современников – позволяет рассматривать его произведения как определенную политическую программу.

Левшун Л.В. *«Житие преподобной Евфросинии Полоцкой» как исторический источник: факты, образы, интерпретации* [25.09.2009]

Подробный анализ жития позволяет осветить многие спорные вопросы, связанные с изучением жизни и наследия Евфросинии Полоцкой: этапы жизненного пути преподобной, хронологию стро-

ительства основанных ею монастырей и храмов, взаимоотношения с другими представителями полоцкой княжеской династии. Значительное внимание уделяется при этом рассмотрению особенностей повествовательной манеры житийных памятников.

Груша А.И. *Неизвестный оригинал грамоты Василия Наримонтовича конца XIV в.* [30.09.2009]

В сообщении дается информации об оригинальном документе конца XIV века, недавно введенном в научный оборот. Грамота Василия Наримонтовича является одним из древнейших актов документов, хранящихся в собраниях Беларуси, позволяет реконструировать многие стороны жизни Великого княжества Литовского в эту эпоху, является важным свидетельством становления и развития письменной культуры.

Баранкова Г.С. *«Повесть о беспечном царе и его мудром советнике» Кирилла Туровского в русской рукописной традиции* [1.10.2009]

Публикация представляет собой текстологический анализ и первое научное издание одного из произведений известного писателя и проповедника, епископа Кирилла Туровского – «Повести о беспечном царе и его мудром советнике». Издание осуществляется по рукописи из собрания Государственного исторического музея, недавно введенной в научный оборот и представляющей раннюю редакцию памятника.

SUMMARY

Osipian A.L. *Comania description by Getum from Coricosa as a source on history of Eastern Europe steppes*

Description of Eastern Europe steppe region by Getum from Coricosa, who was a member of Cilicia Armenian ruling dynasty, is analysed at the article. Present source dates from 1307 and contains important information for Golden Horde and neighboring country's history studying. Translation of a fragment with Comania description (Northern part of Black Sea region) is given at the annex.

Martyniuk A.V. *Lithuanian coat of arms: look from 14th century Europe*

A little known monument on historical geography from 14th century – Spanish treatise “Book of the knowledge of all the kingdoms, lands and lordships that are in the world” – is considered at the article. Present treatise contains considerable mass of geographical, political, ethnic, confessional and heraldic information, which concerned Eastern Europe. Special attention is spared for picture of Lithuanian coat of arms. It was the first similar picture in the European heraldic tradition.

Dziarnovich A.I. *Ab ovo: what was the first – the grand duke of Lithuania or the Grand Duchy of Lithuania?*

Evolution of the Grand Duchy of Lithuania rulers' title from separate mentions of different Lithuanian rulers' title such as king and duke and so on in foreign sources to the legalization of the Grand Duchy of Lithuania official name is observed in the article. The final legalization of the Grand Duchy of Lithuania name took place at the beginning of the 15th century, at the period of the grand duke Vitaut ruling.

Temushev V.N. *The Grand Duchy of Lithuania frontier towns: Dmitrovec in the 15th century*

The article offers historical and geographical investigation, which devoted to Dmitrovec. It was the Grand Duchy of Lithuania frontier town and played important role in the system of Duchy's strategic defense. Repeatedly the town was an object of the struggle at the time of Moscow-Lithuanian wars, information about it was reflected in the written and mapping sources. The changing of borders at the beginning of the 16th century led to loss by Dmitrovec its strategic importance and to little by little decline of town.

Tischenko V.V. *The aspects of grand duke's administrative, economic and legal practice in the Grand Duchy of Lithuania (the end of the 15th – the first third of the 16th century)*

Practical activity of the grand dukes of Lithuania Alexander Kazimirovic and Sigismunt Kazimirovic in the administrative, economic and legal spheres and its conformity to state legal standards are considered in the article. The author comes to the conclusion that at the times of the named monarchs' ruling the power of grand dukes was very weak and it didn't correspond not only to declarative but to officially definite, limited condition.

Yermak V.Ju. *Landowning of Russian landlords in Polotsk region in 1563–1579 by under the cadastres*

Russian government tried to secure received territories by the dividing captured land into estates and gave it to service class after the seizure the city of Polotsk. We have cadastres which contain all information about that process. Russian officials made it in the 1563–1572 on the instructions of tsars' government. Information the books keep give us the chance to research land politic of Russia in this period. Here we found common tendencies and features. The author comes to the conclusion that Polotsk began the organic part of the Russia for 1563–1579.

Varonin V.A. *The Orthodox churches and monasteries of the town of Polotsk (from the 11th century till 1582)*

This article is an effort to draw a historical and statistical picture of the Polotsk Orthodox churches and monasteries beginning with first mentions about them in 11th century till 1582, when the king Stephen Bathory gave the Orthodox Church' lands in Polotsk to Jesuits. As a rule, we can not to make clear a time of foundation of these churches and monasteries, we can say about first mentions about them in historical documents only. A majority of these mentions is dated by 16th century and a state of sources gives an opportunity to draw a sufficiently complete statistical picture of churches and monasteries of town of Polotsk and its environs in this epoch. There were more than 30 churches and about 10 monasteries in Polotsk at the beginning of the Livonian war. In a later time as a result of hostilities and as a result of above-mentioned step of Rzeczpospolita's government these figures decreased considerably.

Yakubau V.U. *The interconfessional conflicts in Polotsk palatinate (1550–1618)*

The article is dedicated to the problem of interconfessional conflicts in Polotsk palatinate in 1550–1618. There are several acute interconfessional conflicts: between protestants and orthodox 1552–1563, between catholic's and orthodox (1598, 1599, 1609, 1611), greek-catholic's and orthodox in 1601, and 1609. The main methods of interconfessional straggle at this period were threatening, public debates, religion education, refusal of submission to the local powers, blocking of activity, protestation and judicial proceeding. Geopolitical locations of region, numerical advantage and political activity of orthodox and protestant population, was main reason of "uncertainty" Polotsk archbishops in implementation of Church union in Polotsk palatinate in 1550–1618 and concession for orthodox in the Polish-Lithuanian Commonwealth on 1609 and 1611.

Tymoshenko L.V. *Duke Vasilij-Konstantin Ostrozhs kij and brotherhood movement in the Kiev mitropoly (the last third of the 16th – the beginning of the 17th century)*

At the many-sided religious activity of duke Vasilij-Konstantin Ostrozhs kij, which investigated in historiography insufficiently, the role, which patron of the Orthodox Church played in the brotherhood movement development, is important. Connection between Vasilij-Konstantin Ostrozhs kij and church brotherhood in Lvov, Lublin and Vilno is observed in the article, such as little known facts of financing of brotherhood in Ternopol, which was the Ostrozhs kiji's ancestral estate, by duke. The author comes to the conclusion that in this way the Orthodox Church guarding, which was under menace of conclusion of the Brest Church Union in 1596.

Slizh N.U. *Canon law in regulation of family and marriage relations between protestants of the GDL (16th–17th centuries)*

Foreign and Belarusian historiography have analysed only several aspects about canon law in Protestantism. Scholars paid their attention mostly to general history of this religion. Protestantism appeared in the GDL from Europe in the first half of the 16th century. Martin Luther's and Joan Calvin's ideas were accepted here but with local specific. That illustrated the catechism by Symon Budny. Unification of ceremonies (wedding ceremony, too) in Polish-Lithuanian Commonwealth and, of

course in this Grand Duchy of Lithuania) were made in special book that was printed in 1637. Marriage was not a sacrament for Protestantism. It had such functions as procreation; rescue a person from loneliness, preservation from temptation. A husband and a wife should be together in all situations. A husband should exemplify for a wife. But if family life was impossible because of illness, conjugal infidelity and other reasons divorce was allowed. Synod examined all cases that were connected with marriage and family.

Liubaya A.A. *Antique at the system of historical and ideological notions of the Grand Duchy of Lithuania (the middle of the 15th – the first half of the 16th century)*

The article considers with the problem of genesis of legend about Lithuanian noblemen's origin. The author assumes that legend content reflects some real plots of the ancient history. In this connection she touches upon a question about legend's authorship, as well as the time of creation of the present ethnic myth, its primary variant. At the end author comes to the conclusions that legend's primary variant dates from 1470s, it's author was well educated at the ancient history. In particular some peculiarities of vita of the legendary Roman leader Polemon repeat known facts from biography of the Pont king Polemon I. Possibly Italian humanist and diplomat Kalimach, who was a tutor of the polish king Kasimir's child, could be an author of the present legend.

Bortnik I.A. *Social and political ideas at the anonymous work "Conversation between Pole and Litvin"*

Among others social and political problems at the "Conversation between Pole and Litvin" are insufficiently investigated at history of philosophy limits. Creation of this work was inspire by a complex of social, political and cultural process at the middle of the 16th century. Three main problems are stood out at the "Conversation between Pole and Litvin". They are the state and political structure, realization the union between the Polish Kingdom and the Grand Duchy of Lithuania, tolerance and relation between the state and religious institutes in society. On the whole considered work reflects social and political purpose of noblemen of the Grand Duchy of Lithuania before the Lublin Union.

Hlinski J.S. *The creation of image of the past in Maciej Strykowski's works*

The author considers the ideas, which chronicler Maciej Strykowski used for formation of the conception of the past of the Grand Duchy of Lithuania. As a result the author notes that Strykowski had been an opponent of changes and had been a supporter of return to “virtues of the past”, therefore the chronicler opposed “the bad modernity” and “the good past”. This thought could be interesting for a part of the great nobles of the GDL, because they had fought for the political power against szlachta, which to long for changes. Other main idea of Strykowski – using historical examples as a stimulus for contemporaries – allows marking his works as a political programme.

Levshun L.V. *“The vita of Saint Jefrosinia from Polotsk” as historical source: facts, images, interpretations.*

Detailed analysis of “Vita” permits to throw light on many questionable problems connected with investigation of life and heritage of Efrosinia from Polotsk: stages of the Saint, chronology of building of temples and cloisters, which was founded by her. Significant attention is spared for consideration of peculiarities of the similar monuments' narrative way.

Grusha A.I. *Unknown original of Vasilij Narimontovic's paper dated from the end of the 14th century.*

Information about original document from the end of the 16th century, which recently was put into scientific circulation, is given in the announcement. Vasilij Narimontovic's paper is one of the most ancient acts, which are kept at the Belarusian collections. It permits to reconstruction many sides of life of the Grand Duchy of Lithuania at this time. Present paper is an important evidence of written culture becoming and evolution.

Barankova G.S. *“Story about light-headed tsar and his wise counselor” by Kirill from Turov at Russian written tradition.*

The publication offers textological analysis and the first scientific edition of a work by famous writer and preacher Kirill from Turov – “Story about light-headed tsar and wise counselor”. The edition is carried out according to the manuscript from the State historical museum collection, which recently was put into scientific circulation. It is a early redaction of the present monument.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis: Исследования по истории Восточной Европы*» объявляет о подготовке к печати третьего выпуска сборника. К участию в сборнике приглашаются ученые Беларуси, России, Украины и других стран, чьи научные интересы лежат в сфере исследования истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (до конца XVI века).

К публикации принимаются статьи (до 2 п.л.), рецензии (до 0,5 п.л.) и иные материалы. Рабочие языки сборника – русский и белорусский. К статье необходимо приложить справку об авторе (ученая степень и звание, должность, место работы, контактная информация) и резюме до 10 строк на русском и английском языках. Заявки на участие в альманахе и тексты материалов принимаются до 1 сентября 2010 года по e-mail: albaruthenica@mail.ru или по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская 15, Республиканский институт высшей школы, кафедра историко-культурного наследия Беларуси, каб. 218.

Просим Вас обратить внимание на нижеследующие требования к оформлению материалов, которые продиктованы требованиями ВАК Беларуси.

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редакцию предоставляется электронный файл с текстом статьи (название файла – фамилия автора). Текст статьи следует набирать в редакторе Word (гарнитура – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5, поля со всех сторон – 20 мм).

2. Ссылки на использованную литературу и источники приводятся в порядке цитирования, порядковый номер и страница даются в квадратных скобках после цитаты/упоминания (например: [1, с. 44]). Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен в соответствии с требованиями ВАК Беларуси. Более подробно с инструкцией по оформлению списка литературы можно ознакомиться на сайте ВАК Беларуси www.vak.org.by.

3. При необходимости использовать в статье иллюстрации, таблицы, графики и т.д., автор должен обратиться в редакцию за дополнительными сведениями об их должном оформлении.

4. В случае передачи статьи автору на доработку, в редакцию необходимо вернуть первоначальный и окончательный варианты.

5. Представленные к печати материалы проходят независимое рецензирование. Редакция оставляет за собой право отбора статей по теме издания.

6. Статьи, оформленные с нарушением вышеприведенных правил, редакцией не принимаются.

С уважением, Редакция

Научное издание

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Выпуск 2

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. В. Мартынюк*
Компьютерная верстка *О. П. Дуль*

На обложке: Хан Золотой Орды. Фрагмент Каталонского атласа 1375 г.
Национальная библиотека Франции, Париж

Подписано в печать 29.12.2009. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Peterburg. Ризография.
Усл. печ. л. 19,1. Уч.-изд. л. 19,2. Тираж 100 экз. Заказ 123.

Адрес редакции: ул. Московская, 15, 220007, г. Минск
Республиканский институт высшей школы,
кафедра историко-культурного наследия Беларуси
Тел.: +375(17)219-06-68. E-mail: albaruthenica@mail.ru

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»
ЛИ № 02330/0548535 от 16.06. 2009.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск